

А.Н.Савченко

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Было допущено Министерством высшего
и среднего образования СССР в качестве
учебного пособия для студентов филоло-
гических факультетов университетов

Издание второе, стереотипное

УРСС

Москва • 2003

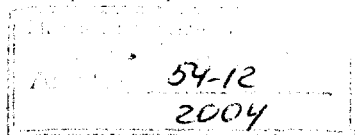
Савченко Алексей Нилович

Сравнительная грамматика индоевропейских языков: Учеб. пособие.
Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 416 с.
(Лингвистическое наследие XX века.)

ISBN 5-354-00503-5

В книге обобщены сведения по сравнительной грамматике индоевропейских языков, содержащиеся не только в традиционных курсах, но и в многочисленных новейших исследованиях.

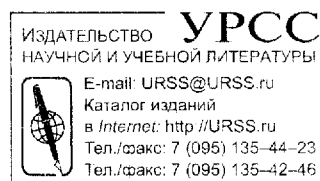
Во введении дается характеристика сравнительно-исторического метода и рассматриваются некоторые общие вопросы индоевропейской сравнительной грамматики. В основных главах — «Фонетика», «Морфология», «Имя», «Местоимение», «Глагол», «Структура предложения» — излагаются ближайшая реконструкция праиндоевропейского языка, существующие наметки дальнейшей реконструкции и особенности отражения праиндоевропейской фонетической системы и грамматического строя в языках, материал которых положен в основу пособия. В последней главе дается обзор и критический разбор существующих мнений о развитии праиндоевропейского языка и его диалектном членении.

Специальный научный редактор
доктор филологических наук *О. С. Широков*

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 15.09.2003 г.
Формат 60×90/16. Тираж 500 экз. Печ. л. 26. Зак. № 2-1065/284.

Отпечатано в типографии ООО «Рохос». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

ISBN 5-354-00503-5

© А. Н. Савченко, 1974, 2003
© Едиториал УРСС, 2003

Светлой памяти
замечательных ученых
Виктора Максимовича Жирмунского
и *Носифа Моисеевича Тронского*
посвящается эта книга

ПРЕДИСЛОВИЕ

Назначение данной книги — служить учебным пособием для изучающих сравнительную грамматику индоевропейских языков. Этим определяется ограничение материала в книге и способ его изложения. Автор стремился сделать сравнительную грамматику доступной для лиц, начинающих изучать ее, поэтому он ограничил свое пособие материалом тех языков, которые наиболее нужны для реконструкций: хеттского, санскрита, греческого, латинского, готского, старославянского и литовского, и лишь в отдельных случаях, когда это совершенно необходимо для реконструкций, привлекает материал других индоевропейских языков. По этой же причине в книге не дается обзор литературы по всем рассматриваемым вопросам, а упоминаются только основополагающие работы, а также работы, представляющие основные точки зрения по спорным вопросам.

Книга эта писалась в шестидесятых годах, когда не было еще обобщающего курса сравнительной грамматики индоевропейских языков, соответствующего современному уровню этой науки, и автору приходилось брать на себя и задачу обобщения многочисленных исследований, вышедших после обобщающих трудов А. Мейе и Г. Хирта. Обобщение всегда делается на основе определенной концепции, поэтому автору не удалось избежать отражения в книге своих личных взглядов, хотя он и сознает, что это мало подходит для учебного пособия.

Книга была закончена автором и отредактирована в 1970 году, поэтому исследования по индоевропейскому языкознанию, появившиеся позже, уже не могли быть учтены в ней. Не получила в ней отражения и книга К. Уоткинса об индоевропейском глаголе, вышедшая в серии изданий «Indogermanische Grammatik» под общей редакцией Е. Куриловича, так как в библиотеках СССР эта книга тогда еще не появилась.

Автор выражает глубокую благодарность за ценные советы, давшие возможность улучшить книгу, С. Д. Кацнельсону, Ю. В. Откупщикову, В. В. Мартынову и О. С. Широкову.

С благодарностью автор вспоминает также существенную помощь, какую оказали ему покойные В. М. Жирмунский и И. М. Тронский.

ВВЕДЕНИЕ

Сравнительно-историческая или, короче, сравнительная грамматика индоевропейских языков является самым необходимым средством раскрытия древнейшей истории языков индоевропейской семьи. Она исследует начальный период развития их, т.е. период выделения древнейших индоевропейских языков из языка-основы. Почти все они впоследствии, в свою очередь, разделились и стали языками-основами по отношению к группам языков, образовавшимся из них. Так, из одного славянского языка образовалась целая группа языков. Еще раньше это произошло с германским языком, итальянским, кельтским, индийским, иранским и другими. Дальнейшее развитие этих языков изучают сравнительные грамматики соответствующих языковых групп; напр., развитие общеславянского языка и начальные периоды истории отдельных славянских языков раскрываются сравнительной грамматикой славянских языков. Но для изучения начальных этапов развития языков, вышедших непосредственно из праиндоевропейского, нужно прежде всего восстановить, насколько возможно, фонетическую систему и грамматический строй праиндоевропейского языка, что и является первоочередной задачей сравнительной грамматики индоевропейских языков. Это дает возможность выявить древнейшие изменения, происходившие в индоевропейских языках, и служит основой для сравнительных грамматик отдельных языковых групп.

1. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Сравнительная грамматика разрабатывается языковедами не произвольно, а по определенным правилам, обоснованным теоретически и проверенным в практике исследо-

ваний на протяжении столетия развития индоевропейского сравнительного языкознания. Эти правила в совокупности составляют сравнительно-исторический метод.

Сравнительно-исторический метод основан на том, что в развитии языка новые элементы всегда образуются из каких-то других, уже существующих в языке. Таким образом, состав и структура языка в каждый период его развития имеют свои корни в предшествующих периодах. В далеком прошлом, когда вследствие низкого уровня развития производительных сил люди не могли сосредоточиваться в большом количестве на одной территории, а незаселенных или малонаселенных территорий было достаточно, рост численности народа или племени сопровождался его дроблением и расселением на больших пространствах. Из-за невозможности поддерживать постоянное общение отдельные племена, роды или другие части народа обособлялись друг от друга, у них вырабатывались особые диалекты, а при наличии благоприятных условий — отдельные языки. Таким образом, в эпоху первобытнообщинного строя и на ранних этапах развития рабовладения и феодальных отношений пространственным был процесс разделения языков и диалектов. Происходившее также нередко скрещивание языков не противодействовало этому процессу разделения, а скорее благоприятствовало ему. Если какая-то часть народа уходила на другую территорию и там покоряла местное население, в результате чего язык ее скрещивался с языком аборигенов, это приводило к тому, что язык этой части народа сильнее изменялся под влиянием субстрата и отделялся от языка остальных частей данного народа, оставшихся на прежней территории. Словом, нередко происходило так, что из одного языка возникала целая группа языков. Образовавшиеся таким образом языки имеют общую исходную основу в том языке, из которого они вышли, и поэтому элементы каждого из них находятся в закономерных соответствиях с элементами остальных. Изучение этих соответствий с надлежащим анализом их может привести в той или иной степени к выяснению характера соответствующих элементов языка-основы.

Исходя из этого, сравнительно-исторический метод применяется к изучению только родственных языков, т.е. языков, имеющих общее происхождение. Как говорит само название, он состоит в сравнении этих языков. Однако далеко не всякое сравнение является применением этого метода, а только научно обоснованное. Сравнения применяются в лингвистических сочинениях давно, но до выработки сравнительно-исторического метода они делались на основании одного только созвучия элементов, без каких-либо научных правил и давали широкие возможности для каких угодно произвольных выводов. Напр., в XVIII веке известный русский поэт В. К. Тредьяковский, желая доказать, что названия всех европейских народов происходят от русских слов, связывал названия **скиты** (т.е. **скифы**) с русским глаголом **скитаться**, название **Италия** сравнивал с русским **даль** и выводил к форме **Удалия**, **этруски** — к **хитрушки** и т.д. Такие сравнения могут служить только для забавы, но к науке не имеют никакого отношения. Сравнительно-исторический метод потому и сыграл большую роль в развитии языкознания, что он не допускает произвольности и дает выводы, имеющие объективное научное значение. Однако и не всякие сравнения, имеющие научное значение, относятся к этому методу. Сравнения могут быть также сопоставительного характера и могут быть типологического назначения. Языки могут сравниваться независимо от их родства, для выявления общих и различных черт их структур. Чтобы отличать такое изучение от сравнительно-исторического, его называют сопоставительным. Оно не предполагает реконструкций более древних форм, не касается вопросов истории данных языков, а сравнивает языки для лучшего выявления особенностей их структур, нередко с практической целью (напр. для изучения неродного языка в сравнении с родным). Типологическое сравнение также не связано с родством языков. Оно ставит своей целью установить структурные явления, свойственные всем языкам или некоторым из них. Если исследуются черты, характерные не для всех языков, то устанавливаются отдельные типы языков,

обладающие тем или иным комплексом общих черт (напр. в морфологическом строении слова — неразложимость слова, агглютинация, флективность и т.п., определенные черты структуры предложения, напр. эргативная структура, номинативная, дативная или аффективная и др.). В сферу типологических исследований входит также изучение общих типов языковых изменений (напр. общий характер явлений ассимиляции и диссимиляции звуков в разных языках, некоторые общие пути изменения лексических значений слов и др.).

Сравнительно-историческим методом изучаются не столько черты структурной общности в языках, сколько, в первую очередь, конкретные элементы их — слова, морфемы в их звучаниях и значениях, а также фонемы в их противопоставлениях, и лишь через них сравнительная грамматика приходит к раскрытию исходной структуры и ее эволюции. Сравняются только те элементы, которые имеют общее происхождение. Свидетельством же его не может быть созвучие, потому что последнее бывает и чисто случайным. Напр.: русское слово **начальник** и польское *naczelnik* различаются только одним гласным, но по происхождению не связаны, потому что **начальник** происходит от слова **начало**, а *naczelnik* — от сочетания *na czele* («во главе»). Русское слово **койка** вполне созвучно корню славянского слова **по-кой**, но происходит не от него, а от голландского слова *kooi*, которое обозначает корзину и подвесную кровать на корабле. Русское **обитать** и французское *habiter* «жить, проживать» сходны по звучанию и значениям, но **обитать** образовалось из **об-витати**, а французское слово — от латинского *habitare* «жить, проживать», которое, в свою очередь, образовано от *habere* «иметь». Латинское *habere* вполне созвучно с немецким *haben* и имеет то же значение, но не связано с ним по происхождению; нем. *haben* по звукам соответствует латинскому *capere* «брать» и происходит от того же индоевропейского корня, что и последнее, а латинское *habere* имеет связь с литовским *góbti* «покрывать, окутывать», *gobētis*

«желать, жаждать», санскритским *gabhastih* «рука» и, возможно, с нем. *geben*, гот. *giban* «давать».

Признаком общего происхождения тех или иных элементов в разных языках (при определенной общности значения) может служить лишь наличие между ними закономерных фонетических соответствий, и только такие элементы можно сравнивать по правилам сравнительно-исторического метода. Фонетические соответствия приводят нередко к созвучию элементов, но бывают и без него. Напр.: славянское слово **дымъ** и латинское *fūmus* «дым» имеют только одну общую фонему *m*, начальные согласные в них совершенно различны, но тем не менее их можно сравнивать, потому что фонемы их соответствуют друг другу. В других языках с этими словами можно сравнивать литовское *dūmai* «дым», санскритское *dhūmāh* «дым» и греческое *θυμός* «дух». То, что соответствие между фонемами этих слов является закономерным, вытекает из наличия таких же соотношений между фонемами во многих других словах или морфемах. Так, славянское и литовское *d* соответствует латинскому *f*, санскритскому *dh* и греческому *θ* также в корнях глаголов слав. **дѣти** «класть, помещать» (русск. **деть, надеть, раздеть**), лит. *dėti* «класть, помещать», лат. *fē-c-i* «сделал» (перфект), скр. *da-dhā-mi* «кладу, делаю» (с удвоением корня), греч. *τί-θη-μι* «кладу» (также с удвоением корня) и в ряде других корней, а также в некоторых суффиксах и окончаниях. Соответствие славянского **ы** долготу *и* других индоевропейских языков и греческому долготу *υ* также повторяется последовательно во многих словах и морфемах. В лат. *fūmus*, греческом *θυμός* *-s* является окончанием номинатива ед. ч. В литовском это существительное употребляется только во множественном числе и поэтому вместо *-s* имеет окончание *-i* (в славянских языках окончание *-s* отпало по закону открытого слога; в санскрите *s* на конце слова всегда переходит в глухой гортанный спирант *h*). Фонетические соответствия отражают те звуковые изменения, которые произошли в разных ветвях данной языковой семьи.

Нередко фонетическое соответствие бывает связано с определенными позициями фонемы. Это связано с теми изменениями, которые происходили в отдельных языках, обычно в сравнительно позднее время. Так, в наших примерах славянскому, балтийскому *d*, санскритскому *dh* и греческому *θ* соответствует латинское *f*, но это бывает только в начале слова. В середине слова упомянутым фонемам индоевропейских языков в латинском соответствует *d*, напр.: скр. *madhyāḥ* 'средний', гот. *midjis* 'средний', ст.-слав. *межда*, лат. *medius* 'средний'. Есть и такое соответствие: скр. *rudhirah* 'красный', греч. *ῥυδρῶς* 'красный', ст.-слав. *ръдѣти*, *ръдръ*, лит. *rūdas* 'рыжий' и лат. *ruber* 'красный' (здесь в латинском вместо ожидаемого *d* оказывается *b*). Это бывает после *u* и в непосредственном соседстве с *r* и *l*. Позиционные звуковые изменения привели к различным чередованиям фонем, которые нужно учитывать при выяснении звуковых соответствий. Так, скр. *madhyah*, лат. *medius* и т.д. соответствует ст.-слав. *межда*, русск. *межа*, где вместо ожидаемого *d* фактически есть ст.-слав. *жд*, русск. *ж*. Но соответствие все же установлено правильно, потому что ст.-слав. *жд* и русское *ж* чередуются с *д* и, как установлено исследованиями, образовались из сочетания *dj*. Скр. *rudhirah* и гр. *ῥυδρῶς* в славянских языках соответствует не только ст.-сл. *ръдръ*, но и русск. *рыжий* и *руда*, укр. *рудий* 'рыжий'. В слове *рыжий* ж является результатом изменения *d* в сочетании с *j* и чередуется с *д*, если сравнить *рыжий* и *рдеть*, а *ы* соответствует долготу *u* в других индоевропейских языках и чередуется с *ъ*, как в других языках *ī* чередуется с *ī̄*. В слове *роуда* — гласный *оу*, но он соответствует дифтонгу *ou* других индоевропейских языков и в древних славянских языках чередовался с *ъ* и *ы* (*соухъ* — *съхнѣти* — *за-сыхати*, *доухъ* — *дѣхнѣти* — *дышати*), как в других *ou* чередуется с *ī* и *ī̄*. В данном корне дифтонг представлен в готском *raufs* 'красный'.

Конечно, сравниваемые языковые элементы должны быть связаны между собой не только по звукам, но и по смыслу. Если значения их не тождественны, то связь между ними дол-

жна быть доказана этимологическим исследованием или по каким-нибудь другим данным. Так, в приведенных выше примерах расходятся значения соответствующих друг другу по звукам корней греч. *θη-* 'класть', и лат. *fē-* 'делать', но эти значения в праиндоевропейском языке были связаны между собой, как видно из того, что в санскрите глагольный корень *dhā-* совмещает в себе эти значения, а в древних славянских языках наряду с *дѣти* 'класть' есть *дѣяти* 'делать', образованное от того же корня; очевидно, что в праиндоевропейском этот корень имел оба значения. Слав. *дымъ*, лит. *dūmai*, лат. *fūmus*, скр. *dhūmah* обозначают 'дым' а греч. *θυμός* — 'дух', но в славянских языках корень *доух-* | *дых-* | *дѣх-* обозначает, с одной стороны, дыхание, с другой стороны — воздух и вообще газ, с третьей стороны — воплощаемое бестелесное существо, душу, духовную силу. Такое сочетание значений встречается и в некоторых других языках. Это дает основание думать, что и греческое *θυμός* первоначально обозначало «дух» не только как душу, духовную силу, но и как воздух, газ, а в связи с этим оно могло обозначать и дым, который воспринимался как газ.

Когда установлено, что языковые элементы, взятые из родственных языков, можно сравнивать, т.е. что они имеют общее происхождение, задачей сравнительно-исторического исследования является установление архетипа, т.е. того исходного элемента, из которого данные элементы развились. Архетипы восстанавливаются путем анализа соответствий, с учетом других соответствий, существующих между данными языками. При сравнении слав. *дымъ*, лит. *dūmai*, скр. *dhūmah*, греч. *θυμός* и лат. *fūmus*, а также слав. *дѣти*, лит. *dēti*, скр. *da-dhāmi* и т.д. в отношении начальной фонемы прежде всего можно сказать, что она была не *d* (т.е. не переднеязычная смычная звонкая), хотя *d* в этом соответствии представлено не только в славянских и балтийских языках, но и в германских (скр. *madhyah*, слав. *межда* — гот. *midjis*). Это подтверждается другим соответствием, которое показывает, что исходное *d* во всех индоевропейских языках сохранилось как *d* (за исключением германских и

армянского, где оно перешло в *t*): слав. *домъ*, лат. *domus*, греч. *δῶμος*, скр. *damah*; слав. *дѣва*, лит. *dū*, лат. *duo*, греч. *δύο*, скр. *dvi-*, гот. *twai*. Оказывается, что германское *d* в соответствии санскритскому *dh*, греческому *θ*, латинскому *f* (*d*, *b*) и т.д. вовсе не свидетельствует о том, что исходной фонемой для данного соответствия была *d*, потому что исходному *d* в германских языках соответствует *t* (нем. *z*). Можно только думать, что исходная фонема была переднеязычной и, вероятно, звонкой. Скр. *dh*, греч. *θ* и лат. *f* (в начале слова) дают основание заключить, что эта фонема была придыхательной. Так делается вывод, что в восстанавливаемых нами архетипах первая фонема была переднеязычной звонкой придыхательной; обозначается она знаком *dh*. В словах, обозначающих «дым», вторая фонема — долгое *u*, за исключением славянского, где *ы*, и греческого, где *ο* долгое. Греческое *ο* долгое могло образоваться только из *ū*; славянское *ы* также могло возникнуть из *ū*. Очевидно, исходной была фонема *ū*. Третья фонема во всех языках — *m*; такова же была и исходная. Подобные сопоставления и рассуждения приводят к выводу, что четвертая фонема (тематическая гласная) восходит к *o*, а окончание номинатива ед. ч. было *-s*. Таким образом, архетип этого слова восстанавливается в виде **dhūmos*. Перед ним ставится звездочка, чтобы видно было, что это не реально засвидетельствованная форма, а теоретически восстановленная. Архетип корня глаголов слав. *дѣти*, лит. *dėti*, скр. *dadhāmi*, греч. *τίθημι*, лат. *fēcī* восстанавливается в виде **dhē-*. Из того, что архетипы являются исходными формами для сравниваемых языков, следует, что они существовали в языке-основе.

Дальше путем сравнения архетипов с соответствующими им реальными формами письменно зафиксированных родственных языков устанавливаются изменения, происшедшие в этих языках. Так, сравнивая архетип **dhūmos* со славянским *дымъ*, видим, что в славянских языках *dh* лишилось своей придыхательности и перешло в *d*, *ū* изменилось в *ы*, *o* в *ь* (более детальные сравнения показывают, что это было только в конечном закрытом слоге), а *s* на конце

слова отпало. Так, путем сравнений шаг за шагом раскрывается история языков одной семьи. Без реконструкции архетипов это невозможно.

Поскольку восстановление архетипов производится только на основании соответствий между родственными языками, оно не может быть полным и точным. Архетипы восстанавливаются лишь приблизительно и нередко предположительно. Сравнительная грамматика не может восстановить звуки и формы языка-основы так, чтобы можно было воспроизводить их в точности, как они произносились, и чтобы можно было воспроизвести текст на этом языке. Она и не ставит перед собой такой цели. Но она не только регистрирует и систематизирует соответствия между родственными языками, как полагал А. Мейе¹. Она не восстанавливает звуки в их физическом своеобразии, но выясняет противопоставления фонем. Она не воссоздает и грамматические формы языка-основы во всем своеобразии их звучания и употребления в контекстах, но устанавливает их фонемный состав и смысловые противопоставления в грамматической системе языка. Это недостаточно для того, чтобы воспроизвести язык-основу во всем его своеобразии, но достаточно для изучения истории языков, образовавшихся непосредственно из него.

Как видно из приведенных примеров, сравнительно-историческим методом сравниваются языковые единицы различных уровней: слова, отдельные морфемы и даже отдельные фонемы. Но сравнивать целые слова удастся в сравнительно редких случаях, потому что редко бывает так, что то или иное слово сохранилось в ряде родственных языков во всем своем составе. Слово **dhūmos* отражено полностью (с соответствующими фонетическими изменениями) в ряде языков, но в литовском оно сохранилось без окончания ед. ч. *-s*, потому что здесь оно употребляется только во множественном числе. А от глагола, обозначающего «класть» и «делать», мы восстанавливаем только корень **dhē-*, потому что конкретные грамматические формы его в разных языках различны (за исключением санскрита и греческого, в которых формы настоящего времени этого глагола соответствуют одни

другим полностью: срв. скр. *da-dhā-mi* — греч. *τί-θη-μι*). Это типичный случай: обычно реконструируются морфемы. С другой стороны, фонемы могут сравниваться и реконструироваться не сами по себе, а только в составе морфем (или слов), потому что только в последних могут быть признаки общего происхождения. Поэтому сравнительно-исторический метод имеет дело, в основном, с морфемами и лишь через них восстанавливает и изучает, с одной стороны, слова и грамматические формы их, с другой стороны — фонемы. Труднее всего применять этот метод к восстановлению синтаксических конструкций языка-основы и исследованию исторического синтаксиса вышедших из него языков. Не случайно до сих пор в области сравнительного синтаксиса индоевропейских языков достигнуто очень мало.

Однако для раскрытия истории родственных языков нужно восстановить не только отдельные морфемы, но и — в пределах возможного — грамматический строй языка-основы, его фонетическую систему и некоторую часть словаря. Это весьма сложная задача, особенно в отношении грамматического строя. Нужно через морфемы восстановить не только грамматические формы, но и противопоставления форм, взаимосвязи между ними, словом, всю систему их. В XIX веке и в начале XX, когда были разработаны приемы сравнительно-исторической реконструкции и создан самый полный курс индоевропейской сравнительной грамматики — «Grundriss der vergleichenden Grammatik» К. Бругмана и Б. Дельбрюка, к этой задаче подходили довольно просто: все восстановленные грамматические формы включали на равных основаниях в грамматическую систему индоевропейского языка, с теми значениями, какие они имеют в исторически известных языках, особенно в санскрите и греческом. Получалась, конечно, очень сложная, разветвленная грамматическая система с большим количеством форм. Но по мере того, как в языкознании усиливалось внимание к системности языка, к взаимосвязи элементов в системе его, возрастали и требования к реконструкции системы языка-основы. Все больше укреплялось и распространялось мнение,

что не все архетипы входят в одну систему, что некоторые относятся к разным системам, разделенным во времени (разным этапам развития языка-основы), или в пространстве (разным диалектам), а некоторые восстановлены на основании форм, параллельно развившихся в отдельных языках после их разделения.

Большую роль в укреплении этого мнения сыграло открытие ранее неизвестных древних индоевропейских языков — хетто-лувийской группы и тохарских. На материале этих языков, особенно хеттского, подтвердились, с одной стороны, некоторые возникшие раньше предположения относительно системных отношений на более ранней стадии развития праиндоевропейского (напр., теория ларингалных согласных, теория первоначальных двух родов имен) и, с другой стороны, обнаружилась неправомерность отнесения к общиндоевропейскому некоторых форм, восстанавливаемых на основании ограниченного круга индоевропейских языков (локатив множ. ч. на **-su*, формы медиа с «первичными» окончаниями, реконструируемыми по санскритским и греческим, будущее время и др.).

Так возникли перед индоевропейской сравнительной грамматикой большие и сложные задачи: установить основные черты фонетической системы и грамматического строя праиндоевропейского языка на разных этапах его развития и основные черты его диалектов. Эти две задачи связаны между собой, потому что диалектное членение праиндоевропейского языка изменялось в процессе его развития; при этом обособление тех или иных групп диалектов или отдельных диалектов и превращение их в отдельные языки происходило неодновременно, так что в одних обнаруживаются более архаичные индоевропейские черты, в других, наоборот, — диалектные новообразования.

Важнейшей задачей сравнительно-исторических исследований стало установление относительной хронологии реконструируемых языковых явлений. Задача эта трудная, но разрешимая. Сравнительно-историческим методом невозможно установить абсолютную хронологию языковых про-

цессов, но нередко удается определить относительную хронологию их путем сравнительного анализа разных конструкций. Напр., путем такого сравнительного анализа установлено со всей достоверностью, что первая палатализация заднеязычных согласных в славянских языках (т.е. переход их в шипящие) произошла раньше (до действия закона открытого слога), а вторая (т.е. переход в свистящие) — позже (во время действия этого закона).

В индоевропейском сравнительном языкознании важным средством установления относительной хронологии является сравнение диалектов, обособившихся в разные периоды и отражающих то или иное явление на разных этапах его развития. Возьмем для примера именные падежные формы множественного числа в их отношении к формам единственного. Древнейшее индоевропейское окончание номинатива множ. ч. восстанавливается в виде **-es*. Окончание номинатива ед. ч. **-s* также может восходить к **-es*, поскольку на определенном этапе развития праиндоевропейского *e* в безударном положении выпадало. Как увидим ниже, некоторые факты показывают, что в этом окончании действительно выпало *e*. Таким образом, форма номинатива первоначально не различалась по числам. Но генитив имел разные окончания: в единственном числе **-es/os*, во множественном — **-om*. Однако в хеттском языке оба эти окончания обозначают генитив без различия в числе. Первое из них в виде *-as* стало нормой, второе — в виде *-an* — употребляется в отдельных случаях в древнейших памятниках (также в значении как единственного, так и множественного числа). Это явление не может быть новообразованием, оно имеет архаический характер. Окончание датива множ. ч. в санскрите — *-bhyah*; оно имеет явную связь с окончанием инструментала множ. ч. *-bhih*. В греческом ему соответствует *-φι*, сохранившееся только в гомеровских поэмах и имеющее значения датива, инструментала и локатива как множественного числа, так и единственного. Архетип восстанавливается в виде **-bhi*. Это окончание диалектное. В славянских, балтийских и германских языках ему соответствует **-mi* (инстр. ед. ч. лит.

-mi, слав. *-мь*), **-mis* (инстр. множ. ч. лит. *-mis*, слав. *-ми*), **-mus* (дат. множ. ч. лит. *-mus*, слав. *-мъ*). Неопределенность значения свидетельствует о том, что это была форма наречного типа, употреблявшаяся в разных падежных значениях и закрепившаяся в функции тех падежей, которые не имели во множественном числе особого окончания. Это закрепление могло произойти в сравнительно поздний период. В хеттском языке нет форм на **-bhi* или **-mi*. Здесь функции датива и локатива множ. ч. выполняет форма генитива. Анализ значений генитива приводит к выводу, что это — архаичное явление. Таким образом, сравнение именных форм множественного числа в разных диалектах показывает, что дифференциация падежных форм множественного числа происходила в праиндоевропейском позже, чем в формах единственного числа.

Из области глагола примером могут служить личные окончания меди (среднего залога). В санскрите и греческом меди, как и актив, имеет два ряда окончаний: т.н. первичные и вторичные. «Первичные» (главное значение которых — настоящее время) возводится к архетипам **-ai*, **-sai*, **-tai* и т.д., «вторичные» — **-so* (2 л. ед. ч.), **-to* (3 л. ед. ч.) и т.д. В других индоевропейских языках формы, восходящие к меди, имеют один ряд окончаний (обычно «вторичные»). В хеттском — также один ряд, причем древнейшие из них не соответствуют ни «первичным», ни «вторичным»; это окончания *-ha*, *-ta*, *-a* и т.д. Однако и эти окончания восходят к праиндоевропейским, как видно из того, что отдельные отражения их есть и в других языках. Так, хеттскому *-ta* (2 л. ед. ч.) соответствует санскритское (но не общиндоевропейское) «вторичное» *-thāh* и греческое окончание пассивного аориста *-θης*, хеттскому *-a* — ведийское *-a* (сохранившееся лишь в отдельных глаголах, напр., *a-duha* 'он доил'). Сравнение этих фактов приводит к выводу, что древнейшей является система окончаний меди хеттского типа, поскольку она не может быть объяснена как хеттское (или хетто-лувийское) новообразование и поскольку уцелевшие обломки этой системы есть и в других индоевропейских языках.

Разделение окончаний медиа на «первичные» и «вторичные» было диалектным и сравнительно поздним явлением в праиндоевропейском; «первичные» окончания **-ai*, **-sai*, **-tai* и т.д. легко объясняются как новообразование и должны быть признаны более поздними.

Относительная хронология праиндоевропейских явлений и развитие языка-основы устанавливаются также путем сравнения различных общиндоевропейских реконструированных форм, подобно тому как во всяком языке сравнение разных его форм может служить одним из средств раскрытия его истории. Некоторые языковеды считают, что сравнительно-исторический метод состоит только в сравнении элементов разных родственных языков, и исключают из него сравнение элементов одного языка. На такой позиции стоял, напр., А. Мейе. Вопрос о развитии праиндоевропейского языка он считал неразрешимым и даже постановку его неправомерной, потому что нет языков, с которыми можно было бы его сравнивать¹. Однако сравнение элементов внутри одного языка также играет немаловажную роль в историческом языкознании. Напр., образование носовых гласных в праславянском языке из сочетаний гласного с носовым согласным устанавливается не только путем сравнения славянских форм с формами других индоевропейских языков (слав. *рѣка* — лит. *rankà* и т.п.), но и на основании сравнения таких славянских форм, как *има* — *имене*, *звѣкъ* — *звонъ*, *взати* — *взимати*, *дѣти* — *дѣмъ*. Такие сравнения являются неотъемлемым составным элементом сравнительно-исторического метода. Их называют методом внутренней реконструкции. В раскрытии истории языка-основы внутренняя реконструкция играет главную роль и дает значительные результаты.

Путем внутренней реконструкции, напр., установлено, что в праиндоевропейском языке существовали некогда ларингальные (или заднеязычные) согласные, которые впоследствии исчезли, причем находившиеся перед ними гласные или слогообразующие сонорные согласные удлинялись, а если ларингальная оказывалась между двумя согласными,

то она переходила в редуцированную гласную (*ə*), которая дала в индо-иранских языках *i*, а в остальных — *a*. Это положение выдвинуто на основании сравнения различных реконструированных форм некоторых корней, напр., **plē-* (лат. *plēnus* 'полный', греч. *πλήνι* 'наполняю'), **pl-* (скр. *pūrṇaḥ* 'полный', слав. *плѣнь*), **pelā-* (скр. *parīman* 'полнота, обилие'). Возникновение таких форм одного и того же корня оказалось возможным объяснить лишь при допущении, что в конце корня была особая фонема, исчезновение которой привело к упомянутым выше изменениям (подробнее об этом — в главе II, 8). Наиболее вероятным казалось, что эта фонема была ларингальной согласной. Впоследствии это положение подтвердилось фактами хеттского языка, в котором эта фонема в некоторых положениях сохранилась.

Посредством сравнения грамматических свойств разных родов имен и указательного местоимения установлено, что в праиндоевропейском языке сначала было два рода, причем один из них (мужской-женский) обозначал предметы действующие, активные, а другой (средний) — бездеятельные, инертные. Об этом свидетельствуют следующие факты. Имена мужского и женского рода в праиндоевропейском не имели формальных различий, а средний род отличался тем, что в нем номинатив во всех числах совпадает по внешнему выражению с аккузативом. Эта особенность указывает на то, что мужской-женский род, с одной стороны, и средний, с другой, выражали какие-то различные категории предметов. В указательном местоимении с наиболее общим значением эти категории выражаются различными корнями. При этом в мужском и женском роде номинатив обозначается корнем **so-*, а косвенные падежи имеют корень **to-*; в среднем же роде и косвенные падежи, и номинатив имеют корень **to-*. Видимо, корень **so-* служил указанием на субъект действия, т.е. предмет действующий, активный, а **to-* указывал на объект или вообще предмет инертный. Сравнение этих фактов дало возможность установить первоначальные значения родов в праиндоевропейском. Вначале это была гипотеза, но потом она подтверди-

лась хеттским языком, в котором сохранилась система двух грамматических родов.

При установлении относительной хронологии нужно учитывать и общие тенденции развития, проявляющиеся в индоевропейских языках. Так, в греческом, в котором лучше всего сохранились индоевропейские значения перфекта, последний имеет обычно значение состояния, достигнутого в результате завершившегося действия, но есть ряд глаголов, обозначающих состояния, которые в перфекте имеют значение настоящего времени, а презента либо вовсе не имеют, либо имеют презент явно вторичного характера, производный от перфекта. Выяснить относительную хронологию этих значений помогает то обстоятельство, что в различных индоевропейских языках перфект имел тенденцию утрачивать элемент состояния в своем значении и сохранять только значение заверченного действия. Это дает основание полагать, что значение состояния является древнейшим значением перфекта, дальше в нем развивается значение состояния как результата действия и потом — заверченного действия.

Следует учитывать и общие тенденции развития, проявляющиеся в разных неродственных языках, т.е. общие явления типологического порядка. Они в некоторых случаях помогают в деле внутренней реконструкции. Так, в различных языках обнаружено, что при выпадении в слове звука, гласного или согласного, удлиняется предшествующий гласный. Это явление дало возможность объяснить наличие долгих гласных в некоторых формах индоевропейских корней как результат выпадения после них ларингальных согласных и разработать теорию ларингальных. Обнаруженная в ряде неродственных языков связь между окончаниями глагола первого и второго лица и соответствующими местоимениями позволяет заключить, что и в индоевропейском языке окончание первого лица ед. ч. **-m* происходит от основы местоимения того же лица **me-* и окончания первого лица множ. ч. **-mes/mos* и **-ues/uos* (последнее отражено

в хеттском языке) — от соответствующего личного местоимения **mes* и **ues*.

Конечно, даже в совокупности эти средства далеко не всегда приводят к желаемому результату, и внутренняя реконструкция языка-основы в значительной степени имеет гипотетический характер. Да и вообще в сравнительной грамматике, поскольку она, восстанавливая архетипы, далеко не всегда располагает для этого полными и ясными данными, большую роль играют гипотезы. Но по мере развития этой науки одни гипотезы отпадают, не находя себе подтверждения, а другие, наоборот, все больше подтверждаются и становятся бесспорными истинами. Показательно, что с открытием хеттского языка и введением его материала в сравнительную грамматику подтвердились некоторые ранее выдвигавшиеся гипотезы, как, напр., теория ларингальных, предположение о первоначальной системе двух грамматических родов имени, о позднейшем происхождении падежных форм на **-bhi* и на **-mi*. Путь раскрытия истории языков сравнительно-историческим методом долг и труден, но зато он проникает далеко вглубь прошлого; при этом он является единственным средством проникновения в дописьменные эпохи истории языков.

Архетипы, восстанавливаемые сравнительной грамматикой, отражают, в основном, период существования языка-основы, предшествующий выделению из него последних диалектных групп. Система языка-основы этого периода восстанавливается с достаточно большой достоверностью, реконструкция ее является исходным этапом построения истории отдельных ветвей или отдельных языков данной семьи и составляет основу сравнительной грамматики. Предшествующие периоды развития языка-основы раскрываются в большей степени гипотетически и не имеют прямого отношения к истории отдельных языков, хотя для самой сравнительной грамматики выяснение их необходимо. Поэтому нужно разграничивать ближнюю и дальнюю реконструкцию, как это сделал И. М. Тронский¹. Ближняя раскрывает

синхроническую систему языка-основы, дальняя углубляет диахроническую перспективу.

Основное содержание данной книги составляет ближняя реконструкция праиндоевропейского языка. Элементы дальней реконструкции даны в конце каждой главы, за исключением седьмой, синтаксической (потому что праиндоевропейский синтаксис еще настолько мало реконструирован, что не может служить базой для дальней реконструкции). Но разрозненные языковые факты, добытые научным исследованием, имеют еще неполное научное значение. Свою полную ценность они обретают тогда, когда связываются между собой и познаются как звенья единой системы. Это значит, что данные, добываемые дальней реконструкцией, нужно соотносить прежде всего во времени, т.е. что нужно выделить какие-то этапы в развитии праиндоевропейского языка. Это задача очень трудная, и в настоящее время мы еще далеки от решения ее, но гипотетически некоторые этапы уже намечены с большей или меньшей степенью вероятности. Рассмотрению этих гипотез посвящена последняя глава. В ней же рассматриваются и вопросы диалектного членения праиндоевропейского языка, поскольку они тесно связаны с периодизацией его развития.

2. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Когда и где существовал праиндоевропейский язык?

В отношении времени существования его определенных данных нет. Известно только, что древнейшие письменные памятники хеттского языка восходят к первой половине второго тысячелетия до нашей эры; письменные памятники греческого языка микенской эпохи, написанные линейным слоговым письмом **Б**, относятся к середине второго тысячелетия. Ученые предполагают, что во втором тысячелетии до нашей эры возникли и ведийские гимны (записанные гораздо позже). По расхождению между этими языками видно, что к тому времени они прошли уже длительный путь самостоятельного развития. На основании этих фактов можно заключить, что последняя группа диалектов, которую еще

можно назвать индоевропейской языковой общностью, существовала не позже четвертого тысячелетия до нашей эры. Каких-нибудь более определенных положений по этому вопросу выдвинуть нельзя.

Территорию праиндоевропейского языка пытаются определить по самым различным данным. Используется реконструированная лексика его, отражающая характер природы; так, общеиндоевропейские названия растений и животных указывают на Европу как на прародину индоевропейцев. Принимается во внимание топонимика различных географических областей, напр., тот факт, что древнейшая топонимика юго-запада и северо-востока Европы имеет неиндоевропейское происхождение, в то время как на остальной территории Европы топонимика, в основном, индоевропейская. Учитывается распространение археологических культур, которые предположительно связываются с носителями индоевропейской речи. Учитываются также различные факты взаимодействия индоевропейских диалектов между собой и с другими языками. Напр., наличие в хеттском языке слов индо-иранского происхождения свидетельствует о том, что индо-иранские племена в процессе своего передвижения к территориям, занимаемым ими в исторически известные времена, некоторое время жили в непосредственном контакте с хеттами и оказывали на них влияние. Такое направление передвижения арийцев подтверждается и тем, что, по данным одного договора хеттского царя с царем неиндоевропейского народа митанни, обитавшего к востоку от хеттов, от 1350 года до нашей эры, митанни поклонялись индийским божествам Индре, Митре и Варуне. С другой стороны, важное значение имеет тот факт, что и в финно-угорских языках есть слова индо-иранского происхождения. Все эти факты в совокупности ведут к заключению, что арийские племена передвигались на территории Ирана и Индии из Европы, где они имели контакты с финно-угорскими племенами.

На основании такого рода данных в настоящее время среди индоевропейцев укрепилось мнение, что территория праин-

индоевропейского языка находилась в центральной и юго-восточной Европе. В более конкретном определении этой территории мнения ученых расходятся. Некоторые сильно суживают ее. Так, австрийский языковед В. Мерлингген ограничивает ее бассейном среднего и нижнего Дуная¹. Но большинство считают ее более обширной. По мнению советского индоевропеиста Б. В. Горнунга, праиндоевропейский язык был распространен не только в бассейне Дуная, но и севернее — до верховьев Тиссы, и восточнее — до Днестра². Немецкий ученый О. Парет включает в индоевропейскую прародину всю среднюю Европу и юг европейской части СССР до Кавказа³. Английский санскритолог и индоевропеист Т. Барроу полагает, что праиндоевропейский язык в эпоху своего распада занимал территорию от Рейна на западе до Волги на востоке⁴. Известный болгарский индоевропеист В. И. Георгиев ограничивает территорию праиндоевропейского языка на востоке областью Дона, но включает в нее и Балканский полуостров; северной же границей ее считает морское побережье и Западную Двину⁵.

Вопрос о том, как образовалась индоевропейская языковая общность, неоднократно поднимался индоевропеистами, над решением его работают и в настоящее время, но, конечно, найти это решение очень трудно. Все же разработаны гипотезы, имеющие под собой известные основания. В решении этого вопроса наметились две линии. Одна состоит в том, что праиндоевропейский язык выделился из другой языковой общности, которую одни определяют как индоевропейско-финно-угорскую, другие — как индоевропейско-семитскую, третьи — как ту и другую вместе. Еще в 1879 году Н. Андерсон опубликовал исследование сходных элементов в лексике индоевропейских и финно-угорских языков, которое привело его к выводу, что между этими языками есть родственная связь⁶. Исследования по этому вопросу продолжали позже Ф. Кеппен⁷, Виллунд⁸, Б. Коллиндер⁹. Значительно больших результатов удалось достичь в исследовании индоевропейско-семито-хамитских связей. Г. Мёллер¹⁰ и А. Кюни¹¹ обнаружили в индоевропейских и семито-хамит-

ских языках не только довольно большое количество слов, в отношении которых можно предполагать общее происхождение, но и фонетические соответствия в этих словах между индоевропейскими и семито-хамитскими языками, а А. Кюни указал и на некоторые грамматические сходства. Г. Мёллер составил даже сравнительный индоевропейско-семитский словарь. Все же родство индоевропейских языков с семито-хамитскими, так же как и родство их с финно-угорскими, остается недоказанным, потому что общность некоторого слоя лексик, даже при наличии фонетических соответствий, может быть результатом не только родства языков, но и длительного взаимодействия между ними. К тому же приведенные Г. Мёллером фонетические соответствия далеко не во всех случаях подтверждаются надежными этимологиями. Неоспоримым доказательством родства языков является общность древнейших элементов грамматического строя, который не может быть заимствован, но именно этого в рассматриваемых языках не обнаружено. Те грамматические явления в индоевропейских и семитских языках, в которых А. Кюни усматривает общность (категории конъюнктива, рода, двойственного числа), не имеют доказательной силы, потому что общность единичных, разрозненных грамматических категорий, в отношении которых не доказано, что они существуют в данных языках искони, еще ни о чем не говорит. Отсутствие общности в грамматических системах сравниваемых в данном случае языков можно было бы объяснить тем, что они разделились на таком раннем этапе развития, когда в них не было еще ни склонения, ни спряжения, ни других черт, которые характеризуют реконструируемые сравнительными грамматиками древние грамматические системы. Но нужно признать, что в отношении столь ранней стадии развития, стадии, по-видимому, первобытной речи, вряд ли возможны какие-либо обоснованные суждения о родстве языков.

Х. Педерсен выдвинул гипотезу о родстве индоевропейских языков с семито-хамитскими, уральскими, алтайскими и некоторыми другими¹. В недавнее время над этой про-

блемой успешно работал В. М. Иллич-Свитыч¹ и в настоящее время работает А. Б. Долгопольский, применяя более продуманный, строгий и надежный метод исследования². Оба исследователя утверждают родство между индоевропейскими, семито-хамитскими, картвельскими, уральскими, алтайскими и чукотско-камчатскими языками. В этих языках они нашли немало слов, не только внешне сходных, но и имеющих систематически прослеживаемые фонетические соответствия. Чтобы повысить достоверность своих выводов, А. Б. Долгопольский не просто сравнивает языковые семьи попарно, но главное внимание обращает на слова, существующие во всех данных семьях одновременно; на материале как сравниваемых языков, так и многих других устанавливает, какие лексические значения являются наиболее устойчивыми в языках мира, и свои выводы основывает, главным образом, на словах с такими значениями; выясняет на большом количестве языков, какого рода фонетические изменения наиболее обычны в языках мира. Это позволяет со всей убедительностью доказать, что предки сравниваемых языков имеют связи, восходящие к глубокой древности. Однако, поскольку речь идет только о лексике, не устраняется возможность того, что эти связи обусловлены не общим происхождением, а длительным, интенсивным взаимодействием, тем более, что родство языков со столь различными системами, как языки кавказские, алтайские и чукотско-камчатские, вряд ли возможно.

Г. Б. Джаукян успешно работает над исследованием связей индоевропейских языков с урартским³. Весьма возможно, что и эти связи являются результатом длительных контактов эпохи индоевропейской языковой общности.

Языковеды, идущие по другой линии в решении данного вопроса, полагают, что праиндоевропейский язык образовался в результате скрещивания двух неродственных языков. В 1934 году такое мнение высказал Э. Форрер⁴, вскоре после него более продуманные и лучше обоснованные концепции такого рода выдвинули Н. С. Трубецкой⁵ и Х. К. Уленбек⁶, а в настоящее время над этой проблемой работает Б. В. Гор-

нунг⁷, который по-своему видоизменил концепцию и придал ей солидное археологическое обоснование. Н. С. Трубецкой, Х. К. Уленбек и Б. В. Горнунг предполагают, что скрещивание, о котором идет речь, происходило между языком уральско-алтайского типа и языком типа кавказско-семитского. Эта концепция основывается на том, что в системе праиндоевропейского языка имеют место противоречивые явления, которые с наибольшей вероятностью можно объяснить происхождением от различных языковых систем. Противоречие усматривают прежде всего в том, что, согласно «ларингальной» теории, в праиндоевропейском был один только гласный звук *e*, который не выполнял фонемной функции, а система фонем состояла только из согласных и сонантов, но вместе с тем в нем сложилась триада гласных *e*, *o*, *a*. Кроме того, указывают на наличие элементов флексии и агглютинации в строе индоевропейского языка, на существование в нем, с одной стороны, регулярного тематического склонения с постоянной основой, с другой — гетероклитического склонения, в котором номинатив и аккузатив имеют одну основу, а остальные падежи — другую, а также нетематического склонения, в котором передвигается ударение и чередуются огласовки, и различных супплетивных образований. Б. В. Горнунг указывает также на сочетание в синтаксическом строе праиндоевропейского черт эргативной и поссессивной структур и др.

Из этих аргументов наиболее убедительным является первый. В праиндоевропейском, как изложено ниже, в главе второй, было три гласных, которые всегда были слоговыми (не сонантами): *e*, *a*, *o*, но они играли совершенно различную роль. Обычным слоговым элементом морфемы является *e*, а остальные есть только в единичных случаях. Это дало повод некоторым сторонникам т.н. «ларингальной» теории (о которой речь идет в той же главе) предположить, что исконной индоевропейской гласной была только *e*, а *a*, *o* возникли позже, под воздействием некоторых «ларингальных» согласных. Однако доказательств этого нет. Гипотеза Б. В. Горнунга удовлетворительно объясняет эту особен-

ность праиндоевропейской фонетической системы тем, что консонантно-сонантная система была характерной чертой одного из скрещивавшихся языков, а триада гласных *e, o, a* — другого, что же касается элементов агглютинации и фузии, то они могли развиваться помимо скрещивания. Элементы фузии при наличии агглютинации есть и в других языках, напр. в грузинском, отчасти — в финно-угорских (в глаголе), и вряд ли они везде являются результатом скрещивания. Фузия связана, с одной стороны, с изменяемостью корня (чередованием фонем), с другой, с нерегулярностью парадигм (разнотипностью склонения и спряжения). В индоевропейском, как можно думать на основании фактов, изложенных ниже, в соответствующих главах, первоначально не было ни того, ни другого. Весьма вероятно, что грамматические формы слов сначала возникли путем присоединения к коренным словам служебных элементов, становившихся суффиксами и окончаниями, и имели агглютинативный характер, но впоследствии в результате фонетических и других процессов, породивших чередование гласных и разнотипность склонения и спряжения, возникли элементы фузии. Что касается гетероклитического склонения, то оно ограничено средним родом и может быть результатом некоторых внутренних причин (см. главу IV, 6). Супплетивное склонение личных местоимений действительно могло получить стимул от одного из скрещивавшихся языков. Археологические данные, приведенные Б. В. Горнунгом, очень интересны и заслуживают внимания, но все же недостаточно доказательны, потому что трудно судить о том, с какой материальной культурой был связан тот или иной язык. Гипотеза Б. В. Горнунга достаточно убедительна, она, в частности, хорошо объясняет очень древние связи индоевропейских языков, с одной стороны, с семито-хамитскими и кавказскими, с другой — с уральскими и алтайскими, но она остается гипотезой.

Для сравнительной грамматики наибольшее значение имеют древние письменно зафиксированные языки. Поэтому обзор индоевропейских языков мы начинаем с наиболее древних из них и при характеристике каждой группы главное внимание будем уделять древнейшим языкам.

1. ХЕТТСКИЙ ЯЗЫК

Это господствующий литературный язык хеттского царства, существовавшего в Малой Азии во втором тысячелетии до нашей эры, игравшего видную роль в истории Переднего Востока, соперничавшего с Египтом и Вавилоном. Он представлен значительным количеством письменных памятников (свыше 15 000 глиняных плиток XVIII—XIII веков до нашей эры, находившихся, главным образом, в библиотеке хеттских царей, открытой в 1906 году Гуго Винклером при археологических раскопках развалин столицы хеттского царства Хаттус в районе села Богазкёй, в 150 километрах к востоку от Анкары). Система письма этих памятников была уже известна: это аккадская (ассиро-вавилонская) клинопись. Но язык при открытии памятников был неизвестен. Его раскрыл чешский ученый Бедржих Грозный в 1914 и 1915 годах.

В хеттском царстве был и другой литературный язык, но применялся он только в религиозном культе, как видно из того, что он представлен только небольшими текстами куль-

тового характера (молитвами, заклинаниями), включенными в хеттские письменные памятники религиозного содержания. Этот язык сами хетты называли хаттским (*hattili*), в настоящее время его называют также протохаттским. Свой же язык хетты называли насийским или несийским (*nasili*, *nesumnili*). Но поскольку государство, которому принадлежал этот язык, называлось хеттским, и сами себя хетты называли «люди страны Хатти», за этим, т.е. господствовавшим, языком закрепилось в науке название «хеттский».

Хаттский (протохаттский) язык не относился к числу индоевропейских. Это язык коренного населения страны. Хеттский же (несийский) — язык индоевропейских племен, пришедших из Европы, покоривших местные племена и создавших государство. Он скрещивался с местными неиндоевропейскими языками и вытеснял их. Вследствие этого в лексике хеттского языка есть много неиндоевропейских элементов.

Памятники хеттского языка по содержанию разнообразны: исторические произведения, написанные от имени царей (декларация Телипину, хроника Мурсили II, автобиография Хаттусили III), свод законов, договоры хеттских царей с другими, ритуальные тексты (инструкция о храмовой службе, ритуал Анивияни, ритуал Папаникри, ритуал Туннави и др.), эпические произведения (песнь об Уликумми) и др.

Нужно, однако, отметить, что хеттские памятники недостаточно полно отражают хеттский язык, потому что хеттские слова заменены в них во многих случаях аккадскими и некоторые слова обозначены идеограммами, произношение которых остается неизвестным. К тому же аккадская клинопись неполно передает звуковую систему языка, что создает трудности в изучении его.

Большое значение хеттского языка для сравнительной грамматики определяется не только древностью его письменных памятников, но и наличием в его фонологической системе и грамматическом строе характерных отличий от других индоевропейских языков, которые важно учитывать при ре-

шении проблем сравнительной грамматики. Важное значение для сравнительной грамматики имеет прежде всего наличие в фонологической системе хеттского языка заднеязычной фрикативной согласной, которая в ряде случаев соответствует предполагаемым индоевропейским т.н. ларингальным (утраченным в других индоевропейских языках, но теоретически восстанавливаемым). Значительный интерес представляет также то обстоятельство, что в хеттском противопоставление глухих согласных звонким сменилось противопоставлением глухих усиленных глухим обычным. Грамматическая система имени отличается разделением имен только на два рода — общий (соответствующий индоевропейским мужскому и женскому) и средний (что отражает, по-видимому, древнейшее индоевропейское состояние), отсутствием двойственного числа (его нет и у других частей речи) и той особенностью, что родительный и дательный-местный падежи множ. числа имеют одно и то же окончание, совпадающее с окончанием родительного падежа единственного числа. Последнее обстоятельство очень важно для проблемы развития падежных форм множественного числа. Резко отличается склонение местоимений; в частности, интересно то, что основа местоимения второго лица ед. ч. **te* имеет значение не косвенных падежей, как в других индоевропейских языках, а именительного. Система глагола характеризуется отсутствием аориста и перфекта, конъюнктива и оптатива. Из времен есть презент и претерит, образованные посредством особых личных окончаний, и сложное прошедшее, образованное из причастия и вспомогательного глагола *har(k)* 'иметь'.

В некоторых хеттских текстах есть маленькие отрывки, отдельные слова и словосочетания на языках, близкородственных ему, — лувийском и палайском. Еще до раскопок Хаттуса были известны многие монументальные надписи, выполненные иероглифами, на древних памятниках северной Сирии и восточной Малой Азии, которые в настоящее время расшифровываются. Язык их также близок к хеттскому; его называют иероглифическим хеттским. Эти языки

К более позднему времени относятся прозаические и драматические произведения. Из первых нужно особо упомянуть знаменитый сборник басен Панчатантра (букв. Пятикнижие), сложившийся около III века н.э. Выдающиеся драмы написал Калидаса в V веке н.э.

В период создания драм санскрит уже был только письменным языком и не отражал живой разговорной речи. Поэтому драматурги, желая отразить реальную действительность, вынуждены были отступать от санскрита и передавать речь некоторых персонажей такой, какой она была в действительности, т.е. отражать живые, разговорные языки. Живые раннесредневековые языки Индии, отраженные в письменности, называются пракритами.

Праkritы отражены не только в драмах. На трех пракритах сделаны надписи великого пропагандиста буддизма царя Ашоки (III век до н.э.). Это не только древнейшие памятники пракритов, но и древнейшие датированные индийские письменные памятники вообще.

Древнейший из пракритов применялся в буддийской литературе. Он называется пали.

В течение последних столетий санскрит постепенно вытеснялся в письменности живыми языками Индии и в настоящее время сохранился только в религиозном культе. Литературными языками стали живые индийские языки: хинди (самый распространенный, постепенно выдвигающийся на роль общендийского литературного языка), урду (разновидность хинди, ставшая литературным языком западного Пакистана), бенгали, бихари, маратхи, пенджаби, раджастани, гуджарати, урия и др. Все они развились из того древнего общендийского языка, ближайшим отражением которого является санскрит. На некоторых современных языках, особенно на хинди, есть большая литература. Письменность на хинди существует с XIII века н.э.

Санскритские тексты известны в передаче, главным образом, слоговым письмом деванагари, которое, возникнув в XIII веке н.э., широко распространилось и в настоящее время является письмом хинди, маратхи, непали и некоторых

других индийских языков. Но в прежние времена как в санскрите, так и в пракритах применялись более древние виды письма, также слоговые. Самый древний индийский алфавит — брахми, которым сделаны надписи Ашоки. От него произошли все остальные.

В санскрите ярко отражены некоторые черты индоевропейского языка. В нем четко различаются три ряда согласных — звонкие, глухие и звонкие придыхательные. Хорошо сохранилось количественное чередование гласных — кратких, долгих и ослабленных (в санскрите — исчезнувших), особенно в дифтонгах, причем чередование широко представлено не только в корнях слов, но и в суффиксах и окончаниях. Что же касается качественного чередования *e* || *o*, то оно в санскрите исчезло вследствие совпадения *e*, *o*, *a* в одном *a*. В результате этого совпадения в санскрите осталось только три кратких гласных — *a*, *i*, *u*. Есть и соответствующие долгие. Гласные *e*, *o* также имеются, но они бывают только долгими и почти во всех случаях образованы из дифтонгов *ai*, *au* с кратким *a*. Гласный *i* в зависимости от фонетических позиций чередуется с *j*, *a* и с *v*, потому что они были в прошлом позиционными вариантами одних и тех же фонем. Это явление восходит к языку-основе. Сохранилось слогообразующее *r*, соответствующее индоевропейским слоговым *r* и *l*. Главным фонетическим нововведением санскрита, помимо перехода *e* и *o* в *a*, является замена зубной артикуляции переднеязычных согласных в некоторых положениях т.н. небральной артикуляцией, при которой кончик языка приближается не к зубам, а к переднему небу.

В грамматической системе имени хорошо сохранились основы, определявшие типы склонений, система восьми падежей и в некоторых основах — индоевропейские падежные окончания. В глаголе хорошо сохранились формы презент, аориста и перфекта, конъюнктива (в ведийском) и оптатива, особенно личные окончания актива (действительного залога): т.н. первичные, вторичные и перфектные. Но система окончаний меди (среднего залога) санскрита, а также близких к нему древних иранских языков, находит

н.э. Их текст велик по объему (каждая поэма состоит из 24 песен) и довольно полно отражает ранний ионийский диалект древнегреческого языка, но с чертами другого диалекта — эолийского.

Есть и более древние памятники греческого языка, но они написаны совершенно иначе — архаичным слоговым линейным письмом на глиняных плитках. По содержанию эти краткие надписи хозяйственного характера. Большая часть их (около 3.000) была найдена в разное время, начиная с 1900 года, в остатках древнего города Кносса на Крите; свыше 1.200 были найдены позже (начиная с 1939 года) при раскопках города Пилоса в южном Пелопоннесе. Кносские надписи относятся, в основном, ко второй половине XV века до н.э., пилосские — приблизительно к XIII веку. Трудом ряда ученых (А. Перссона, А. Кобер, В. И. Георгиева и др.) была подготовлена почва для расшифровки этого письма. В основном расшифровал его англичанин Майкл Вентри при участии Джона Чэдвика в 1952—53 г., но значения некоторых знаков до сих пор остаются неясными и многие надписи еще не прочитаны. Чтение надписей сильно затрудняется тем, что данная система письма очень неполно отражает звуковой состав греческих слов. Так, каждый знак обозначает открытый слог, состоящий из одного согласного с гласным или из одного гласного; поэтому в закрытых слогах конечные согласные либо не обозначаются (*s*, плавные), либо пишутся в сочетании с непронизносимыми гласными; если же слог начинается двумя согласными, то первый из них также пишется с гласным. Глухие, звонкие и придыхательные согласные обозначаются одними и теми же знаками. Не обозначается долгота гласных и согласных. Не пишется *n* перед согласными. В дифтонгах второй компонент обычно не обозначается, но иногда дифтонги пишутся в два слога. По-видимому, греки заимствовали это письмо у какого-то народа, в языке которого не было закрытых слогов и не различались глухие и звонкие согласные. Поэтому слова, обозначенные этим письмом, можно читать различно: можно предполагать, что некоторые согласные в конце слогов или отсутствие их,

можно читать со звонкими, глухими или придыхательными согласными, с краткими, долгими гласными или дифтонгами и т.д. Например, слово *eke* можно читать *eshe*, *eiche*, *euche*, *erge*, *erke*, *elke*, *elkei*, *erche* и т.д. (почти 300 способами). Есть и ряд идеографических знаков. Все же язык этих надписей оказался несомненно греческим языком микенской эпохи, при этом есть серьезные основания предполагать, что они писались на том древнейшем диалекте, остатками которого в классическую эпоху были аркадские, кипрские и памфлийские говоры.

Характеризованное выше письмо называют линейным письмом **Б** в отличие от письма **А**, также слогового, найденного на Крите в слоях первой половины II тысячелетия до н.э. Письмо **А**, представленное значительно меньшим количеством надписей, еще не расшифровано. По предположению В. И. Георгиева, язык надписей **А** — также греческий.

Таким образом, и греческий язык зафиксирован в письменности со II тысячелетия до н.э. Нужно, однако, учитывать, что расшифровка надписей микенской эпохи несколько не уменьшила значения гомеровских поэм как важнейших памятников греческого языка, потому что микенские надписи дают мало материала в силу их краткости, однообразия, большого количества собственных имен в них и широких возможностей различного чтения одних и тех же слов.

С VIII века до н.э. начинаются письменные памятники на диалектах.

Наиболее полно отражен в письменности ионийский диалект с близким к нему аттическим. Ионийский диалект был распространен в Малой Азии, на некоторых островах и во многих колониях. На нем писали поэты Архилох из Пароса, Каллин из Эфеса и др., прозаики Геродот, Гиппократ и др. На аттическом диалекте есть богатая литература, стихотворная, прозаическая, философская (напр., произведения Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Ксенофонта, Платона и др.).

Аркадо-кипрский (ахейский) диалект представлен, главным образом, надписями. Надписи Кипра, сохранившиеся

от V и IV веков до н.э., представляют специальный интерес, потому что они выполнены особым слоговым письмом, происходящим от микенского. Это письмо и послужило основой для расшифровки микенского письма Б.

Эолийский диалект был на Лесбосе и в некоторых городах Малой Азии. На нем писали лесбийские поэты Алкей и Сафо. Близки к нему фессалийский и беотийский диалекты, известные, главным образом, из надписей.

Дорийский диалект занимал обширную территорию: Лаконию, Гераклею, Коринф и др., Крит и некоторые другие острова, некоторые места в Сицилии и Италии. Известен, в основном, из надписей, Гортинских законов (Крит), Гераклейских таблиц, эпиграмм и элегий Симонида, идиллий Феокрита, произведений Архимеда. К нему близки северо-западные говоры (Дельф, Эпира, Этолии и др.), представленные только надписями.

С IV века до н.э. аттическое городское просторечие распространяется по всей Греции и за ее пределами, в завоеванных странах, вытесняя другие диалекты, но, вместе с тем, усваивая некоторые местные (в основном ионийские) диалектальные черты. Так возникает общегреческий разговорный язык эллинистическо-римского и ранневизантийского периодов — койнэ. Литературный язык с этого времени начинает значительно отличаться от разговорного, он характеризуется строгими нормами, ориентированными на классический аттический диалект V—IV вв. до н.э. Памятником, близким по языку к живому языку (койнэ), является Евангелие (I в. н.э.).

В греческом языке хорошо сохранилась индоевропейская система гласных фонем с качественным и количественным чередованием гласных. Есть три ряда согласных — глухие, звонкие и придыхательные, но последние представлены не звонкими, как в санскрите, а глухими. Согласные подверглись разнообразным позиционным изменениям. В частности, по-разному изменились сочетания согласных с *j* (индоевр. **i*). Система грамматических форм глагола, как выше уже отмечено, близка к индо-иранской. Но в системе

склодения произошло существенное изменение: формы датива, инструментала, аблатива и локатива объединились в одном падеже (его называют дативом), и таким образом получилась система пяти падежей (включая вокатив).

5. ЛАТИНСКИЙ И ДРУГИЕ ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Языки древнейших латинских письменных памятников — это говор Рима и его окрестностей. Другие говоры Лациума, как можно судить по некоторым надписям, несколько отличались от него. Латинский язык римской литературы, особенно с I века до н.э., — это обработанный, пополненный богатой научно-философской, общественно-политической и технической терминологией, развивший разнообразные, утонченные синтаксические конструкции, строго нормализованный литературный язык, основанный на римском говоре.

Древнейшими письменными памятниками латинского языка являются надписи V—VI веков до н.э. (одна — даже VI или конца VII века), дающие, однако, довольно мало материала. С середины III века до н.э. дошли литературные произведения. Период с этого времени до I века до н.э. считается периодом архаической латыни. От него лучше всего сохранились комедии Плавта и Теренция и сельскохозяйственный трактат Катона Старшего. С I века до н.э. начинается классический латинский язык, представленный богатой литературой. С I века до н.э. он стабилизируется в фонетическом и грамматическом отношениях. В народных говорах изменения продолжались, но в литературном языке, вследствие консервативности норм и все усиливавшейся тенденции к архаизации, искусственно сохранялись грамматический строй и фонологическая система классического периода.

Между тем изменения в народных говорах приобретали все более глубокий характер, особенно с I века н.э., когда латинский язык распространился на всю Италию и вытеснил другие языки, существовавшие там. Уже помпейские над-

писи, сохранившиеся с 79 года н.э., когда Помпей погиб, отражают заметные отличия диалекта от литературного языка. В дальнейшем непрерывное углубление различий привело к разрыву между диалектами и литературным языком. Стали четко разграничиваться *sermo urbanus*, т.е. литературный язык, и *sermo rusticus* или *sermo vulgaris*, т.е. народный язык. Последний распространился и на другие европейские страны, подвластные Риму. После распада Римской империи развитие народной латыни в разных странах, где она укрепились, пошло различными путями, и она постепенно разделилась на ряд отдельных языков, которые получили название романских (итальянский, сардинский, французский, провансальский, испанский, португальский, каталанский, ретороманский, румынский). Народная латынь отразилась в многочисленных надписях, относящихся к различным периодам существования римского государства, и — в той или иной степени — в некоторых литературных произведениях эпохи конца Римской империи и раннего средневековья (напр., перевод Библии IV века н.э., сочинения по истории франков Григория Турского — VI в., Фредегария — VII в.). Но диалектные различия народной латыни в письменности почти не отразились. Вероятно, в письменности применялся только говор Рима, который стал играть роль своего рода койнэ.

Ближайшие родственными латинскому были языки фалисский, оскский и умбрский. Самым близким к латинскому был фалисский, на котором говорили на территории между Лациумом и Этрурией. Он засвидетельствован немногочисленными и очень краткими надписями и известен в малой степени. Оскским (*lingua osca*) римляне называли язык сабелльских племен, занимавших обширную территорию к югу и востоку от Лациума, по имени одного из них — опиков или опсков. Этот язык зафиксирован более многочисленными (свыше 250) и содержательными надписями V века до н.э. — I века н.э., и основные отличия его от латинского известны. Надписи выполнены особым алфавитом, образованным от этрусского. Большинство из них отражает диалект

Кампанни, но есть надписи и на других диалектах. Умбрский язык занимал небольшую территорию к востоку от Этрурии. Он известен из немногочисленных надписей и одного довольно большого (свыше 4000 слов) текста ритуального содержания — Игувинских (или Эвгубинских) таблиц. Надписи и большая часть таблиц выполнены особым письмом, образованным от этрусского, некоторые (более поздние) таблицы — латинскими буквами. Эти языки вместе с латинским составляют одну группу, называемую италийской.

В италийских языках произошел ряд фонетических и грамматических изменений, отдаливших их от индоевропейского.

В фонетическом отношении наиболее изменился латинский. Из древнейших письменных памятников видно, что многие фонетические изменения произошли в латинском в V—III веках до н.э. Разнообразные изменения кратких гласных произошли в срединных и конечных слогах слова в связи с интенсивностью начального слога. Неизвестно точно, какого характера была эта интенсивность, но она вызвала ослабление и последующие качественные изменения кратких гласных срединных и конечных слогов. Так, в закрытых срединных и конечных слогах *ā* перешло в *ē*, *ō* — в *ū* (срв. *fāctus* 'сделанный' — *effēctus* 'произведенный' — *arti-fēx* 'мастер', *filiūs* из *filiōs* 'сын'), а в открытых срединных слогах *ē*, *ō*, *ā*, *ū* перешли, за исключением некоторых особых случаев, в *i* (срв. *nomēn* 'имя' — ген. *nomīnis*, *cādo* 'падаю' — перф. *cecidi*, *capūt* 'голова' — ген. *capītis*). Были и другие позиционные изменения кратких гласных. Дифтонги, за исключением *ai*, перешли в монофтонги. *s* между гласными перешло в *r* (срв. *mūs* 'мышь' — ген. *mūris*, *opus* 'дело' — ген. *operis*). Чередования гласных почти не сохранились.

Из грамматических особенностей италийских языков важнейшими являются следующие: именные основы на *-i* объединились по склонению с основами на согласные (в латинском — третье склонение). Аблатив совпал с инструментом, а в латинском с ним совпал и локатив. Исчезло

двойственное число. В глаголе перфект и аорист объединились в одну категорию, получившую значение прошедшего времени, развился новый имперфект, оптатив слился с конъюнктивом.

6. КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ

Из кельтских языков наиболее известен ирландский, представленный с IV века н.э. т.н. огамическими надписями, дающими сравнительно мало материала, с VII века — многочисленными глоссами в латинских текстах, а с XI века — богатой литературой, причем в рукописях XI—XII в. дошли саги и поэмы, созданные гораздо раньше. Он существует и в настоящее время и является государственным языком республики Эйре. От него происходят шотландский и мэнский (на острове Мэн, почти исчезнувший). Шотландские письменные памятники начинаются с XV века.

От диалектов бриттских племен, населявших когда-то Великобританию, сохранились бретонский язык, валлийский (в Уэльсе) и корнский, существовавший в Корнуолле вплоть до конца XVIII в. Бретонский происходит от диалектов бриттов, переселившихся в V веке с острова в Бретань. Он зафиксирован глоссами VIII—XI в. и с XIV в. — литературными произведениями. На валлийском языке имеются глоссы и начиная с XI в. литературные произведения. Корнский известен из глоссария XIII века и нескольких текстов начиная с XV века.

К кельтской группе принадлежал также галльский язык, существовавший в первых веках н.э., но он известен очень мало. От него сохранились только отдельные слова (около 200), упоминаемые греческими и римскими авторами, около 60 кратких надписей, жертвенных и надгробных, и календарь, высеченный на бронзовой доске.

Еще в дописьменный период кельтские языки пережили большие изменения, и индоевропейская фонетическая система и грамматический строй отражаются в них меньше, чем в рассмотренных выше группах языков.

7. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнейшими памятниками германских языков являются три скандинавских надписи на наконечниках копий III века н.э., выполненные рунами. Руны — это древний германский алфавит (из 24 букв), служивший для надписей, которые вырезались на дереве, камне и других твердых материалах. Происхождение его неизвестно, но по некоторому сходству с латинским предполагают, что он образовался от латинского или какого-то другого италийского алфавита, происходящего, в свою очередь, от западногреческого. Однако надписи эти вследствие своей краткости и малочисленности дают очень мало для изучения германских языков.

Самым древним литературным германским памятником является перевод Библии на готский язык, сделанный визиготским епископом Вульфиллой в IV веке и дошедший до нас в роскошном списке V или VI века, т.н. Серебряном кодексе (сохранилось 187 листов из 330). Из других готских памятников следует упомянуть отрывок толкования Евангелия от Иоанна (8 листов). Написаны готские памятники особым алфавитом, близким к греческому. Готский язык составляет восточную группу германских языков.

В северную или скандинавскую группу входят языки датский, шведский, норвежский и исландский. Древнейшие скандинавские письменные памятники — рунические надписи III—VIII-веков отражают единый еще скандинавский язык, но в дальнейшем в этих надписях все более заметными становятся диалектные различия. С IX века распространяется упрощенное руническое письмо, состоящее из 16 букв (младшие руны), и вытесняет прежнее. С XI века рунические надписи становятся многочисленными в Скандинавии и Дании, а в последней в конце XIII века даже был написан рунами на пергаменте свод законов (т.н. Сконское право). Только в Исландии руны применялись мало: обнаружено всего около 45 надписей не старше XIII века.

Начиная с конца XII века сохранились письменные памятники латинским алфавитом на норвежском и исланд-

ском языках, с XIII века — на шведском и датском. Наибольшее значение имеют исландские памятники, потому что в Исландии еще в X—XII веках развилась богатая эпическая поэзия, которая довольно рано стала записываться. Собрание народных эпических песен — Эдда — и прозаические сказания — саги — по древности и художественности не имеют ничего равного себе во всей скандинавской литературе. Древнейшие записи не сохранились, но в сохранившихся списках XIII и XIV веков почти полностью передаются архаичные черты языка оригиналов — диалекта древне-норвежского языка, каким был тогда исландский.

Западную группу германских языков составляют немецкий, голландский и английский. Немецкий язык состоит из двух сильно различающихся наречий (в прошлом языков) — верхненемецкого и нижненемецкого. Ответвлением нижненемецкого является по происхождению голландский язык. Английский язык — это язык западногерманских племен англов, саксов и ютов, переселившихся в V веке с материка в Великобританию, язык, развивавшийся после того обособленно от других западногерманских диалектов и в XI—XIII веках подвергшийся сильному влиянию французского языка.

Рунические надписи (только старшими рунами) на территории Германии малочисленны; относятся они, главным образом, к VI и VII векам. Немецкие письменные памятники латинского шрифта, содержащие большой языковой материал, начинаются со второй половины VIII века; написаны они в подавляющем большинстве на различных верхненемецких диалектах. Это Керонский глоссарий (словарь) второй четверти VIII века, перевод трактата Исидора Севильского «О католической вере» конца VIII века, перевод евангелия свода сирийца Татиана IX века, поэма о страшном суде «Муспилли» IX века, «Песнь о Людвиге» IX века, ряд переводов Ноткера конца X века и др. Отрывок старинной эпической песни о Гильдебранде конца VIII века обнаруживает как верхненемецкие, так и нижненемецкие черты. На

нижненемецком (точнее, саксонском) написана религиозная поэма «Хелланд» («Спаситель») IX века.

Древнейшие памятники английского языка — это немногочисленные надписи старшими рунами, в основном, VIII века, эпическая поэма: «Беовульф», созданная, вероятно, в VIII веке и дошедшая в рукописи X века, сочинения короля Альфреда второй половины IX века, Англо-саксонская хроника IX века, перевод псалтыри IX века и др. Написаны они также на разных диалектах.

Еще в эпоху общегерманского языкового единства в нем произошли фонетические и грамматические изменения, в результате которых возникли характерные отличия германских языков от других индоевропейских. Их нужно знать, чтобы можно было пользоваться в сравнительной грамматике материалом германских языков.

Важнейшей звуковой особенностью германских языков в сравнительно-историческом плане является т.н. первое передвижение согласных (или закон Гримма), состоящее в том, что индоевропейские звонкие смычные согласные *b, d, g* перешли в германском в соответствующие глухие *p, t, k* (срв. русск. **слабый** — гот. *slepan* 'спать', лат. *duo*, греч. δύο — гот. *twai* 'два', лат. *ego*, греч. ἐγώ — гот. *ik*), индоевропейские глухие смычные *p, t, k* — в глухие щелевые *f, þ, h* (срв. лат. *pater*, греч. πατήρ — гот. *fadar*, лат. *tres*, греч. τρεῖς — гот. *þreis*, лат. *octo*, греч. ὀκτώ — гот. *ahtau*), индоевропейские звонкие придыхательные *bh, dh, gh* — в звонкие смычные *b, d, g* (срв. скр. *bhārāmi*, лат. *ferō* 'несу' — гот. *baíran*, скр. *madhyaḥ* 'средний' — гот. *midjis*, лат. *hostis* 'враг' — гот. *gasts* 'гость'). Позже (по также в общегерманскую эпоху) глухие щелевые после неударных гласных перешли в звонкие смычные, и соответствие между германскими и другими индоевропейскими языками, сложившееся в результате первого передвижения, в некоторых случаях нарушилось. Напр., в слове *fadar* на основании соответствия лат. *pater* и т.п. можно ожидать по первому передвижению согласного *þ*, но фактически есть *d*, которое возникло из *þ* после неударного гласного. Это явление назы-

рийского, переводы некоторых греческих исторических произведений, оригинальное сочинение Езника Кохбаца «Опровержение ересей» и написанное его учеником Корюном «Житие Маштоца», несколько знаменитых исторических сочинений Егише, Павстоса Бюзанда, а также «История Армении» Мовсеса Хоренаци (Моисея Хоренского) и «История Армении» Лазаря Парбеци (Парбского). В дальнейшем развилась большая литература на армянском языке, как религиозная, так и светская.

В отдельных памятниках, созданных позже V века, отражены некоторые черты армянских диалектов. От X века дошли произведения, написанные на диалекте Киликии.

Фонемы и грамматические формы индоевропейского языка отражены в армянском в сильно измененном виде, но все же для решения некоторых проблем сравнительной грамматики (напр., в теории ларингальных согласных) армянские данные имеют существенное значение. Большие изменения пережитые армянским языком до V века, в какой-то степени объясняются скрещиванием его с неиндоевропейским языком туземного населения. По утверждению некоторых древних греческих авторов, армяне переселились на свою территорию из Фригии. Исследования В. Георгиева (основанные правда, на скудных материалах фригийского языка), подтверждают связь армянского языка с фригийским. Фригийцы же, по данным греческих авторов, переселились в Малую Азию с Балканского полуострова. Этим объясняются некоторые общие черты армянского языка с греческим (наличие глухих придыхательных согласных, аугмент в аористе и др.). На своей последней территории армяне вступили в контакты с жившим там неиндоевропейским населением и ассимилировали его, что, по-видимому, оказало известное влияние на их язык.

10. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Славянские языки разделились между собой позже многих других. Первые, еще смутные, сведения о разделении славян содержатся в исторических источниках середины

VI века н.э. Готский историк Иордан в истории готского народа, написанной в 551 году, упоминает о славянах под именем венедов и сообщает, что они имеют и другие имена, главные из которых — склавины и анты; склавины, по его сведениям, занимают территорию между Карпатами, Днестром и Вислой, а анты — между Днестром и Днепром. Славяне и анты упоминаются и в греческих источниках — истории войн с готами Прокопия Кесарийского (551—554 г.) и «Стратегике», приписываемой императору Маврикию (конец VI в.) — как народы, говорящие на одном и том же языке, живущие к северу и востоку от Дуная, причем анты жили восточнее, заходя за Днепр. Очевидно, антами именуются в этих источниках предки восточных славян, славянами — предки южных. Имя «венеды» Иордан употребляет как общее название славян, но судя по тому, что немцы применяют это имя к остаткам полабских славян, можно думать, что оно обозначало преимущественно западных славян. Следовательно, в то время славяне разделились уже на три ветви, но, судя по территориям их и упоминаемой общности языка, еще совсем недавно. Общность между старославянским, древнерусским и древнесловенским языком (отраженным в Фрейзингенских отрывках), судя по памятникам X—XI века, и соотношения между всеми славянскими языками, судя по более поздним памятникам, также говорят о том, что распадение общеславянского языка могло начаться приблизительно в VI—VII веке. Распадение древнерусского языка на русский, украинский и белорусский произошло в XIV—XVI веках и отражено в письменных памятниках.

Последние три языка составляют восточнославянскую группу. К западнославянской относятся польский, кашубский, чешский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий; к южнославянской — болгарский, сербохорватский, македонский и словенский.

Самым старшим письменно зафиксированным языком является старославянский — древний письменный язык славянства, сложившийся в IX веке на основе македонского

диалекта. Древнейшие письменные памятники его, церковные книги, были написаны во второй половине IX века, но дошли в списках конца X и XI веков. К числу древнейших относится и древнерусский язык. Самые ранние памятники его — договоры русских князей с греками и Русская правда (свод законов) были созданы в X и XI веках, но дошли в списках XIII и XIV веков. Богатые по содержанию и языковому материалу русские произведения XII века — летописи, Слово о полку Игореве, Поучение Владимира Мономаха и др. в своем языке содержат и некоторые старославянские элементы; сохранились они в списках не раньше конца XIII века. Словенский язык впервые был зафиксирован (путем весьма непоследовательной передачи латинскими буквами) тремя небольшими текстами религиозного содержания, вставленными в латинскую рукопись X или XI века, — т.н. Фрейзингенскими отрывками. Памятники других славянских языков — более поздние: сербские начинаются с конца XII века, чешские — со второй половины XIII, польские — с XIV, остальные (за исключением болгарских) — еще позже. Болгарский литературный язык формировался в XII—XIV веках путем постепенной трансформации старославянского.

Славянский язык до письменной фиксации его диалектов пережил большие изменения. Звонкие придыхательные согласные перешли в звонкие смычные. Количественные различия гласных сменились качественными: долгое *о* перешло в *a*, долгое *е* — в *ѣ*, долгое *и* — в *ы*; изменились и некоторые краткие гласные: *a* краткое перешло в *o*, *i* — в *ь*, *и* — в *ѣ*. Широко распространилась ассимиляция согласных последующему *j*. Ряд изменений был вызван т.н. законом открытого слога, т.е. развившейся на каком-то этапе истории славянского языка тенденцией к открытости слогов. В результате этой тенденции исчезли (иногда — изменились) согласные, заканчивавшие слоги; в слогах, оканчивавшихся носовыми согласными, образовались носовые гласные (*ѣ*, *а*); монофтонгизировались дифтонги и произошли еще некоторые другие изменения.

В грамматическом строе имени в период древних памятников сохранялась система семи падежей (исчез только аблатив), но окончания уже значительно отличались от индоевропейских вследствие происшедших звуковых изменений. В глаголе исчез перфект, развился новый имперфект, исчез конъюнктив, оптатив получил значение императива, развились аналитические формы прошедшего времени, будущего времени и условного наклонения.

11. БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

К этой группе относятся языки литовский, латышский и прусский, который исчез в XVII веке, но зафиксирован памятниками XV и XVI веков. Письменные памятники литовского и латышского языков начинаются с XVI века, но эти языки, особенно литовский, с поразительной стойкостью сохранили некоторые черты индоевропейского и поэтому имеют важное значение для сравнительной грамматики. Современный литовский язык мало отличается от языка литовских памятников XVI века и полнее отражает звуковой и грамматический строй индоевропейского, чем старославянский или армянский IX века. Не меньшей архаичностью отличается прусский язык, но он представлен только словарем XV века из 800 слов и четырьмя небольшими религиозными текстами XVI века, так что известен недостаточно.

Балтийские языки обнаруживают ближайшее родство со славянским. Но связи между ними настолько сложны и противоречивы, что ученые расходятся в объяснении их. Одни утверждают, что славянский и балтийский развились из одного балто-славянского языка; другие же полагают, что славянский и балтийский происходят, каждый в отдельности, непосредственно от праиндоевропейского, но в течение длительного времени, уже после разделения, они находились в близком соседстве и взаимодействии, вследствие чего в них образовалась значительная общая часть словарного состава, произошли некоторые общие звуковые изменения и возникли общие грамматические новообразования. Послед-

ная точка зрения обосновывается в «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Бернштейна; там есть и обзор мнений по этому вопросу.

В балтийских, как и в славянском, звонкие придыхательные согласные перешли в звонкие смычные. В литовском сохранилось индоевропейское долгое *o*, с которым совпало и долгое *a*.

Краткие *o* и *a* совпали в одном *a*. Но остальные гласные сохранили, в основном, свое количество и качество. Хорошо сохранились индоевропейские дифтонги. Сохранилось также чередование гласных, как качественное, так и количественное. Литовский язык до сих пор имеет топиическое ударение, отражающее в некоторых случаях индоевропейское.

В системе имени хорошо сохранились различия основ, определявшие типы склонений, и старые падежные окончания. Исчез средний род, осталось только два рода. Но система глагола подверглась большим изменениям и значительно отличается от индоевропейской. Более или менее полно сохранились только формы презента. Перфект и аорист исчезли, нет конъюнктива и опатива (формы последнего частично используются в значении императива), развились новые формы прошедшего времени и новые наклонения.

12. АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

Албанский является единственным остатком индоевропейских языков, существовавших в средней полосе и северной части Балканского полуострова до заселения этой территории славянами. Судя по территории, можно думать, что он является продолжением иллирийского, но по некоторым звуковым особенностям его связывают также с фракийским, а В. И. Георгиев — с дако-мизийским. Литературными языками в средневековой Албании были латинский и греческий, и письменные памятники албанского языка начинаются со второй половины XV века: албанская формула крещения в латинской рукописи 1462 г., свыше 30 слов и 8 небольших фраз, записанные немецким рыцарем Арнольдом фон Харф

в 1496 г., отрывок Евангелия от Матфея конца XV или начала XVI века и др.

Звуковая система и грамматический строй албанского языка вследствие пережитых многочисленных изменений далеко отошли от индоевропейских. В лексике есть много элементов романских, греческих и славянских. Особенно многочисленны романские элементы, входившие в албанский язык из разных источников: в древнейший период — из латинского языка (со времени покорения Иллирии Римом во II веке до н.э.), потом — из итальянского (главным образом, через Венецию) и аромунского.

13. ОТДЕЛЬНЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Фракийский язык, который был распространен в восточной части Балканского полуострова, известен лишь из двадцати с лишним кратких надписей, приблизительно двадцати глосс и многих географических названий на Балканском полуострове. Из этого материала можно сделать выводы только о некоторых словах и звуковых особенностях.

Несколько больше известен фригийский язык, на котором говорило население Малой Азии к востоку от Мизии, Лидии и Карики. Он представлен двумя сериями письменных памятников: немногочисленными древнефригийскими надписями (всего их 27, но некоторые из них незначительны по объему или сильно повреждены), древнейшие из которых восходят к VII веку до н.э., и позднефригийскими надгробными надписями II—III века н.э., которых насчитывается около 100. На основании этого материала установлен ряд слов, некоторые фонетические особенности и грамматические формы. В. И. Георгиев считает фригийский язык близкородственным армянскому¹. Это в известной мере подтверждается и тем, что, по сведениям древних авторов, армяне были переселенцами из Фригии. По греческим преданиям, фригийцы обитали раньше на Балканском полуострове, по соседству с фракийцами и македонцами.

На северо-востоке Италии, на северном побережье Адриатического моря, до Альп и границ Истрии и Паннонии в

последние века до нашей эры население говорило на венетском языке. На нем сохранилось около 200 надписей, довольно кратких, выполненных одним из алфавитов, образованных из западногреческого. Относятся они к периоду от V до I века до н.э. Из них известны некоторые венетские слова, звуковые особенности и грамматические формы.

Мессапский язык был распространен в Калабрии и Апулии. От него дошло около 300 надгробных и посвячительных надписей на сосудах и орудиях V—I веков до н.э., выполненных также алфавитом греческого происхождения. На их основании также можно судить только об отдельных словах, звуковых особенностях и грамматических формах. Общеизвестно, что мессапский является ответвлением иллирийского языка, существовавшего в древности в северо-западной части Балканского полуострова. Об этом свидетельствуют общие черты в известных иллирийских и мессапских словах (глоссах, топонимах и собственных именах), общие элементы в топонимике мессапской и иллирийской территорий и сообщения античных авторов о том, что население Калабрии и Апулии пришло с Балканского полуострова. Однако иллирийский известен очень мало, и мессапский является главным источником наших представлений о нем. Сведения об иллирийском языке содержатся только в глоссах и собственных названиях (топонимах и личных именах), встречающихся у греческих и римских авторов, в словах, заимствованных из иллирийского в греческий и латинский, и, главным образом, в топонимике бывшей иллирийской территории. Проблема иллирийского языка и его территории интересовала многих ученых. Некоторые из них, по данным топонимики, простирали территорию иллирийского языка далеко на север от Балканского полуострова, на Паннонию и даже до Северного моря¹, но были и скептические высказывания, предостерегающие от увлечений и указывающие на ненадежность материала по иллирийскому языку².

Интереснейшей загадкой до сих пор является этрусский язык. Он был распространен на большой территории в Италии к северу от Тибра. Этруски еще до нашей эры достигли

высокого уровня культуры, и естественно, что от них дошло немало письменных памятников: свыше 9.000 надписей и три более обширных текста: на пеленах мумии, найденной в Египте (около 1.500 слов), на черепице в Капуе (около 300 слов) и на т.н. Перусинской колонне (120 слов). Писали этруски особым алфавитом, происходящим от древнейшего греческого. Но в расшифровке этого письма встретились большие трудности. Усилия многих ученых в течение длительного времени не давали существенных результатов, и лишь в последнее время достигнуты некоторые успехи в этом деле. По первым результатам расшифровки В. И. Георгиев высказал мнение, что этрусский язык относится к индоевропейским¹.

II ФОНЕТИКА

I. ШУМНЫЕ СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Индоевропейское **t* устанавливается на основании соответствия, которое можно видеть в следующих примерах.

слав. **три**, лит. *trīs*, скр. *tray-as*, греч. *treīs*, лат. *trēs*, гот. *þreis* (др.-в.-нем. *drī*), хетт. *tri*;

слав. **ты**, лит. *tù*, скр. *tv-am*, греч. дор. *το*, лат. *tū*, гот. *þu* (др.-в.-нем. *dū* и *du*), хетт. (акк.) *tu-k*;

ст.-сл. **връѣти, вратити**, лит. *vartýti* 'поворачивать', скр. *vártāmi* 'верчусь, существую', лат. *vertō*, гот. *wairþan* 'становиться' (нем. *werden*).

Поскольку во всех языках, за исключением германских, в этих случаях есть *t*, очевидно, что и соответствующая индоевропейская фонема была именно *t*. В германских языках по первому передвижению согласных *t* перешло в *p*, а позже в древневерхненемецком по второму передвижению *p* дало *d*.

Индоевропейское **d* во всех языках, за исключением германских, отражается как *d*:

слав. **домъ**, скр. *damáh*, греч. *δῶμος*, лат. *domus*;

ст.-слав. **десать**, лит. *dėšimt*, скр. *dāśa*, греч. *δέκα*, лат. *decem*, гот. *taihun* (нем. *zehn*);

скр. *padām* 'след', *pādām* (вин. пад.) 'ногу', греч. *πέδον* 'след', *πόδα* 'ногу', лат. *pedem* 'ногу', гот. *fotu*, хетт. *pedan* или *petan* 'место'.

В германских языках по первому передвижению *d* перешло в *t*, а в др.-в.-нем. по второму передвижению — в *z* или *s*. В хеттском в одних и тех же формах пишется то *d*, то *t*, потому что в нем глухие и звонкие согласные совпали. Неизвестно, как они произносились, но более вероятно, что как глухие.

Славянское и балтийское *d*, хеттское *t* есть и другого происхождения, как видно из того, что в некоторых словах им соответствуют в других языках иные согласные:

слав. **дѣти** 'положить, поместить', лит. *dėti*, скр. *dā-dhā-mi* 'кладу, делаю', греч. *τί-θη-μι* 'кладу', лат. *fē-ci* 'я сделал', гот. *ga-dē-þs* 'дело', хетт. *te-hi* 'кладу';

слав. **дымъ**, лит. *dūmai* (мн. ч.), скр. *dhūmāh*, греч. *ῥυμός* 'дух', лат. *fūmus* 'дым';

слав. **ръдѣти**, лит. *rūdas* 'рыжий', скр. *rudhirāh* 'красный', греч. *ῥουδρός*, лат. *ruber*.

В этих словах балто-славянскому *d*, хеттскому *t(d)* в санскрите соответствует *dh*, в греческом *θ*, в латинском — в начале слова *f*, в середине (за редкими исключениями) *b*. В германских языках этому согласному соответствует не *t*, как предыдущему, а *d*. Очевидно, в индоевропейском в этих случаях был не *d*, а какой-то иной согласный. Скр. *dh*, греч. *θ*, лат. *f* показывают, что это был согласный придыхательный. Невозможно определить с точностью его звучание и артикуляцию, но ясно, что он противопоставлялся *t* и *d* как непридыхательным. Поскольку во всех языках, за исключением греческого, частично латинского и, возможно, хеттского, эта фонема отражена как звонкая, предполагается, что она была звонкой придыхательной, как в санскрите. Так восстанавливается индоевропейское **dh*.

На этом примере можно видеть, что сравнительная грамматика устанавливает не звуки языка-основы в их физическом своеобразии, а фонологические противопоставления.

Индоевропейское *p* во всех языках, за исключением германских, сохранилось:

слав. **съпати**, лит. *sąpnas* 'сон', скр. *svapiti* 'спит', *svāpnah* 'сон', греч. *ὑπνος* 'сон', др.-англ. *swefan* 'спать';

слав. **про**, лит. *pra-*, скр. *pra-*, греч. *προ-*, лат. *pro*, гот. *fra-*, хетт. *pra* 'вперед';

скр. *padām* 'след', греч. *πέδον*, лат. *pedem* 'ногу', гот. *fotu*, хетт. *pedan* 'место'.

В германских по первому передвижению *p* перешло в *f*. Фонема *b* засвидетельствована очень немногими соответствиями. Очевидно, в индоевропейском она была очень редкой. Примеры:

скр. *piḥāmi* 'пью', лат. *bibō*;

ст.-слав. **блато** (из **bolto*), англ. *pool* 'лужа';

слав. **болии** 'большой', греч. *βελτίων* 'лучший', скр. *balam* 'сила'.

В области губных согласных, так же как и в переднеязычных, глухой и звонкой непридыхательным фонемам противопоставлялась придыхательная (**bh*). Она восстанавливается на основании следующего соответствия:

ст.-сл. **берѣ**, скр. *bhārāmi* 'несу', греч. *φέρω*, лат. *ferō*, гот. *baíra*;

слав. **небо**, лит. *debėsis* 'облако', скр. *nābhaḥ* 'небо', греч. *νέφος* 'облако', лат. *nebula* 'туман, облако', др.-в.-нем. *nebul*, хетт. *nepis* 'небо';

ст.-сл. **братръ**, лит. *broter-ėlis* 'братик', скр. *bhrātā*, греч. *φράτωρ* 'член фратрии', лат. *frāter*, гот. *broþar*.

Как видим, отражение **bh* аналогично отражению **dh*: в санскрите эта фонема сохранилась, в греческом стала глухой, в балто-славянском дала звонкую непридыхательную. В латинском в начале слова перешла в *f*, в середине — обычно в *b*. В германском она не перешла в глухую, как *b*, а только лишилась придыхательности.

Отражение индоевропейских заднеязычных согласных более сложно. Так, глухая смычная отражена двумя рядами соответствий.

лат. *centum* 'сто', греч. *ἑκατόν*, гот. *hund*, слав. **съто**, лат. *šimtas*, скр. *śatām*, авест. *satəm*;

лат. *decem* 'десять', греч. *δέκα*, гот. *taihun*, ст.-сл. **десать**, лит. *dėšimt*, скр. *dāśa*;

хетт. *kas* 'этот', лат. *ci-trā* 'по эту сторону', гот. *hi-ta* 'это', слав. **съ**, лит. *šis*.

В этих примерах латинской, греческой и хеттской *k* и германской (по первому передвижению) *h* в балто-славянских и индо-иранских языках соответствует переднеязычная щелевая согласная. По этому признаку и по аналогичному отражению звонких заднеязычных индоевропейские языки были разделены на две группы, которые названы по слову, обозначающему «сто». Те языки, в которых сохранилось *k*, называются латинским словом *centum*, а те, в которых *k* изменилось в *s*, *š* и т.п., — авестийским *satəm*. К языкам кентум относятся также кельтские, к языкам сатэм — армянский и албанский.

В тех случаях, когда в языках сатэм есть *k*, в языках кентум ему соответствует сочетание *kv* (гот. *hw*), а в греческом — *π* (перед гласными заднего ряда) и *τ* (перед гласными переднего ряда). При этом нужно учитывать, что в славянских и индо-иранских языках *k* чередуется с *č*.

др.-рус. **сокъ** 'доносчик, обвинитель', **сочити** 'искать', болг. **соча** 'показываю', лит. *sekti* 'следую', скр. *śacate* 'находится возле, сопровождает', лат. *sequor* 'следую', греч. *ἐπείχω* 'следую, преследую', гот. *saihan* 'смотреть';

слав. **къ-то**, лит. *kàs* 'кто', скр. *kaḥ*, лат. *quis*, хетт. *kwis*, гот. *has*, греч. *τίς*;

слав. **четыре** (из **ketūre*), лит. *keturi*, скр. *catvār-ah*, лат. *quattuor*, греч. *τέσσαρες*.

Очевидно, в индоевропейском языке было две различных заднеязычных смычных глухих фонемы. Поскольку первая из них в языках сатэм перешла в переднеязычную щелевую, что обычно бывает результатом палатализации, ее считают палатализованной и обозначают знаком *k̑*. Вторая же, сохранившаяся в языках кентум губной призывок, была, несомненно, лабиализованной. Она обозначается *kʷ*.

Аналогичным образом отражаются в индоевропейских языках две звонких заднеязычных фонемы: палатализованная **g̑* и лабиализованная **gʷ*.

*g в языках кентум дала g (герм., хетт. k), а в языках сатэ — переднеязычные (слав. z, лит. ž, скр. j):

греч. γι-γνώ-σκω 'знаю', лат. *co-gno-scō*, гот. *kan*, хетт. *kan-es-zi* 'находит', слав. **зна-ти**, лит. *žinó-ti*, скр. *jñā-yate* 'знает';

греч. γόνο 'колено', лат. *genu*, гот. *kniu*, хетт. *genu*, скр. *jānu*;

лат. *grānum* 'зерно', гот. *kairn*, ст.-слав. **зрьно**, лит. *žirnis* 'горох'.

*g^h сохранило лабиализацию в латинском и готском, причем в последнем по первому передвижению дало лабиализованное k, обозначаемое буквой q. В латинском получилось сочетание gv, но g в начале слова перед гласной и между гласными исчезло и осталось только v. В греческом оно перешло в β. В языках сатэ оно лишилось лабиализации, причем в славянских g чередуется с ž, а в санскрите — с j (*dž*).

лат. *vīvus* 'живой', гот. *qius*, греч. βίος 'жизнь', слав. **живъ**, лит. *gyvas*, скр. *jīvah*;

лат. *veniō* 'прихожу', гот. *qiman*, греч. βαίνω 'иду', скр. *gá-chā-mi*;

греч. βοῦς 'бык', др.-в.-нем. *chuo* 'корова', скр. *gāu*, 'бык', слав. **гов-ад-о** 'крупный рогатый скот'.

Из двух заднеязычных придыхательных фонем одна была палатализованной, а другая лабиализованной. В балто-славянских языках, где придыхательные перешли в звонкие непалатализованные, отражение как палатализованной, так и лабиализованной придыхательных совпало с отражением соответствующих звонких непалатализованных согласных, но в санскрите, где придыхательность сохранилась, *g^h дало h, а *g^hh — gh, иногда — h.

*g^h:

лат. *vehō* 'везу', греч. ὄχος 'повозка', гот. *ga-wigan* 'двигать', скр. *vahati* 'везет', авест. *vazaiti*, слав. **везъ**, лит. *vežti*;

лат. *hiems* 'зима', греч. χεῖμα 'зима, буря', хетт. *gimman-za*, скр. *himāh* 'зима, холод', авест. *zima-*, слав. **зима**, лит. *žiemà*;

лат. *humus* 'земля', греч. χημαί 'на земле', слав. **земля**, лит. *žemė*;

*g^h:

лат. *niv-em* (вин. пад.) 'снег', *ningvit* 'снег идет', греч. χιων (вин. пад.) 'снег', гот. *snaiws*, слав. **снѣгъ**, лит. *sniėgas*, авест. *snaežaiti* 'снег идет';

греч. θερμός 'горячий', лат. *formus*, нем. *warm*, гот. *warmjan* 'греть', скр. *gharmaḥ* 'жар';

греч. φεύω 'бью', φόνος 'убийство', лат. *of-fen-dō* 'на-тыкаюсь, ушибаю', хетт. *kwenzi* 'бьет', *kunanzi* 'бьют', скр. *hanti* 'бьет', *ghnanti* 'бьют'.

В ряде слов заднеязычная сохраняется как в языках кентум, так и в языках сатэ, напр.,

*k:

лат. *cruor* 'кровь', греч. κρέας 'мясо' — скр. *kravīs* 'сырое мясо', слав. **кръвь**, лит. *kraūjas* 'кровь';

греч. κείρω 'стригу', др.-в.-нем. *skeran* 'резать, стричь' — лит. *skirti* 'отделяю';

лат. *lūcēre* 'светить', греч. λευκός 'белый', гот. *liuhap* 'свет' — скр. *rocate* 'блестит, сияет', слав. **лоучь**, лит. *laikas* 'имеющий белое пятно на лбу'.

*g:

лат. *jugum* 'ярмо', греч. ζυγόν, гот. *juk* — скр. *yugām*, лит. *jūngas*, ст.-слав. **иго** 'ярмо';

греч. στέγω 'покрываю', στέγος, τέγος 'крыша', лат. *tegō* 'покрываю', др.-в.-нем. *dah* 'крыша' — скр. *sthagāmi* 'покрываю, скрываю', лит. *stogas* 'крыша';

греч. ἑράωνος 'журавль', лат. *grūs*, др.-в.-нем. *kranuh* — лит. *gervė*, ст.-слав., др.-рус. **жеравь**.

*gh:

лат. *hortus* 'сад', греч. ὄρετος 'ограда', гот. *gards* 'двор, дом', *garda* 'ограда' — лит. *gařdas* 'огороженное место', ст.-слав. **градъ**, русск. **город**;

лат. *hostis* 'враг, чужеземец', гот. *gasts* 'гость' — слав. **гость**;

греч. *στειχω* 'иду', гот. *steiga* 'поднимаюсь' — скр. *slighnute* 'поднимается, вскакивает', лит. *steigti* 'спешить', ст.-слав. до-стигнѣ.

Эти факты объясняют различно. Одно время существовало мнение, что в праиндоевропейском было три ряда заднеязычных: лабиализованные, обычные (нелабиализованные и непалатализованные) и палатализованные. Оно представлено в курсе сравнительной грамматики К. Бругмана («*Grundriss*»), самом полном из всех существующих, и в некоторых других трудах. В последнее время в поддержку этой концепции выступил И. М. Тронский¹. Но в сравнительно недавнее время стали распространяться концепции двух рядов заднеязычных. Е. Курилович полагает, что в праиндоевропейском существовали обычные заднеязычные и палатализованные, а лабиализованные являются новообразованием языков кентум². В. И. Георгиев (до него Г. Хирт³) считает общепринадлежавшими обычными и лабиализованными заднеязычными, а палатализованные рассматривает как результат палатализации обычных заднеязычных в определенных позициях в истории отдельных языков сатэм⁴. Это были позиции перед гласными переднего ряда *e, i* (в том числе и перед неслоговым *i*), а также перед сонантами *u, r, l*, находившимися перед этими гласными, т.е. перед сочетаниями *ue, re, le* и т.д. Позже происходила, по выражению В. И. Георгиева, унификация раздвоенного корня, т.е. выравнивание корней по аналогии, в результате чего в одних корнях закрепился палатализованный заднеязычный, в других — непалатализованный, и исчезла позиционная обусловленность их.

Автор этих строк разделяет мнение В. И. Георгиева. Теория трех рядов заднеязычных, во-первых, не может объяснить фонетической природы и происхождения палатализованных. Палатализованные заднеязычные, насколько известно, бывают результатом изменения заднеязычных под влиянием соседних палатализирующих звуков, прежде всего — гласных переднего ряда. Такие процессы происходили во многих индоевропейских языках — индийских, славянских, романских. Но что представляли собой палатализованные задне-

язычные, независимые от фонетической позиции, и как произносились они, напр., перед твердыми согласными, мы не знаем.

Во-вторых, эта теория не объясняет, как и почему палатализованные заднеязычные депалатализовались в языках кентум.

А самое главное — теории трех рядов заднеязычных противоречит тот факт, что в языках сатэм есть целый ряд случаев, когда слова одного корня содержат то палатализованный, то непалатализованный заднеязычный. Напр., латинскому *coser*, греч. *ἐξερός* 'свекор', гот. *swaihra* 'свекровь' в санскрите и литовском закономерно соответствуют слова с переднеязычной шипящей: скр. *śvaśrū* 'свекровь', лит. *šėšuras* 'свекор', но в славянском — слово с заднеязычной *k*: **свекры**.

Аналогичным образом греческому *κλέος* 'слух, молва', *κλυτός* 'славный', лат. *in-clutus* 'прославленный' соответствует скр. *śṇóti* 'слушает', *śrutáḥ* 'славный', слав. **слоушати**, но лит. *klausyti* 'слушать'; греческому *ἄκμων* 'наковальня' соответствует скр. *āṣmā* 'камень', но лит. *akmuo*, слав. **камы**; лат. *pictus* 'нарисованный, расписанный' — слав. **пѣсати**, лит. *piešti* 'рисовать', но скр. *piṅkte* 'рисует'; лат. *acer* 'острый', греч. *ἄκρος* 'вершина' — скр. *āśri-* 'угол', слав. **остръ**, но лит. *akūotas* 'ость'; н.-нем. *hader* 'распря' — скр. *śatruḥ* 'враг', но др.-рус. **катора** 'ссора'.

Варианты корня с заднеязычным и соответствующим переднеязычным согласным нередко встречаются в одном и том же языке: слав. **крава** (корова) и **сърна**, **клонити** и **приклонити**, **цвѣтъ** (польск. *kwiat*) и **свѣтъ**, лит. *gaĩdas* 'загородка' и *žaidis* 'загон, огороженное место для телят, жеребят', *kaiĩkti* 'выть' и *šaiĩkti* 'кричать', скр. *śṇóti* 'слышит' и *karṇaḥ* 'ухо', *diśati* 'показывает' и *dik* 'указание, направление, страна', *śarvaraḥ* и *karbaraḥ* 'пестрый' и др.

Гипотеза Е. Куриловича также не объясняет эти факты. Она вообще не основана на исследовании каких-либо конкретных фактов, а построена на соображениях фонологического характера. Однако, как показал И. М. Тронский¹, эти соображения неубедительны.

Изложенные факты объясняются только при допущении, что заднеязычные согласные в языках сатэм палатализовались в известных положениях, а потом выравнивание по аналогии закрепило тот или иной вариант корня (с палатализованным или непалатализованным заднеязычным), или оба варианта, и затемнило фонетические условия, при которых происходила палатализация. Е. Курилович и И. М. Тронский указывают на то, что В. И. Георгиев не объяснил, как палатализованные перестали быть позиционными вариантами заднеязычных фонем и стали самостоятельными фонемами¹. Но это нетрудно сделать, и, может быть, именно поэтому В. И. Георгиев не обратил внимания на эту сторону вопроса. Ведь если происходит выравнивание по аналогии и палатализованный или непалатализованный вариант заднеязычной фонемы распространяется на все формы слова, то он перестает зависеть от фонетической позиции, в результате чего между этими звуками возникает фонологическое противопоставление. Е. Курилович указал на некоторые корни, в которых есть палатализованный заднеязычный, хотя нет никаких условий, которые могли бы вызвать палатализацию, напр., **k̑ntom* 'сто', **ok̑tō* 'восемь'. Объяснения, данные по этому вопросу В. И. Георгиевым в книге «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию», И. М. Тронский считает искусственными предположениями. Но дело в том, что невозможно в настоящее время определить с точностью все возможности палатализации согласного в том или ином слове в праиндоевропейском языке. Мы должны довольствоваться тем, что рассматриваемая теория в принципе дает возможность объяснить возникновение палатализованных согласных. И. М. Тронский считает, что и в принципе теория В. И. Георгиева неудовлетворительна, потому что она отводит слишком большое место выравниванию по аналогии, причем, по этой теории, в подавляющем большинстве случаев аналогия действует в пользу палатализованного согласного. По его мнению, количество случаев, в которых обнаруживается колебание между палатализованным и непалатализованным заднеязычным, весьма незначительно в сравнении с огром-

ным количеством индоевропейских слов, содержащих заднеязычную. Эти случаи можно объяснить, с одной стороны, тем, что оппозиция палатальных и непалатальных гуттуральных в индоевропейском на определенном этапе развития расшаталась, и, с другой стороны, влиянием диалектов кентум на диалекты сатэм¹. Однако, если взять индоевропейские слова только с нелабиализованными заднеязычными, то по отношению к их числу несколько десятков случаев с колебанием палатального и непалатального представляются не столь уж незначительным явлением, тем более, что тщательных поисков в этом направлении еще не было, и, возможно, зафиксированы далеко не все случаи подсобного рода. В. Н. Чекман, занявшись недавно такими разысканиями в литовском языке, нашел значительное количество не упоминавшихся еще в литературе дублетов с заднеязычным и переднеязычным согласными, напр., *k̑duti* 'бить, сражаться' и *š̑duti* 'стрелять', *pra-kȋurti* 'продырявиться' и *šȋurti* (диал.) 'уменьшаться, ухудшаться', *š̑okinēti* 'танцевать' и *k̑okinēti* (диал.) — то же, *š̑nekēti* 'говорить, разговаривать' и *k̑nekēti* (диал.) 'шуметь под ветром', *š̑nabždēti* 'шептать' и *k̑nabždēti* (диал.) — то же, *kleȋvas* и *š̑leȋvas* 'кривоногий', *šȋrsti* и *kȋrsti* (диал.) 'злиться', *k̑elmuō* (диал.) 'пень' и *š̑elmuō* (диал.) 'вершина крыши, конек', *gn̑ybti* и *ž̑nybti* 'щипать', *g̑naibūs* и *ž̑naibūs* 'щипающий, сварливый', *ž̑vaigždē* 'звезда' и *g̑vaizdēti* 'плохо гореть, тлеть', *g̑ėl̑svas* и *ž̑ėl̑svas* (диал.) 'желтоватый', *g̑aȋsȓas* 'пожар' и *ž̑aȋsȓūs* (диал.) 'блестящий', *g̑erti* 'пить' и *ž̑erlȋokas* (диал.) 'пьяница', *g̑iedȓa* 'солнечная, хорошая погода' и *ž̑iedȓa* (диал.) 'чистое небо', *gl̑ėbti* 'хватать, брать в охапку' и *ž̑l̑ėbti* (диал.) 'захватывать' и мн. др. (неопубликованный материал). Объяснение этих случаев расшатанностью оппозиции палатальных и непалатальных неопределенно и неубедительно. Объяснение их влиянием диалектов кентум приложимо к балтийскому и славянскому, которые еще в весьма отдаленную эпоху взаимодействовали с прагерманским, но теряет свою правдоподобность в приложении к индо-иранскому. Что же касается того, что аналогия, предполагаемая В. И. Георгиевым, действовала почти всегда в пользу палатализованного

согласного, то так получается тогда, когда учитываются только случаи, в которых предполагаются индоевропейски палатализованные. Если же учесть и те слова, в которых во всех индоевропейских языках представлены непалатализованные (и нелабиализованные) заднеязычные, то обнаружится немало случаев, когда в языках сатэм аналогия действовала в пользу непалатализованного. Так, непалатализованный сохранился по аналогии в лит. *skiriù* 'отделяю' (срв. греч. *κείρω*, др.-в.-нем. *skeran*), лит. *kerpiù* 'стригу' (срв. лат. *carpō* 'срываю', греч. *κερπός* 'плод'), лит. *kėliù* 'поднимать' (срв. лат. *ex-cello*), слав. *ключь* (срв. греч. *κλήις* 'ключ', лат. *clavis*), лит. *gėrvė* 'журавль', слав. *жеравь* (срв. греч. *γέρωνος*), ст.-слав. *жлѣдица*, укр. *ожеледь* 'гололедица' (срв. лат. *gelū* 'мороз') и др., хотя в этих словах есть все условия для палатализации заднеязычного.

Поскольку мы принимаем теорию двух рядов заднеязычных, отпадает надобность в обозначениях *k̄, ġ, ġh*, и в дальнейшем в этой книге применяются два рода обозначений заднеязычных: *k, g, gh* для нелабиализованных и *kʷ, gʷ, ghʷ* для лабиализованных.

Таким образом устанавливается, что в индоевропейском языке смычные согласные были губные, переднеязычные, заднеязычные нелабиализованные и заднеязычные лабиализованные, причем в каждой из этих категорий была глухая согласная, звонкая и звонкая придыхательная.

В санскрите есть еще глухие придыхательные *ph, kh, th*, которым в греческом соответствуют также глухие придыхательные *φ, χ, θ* и первым двум — в армянском *ph, x*, напр.

скр. *phut-karah* 'выдувание, свистение', греч. *φύσας* 'дуновение', арм. *phukh* 'дуновение';

скр. *skhalāmi* 'оступаюсь', арм. *sxalim* (то же);

скр. *vettha* 'знаешь', греч. *(F)οἶσθα* (окончание 2 лица ед. ч. перфекта).

До сих пор существуют разные мнения об отношении этих фонем к праиндоевропейской фонетической системе. Признать безоговорочно их наследием индоевропейской фонети-

ческой системы мешает ряд обстоятельств: они отражены только в небольшой группе языков, относящихся к восточному ареалу, причем только в санскрите они составляют особую категорию фонем, а в греческом и армянском соответствия этим фонемам единичны; к тому же есть случаи, когда санскритскому *th* в греческом соответствует не *θ* а *τ*: скр. *pr̥thuh* 'широкий' — греч. *πλάτος*, скр. *asthām* 'я стал' (аор.) — греч. *ἄστην*. Важнейшее значение для решения этого вопроса имеют некоторые факты, указывающие на то, что **ph, *kh, *th* образовались из сочетаний глухих смычных **p, *k, *t* с щелевой «ларингальной» фонемой, о которой речь пойдет ниже. Напр., в авестийском языке слово, обозначающее «путь», имеет форму номинатива ед. ч. *pantā*, восходящую к **pantās*, и форму генитива ед. ч. *paθō* ← **pathās*. Чередование фонем в этих формах может быть объяснено только при допущении существования и последующего исчезновения в них «ларингальной»: **pantās* восходит к **pantehs* (при исчезновении «ларингальной» предшествующий гласный удлиняется), а **pathās* — к **pynthēs* (*t* в сочетании с «ларингальной» дает придыхательное *th*). В хеттском окончании 2 лица ед. ч. презенте *-ti* (напр., *sakti* 'знаешь'), соответствующем скр. и греч. окончанию перфекта *-tha*, *t* перед *i* не перешло в *z*, как закономерно в хеттском (срв. 3 л. ед. ч. презенте *kwenzi* 'бьет' — скр. *hanti*); очевидно, в период этого изменения *t* в *sakti* и т.п. было отделено от *i* «ларингальной». Этим подтверждается, что в состав скр. и греч. окончания *-tha* вошла «ларингальная».

В свете этих фактов наиболее вероятным является положение, что глухие придыхательные образовались только в одной группе индоевропейских диалектов в связи с падением «ларингальной».

В недавнее время в языкознании появились данные, заставляющие пересмотреть и вопрос о звонких придыхательных. А. Мартине и Р. Якобсон обратили внимание на то, что в языках мира нередко фонетические системы, в которых есть ряд глухих смычных придыхательных согласных при отсутствии звонких придыхательных, но не засвидетельствованы

языки, в которых существовал бы ряд звонких придыхательных при отсутствии глухих придыхательных¹. Этот факт сам по себе еще не значит, что звонкие придыхательные возможны только при наличии глухих придыхательных, потому что неизвестно, насколько полно и научно доброкачественно обследованы в этом отношении языки мира, но В. В. Мартынов высказал соображение, подтверждающее, что наблюдения А. Мартине и Р. Якобсона открывают подлинный всеобщий языковой закон². Он указал на то, что отсутствие в языках звонких придыхательных при отсутствии соответствующих глухих есть проявление того же закона, что и невозможность любых звонких при отсутствии глухих, любых придыхательных без соответствующих непридыхательных, любых лабиализованных без соответствующих нелабиализованных, любых мягких без соответствующих твердых. Этот закон он сформулировал так: не может быть в языке ряда маркированных фонем (т.е. фонем с дополнительными дифференциальными элементами) при отсутствии ряда соответствующих немаркированных. Эта закономерность очевидна. Она означает, что индоевропейские согласные фонемы, которые до сих пор определялись в сравнительной грамматике как звонкие придыхательные, в действительности были какими-то иными. Еще раньше Э. Прокош указал на то, что эти фонемы отражаются как звонкие придыхательные только в индийских языках, и здесь такое отражение их может быть результатом влияния дравидских и тибето-бирманских языков, в которых звонкие придыхательные есть³. Возможно, что рассматриваемые индоевропейские фонемы были глухими придыхательными. Можно возразить, что в этом случае они в индо-иранских языках совпали бы с теми глухими придыхательными, которые образовались в связи с падением «ларингальной», но этого могло и не быть, если изменение их в протоиндоиранском произошло раньше образования новых глухих придыхательных из сочетания глухих с «ларингальной». По мнению Э. Прокоша, эти индоевропейские фонемы были щелевыми, глухими, слабыми. На современном этапе развития индоевропейской сравнительной грамматики нельзя определить с уверен-

ностью качество этих фонем. В дальнейшем мы называем их условно придыхательными и применяем то обозначение их, которое прочно утвердилось в сравнительной грамматике, — *bh, *dh, *gh, *gʰh, не связывая его, однако, с качеством обозначаемых фонем.

2. ШУМНЫЕ ЩЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

В то время как система смычных согласных в индоевропейском языке была богатой и сложной, щелевых фонем было очень мало.

Из индоевропейских щелевых согласных сохранилась (в некоторых положениях) во всех языках данной семьи только *s*, напр.:

слав. **стати**, лит. *stóti*, лат. *stare* 'стоять', гот. *standan*, скр. *sthātum*, греч. ἵ-στημι 'ставлю';

слав. **о-стровъ**, лит. *sravà* 'течение', др.-в.-нем. *stroum* 'поток', скр. *sravati* 'течет';

ст.-сл. **седмь**, лит. *septyni*, скр. *saptá*, лат. *septem*, гот. *sibun*, греч. ἑπτὰ.

В последнем примере в греческом *s* в начале слова перешло в глухой гортанный согласный. В греческом *s* изменилось во многих положениях. Изменилось оно в тех или иных фонетических положениях и во всех других индоевропейских языках. Так, из индоевропейского *skusā 'сноха' получилось в санскрите *snuṣā*, лат. *nurus*, греч. νόβς, др.-англ. *snoru*, слав. **снѣха**. Здесь начальное *s* исчезло в латинском и греческом, а срединное в санскрите стало церебральным, в латинском и германском перешло в *r*, в греческом выпало, а в славянском перешло в *х*.

Отметим важнейшие изменения. В славянском **s* после *i*, *u*, *r*, *k* перешло в *х*, срв. лит. *saišas* — слав. **соухъ**, скр. *teṣu* (из **toisū*) — слав. **тѣхъ** (мест. пад.). Менее последовательно *s* в этих же положениях перешло в *š* в литовском. В санскрите *s* в этих же положениях стало церебральным: срв. слав. **сынѣхъ** (лок.) — скр. *sūniṣu*, слав. **тѣхъ** — скр. *teṣu*, а в конце слова перед паузой перешло в глухой гортанный *h*.

В латинском *s* между гласными перешло в *r*, срв. *genus* — *generis*, *mūs* — *mūris*. В греческом *s* в начале слова перед гласными перешло в глухой гортанный согласный (т.н. придыхание), срв. лат. *sequor* 'следую' — греч. ἑπομαι, лат. *septem* 'семь' — греч. ἑπτὰ, лит. *saĩsas* 'сухой' — греч. ὑψω 'высыхаю', а между гласными последовательно исчезло, срв. скр. *snuṣā* 'сноха' — греч. ὑψος, скр. *bharase* 'ты несешь (себе)' — греч. φέρει → φέρη.

Многие слова, в начале которых было *s* перед согласной, сохранились в двух видах: с начальным *s* и без него. Примеры:

скр. *sthaḡāmi* 'покрываю, закрываю', греч. στέγος 'крыша', лит. *stogas* 'крыша' и греч. τέγος 'крыша', лат. *tegō* 'покрываю', *toga*, др.-в.-нем. *dah* 'крыша';

гот. *stautan*, др.-в.-нем. *stōsan* 'толкать' и скр. *tudāmi* 'толкаю', лат. *tundō*;

лат. *spectō* 'смотрю', др.-в.-нем. *sprehōn* 'следить, высматривать' и скр. *paṣyāmi* 'смотрю', болг. *пазя* 'храню, оберегаю';

слав. **xoldъ* (ст.-сл. *хладъ*, рус. *холодъ*) из **skoldos* и гот. *kalds* 'холодный';

слав. *скоба* и лит. *kabėti* 'висеть'.

В некоторых языках сохранились оба варианта слова:

греч. στέγος и τέγος 'крыша';

греч. σκῆπτω 'обрублю' и κῆπτω 'рублю';

слав. *скура* 'кожа, шкура' и *кора*;

лит. *skiria* 'отделяет, разделяет', *skiřta* 'трескается' и *keřta* 'рубит'.

Такое *s* получило название *s mobile*. Факультативность его не получила еще полного объяснения. Есть две возможности: либо начальное *s* в таких словах является исконным, но в некоторых фонетических позициях (напр., в зависимости от конечного согласного предыдущего слова) оно исчезло с дальнейшим выравниванием по аналогии; либо оно не входило в состав корня, а присоединялось при каких-то условиях. В пользу последнего предположения говорят факты, собран-

ные Т. Зибсом¹. Он нашел индоевропейские корни, которые в одном виде (без *s*) начинаются звонкой согласной, а в другом — сочетанием *s*+соответствующая глухая. Это значит, что *s* присоединялось к корню и вызывало оглушение начальной согласной корня. Если и признать удовлетворительным это объяснение, то остается неясной причина присоединения *s*. Префиксом оно не могло быть, потому что, во-первых, оно не имеет значения и, во-вторых, в индоевропейском нет следов каких-либо других префиксов.

На каком-то этапе развития праиндоевропейского фонеме *s* противостояла другая щелевая фонема, которую одни языковеды считают ларингальной², другие — фарингальной³, третьи — заднеязычной⁴. Долгое время она всеми признавалась ларингальной, и это название прочно закрепилось за нею. В недавнее время появились данные, которые дают больше оснований считать ее заднеязычной, но название «ларингальная» за нею сохраняется.

Ларингальная во всех языках, за исключением малоазийских, исчезла, да и в последних, в частности в хеттском, она сохранилась лишь в немногих случаях. В армянском находят отдельные случаи сохранения ее, но эти случаи единичны и недостаточно достоверны. Восстановление ее было достигнуто усилиями многих языковедов, и в настоящее время эта проблема еще остается одной из самых сложных, трудных и важных проблем индоевропейского сравнительно-исторического языкознания.

Лишь в нескольких отдельных случаях существование ларингальной в индоевропейском языке свидетельствуется звуковым соответствием: сочетание гласной с согласной *h* в хеттском — соответствующая долгая гласная в других языках, напр.:

хетт. *paḥs-* 'охранять, защищать' — лат. *pāscō* 'пасу', слав. *пасъ*, скр. *patiḥ* 'господин';

хетт. *laha* 'война' — греч. λαός 'войско, народ';

хетт. *pahur* 'огонь' — греч. πῦρ, др.-кельт. *fūrr*;

хетт. *mehur* 'время' — скр. *māti* 'меряет', лат. *mētiōr*, гот. *mēl* 'время';

хетт. *palhis* 'широкий' — лат. *plānus* 'плоский, ровный', лит. *plōtis* 'ширина'.

Это соответствие сложилось в результате того, что в тех языках, где ларингальная исчезала, находившаяся перед нею гласная при этом удлинялась.

Но еще до открытия этого соответствия некоторые индоевропейцы пришли к выводу, что в языке-основе должна была существовать какая-то щелевая согласная фонема, вероятнее всего — ларингальная, которая потом исчезла. К этому выводу привел их анализ некоторых особых чередований фонем.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что долгие гласные **ē*, **ō*, **ā* чередуются в санскрите с *i*, в греческом — с соответствующими краткими *e*, *o*, *a*, в остальных индоевропейских языках — с *a*, напр. скр. *da-dhā-mi* 'кладу' || *hi-taḥ* (из **dhītás*) 'положенный', греч. *τί-θη-μι* 'кладу' || *θε-τός* 'положенный', лат. *fē-c-i* 'я сделал' || *fā-c-tus* 'сделанный'. Изучая это чередование, языковеды предположили, что скр. *i*, греч. *e*, *o*, *a*, лат. и др. *a* отражают особую исходную гласную фонему; наиболее вероятным представлялось, что это была гласная редуцированная. В греческом она отражена как *α*, но в некоторых случаях уподобилась по качеству тем долгим гласным, с которыми она чередовалась, и дала три различных рефлекса. Но почему долгие гласные чередовались не с соответствующими краткими, а с редуцированной? Ответ на этот вопрос стал намечаться только тогда, когда (в связи также с другими фактами) возникло предположение о ларингальной согласной. Если предположить, напр., что в нашем примере корень был не **dhē-*, а **dheh-* (буквой *h* обозначаем ларингальную), то все объясняется вполне удовлетворительно: когда ларингальная исчезла, предшествующая гласная удлинялась, как обычно бывает в таких случаях; в тех же формах, где, по присущим индоевропейским языкам закономерностям чередований, гласная выпадала, ларингальная, оказавшись между двумя согласными, вокализовалась и дала ту гласную, которую называют редуцированной.

Еще более показательны в этом отношении корни с чередованием, в которых есть сонорные согласные. Возьмем, к примеру, старославянское слово *плънь*, литовское *pilnas* 'полный'. Архетип их восстанавливается в виде **p/nos* с *l* слогообразующим. Санскритское *pūrṇaḥ* с *ū* перед *r* свидетельствует о том, что это *l* было долгим (**p/nos*). Но латинское *plēnis* 'полный' и греч. *πῖμπλημι* 'наполняю' отражают корень **plē-*. Гласная *e* могла быть исконной огласовкой этого корня, а вариант **pl-* — результатом выпадения *e*, что, как увидим ниже, при рассмотрении чередований, было закономерно в предударном положении. Но почему *e* в корне **plē-* является долгим, а при его выпадении долгим становится слоговое *l*? Объяснить это можно при допущении, что корень был **pleh-|plh-*. При исчезновении ларингальной слоговая фонема, находившаяся перед нею, удлинялась, и в первом варианте корня получилось долгое *e*, во втором — долгое *l*. Наличие ларингальной в конце корня подтверждается санскритским *parīman* 'полнота, изобилие', которое возводится к **pelh-men*; здесь ларингальная между двумя согласными дала *i*.

Долгие слогообразующие сонорные согласные вообще обнаруживаются в индоевропейском, как правило, в тех случаях, где можно предполагать после них (на основании чередований) ларингальную согласную.

Кроме того, существование ларингальной после глухих смычных свидетельствуется тем, что в санскрите, греческом и армянском в этих случаях получились глухие придыхательные.

Эти факты дают основание полагать, что в праиндоевропейском когда-то существовала, а потом исчезла ларингальная согласная, при исчезновении которой предшествующая слоговая фонема, как гласная, так и согласная, удлинялась. Если ларингальная была между двумя согласными, то она становилась слогообразующей и в дальнейшем не исчезала, а переходила в тот гласный, который принято называть редуцированным.

Однако есть и такие факты, на основании которых некоторые индоевропейцы предполагают существование нескольких ларингальных различного качества. Есть и факты, дающие основание думать, что это были не ларингальные согласные, а заднеязычные. Различны также мнения о времени исчезновения этих согласных. В связи с этой проблемой ларингальных мы посвящаем ниже специальный раздел.

3. СОНОРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Сонорные согласные *r*, *l*, *n*, *m* в обычном для согласных неслоговом положении сохраняются во всех индоевропейских языках. Только в санскрите *r* распространилось за счет *l*, но не вытеснило его окончательно. Это можно видеть в тех из приведенных выше примеров, где есть сонорные, напр.:

**r*:

слав. **ръдѣти**, лит. *rūdas*, скр. *rudhirāḥ*, греч. ῥυδρός, лат. *ruber*, гот. *raups* 'красный';

ст.-слав. **берѣ**, скр. *bhārāmi*, греч. φέρω, лат. *ferō*, гот. *baíra*;

**l*:

слав. **лоучь**, лит. *laūkas*, греч. λευκός, лат. *lucēre*, гот. *liuhaþ*, скр. *rocate* 'блестит';

слав. **слыти**, греч. κλυτός, лат. *in-clutus*, скр. *śrutāḥ* 'славный';

**n*:

слав. **небо**, скр. *nābhaḥ*, греч. νέφος, лат. *nebula*, др.-в.-нем. *nebul*, хетт. *nepis*;

греч. γόνο 'колено', лат. *geni*, гот. *kniu*, скр. *jānu*, хетт. *geni*.

**m*:

слав. **мышь**, лат. *mūs*, греч. μῦς, др.-в.-нем. *mūs*, скр. *mūṣ*;

слав. **домъ**, лат. *domus*, греч. δόμος, скр. *domaḥ*.

Но есть и более сложные соответствия, содержащие сонорные согласные. Их можно объяснить только как отражение сонорных слогообразующих. Напр.:

**r*:

ст.-сл. **сръд-ъце** (др.-рус. **сърд-ъце**), лит. *širdis*, скр. *ṛyd*, греч. καρδίη и καρδία, лат. *cor* (ген. *cordis*), гот. *hairto*, хетт. *kardi-*;

ст.-сл. **съ-мръть** (др.-рус. **сьмьръть**), лит. *mirtis*, скр. *mṛtām*, лат. *mors* (ген. *mortis*), др.-в.-нем. *mord*;

скр. *bhṛtīḥ* 'несение', лат. *fors* 'случай', гот. *ga-baurþs* 'рождение'.

Здесь в старославянском и санскрите — слогообразующее *r*, в других языках — сочетания *r* с разными гласными, но соответствие гласных в этом случае отличается от обычных (см. ниже, в разделе о гласных) и не совсем определено: в греческом бывает *ρх* и *αρ*, в литовском, кроме сочетания *ir*, бывает *ur* и в славянском — **ръ**, **ър** (не только **рь**, **ър**), напр., лит. *gurkl̥ys* 'зоб' — ст.-сл. **грьло**, др.-рус. **гърло**. Очевидно, гласные в этих сочетаниях появились в истории отдельных языков, а к общиндоевропейскому восходит только *r*, которое было слогообразующим.

**l*:

ст.-сл. **влькъ** (и **влькь**, др.-рус. **вълкь**), лит. *vilkas*, скр. *vṛkaḥ*, гот. *wulfs*;

скр. *pṛthūḥ* 'широкий', *pṛthivī* 'земля', греч. πλατός 'широкий', др.-исл. *fold* 'земля'.

**n*:

ст.-сл. **па-мать**, лит. *mintis* 'мысль', лат. *mens* (ген. *mentis*) 'ум, мысль', гот. *muns* 'мысль', *ga-munds* 'память';

скр. *mātīḥ* 'мысль, мнение', греч. αὐτόματος 'самодвижущийся';

лат. *in-* 'не-' (отрицательный префикс), гот. *un-*, скр. *a-*, греч. ἄ-.

**n*:

слав. **съто**, лит. *šimtas*, лат. *centum*, гот. *hund*, греч. ἑκατόν, скр. *śatām*;

ст.-слав. **десать**, лит. *dėšimt*, лат. *decem*, гот. *taihun*, греч. δέκα, скр. *daśa*;

скр. *gātih* 'путь', греч. *βᾱσις* 'ход', лат. *in-ventio* 'находка, изобретение', гот. *ga-qumps* 'соборание'.

Как видим, рефлексy *ŋ** и **ŋ* в большинстве языков совпали (в наших примерах они различаются только в литовском и готском). В славянском им соответствует *ж* или *ъ*, в литовском — сочетания *in, im*, в латинском — *en*, в германских — *un, um*, в греческом и индо-иранских — *a*.

Есть и некоторые еще более сложные соответствия с сонорными согласными. Они рассматриваются как отражение индоевропейских долгих слогаобразующих сонорных. Примеры на плавные:

**f̥*:

скр. *ūrdhvāh* 'обращенный вверх', греч. *ὄρθος* 'прямой' лат. *arduus* 'высокий, крутой' (**f̥dhvós*);

скр. *stīrnāh* 'рассыпанный', греч. *στέρνωμι* и *στρώνωμι* 'стелю', *στρωτός* 'постланный', лат. *strātus* 'простертый' ст.-сл. **про-стрыть** (корень **stf̥-*);

скр. *gīrnāh* 'проглоченный', лит. *girtas* 'пьяный', *gurklis* 'зоб', ст.-сл. **грьло**, греч. *βᾱρχθρον* 'ущелье, пропасть' (корень **gʷf̥-*);

**l̥*:

скр. *pūrnāh* 'полный', греч. *πολλοί* (из *πολ-vo-ι* 'многие'), лит. *pilnas*, ст.-сл. **плънь**, гот. *fulls* (**pl̥nos*);

скр. *dīrghāh* 'длинный', греч. *δολιχός*, ст.-сл. **дльгъ**, лит. *ilgas*, хетт. *dalugas* (**dl̥ghos*).

Соответствия эти еще менее определены, чем те, которые отражают краткие слогаобразующие сонорные. В санскрите бывают сочетания *īr* и *ūr*, в греческом — *ορ, ολ* и *ρω, λω*, также — *αρχ*, в латинском — *ar* и *rā, lā*, в германских — *ar, al* и *ul*, в литовском — *ir, ūr, il*. Долгие гласные в сочетании с плавными согласными в санскрите, греческом и латинском и отличие интонации этих сочетаний от отражающих краткие *r, l* в литовском дают основание полагать, что эти сочетания восходят к долгим слогаобразующим плавным.

Отражение долгих слогаобразующих носовых более определено, но примеров очень мало.

**ṇ̥*:

скр. *jātāh* 'рожденный', лат. *(g)nātus*, гот. *(guma-)kunds* 'мужского пола' (букв. 'родившийся мужчиною') (**gṇ̥tós*);

скр. *ṛātā* 'жена брата мужа', ст.-сл. **ятры** (корень **jṇ̥t-*).

**ṇ̄*:

скр. *úgāt* 'он пришел', греч. *ἔβη* (**e-gʷṇ̄-t*).

Главным признаком отражения долгих слоговых носовых является в санскрите и греческом долгое *a*, в латинском — сочетание *nā*.

Сочетания, отражающие долгие слоговые сонорные, чередуются обычно с сочетаниями, которые свидетельствуют о наличии в прошлом «ларингальной» согласной, как напр., в случае, упомянутом в предыдущем разделе: скр. *pūrnāh* 'полный' — скр. *páriman* 'полнота' — лат. *plēnus* 'полный'. Из этого видно, что долгие слоговые сонорные образовались из сочетаний кратких слоговых сонорных с «ларингальной».

В итоге соответствия между индоевропейскими языками в области согласных фонем можно представить схематически в виде следующей таблицы (без долгих слоговых сонорных).

Соответствия согласных фонем

Архетип	Хетт.	Скр.	Греч.	Лат.	Ст.-слав.	Лит.	Гот.
<i>*t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>τ</i>	<i>t</i>	т	<i>t</i>	<i>p, d</i>
<i>*d</i>	<i>t</i>	<i>d</i>	<i>δ</i>	<i>d</i>	д	<i>d</i>	<i>t</i>
<i>*dh</i>	<i>t</i>	<i>dh</i>	<i>θ</i>	<i>f, d</i>	д	<i>d</i>	<i>d (p)</i>
<i>*p</i>	<i>p</i>	<i>p</i>	<i>π</i>	<i>p</i>	п	<i>p</i>	<i>f, b</i>
<i>*b</i>	<i>p</i>	<i>b</i>	<i>β</i>	<i>b</i>	б	<i>b</i>	<i>p</i>

Архетип.	Хетт.	Скр.	Греч.	Лат.	Ст.-слав.	Лит.	Гот.
*bh	p	bh	φ	f, b	б	b	b (f)
*k	k	ç, k	κ	k	с, к	š, k	h, g
*g	k	j, g	γ	g	з, г	ž, g	k
*gh	k	h, gh	χ	h	з, г	ž, g	g
*k ^u	kw	k (c)	π, τ	qu	к (ч, ц)	k	hw
*g ^u	kw	g (j)	β	v, gv	г (ж, з)	g	q
*g ^u h	kw	gh, h	φ, θ	v, gv, f	г (ж, з)	g	w
*s	s	s, š	σ(ς), σ'	s	с, х	s, š	s
*r	r	r	ρ	r	р	r	r
*l	l	r, l	λ	l	л	l	l
*n	n	n	ν	n	н	n	n
*m	m	m	μ, ν	m	м	m	m
*ɣ	ar	ɣ	ρα, αρ	or	рь, рь	iř, uř	air, aúr
*l	al	ɣ	λα, αλ	ul	ль, ль	iľ, ul	ul
*n	an	a	α	en	а, ъ	iñ, uñ	un
*m	?	a	α	en	а, ъ	iñ, uñ	um

4. СОСТАВ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Система гласных фонем в индоевропейском языке была не столь разнообразна, как система согласных. На последнем этапе развития этого языка она достигла известного разнообразия, но на предшествующих этапах была беднее, и неоднократно высказывалось даже мнение, что первоначально она сводилась к одному *e*.

Рассматривая гласные с точки зрения фонологической, т.е. функциональной, а не по их артикуляции, начнем с фонемы *e*, игравшей самую важную роль в системе гласных. С нею была связана фонема *o*, поскольку они чередовались, причем, по всем данным, *o* образовалось из *e*. Фонема *a* не чередовалась с другими и была менее распространена, чем *e* и *o*. Эти гласные выделялись тем, что были всегда слогаобразующими. Гласные *i*, *u* были довольно частыми, но они бывали не только слоговыми, но и неслоговыми. Это свойство объединяло их с сонорными согласными, и вместе с последними они составляли особую группу, занимавшую промежуточное положение между гласными и согласными.

Гласные различались не только по качеству, но и по долготе. В отдельных диалектах долгие и краткие гласные изменялись по-разному.

Гласные образовывали дифтонги. Было два ряда дифтонгов: *ei*, *oi*, *ai* и *eu*, *ou*, *au*.

Гласные индоевропейского языка восстанавливаются на основании следующих соответствий.

*ē:

ст.-сл. *юсть*, лит. *ėsti*, греч. *ἐστί*, лат. *est*, гот. *ist*, скр. *asī*, хетт. *eszi*;

ст.-сл. *небо*, лит. *debesis* 'облако', греч. *νέφος* 'облако', скр. *nábhah* 'небо, облака', лат. *nebula* 'туча, туман', др.-в.-нем. *nebul* 'туча, туман';

ст.-сл. *берѣ*, греч. *φέρω* 'несу', лат. *ferō* 'несу', гот. *baira* 'несу', скр. *bhárāmi* 'несу'.

*ē:

ст.-сл. сѣма, сѣмѣ, лат. *sēmen*, лит. *sėju* 'сею', греч. *ἔμμι* (из **si-sē-mi*) 'бросаю';

ст.-сл. дѣ-ти, лит. *dė-ti* 'класть', греч. *τί-θη-μι* 'кладу', скр. *dā-dhā-mi* 'кладу', лат. *fēc-i* 'я сделал';

ст.-сл. ѣд-агъ, лат. *ēd-imus* 'едим', лит. *ėd-ęs* 'едящий', греч. *ἐδ-ηδ-ώς* 'съевший', скр. *ād-i-vān* 'съевший', хетт. *et-mi* 'ем'.

Таким образом, индоевропейское *ē* почти во всех древних языках этой семьи сохранялось как краткое *e*, но в индийских перешло в *a* краткое; такое же изменение произошло в иранских языках. В германских оно отражается в одних случаях как *e*, в других — как *i*. В хеттских письменных памятниках индоевропейское *e* передается иногда как *e*, но чаще как *i*. Колебания в написании *e* и *i* бывают и в словах, не имеющих индоевропейских соответствий, и наводят на мысль, что замена *e* на *i* была обусловлена особенностями клинописной системы письма. Но не исключена возможность того, что написание *i* в некоторых случаях соответствовало произношению и что, следовательно, индоевропейское *e* отражалось в хеттском не только как *e*, но и как *i*. Индоевропейское *ē* в греческом, латинском, литовском сохранилось как долгое *e*; в славянском оно приобрело особое качество, вследствие чего обозначалось особой буквой ѣ; в литовском оно также отличается качественно (произносится закрыто); в индийских и иранских перешло в *a* долгое.

*ō:

ст.-сл. ов-ьца, лит. *avis*, лат. *ovis*, греч. *ὄ(ς)ις*, скр. *āvih*;

ст.-сл. око, лит. *akis*, лат. *oc-ulus*, греч. *ὄσος* (из **ok^uie*) 'глаза', *ὄψομαι* 'увиджу', скр. *ākṣi*;

ст.-сл. осмь, лит. *aštuoni*, греч. *ὀκτώ*, лат. *octō*, гот. *ahtāu*, скр. *aṣṭā*.

*d̥:

ст.-сл. да-ти, да-ръ, лит. *dūomi* 'даю', греч. *δί-δωμι* 'даю', *δῶ-ρον* 'дар', лат. *dō-num* 'дар', скр. *da-dā-mi* 'даю', *dā-nam* 'дар';

ст.-сл. зна-ти, лит. *žinó-ti*, греч. *γί-γνώ-σχω* 'узнаю', лат. *co-gnō-scō* 'узнаю', скр. *jñā-tum* 'знать'.

Краткое *o* в литовском и германских языках дало *a*, в остальных, за исключением санскрита, сохранилось как *o*. Долгое *o* в славянских языках отражается как *a*, в германских, наоборот, сохранилось как *o*, а в литовском обычно дало дифтонг *uo*. В индийских и иранских *o*, как и *e*, перешло в *a*, сохраняя обычно свою долготу. В хеттском *o* перешло в *a*.

*ā:

ст.-сл. орѣ 'пашу', лит. *ariū*, греч. *ἀρόω*, лат. *arō*, хетт. *harra-* 'ломать';

ст.-сл. ось, лит. *ašis*, греч. *ἄξων*, лат. *axis*, др.-в.-нем. *ahsa*, скр. *ākṣah*;

ст.-сл. от-ьць, греч. *ἄττα* 'папа', гот. *atta* 'отец', хетт. *attas* 'отец'.

*ā:

ст.-сл. мати, лит. *móteris* 'женщина', лат. *māter*, греч. *μήτηρ*, др. *μᾶτηρ*, др.-в.-нем. *muoter*, скр. *mātā*;

ст.-сл. ста-ти, лит. *stó-ti*, лат. *stā-re*, греч. *ἀ-στή-μι*, др. *ἄ-στᾶ-μι* 'ставлю', скр. *sthā-tum* 'стоять', хетт. *tī-tta-nu-* 'ставить'.

Краткое *a* во всех упомянутых языках сохранилось, за исключением славянских, в которых оно перешло в *o*. Долгое *a* в литовском и германских языках дало *o* долгое, в остальных сохранилось как *a*, сохраняя (за исключением славянских) свою долготу.

Таким образом, *a* и *o* совпали в славянских, литовском и германских языках, причем в славянских *o* и *a* краткие дали *o*, долгие — *a*, а в литовском и германских наоборот: краткие *o*, *a* дали *a*, долгие — *o*.

В хеттском эти гласные также совпали, но здесь они независимо от своей долготы всегда отражаются как *a*.

В индийских и иранских языках все три основных гласных *e*, *o*, *a* совпали в одном *a* (соответственно долгом или кратком), но в санскрите сохранились следы прежнего разли-

чения этих гласных. Оно отражается, во-первых, в том, что перед тем *a*, которое восходит к индоевропейскому *e*, заднеязычные согласные *k*, *g* перешли в палатальные шипящие *s*, *j*, а перед *a* иного происхождения сохранились. Напр., в формах единственного числа перфекта корень удваивается, причем в первой части гласный *e* сохраняется, во второй заменяется на *o* (греч. $\delta\acute{\epsilon}$ - $\delta\omicron\rho\chi$ - χ 'я увидел', $\lambda\acute{\epsilon}$ - $\lambda\omicron\upsilon\pi$ - χ 'я оставил'); в санскрите в этих формах в первом слоге заднеязычный перешел в шипящий, во втором сохранился: *ca-kar-a* 'я сделал', *ja-gam-a* 'я пошел'. Во-вторых, *a*, восходящее к индоевропейскому *o*, в неконечном открытом слоге бывает обычно в санскрите долгим (срв. акк. ед. ч. скр. *pādam*, гр. $\pi\acute{o}\delta\chi$ 'ногу', 3 л. ед. ч. перфекта скр. *ja-jān-a* 'родил, произвел', гр. $\gamma\acute{\epsilon}$ - $\gamma\omicron\nu$ - ε), в то время как *a*, восходящее к другим кратким гласным, сохраняет краткость.

Гласные *i*, *u* в индоевропейском бывали слоговыми и неслоговыми. Рассмотрим сначала слоговые.

**i*:

греч. $\lambda\acute{\iota}\nu\omicron\nu$ 'лен', лат. *linum*, лит. *linas*, ст.-сл. **льнь**;
скр. *vidhavā* 'вдова', лат. *vidua*, гот. *widuwō*, ст.-сл. **вьдова**;
скр. *triśú* '(о) трех' (лок.), греч. $\tau\rho\acute{\iota}\varsigma$, лит. *trisė*, ст.-сл. **тръхъ**.

**i̯*:

скр. *jīvaḥ* 'живой', лат. *vīvus*, лит. *gyvas*, ст.-сл. **живъ**;
гот. *sweīn*, др.-в.-нем. *swīn* 'свинья', лат. *svīnus* 'свиной', ст.-сл. **свиниа**;
скр. *grīvā* 'затылок', русск. **грива**.

Во всех языках **i* сохранило свое качество и количество, за исключением славянских, в которых *i* краткое перешло в **ь**, а *i* долгое сохранило свое качество, но утратило долготу.

**ī*:

скр. *duhitā* 'дочь', греч. $\delta\upsilon\chi\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, лит. *duktė*, ст.-сл. **дъщи**;
скр. *snuṣā* 'сноха', лат. *nurus*, греч. $\nu\acute{o}\varsigma$, ст.-сл. **снъха**;
скр. *radhirāḥ* 'красный', лат. *ruber*, греч. $\epsilon\rho\upsilon\theta\rho\acute{o}\varsigma$, лит. *rūdas* 'рыжий', ст.-сл. **ръдѣти**.

**ū*:

скр. *dhūmāḥ* 'дым', лат. *fūmus*, греч. $\theta\upsilon\mu\acute{o}\varsigma$ 'дух', лит. *dūmai* 'дым', ст.-сл. **дымъ**;
скр. (вед.) *sūnāḥ* 'сын', лит. *sūnūs*, гот. *sunus*, ст.-сл. **сынъ**;
скр. *mūṣ* 'мышь', лат. *mūs*, греч. $\mu\acute{o}\varsigma$, др.-в.-нем. *mūs*, ст.-сл. **мышь**.

Как видим, **ū* и **ī* во всех языках сохранились, за исключением греческого, где они стали *ū* (соответственно краткое или долгое), и славянских, где **ū* перешло в **ъ**, а **ī* — в **ы**.

Неслоговые **i*, **u* перед гласными отражаются во всех индоевропейских языках как согласные *j*, *v*.

**j*:

скр. *yaḥ* 'который', греч. $\acute{o}\varsigma$, гот. *jains* 'тот', лит. *jis* 'он', ст.-сл. **и** (из **jь**), ю-го;
скр. *yugām* 'ярмо', лат. *jugum*, греч. $\zeta\upsilon\gamma\acute{o}\nu$, гот. *juk*, лит. *jūgas*, ст.-сл. **иго** (из ***jьgo** → **jьgo**);
скр. *madhyaḥ* 'средний', лат. *medius*, греч. $\mu\acute{\epsilon}\sigma\sigma\omicron\varsigma$, гот. *midjis*, ст.-сл. **межда** (из ***medja**).

В греческом *j* в начале слова перешел в одних случаях в глухой гортанный согласный, обозначавшийся значком над гласной буквой, в других — в аффрикату ζ . Причина этого различия еще не установлена.

**u*:

скр. *vāhāmi* 'везу', лат. *vehō*, гот. *ga-wiga* 'двигаю', лит. *vežti*, ст.-сл. **везѣ**;
скр. *āvīḥ*, лат. *ovis*, греч. $\acute{o}(\tilde{F})\iota\varsigma$, лит. *avis*, ст.-сл. **овьца**;
скр. *navāḥ*, лат. *novus*, греч. $\nu\acute{\epsilon}(\tilde{F})\omicron\varsigma$, ст.-сл. **новъ**.

На чем же основано утверждение, что согласные *j*, *v* отражают индоевропейские *i*, *u* неслоговые? Основанием ему служит тот факт, что когда после этих согласных исчезает гласный (**e* или **o*), то они, становясь слоговыми, превращаются в гласные *i*, *u*. Напр., скр. *trāyas* 'три', гр. $\tau\rho\acute{\epsilon}\iota\varsigma$ (из **trejes*), лат. *trēs* (из **trejes*) отражают форму **treies*, причем в санскрите **i* дало *j*. Но в форме локатива после *i*

не было гласного, и здесь оно уже отражается как *i*: скр. *triŭi*, гр. *τρισι*, ст.-сл. **трѣхъ**. В скр. *dyāus* 'небо', гр. *Ζεὺς* **i* отражается как *j* (в греческом сочетании *dj* дало ζ), но в дат. скр. *divé*, гр. *Δί* (из **divi*) вместо него *i* слоговое. Слово, обозначающее «сон», в индоевропейском было образовано от двух видов корня: с гласным **e* (**swer-n-os*) и без него (**sup-n-os*). Первый засвидетельствован санскритским *svapnaḥ*, второй — греческим *ὑπνος* (из **supnos*), слав. **сънь** (из **sŭpnos*). Во втором вместо *v* — гласный *u*. От корня **uek-* 'голос' (скр. *vāc* 'голос, речь', *vācāmi* 'говорю', гр. (ἑ)ἔπος 'речь', лат. *vōx* 'голос, vocō 'зову', др.-в.-нем. *gi-wahan* 'размышлять') в санскрите образовано страдательное причастие *uk-tá-ḥ* 'сказанный'. В славянских языках сочетание **-ва-** чередуется с **ы**, происходящим из **ŭ*: **квась** — **кыслъ**, **хватати** — **хытити**. Из этого видно, что *j*, *v* по происхождению являются позиционными вариантами фонем *i*, *u*. Произшел ли переход *i*, *u* в *j*, *v* еще в языке-основе или уже в отдельных языках-потомках, неясно.

Высказывалось мнение (К. Бругманом, Ф. Ф. Фортунатовым), что в индоевропейском языке, кроме *j*, *v*, образовавшихся из *i*, *u*, существовали также *j*, *v*, не связанные с гласными, но это не удалось доказать.

Итак, соответствия в области гласных фонем схематически можно представить в виде следующей таблицы:

Соответствия гласных фонем

Архетип	Хетт.	Скр.	Греч.	Лат.	Ст.-слав.	Лит.	Гот.
* <i>e</i>	<i>e</i>	<i>a</i>	ε	<i>e</i>	ѣ	<i>e</i>	<i>i, e</i>
* <i>ē</i>	<i>e</i>	<i>ā</i>	η	<i>ē</i>	ѣ	<i>ė</i>	<i>ē</i>
* <i>o</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	ο	<i>o</i>	ο	<i>a</i>	<i>a</i>
* <i>ō</i>	<i>a</i>	<i>ā</i>	ω	<i>ō</i>	а	uo	<i>ō</i>

Архетип	Хетт.	Скр.	Греч.	Лат.	Ст.-слав.	Лит.	Гот.
* <i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	α	<i>a</i>	о	<i>a</i>	<i>a</i>
* <i>ā</i>	<i>a</i>	<i>ā</i>	ᾱ (η)	<i>ā</i>	а	<i>ō</i>	<i>ō</i>
* <i>i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	ι	<i>i</i>	ь	<i>i</i>	<i>i</i>
* <i>ī</i>	<i>i</i>	<i>ī</i>	ῑ	<i>ī</i>	и	<i>u</i>	<i>ī</i>
* <i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	υ	<i>u</i>	ъ	<i>u</i>	<i>u</i>
* <i>ū</i>	<i>u</i>	<i>ū</i>	ϋ	<i>ū</i>	ы	<i>ū</i>	<i>ū</i>
* <i>j</i>	<i>i</i>	<i>y</i>	ι, ' , ζ	<i>j, i</i>	й	<i>j</i>	<i>j</i>
* <i>v</i>	<i>u</i>	<i>v</i>	Ϝ	<i>v</i>	в	<i>v</i>	<i>w</i>

5. ДИФТОНГИ

Если *i*, *u* находились после основных гласных *e*, *o*, *a*, перед согласными, то они образовывали с этими гласными дифтонги. Дифтонги получили в отдельных письменно зафиксированных языках особое отражение.

Первой частью дифтонга всегда был один из чисто слоговых гласных, второй — неслоговой гласный. Поэтому по второму компоненту дифтонга разделялись на два ряда — *ei*, *oi*, *ai* и *eu*, *ou*, *au*, в каждом из которых было три дифтонга.

**ei*:

греч. εἶσι 'идет', скр. *ēti*, лат. *it*, лит. *eiti*, ст.-слав. **идеть**;
греч. χειμῶν, χειμῶν 'зима, буря', скр. *hēmantah* 'зима', лат. *hiems*, лит. *žiema*, слав. **зима**;

греч. στείχω 'ступаю, иду', гот. *steiga*, др.-в.-нем. *stigu* 'всхожу'.

*oi:

греч. (F)οἶδх 'знаю', скр. *vēda*, гот. *wait*, прус. *waisei* 'знаешь', ст.-слав. **вѣмь**;

греч. φέρομεν 'понесем' (желат. накл.), скр. *bhārēma*, ст.-слав. **берѣмъ**.

*ai:

греч. λη(F)ός 'левый', лат. *laevus*, ст.-слав. **лѣвъ**;

греч. αἶθερ 'жар, огонь', скр. *ēdhaḥ* 'дрова', лат. *aestus* 'жар', *aedēs* 'храм, комната' (первон. 'домашний очаг');

греч. χῶραι 'страны', лат. *terrae* 'земли', ст.-слав. **рыбѣ** 'две рыбы'.

Во многих отдельных языках происходила монофтонгизация дифтонгов на *i*, но в разное время и в разной степени. В общеславянском языке дифтонг *ei* перешел в *i*, а *oi*, *ai* — в **ѣ**, но в балтийских дифтонги сохранились. В санскрите все три дифтонга дали долгое *e*, но в иранских языках они сохранили дифтонгический характер, совпавши только в одном *ai* (вследствие перехода *e*, *o* в *a*). В латинском в III—II веках до н.э. *ei* перешел в *i*, *oi* — в *ū*, *ai* — в *ē* (хотя в литературном языке классического периода сохранялся дифтонг *ae*).

В готском только *ei* монофтонгизировался (дал *i*), а *oi*, *ai* остались дифтонгами, совпавши в одном *ai*. В греческом дифтонги сохранялись в эпоху древнейших письменных памятников, но позже (примерно в течение V—II веков до нашей эры) *ei* перешел в *ē* и дальше в *i*, а еще позже (в первых веках нашей эры) *oi* изменился в *o*, а *ai* — в *e*. В хеттском есть только дифтонг *ai*, который встречается редко и чередуется с *e*: *taitti* 'кладешь, ставишь' — *tehi* 'кладу, ставлю', *naitti* 'направляешь' — *nehi* 'направляю' и т.д.

*eu:

гр. πεύθομαι 'выведываю', скр. *bódhami* 'пробуждаюсь, узнаю', лит. *baudžiù* 'наказываю, браню', ст.-сл. **блудж**;

гр. ἐρῶμαι 'изрыгаю', лат. *erūgō*, лит. *rāngiu*.

*ou:

скр. *bodháyāmi* 'бужу', лит. *báudyti* 'побуждать', ст.-сл. **боудити**;

гр. βοῦς 'бык, корова', скр. *gāuḥ*, др.-рус. **гоу-мьно** (слав. **gov-ędo* 'бык, корова');

*au:

гр. αῦς 'сухой', скр. *ṣōṣas* 'высыхание', лит. *saūsas* 'сухой', ст.-сл. **соухъ**;

гр. αὔς 'судно', скр. *nāuḥ*, лат. *nauta* 'моряк';

лат. *auris* 'ухо', лит. *ausis*, гот. *auso*, слав. **оухо**;

гр. ταῦρος 'дикий бык', лат. *taurus*, др.-рус. **тоуръ**.

В славянских языках дифтонг *eu* перешел в сочетание *ju* (вероятно, через ступень *iu*), а *oi* и *ai* — в *u*. В санскрите все три дифтонга совпали в монофтонге *ō*, а если первый гласный был долгим, то в дифтонге *āu*, но в древних иранских языках дифтонг *au* сохранялся и с краткой первой частью. В латинском языке *eu* и *oi* изменились в *u*, а дифтонг *ai* сохранился. В греческом монофтонгизировался только дифтонг *ou* (в *u*). В готском *eu* дал *iu*. В хеттском есть только *au*, встречающийся очень редко и чередующийся с *u*: *autti* 'видишь' — *uhhi* 'вижу'.

6. ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ СЛОГА

Слоги в индоевропейском языке были открытые и закрытые, т.е. могли оканчиваться на слоговые и неслоговые фонемы. Но деление фонем на слоговые и неслоговые далеко не совпадало с делением их на гласные и согласные, хотя и соотносилось с ним в известных пределах. Соотношение это состояло в том, что большинство гласных (*e*, *ē*, *o*, *ō*, *a*, *ā*) бывали только слоговыми и большинство согласных — неслоговыми. Но наиболее звучные из согласных — сонорные — бывали и слоговыми, а наиболее узкие гласные, которые при известных условиях могли приближаться по артикуляции к фрикативным согласным, — неслоговыми.

Фонемы, выполнявшие функции слоговых и неслоговых, принято называть сонантами. Гласные, которые бывали только слоговыми, для краткости будем называть основными.

Основные гласные и гласные сонанты четко разграничивались по их положению в дифтонгах: основные всегда были первой частью дифтонга, сонанты — второй.

А. Мейе полагает, что сонорные согласные также бывали второй частью дифтонга, т.е. что сочетания **er*, **el*, **en*, **em*, **on*, **ol* и т.п. перед согласными были дифтонгами. Так сблизив гласные и согласные сонанты, он вообще не проводит между ними различия и считает сонанты особой категорией фонем, не относящейся ни к гласным, ни к согласным¹. Но это мнение спорно.

Сонанты выделяются по своей роли в образовании слогов, а гласные и согласные — по артикуляции и звучанию, следовательно, это категории разных планов. По артикуляции и звучанию *i*, *u* являются гласными, а *r*, *l*, *n*, *m* — согласными. *r*, *l*, *n*, *m* становятся слоговыми тогда, когда они попадают в положение между двумя согласными и в силу этого неизбежно должны стать вершиной слога. Следовательно, *r*, *l*, *n*, *m* (слоговые) — не особые фонемы, а позиционные варианты фонем *r*, *l*, *n*, *m*. Аналогичным образом *i*, *u* неслоговые являются позиционными вариантами слоговых и остаются гласными. В славянских и балтийских языках *r*, *l*, *n*, *m*, как согласные, противопоставляются по твердости-мягкости. В праиндоевропейском, по-видимому, не было этого противопоставления, но важно то, что сонорные в принципе способны к нему, как и всякие согласные. Для *i*, *u* такое противопоставление в принципе невозможно, потому что они являются гласными. В отличие от сонорных согласных, они с другими гласными образуют дифтонги. Сочетания же *er*, *el*, *en*, *em* и т.п. не являются дифтонгами, потому что дифтонгом называется сочетание двух гласных в одном слоге.

Неслоговой звук, находившийся между двумя слоговыми, относился всегда ко второму слогу. Поэтому дифтонги могли быть только перед неслоговыми звуками (обычно — согласными). Если же сочетание основного гласного с гласным сонантом находилось перед слоговым звуком, то сонант отходил ко второму слогу и не составлял с предшествующим гласным дифтонга. Напр., в слове **ouis* 'овца' (лат. *ovis*, греч. *ὄ(ς)ις*, скр. *avih*) есть сочетание *ou*, но оно не является дифтонгом, потому что *u* входит во второй слог. В корне **nau-* (греч. *ναῦς*, скр. *pauh*) 'судно' есть дифтонг *au*, но этот же корень

в составе основы **nau-*, отраженной в лат. *navis*, уже не содержит дифтонга. В форме **trejes* 'три' (скр. *trayaḥ*, греч. *τρεῖς*) сочетание *ei* также не является дифтонгом, потому что *e* относится к первому слогу, а *i* — ко второму.

7. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ В ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

Фонетические соответствия между индоевропейскими языками рассмотрены нами до сих пор далеко не полно, потому что в предыдущих разделах мы брали из отдельных языков только самые простые, показательные факты, наиболее удобные для реконструкции праиндоевропейских фонем. В ряде случаев описанные выше соответствия усложняются теми позиционными изменениями, какие претерпели в отдельных языках унаследованные от языка-основы фонемы. Поэтому для полноты картины нужно обратиться к отдельным языкам.

Хеттский

Самой значительной особенностью хеттского консонантизма, как видно из предыдущего, является утрата различия между шумными согласными по звонкости-глухости. Однако нужно отметить, что различие между согласными, отражающими индоевропейские глухие, звонкие и звонкие придыхательные, в хеттском не исчезло полностью. Хеттологами замечена закономерность, состоящая в том, что индоевропейским глухим согласным в хеттских текстах соответствуют удвоенные обозначения согласных, а звонким — неудвоенные. Из этого видно, что индоевропейское противопоставление глухих согласных звонким сменилось в хеттском противопоставлением глухих усиленных глухим слабым¹. Тадеушем Милевским замечены факты передачи согласных, соответствующих индоевропейским звонким придыхательным, без удвоения (скр. *nabhah* — хетт. *nepis*, скр. *dirghah* 'долгий' — хетт. *dahugas*, греч. *λέχος* 'ложе' — хетт. *laki*)²; они говорят о том, что звонкие придыхательные совпали в хеттском с простыми звонкими и потом вместе с ними перешли в глухие

слабые. Однако эта закономерность проявляется непоследовательно: в хеттских памятниках есть немало случаев, когда одно и то же слово, одна и та же морфема пишется то с удвоенной, то с неударенной согласной. Кроме того, нередко обозначаются удвоенно и сонорные согласные, которые не могут быть глухими¹. Из этого можно заключить, что в хеттском противопоставление слабых и усиленных согласных в эпоху письменности уже исчезало.

Важной отличительной чертой хеттского консонантизма является также наличие заднеязычной щелевой фонемы, соответствующей праиндоевропейской «ларингальной». Нужно отметить, что полностью отождествлять эту фонему с «ларингальной» все же нельзя. Как выше уже упоминалось, «ларингальная» в хеттском языке в ряде случаев исчезла. С другой стороны, фонема *h* есть в ряде хеттских слов, в которых не удастся обнаружить индоевропейские этимологии; есть такая фонема и в неиндоевропейских языках хеттского царства — хаттском и хурритском. Эти факты указывают на то, что в хеттской фонеме *h* соединились две фонемы различного происхождения: «ларингальная», унаследованная от индоевропейского, и заднеязычная щелевая фонема, унаследованная от неиндоевропейского субстрата.

В области вокализма особенностью хеттского является отсутствие фонемы *o*; индоевропейскому *o*, краткому и долговому, здесь соответствует *a*.

Очень мало отражены в хеттском индоевропейские дифтонги. Дифтонгов *ei*, *eu* вовсе нет. Изредка встречаются только *ai*, *au*. При этом дифтонг *ai* чередуется с *e*, напр., *taiti* 'ты кладешь' — *tehi* 'я кладу', *naiti* 'ты ведешь' — *nehi* 'я веду'; видимо, в некоторых позициях он перешел в *e*. Сравнение хетт. *kimanz* (или *kemanz*) 'зима' с греч. *χειμα*, скр. *hemantah*, хетт. *kita*, *kitari* 'лежит' с греч. *καίτω*, скр. *çete* и хетт. *tekkussami* 'показываю' с греч. *δείκνυμι*, *ἔδειξεν*, скр. *adikṣat* 'он показал' свидетельствует о том, что и дифтонг *ei* в хеттском дал *e*. Известный американский хеттолог Э. Стертевант полагает, что индоевропейские дифтонги *ei*, *oi* с кратким первым компонентом дали в хеттском *e*, а с долгим — *ai*; дифтонги же

ei, *oi*, по его мнению, с кратким первым гласным дали *i*, а с долгим — *ai*¹. Однако ему не удалось доказать это ввиду скудости материала по отражению в хеттском дифтонгов **ei*, **oi* и почти полного отсутствия его по дифтонгам **eu*, **ou*.

Очень мало отражены в хеттском индоевропейские слогообразующие *r*, *l*, *ŋ* и вовсе не отражено *ŋ*. Такие соответствия, как хетт. *kardi* 'сердце' — греч. *καρδίη*, *κρδίη*, лат. *cor*, слав. *сръдце*, хетт. *eshar* 'кровь' — скр. *aś-k*, греч. *ἔαρ*, хетт. *arnuzi* 'принесит' — скр. *ṛnoti* 'двигается, достигает', хетт. *palhis* 'широкий' — скр. *pṛthuh*, греч. *πλάτος*, хетт. *anzas* 'нас, нам' — гот. *uns*, скр. *as-mān* 'нас', дают основание предполагать, что *r*, *l*, *ŋ* в хеттском дали сочетания *ar*, *al*, *an*.

Мало отражено и чередование гласных. Такие случаи, как *sakhi* 'знаю' — *sekweni* 'знаем', *watar* 'вода' — *wetenas* 'воды', свидетельствуют о существовании некогда в хеттском чередования *e* || *o*. Степень редукции представлена обычно гласным *a*, но в сочетании с сонантом — отсутствием гласного. Об этом свидетельствует сравнение чередований: индоевр. **esti* 'он есть' — **sonti* 'они суть' и хетт. *eszi* — *asanzi*. Э. Стертевант присоединяет к этому также хетт. *etmi* 'я ем' — *atanzi* 'они едят'; с другой стороны, хетт. *kwenzi* 'бьет' и *kunanzi* 'бьют', *hwekzi* 'колдует' и *hukanzi* 'колдуют'

Утрата различия согласных по звонкости-глухости, монофтонгизация дифтонов во многих случаях, слабое отражение индоевропейского чередования гласных с большой вероятностью объясняются как результаты скрещивания хеттского (и всей малоазийской группы) с неиндоевропейскими языками Малой Азии.

Санскрит

Фонетическая система санскрита, наряду с древнегреческой, является самым близким отражением праиндоевропейской. В ней сохранилось противопоставление согласных глухих, звонких и звонких придыхательных. К этой системе

смычных согласных присоединилась еще категория согласных диалектного происхождения — глухие придыхательные. Хорошо отражено разделение фонем по функциям на слоговые, неслоговые и сонанты, система дифтонгов, количественное чередование гласных, чередование долгих гласных с редуцированной. Не случайно учение о чередовании гласных впервые возникло в Индии и достигло высокого развития уже в древнейшей известной грамматике санскрита Панини, написанной за три-четыре века до нашей эры. Значительным отступлением индийской фонетической системы от индоевропейской является только совпадение трех слоговых гласных *e*, *o*, *a* в одной *a* (с сохранением долготы) в результате чего исчезло отражение индоевропейского качественного чередования. Еще до этого совпадения заднеязычные смычные согласные *k* (из **kʷ* и **k*), *g* (из **gʷ* и **g*) перед гласными переднего ряда *i*, *e* перешли в переднеязычные шипящие аффрикаты *c*, *j*, как видно из таких сравнений, как лит. *keturi* 'четыре', слав. **четыре** — скр. (акк.) *caturaḥ*, греч. γένος, лат. *gens* 'род' — скр. *janah* 'род, люди'. Наиболее наглядно выступает это изменение в перфекте глаголов, корень которых начинается с заднеязычной. Здесь в корневом слоге, который в индоевропейском характеризовался огласовкой *o*, заднеязычная сохраняется, но в удвоительном слоге, который имел огласовку *e* или *i*, она заменяется на шипящую аффрикату: *cakāra* 'я сделал' (из **kekora*), *jigāya* 'я победил' (из **gigoja*). По этому изменению можно определять в сомнительных случаях, образовалось ли индийское *a* из *e*, или *o* (или *a*). Таким образом, индоевропейскому **kʷ* или **k* в санскрите соответствует не только *k*, но и *c*, и индоевропейскому **gʷ*, а также **g*, — не только *g*, но и *j*. Такое соответствие есть и в авестийском; видимо, изменение заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда в шипящие аффрикаты произошло еще в общеарийском языке. В нем же произошло и более позднее совпадение трех основных гласных в одной *a*, как видно из того, что оно отражено не только в индийских, но и в иранских языках.

В общеарийскую эпоху началось изменение *s* (из **k̑* и **s*) в *ś* после *i*, *u*, *r*, *k*. В иранских языках это *ś* сохранилось, а в индийских потом перешло в церебральный щелевой согласный *ṣ*, напр., скр. *tiṣṭhati* 'стоит' — греч. ἵστημι 'ставлю', лат. *sistō* 'ставлю'; скр. *aśveṣu* (*e* — из *oi*) 'на конях', но лат. *sistō* 'на кобылах'; скр. *uṣṭaḥ* 'горячий, жаркий' — лат. *ustus* 'паленый, горячий'; скр. *juṣṭaḥ* 'приятный' — греч. ἵσταναι 'вкушаю, пробую', лат. *gustō* 'пробую'; скр. *gīrṣam* 'голова' — греч. ἄρστη 'висок', скр. *vakṣyāmi* 'буду говорить'. Как видно из этих примеров, *t* и *th* после церебрального *s* также изменились в соответствующие церебральные (*t* и *th*; *d* и *dh* после него также изменились в церебральные) *ḍ* и *ḍh*, но перед ними *s* потом выпало: скр. *nīḍaḥ* 'гнездо' — арм. *nist* 'сиденье, место', лат. *nīdus* 'гнездо', нем. *nest* (**ni-sd-o-* из **ni-* 'вниз' и **sed-* 'сидеть'); скр. *mīḍhaḥ* 'борьба, приз' — греч. μισθός 'плата', гот. *mizdo*, слав. мьзда. *n* перешло в церебральное *ṇ* после *s* и после *r*, которое в древнеиндийском произносилось церебрально: скр. *mṛṇāmi* 'разбиваю' — греч. μῖρναιμι 'борюсь'; скр. *kṛṣṇaḥ* 'черный' — прус. *kirsna* 'черный', ст.-слав. **чѣрнь**. Таким образом, в древнеиндийском образовался целый ряд церебральных согласных. Тот факт, что древнеиндийское *r* было церебральным и что *s* после *i*, *u*, *r*, *k* также дало церебральный согласный, объясняется влиянием неиндоевропейских языков, с которыми скрещивался индийский. Церебральные согласные мы находим, например, в дравидских языках Индостана.

В конце слова перед паузой согласные подвергаются изменениям. *s* и *r* заменяются гортанным глухим щелевым согласным *h*, напр., *manaḥ* 'мысль, ум, дух' (но ген. *manasaḥ*, лат. *manase* и т. д.), *punaḥ* от *punar* 'опять'. Все заднеязычные согласные (глухие и звонкие, придыхательные и непридыхательные) совпадают в одной *k*, напр., *-dhak* от *dagh-* 'достигать'. Все церебральные согласные, а также придыхательные аффрикаты *ch*, *jh*, совпадают в одной *t*; *ṣaṭ* из *ṣaṣ* 'шесть', аор. *apṛāṭ* 'он спросил' от *prach-* 'спрашивать'. Все переднеязычные зубные смычные совпадают в одной *t*

(*suhyt* 'друг', л.о. ген. *suhydaḥ*, дат. *suhyde* и т.д.; *ksut* 'го-
лод', л.о. ген. *ksudkaḥ*, дат. *ksulke*) и губные — в одной *p*
(*triṣṭup* от *triṣṭubh* 'один из ведийских размеров'). *j* и *ç* пе-
реходят в одних случаях в *k* (*bhiṣak* от *bhiṣaj* 'врач', *dik*
от *diç* 'страна'), в других — в *ṭ* (*rāṭ* от *rāj* 'царь').

В санскрите очень развито взаимодействие соприкасаю-
щихся звуков в словах, не разделенных паузой (последнего
звука предыдущего слова и начального последующего слова),
а также внутри слова в его морфемах (корне и суффиксах).
Правила этих звуковых изменений называются по традиции
сандхи (что значит «связь, ссоединение»). Их довольно много,
и рассмотрение их не входит в задачу курса сравнительной
грамматики.

Греческий

Как уже упоминалось, в греческом хорошо отражена
индоевропейская система гласных, противопоставление со-
гласных глухих, звонких и придыхательных. Но в нем про-
изошли многочисленные позиционные изменения звуков,
сильно усложнившие соответствия греческих фонем индо-
европейским и придавшие фонетической системе греческого
языка глубоко специфический характер.

В конце слов отпали смычные согласные, как можно ви-
деть из примеров: *σῶμα* 'тело' — ген. *σώματος*, дат. *σώματι*;
γυνή 'женщина' — ген. *γυναικίς*, дат. *γυναικί*; *γάλα* 'мо-
локо' — ген. *γάλακτος*, дат. *γάλαкти*. Конечное *m* пере-
шло в *n*: *χθών* 'земля' из **χθωm* (срв. *χθαμαλός* 'низкий'),
ἐκατόν (**kmtom*, срв. скр. *catām*, лат. *centum*), ном. -акк.
сред. р., напр., *ζυγόν* (**jugom*, срв. скр. *yugam*, лат. *jugum*),
ген. множ. ч. *ποδῶν* (**pedōm*, срв. скр. *padām*, лат. *pedum*),
1 л. ед. ч. *ἔφερων* (**e-bherom*, срв. скр. *abharam*). Таким об-
разом, из согласных в конце слова бывают только *s*, *n*, *r*.

В начале слова перед сонантами *r*, *l*, *n*, *m*, *u* (последний
потом выпал) образовались протетические гласные *e*, *o*, *a*,
из них самый частый — *e*. Перед начальным *r* протетические
гласные обязательны, перед остальными бывают в отдель-
ных случаях. Примеры:

έρυθρός 'красный' — срв. скр. *rudhirah*, лат. *ruber*, русск.
руда, гот. *raufs*;

ἔρεβος 'тьма' — срв. скр. *rajas*, гот. *riqis*;

ῥέγω 'простираю' — срв. лат. *regō* 'направляю';

ἐλεύθερος 'свободный' — срв. лат. *liber*, рус. люди, нем.

leite;

ῥέξω 'отражаю, защищаю' — срв. скр. *rakṣati*;

νόμα 'имя' — срв. скр. *nāma*, лат. *nōmen*;

νῆρ 'муж' — срв. скр. *nar*, лат. *Nerō*;

μίχλη 'туман' — срв. ст.-сл. мьгла;

μέλω 'дою' — срв. лат. *mulgeo*, нем. *melken*;

εἴκοσι 'двадцать' из **ēṭicosi* — срв. лат. *viginti*.

Из других индоевропейских языков протетические глас-
ные есть только в армянском и албанском. Распространено
мнение, что они образовались из различных «ларингальных»
согласных.

Разнообразные изменения претерпели в греческом несло-
говые сонанты *i*, *u*, причем изменились также согласные,
сочетавшиеся с ними.

Начнем с *i* и сочетаний его с согласными.

В начале слова *i* перешло обычно в глухую гортанную
согласную, обозначаемую надстрочным значком ' : *ἴς* 'ко-
торый' — срв. скр. *yaḥ*, лит. *jis* 'тот, он'; *ἥπαρ* 'печень' — срв.
скр. *yakṣ-t*, лат. *iesur*; *ἱγνός* 'священный' — срв. скр. *yajnaḥ*
'жертвоприношение'. Однако в некоторых отдельных словах
начальное *i* дало *z*: *ζυγόν* 'ярмо' — срв. скр. *yugam*, лат.
iugum, гот. *juk*, слав. иго.

Между гласными *i* выпало: *τρεῖς* 'три' из *treies* ← **treies*,
срв. скр. *trayaḥ*; *δέος* 'страх' из **dyeios*, срв. гом. перф.
δειδω из **dedyō* ← **dedyoia*; *φοβέω* 'гоню, ненавижу' — срв.
скр. *bhājayāmi* 'гоню'.

Изменились сочетания сонантов *u*, *n*, *m*, *r*, *l* с *i*.

После *o* и *a* в группах *ui*, *ni*, *ri* произошла перестановка
и получились сочетания *iu*, *in*, *ir*: *κλαίω* 'плачу' из **klaiuō* ←
**klauiō*, срв. аор. *ἐκλυσα*; *φαίνω* 'свечу, являю' из **bha-
niō*, срв. аор. *ἔφην*; *μοῖρα* 'часть, доля, судьба' из **morja*,
срв. *μόρος* 'жребий, судьба'.

После *e, i, y* сочетание *ci* изменилось так же (*δῖος* 'божественный' из **diuḱios*), но из сочетаний *ni, ri* получились соответственно *n, r* с удлинением предшествующей гласной: κτείνω 'убиваю' из **ktēnō* ← **ktenjo*; φθείρω 'порчу, уничтожаю', аркад. φθῆρω из **φθερίω*; κλίνω 'наклоняю' из **klinjō*; ὀτρύνω 'побуждаю' из **otrunjō*. В лесбосском диалекте в этих сочетаниях удлинилась не предшествующая гласная, а сама согласная *n* или *r*: κτένω, φθέρω, κλίνω и т.д. Из этого видно, что изменение сочетаний *ni, ri* после *e, i, y* состояло в том, что *i* ассимилировалось предшествующей согласной, в результате чего получились долгие *n, r*; в лесбосском диалекте изменение на этом остановилось, а в остальных согласная сократилась с заменительным удлинением предшествующей гласной.

Сочетание *mi* после всех гласных перешло в *ni* и дальше изменялось, как описано выше.

Сочетание *li* после всех гласных дало долгое *l*: ἄλλος 'другой' из **aljos*, срв. лат. *alius*; φύλλον 'лист' из **foljon*, срв. лат. *folium*.

Сочетания *ti, thi* дали *s*; между гласными в некоторых диалектах — *ss*, в беотийском — *ti*; в аттическом вообще — *s*, но из *ti* иногда — *ti*: σῆμα 'знак' — срв. скр. *dhyāman* 'мысль'; σέβομαι 'почитаю, стыжусь, боюсь' — срв. скр. *tyajati* 'избегает'; μέσος (гомер. μέσσορ, беот. μέττορ) 'средний' из **methjos* ← **medhjos*, срв. скр. *madhyaḥ*, лат. *medius*, рус. межа; μέλισσα (аттич. μέλιττα) 'пчела' из **melitja*; аттич. πᾶσα, фесс., аркад. πάνσα 'вся' из **pantja*. Видимо, сначала *ti, thi* перешли в *ts*, а потом в этом сочетании либо первый элемент уподоблялся второму, либо наоборот.

Сочетания *ki, ki* перешли в начале слова в аттическом и беотийском диалектах в *t*, в остальных — в *s*, а между гласными соответственно в *ti* и *ss*: πῆσκαλος, аттич. πᾶτταλος 'колок, гвоздь', из **pakjalos*, срв. πῆγνονι 'втыкаю', лат. *pāx, pangō*; πίσσα, аттич. πῖττα 'смола' из **pikja*, срв. лат. *pīx*; ὄσσα, аттич. ὄττα 'слух, молва' из **uok^uja*, срв. ἔπος 'слово, речь' (из **uek^uos*), срв. скр. *vāk* 'голос', лат. *vōx*; гомер. ὄσσε 'глаза' из **ok^uje*, срв. лат. *okulus*, слав. око. Видимо,

эти изменения также прошли через стадию *ts*, но это происходило позже, чем изменения исконного сочетания *ts*, а также *ts*, возникшего из *ti, thi*, вследствие чего результаты этих изменений различаются.

Результаты же изменений сочетаний звонких язычных согласных с *i*, т.е. *di, gi, g^ui*, совпали: все они перешли в *dz*. *di* → *dz*: πεζός 'пеший' из **pedjos*, срв. ген. πεδός, лат. ген. *pedis*; Ζεύς из **diēus*, срв. ген. Διός, скр. *dyāuḥ* 'небо', лат. *deus*.

gi → *dz*: гомер. φύγα 'бегство' из **fuyga*, срв. аор. ἔφυγον.

g^ui → *dz*: νίζω 'мою' из **nig^uiō*, срв. νίπτρον 'вода для умывания'.

Сочетания *pi, phi* перешли в *pt*: κλέπτω 'краду' из **klepiō*, срв. κλοπή 'кража'; θάπτω 'хороню' из **thaphiō*, срв. τάφος 'могила' (о переходе придыхания с одного согласного на другой см. ниже).

В сочетании *si* между гласными *s* выпало:

гомер. νάϊω 'живу, обитаю' из **nasiō*, срв. аор. νάσσω; ἀλήθεια 'правда' из **alēthesia*, срв. ἀληθής 'истинный, справедливый'; гомер. νεικείω 'браню' из **neikesiō*, срв. νεικός 'брань, ссора'; гомер. τοῖο, аттич. τοῦ 'того' из **tosjo*, срв. скр. *tasya*.

Неслоговой сонант *u* выпал. Лишь в немногих отдельных случаях он перешел в другой звук или оставил после себя тот или иной след в соседнем звуке.

В начале слова перед гласной *u*, как правило, выпало: ὄχος 'колесница' из **uoghos*, срв. скр. *vahāmi* 'везу', лат. *vehō*, слав. везѣ; ἔπος 'слово, речь' из **uek^uos*, срв. скр. *vāk*, лат. *vōx*; οἶδω 'знаю' из **uoida*, срв. скр. *veda*, гот. *wait*, др.-рус. вѣдѣ. Однако в некоторых словах начальное *u* перед гласной перешло в глухую гортанную согласную (т.н. придыхание), напр., ἔννυμι 'надеваю' из **uesnumi*, срв. лат. *vestis* 'одежда'; ἑσπερος 'вечер' из **uesperos*, срв. лат. *vesper*. Это было фонетически закономерно в тех случаях, когда за гласной, следовавшей за *u*, была согласная *s*. Но по аналогии придыхание заменило начальное *u* и в некоторых других случаях.

Если *y* находилось перед *r*, то исчезновение его повлекло за собой изменение *r*. Обычно сочетание *yr* было в начале слова; в этом положении исчезновение *y* привело к оглушению *r*: аттич. ῥήτρᾱ ‘соглашение’, срв. элейск. ῤῥᾱτρᾱ; аттич. ῥήγνυμι ‘рву, ломаю’, срв. лесб. ῤῥῆξις. В греческой письменности глухое произношение *p* в начале слова обозначалось постановкой над ним знака придыхания⁴. В середине слова сочетание *yr* оказывалось только в сложных словах, после аугмента, удвоения и т.п. В этих случаях после выпадения *y* удлинялось *r*: аор. ῥρηγίζα ‘я разорвал’ из **eyrēksa*; πολύρριζος ‘многокорневой’ из **poluyridzos*, срв. лесб. βρίζα ‘корень’ из ῤρίζα.

Между гласными *y* выпало бесследно: κλέος ‘молва, слух’ из **kleuos*, срв. скр. *cravañ* ‘слух’, слав. слово; πλέω ‘плыву’ из **pleuō*, срв. аор. ἔπλευσα, скр. *plavate* ‘плывет’, ст.-сл. **пловъ**; νέος ‘новый’ из **neuos*, срв. лат. *novus*, слав. **новъ**; аттич. ἄθλον, гомер. ἔεθλον ‘приз, награда’, срв. аркад. αἵεθλα.

После согласных изменения *y* были различны и. После *k* *y* исчезло с удлинением предшествующей согласной: ἵππος, диал. ἴκκος из **ekuos*, срв. скр. *aṣvañ*, лат. *equus*; πέλεκυς ‘топорище’, πελεκῶ, гомер. πελεκῆω ‘обрубаю, тешу’, срв. πέλεκυς ‘топор’, скр. *paraṣuñ*.

После *d* аналогичное изменение произошло в гомеровском диалекте, а в аттическом *y* исчезло бесследно: аттич. ἔδεισεν ‘испугался’, гом. ἔδδεισεν из **edyēise*; аттич. δέδιμεν ‘мы боимся’, гомер. δαίδιμεν (εἰ = ē) из **dedyimen*.

Сочетание же *ty* изменилось в начале слова в *s*, а в середине — в *ss* (в аттическом и беотийском диалектах — в *tt*): σέ ‘тебя’ (акк.) из **tye*, срв. скр. *tvām*, слав. **тво-и**; σάκος ‘щит’ из **tyakos*, срв. скр. *tvacañ*; аттич. τέτταρες, гомер. τέσσαρες ‘четыре’ из **k^hetyores*, срв. скр. *catvarañ*, лат. *quattuor*, лит. *keturi*.

После *n*, *r*, *l* исчезло *y*, причем в одних диалектах (в том числе аттическом) бесследно, в других (в том числе ионийском) — с заменительным удлинением гласной, предшествующей данному сочетанию: аттич. ξένος, гомер. ξείνος,

дор. ξῆνος ‘гость’, срв. элейск., коринф. ξενφος; аттич. (поэт.) ген. δορός, гомер. δουρός из **doryos*, срв. ном. δόρυ ‘дерево, древко’; аттич. κόρη, гомер. κοῦρη ‘девушка’, срв. аркад. κορῶ; аттич. κάλός, гомер. κᾶλός ‘красивый’, срв. беот. κάλφος.

Сочетание *sy* в начале слова перешло, через ступени *ш*, *ц*, в придыхание. Между гласными оно выпало с заменительным удлинением предшествующей гласной. Примеры: ἐκυρός ‘свекор’ из **syekyros*, срв. скр. *ṣvaṣurañ*, ст.-слав. **свекръ**; аттич. νεώς, ион. νηός, дор. νᾶός, ‘храм’ из **nasyos*, срв. νίω, ἐνχσση ‘жить, обитать’; аттич., гомер. εἴωθα ‘я привык, имею обыкновение’ (εἰ = ē) из **sesyōtha*, от возвр. местоимения **syē-*. В отдельных (очень немногих) словах начальное *sy* дало *s*: σιγή ‘молчание’ из **syīgā*, срв. др.-в.-нем. *swīgen*.

Во многих греческих диалектах *y* еще существовало в некоторых положениях в эпоху древнейших надписей и обозначалось буквой *Ϝ*. Только в ионийско-аттическом диалекте оно исчезло до появления древнейших письменных памятников. Однако в гомеровских поэмах метрика стиха указывает еще на сравнительно недавнее произношение *y* в некоторых положениях.

Из согласных мало сохранилось в греческом исконное *s*; оно также претерпело разнообразные изменения.

В начале слова перед гласной *s* перешло в придыхание (которое в ионийском и некоторых других диалектах исчезло): ἔπομαι ‘следую’ из **sek^homai*, срв. лат. *sequor*, скр. *sacate*, лит. *sekù*; ὅ, ἡ ‘тот, та’ из **so*, **sā*, срв. скр. *sa*, *sā*, гот. *sa*, *sō*; ἑπτά ‘семь’, из **septm*, срв. скр. *sapta*, лат. *septem*; ἅλς ‘соль’ из **sals*, срв. лат. *sāl*, слав. **соль**.

Между гласными *s* выпало, но если предшествующая гласная начинает слово, то перед ней появилось придыхание; видимо, исчезновение *s* между гласными вообще переходило через стадию придыхания: εἰπόμην ‘я следовал’ (имперф.) из **ehēpomēn*, срв. ἔπομαι; аттич. ἔως, ион. ἧώς ‘заря’ из **ausōs*, срв. лат. *aurōra*; νύξ ‘сноха’ из **snusos*, срв. лат. *nūrus*, слав. **сньха**; аттич. γένους, гомер. γένους] ‘рода’

(ген.) из *genesos, срв. лат. generis из *geneses; γίγνη ‘ты рождаешься’ из * γίγνεσαι, срв. Зл. ед. ч. γίγνεται; ἐγένου ‘ты родился’ (аор.) из *ἐγένεο ← *ἐγενεο, срв. Зл. ед. ч. ἐγένετο.

Между согласными *s* выпадало, если согласные различались по месту артикуляции; при этом первый согласный становился придыхательным: ἐφθός ‘вареный’ из *ἐπστός, срв. ἐψω варю; τέταχθε ‘вы построили (свое войско), назначили’ из *тетαχсθε ← *тетαχсθε, срв. τέταγμα.

Если же *s* было между согласными, не различавшимися по месту артикуляции, то оно сохранялось, а исчезал предшествующий согласный: δίσκος из *δικσκος, срв. дикиѣн ‘бросить’; διδάσκω ‘учу’ из *διδακсω, срв. лат. doceō; βλάσφημος ‘вредноречивый’ из *βλαпсфᾱμος, срв. βλάβος ‘вред’.

Сохранялось *s* и перед глухой согласной, или после нее (за исключением случая, упомянутого выше): στόρνυμι ‘стелю’, срв. скр. stŕnōti, лат. sternō, ст.-сл. прострѣти; ἵσται ‘сидит’, ср. скр. āste; βάσχω ‘иду’ из *g^hnskō, срв. скр. gachāmi; ἄξων ‘ось’, скр. akṣaḥ; λείψω ‘отпущу’, срв. лит. liksiu.

Перед согласными сонантами *n*, *m*, *r*, *l* *s* выпало. При этом если сочетание *s* и сонанта находилось в начале слова, то *r* и *l* оглушались, что обозначалось знаком придыхания над *r*, а в некоторых древних надписях — и над *l*. Если же это сочетание было в срединном положении, то удлинялся предшествующий гласный. Примеры: νίφα ‘снег’ (акк.) из *snig^h-h-ŕi, срв. лит. sniėgas, слав. снѣгъ, гот. snaiws (из *snoig^h-); μία ‘одна’ из *smia, срв. ѣн ‘одно’ из *sem; ῥέω ‘теку’ из *sreūō, срв. скр. sravati ‘течет’, рус. струя, нем. Strom; аттич., ион. σελήνη, эол. σελάννα ‘луна’ из *selasnā; атт. εἰμί, дор. ἦμί ‘я есмь’ из *esmi, срв. ἐστέ ‘вы есте’; гомер. τρήρων ‘боязливый, дрожащий’ из *trasrōnt, срв. трѣω ‘дрожу, боюсь’, ст.-сл. трасѣ; εἴληφα ‘я взял’ из *seσlāφα.

В сочетаниях *ns*, *ms*, если они находились между гласными, *s* выпадало с заменительным удлинением предшествующей гласной: ἔφηνα ‘я показал, объявил’ (аор.) из *εφανса, срв. φαίνω из *φανiω; ἐνεμα, дор. ἐνημα ‘я разде-

длал, пас, владел’ (аор.), из *ἐνεμα, срв. νέμα. Но если эти сочетания находились перед согласным, то исчезал носовой сонант: σύστασις ‘восстание, борьба’ из *συνστατις.

Сочетание *rs* сохранилось (только в аттическом диалекте перешло в *rr*): ион. τάρσος, аттич. τάρρς, ‘сушилка, плетенка’; ион. κόρη, аттич. κόρη ‘висок’.

В нонийско-аттическом, лесбосском и аркадо-кипрском диалектах согласная *i* перешла в *s* перед слоговым *i* в следующих случаях: в конечном слоге -τι(πέρουσι ‘в прошлом году’, срв. дор. πέρυτι; φέρουσι ‘они несут’ из *bheronti, срв. дор. φέροντι), в суффиксе имен действия -ti (βάσις ‘ход’ θέσις ‘положение’, δόσις ‘давание’), в суффиксе прилагательных на -τιος(ἐνιαύσιος ‘годовой’, срв. дор. ἐνιαύτιος) и существительных на -τιᾱ(γερονσία ‘старость’, срв. дор. γεροντία). В суффиксе имен действия это изменение произошло и в других диалектах.

В греческом языке была распространена ассимиляция соседних звуков, как гласных, так и согласных. Соседние гласные в результате ассимиляции сливались в одну (ассимиляция в одних диалектах была регрессивной, в других — прогрессивной): аттич. τιμᾶν, дор. τιμῆν ‘оценивать, ценить, чтить’ из *timaēn; атич. τιμᾶτε, дор. τιμῆτε ‘вы цените’ из *timaete; τιμῶμεν ‘мы ценим’ из *timaomen; аттич. γένη, гомер. γένεα ‘роды’ из *genesa; аттич. φιλοῦμεν, ион. φιλεῖμεν ‘мы любим’ из *philōmen.

Ассимиляция согласных бывала, главным образом, по глухости-звонкости (ζευγτός ‘запряженный’ из *zeugtos, срв. ζεύγνυμι; κρύβδην ‘скрытно’ из *krubdhn, срв. κρύφα) и по способу артикуляции (гомер. ποσσί ‘ногами’ из *podsi; σεμνός ‘почтенный’ из *seβnos, срв. σέβομαι ‘почитаю’; συλλέγω ‘собираю’ из *sullegō; βέβλαμμαι ‘я не нанесен вред’ из *beβlambai, срв. βλάβος ‘вред’).

Из случаев диссимиляции согласных нужно обратить внимание на устранение придыхания в согласном, если в слове есть другой придыхательный согласный, напр., τᾱχύς ‘быстрый’ из *thachys, срв. θάσσων ‘быстрее’ (из *thaxiōn), παίδω ‘убеждаю’ из *peidō, срв. лат. fidō ‘верю’, τίθημι ‘кладу’ из *tithmi.

Из согласных латинского языка лишь немногие подверглись существенным позиционным изменениям.

Заднеязычный смычный звонкий лабиализованный *g*^h (на письме — *gu*), происходящий как от **g^h*, так и от **g^hh*, в начале слова перед гласной и между гласными перешел в *u*. В начале слова: *vīvus* 'живой' из **g^hivos*, срв. скр. *jīvah*, греч. βίος 'жизнь', лит. *gyvas*, слав. живъ; *venō* 'прихожу' из **g^hmō*, срв. скр. *agamat* 'пошел' (аор.), греч. βάλω 'иду', гот. *qīman* 'приходить'. Между гласными: *nivem* 'снег' (акк.) из **nig^hem*, срв. ном. *nix* из **nig^h-s*; *struō* (на письме *struō*) 'строю' из **strug^hō*, срв. перф. *struxi* из **strug^hsi*.

Соответствующий глухой согласный *k*^h (на письме *qu*) утратил лабиализацию перед лабиализованными гласными *u*, *o* (последнее в закрытом срединном и кончном слогах потом перешло в *u*): *locūtio* 'речь' из **lok^hutio*, срв. *loquor* 'говорю'; *secūtus* 'следующий' из **sek^hutos*, срв. *sequor* 'следую'; *quercus* 'дуб' из **k^herk^hos*, срв. *querquēum* 'дубовая роща'; *colus* 'веретено' из **k^holos*, срв. греч. πῶλος 'ось'.

Переднеязычный звонкий *d* отпал в конце слова после долгой гласной: абл. ед. ч. *praedā* (в древних надписях — *praidād*) 'добычей', *meritō* (древн. *meritōd*) 'заслугой', *magistratū* (древн. *magistratūd*) 'магистратом' и т.п., 3 лицо ед. и множ. ч. императива футура *datō* 'пусть даст', древн. *datōd*; *suntō* 'пусть будут', от глагола *esse*, древн. *suntōd* (но сохранился после краткой гласной: *ād* 'к, у', *sēd* 'но', *id* 'то', *quid* 'что' и т.д.).

В начальном и срединном положении *d* в некоторых словах перешло в *l*: *lacrima* 'слеза' (древн. *dacruma*), *lingua* 'язык' (древн. *dingua*), *olēre* 'пахнуть' (при *odor* 'запах'), *solum* 'трон' (при *sedeō* 'сизу'); условия этого перехода еще не установлены.

Как видно из примеров, древнейшими источниками (надписями, свидетельствами римских филологов) засвидетельствованы формы с *d*; следовательно, изменения *d* происходили в эпоху литературной латыни.

s между гласными перешло в *r*: ген. ед. ч. *mūris* от *mūs* 'мышь', *flōris* от *flōs* 'цветок', *operis* от *opus* 'работа'; *queror* 'жалуюсь' из **kuesor*, срв. *questus sum* 'я жаловался' (перф.); суффикс инфинитива *-re* из **-se*, срв. *esse* 'быть'. Римским филологам и писателям были известны и формы с сохранением *s* в этом положении; по фактам, которые они сообщают, установлено, что переход *s* в *r* завершился в середине IV века до н.э.

Неслоговые гласные сонанты *i*, *u* в определенных положениях изменились, иногда вместе с соседними согласными.

i между гласными в латинском, как и в других италийских языках, выпало: *trēs* из **trees* ← **trejes*, срв. скр. *trayah*; *aēnus* 'медный' из **aies-nos*, срв. скр. *ayah* 'медь'; *eō* 'иду' из **eiō*, срв. *īs* 'идешь' из **eis*; *ca* 'та' из **eja*, срв. *is* 'тот' (корень **ei/i*).

d перед *i* в начале слова выпало: *Jovis* из **dīojes*, срв. в древн. надп. *Diovo*, скр. *dyāuh* 'небо', греч. Ζεύς. Между гласными сочетание *dī* перешло в *ji* (на письме — *i*): *peior* 'худший' из **pediōs*, срв. скр. *paduate* 'попадает, попадаетея, гибнет', слав. падеть; *caja* 'дубина' из **caidja*, срв. *caedō* (*caidō*) 'бить'. То же получилось и из сочетания *gi*: *maior* 'большой' из **magiōs*, срв. *magnus*; *aiō* 'утверждаю' из **agiō*, срв. *ad-agiō* 'поговорка'.

После других согласных перед гласной сонант *i* стал слоговым: *medius* 'средний' из **medhjos*, срв. скр. *madhyah*, гот. *midjis*; *speciō* 'смотрю' из **spekiō*, срв. скр. *paçyati* 'смотрит'; *capio* 'беру' из **kapiō*, срв. гот. *haffja* 'поднимаю'; *veniō* 'прихожу' из **g^hmō*, срв. греч. βάλω 'иду'; *alius* 'другой' из **aljos*, срв. греч. ἄλλος; *etiam* из *et iam*.

u выпало между двумя гласными, если они были одинаковыми (качественно), но это явление не было обязательным. Гласные при этом сливаются. Примеры выпадения: *lātrina* 'мыльня' из *lavātrina*, срв. *lavō* 'мою'; *oblitus* 'забытый' из **oblivitos*, срв. *obliviscor* 'забываю'; *audiū* 'я слушал' (перф.) из **audivī*; *dītis* 'богатого' (ген.) из *divītis*, срв. ном. *dives* 'богатый'; *sīs* 'если тебе угодно' из *sī vīs*. Однако довольно многие слова и формы бывали в двух фонетических вариан-

тах: с выпадением *u* и без выпадения, а в словах *sevērus* 'суровый', *avārus* 'жадный, скупой', *lavātiō* 'мытье', *oblī. vīscor* 'забываю' *u* вообще сохранилось.

u выпало также перед *o* (за исключением начального положения): *deus* 'бог' из **deivos*, *parum* 'недостаточно' из **parvom*, *deorsum* 'вниз' из **devorsom*, *bovm* 'быков' (ген. множ. ч.) из **bovom*. Но в начале слова *u* перед *o* сохранилось: *vocō* 'зову', *volō* 'летаю', *vorō* 'поглощаю'.

Сочетания *ku*, *gu* сливались в один лабиализованный заднеязычный согласный: *equos* 'конь' из **ekyos*, срв. скр. *aṣvaḥ*; *levis* 'легкий' из **leguis* ← **leghuis*, срв. греч. ἐλαχύς, скр. *laghuḥ*.

Сочетание *du* между гласными дало *u* (*svāvis* 'приятный' из **syadyis*, срв. греч. ἡδύς, скр. *svaduḥ*), а в начале слова — *b* (*bonus* 'хороший' из *dvonos*, *bellum* 'война' из *dvellum*, *bis* 'дважды' из *dvīs*). Последний процесс относится к III веку до н. э., в старых надписях есть еще формы с *dv-*.

Изменения гласных в латинском языке определялись очень многими условиями и были очень разнообразны. Качественным изменениям подверглись краткие гласные и дифтонги с первым кратким элементом в срединных и конечных слогах под влиянием первого слога. Эти изменения были результатом ослабления и дальнейшего сокращения кратких гласных в срединных и конечных слогах, что указывает на большую интенсивность начального слога слова по сравнению с остальными слогами в период, когда происходили эти изменения. Трудно определить фонетическую природу этой интенсивности; некоторые считают, что она состояла в динамическом ударе на первом слоге, причем одни из них в связи с этим отрицают наличие тонического удара в латинском языке, другие допускают сосуществование динамического и тонического ударений; некоторые считают более вероятным замедленное или более четкое произношение начального слога, повлиявшее на последующие гласные.

Интенсивность начального слога больше всего отразилась на гласных срединных слогов. Судьба их при этом за-

висела также от того, был ли этот слог открытым или закрытым.

В открытых срединных слогах все краткие гласные сужались и переходили (за немногими исключениями) в *i* или в *u*, в зависимости от последующей согласной. *i* получилось перед переднеязычными, заднеязычными согласными и непалатальным *l*: *videō* 'вижу' — *praevideō* 'предвижу', *sēdeō* 'сиджу' — *obsideō* 'осаждаю', *lēgō* 'собираю' — *colligō* 'собираю вместе', *nomēn* 'имя' — ген. *nominis*, *nōvos* 'новый' — *novitas* 'новизна', *cādō* 'падаю' — *cecidi* 'я упал'. *stātūō* 'ставлю' — *restitūō* 'восстанавливаю', *capūt* 'голова' — ген. *capitis*, *famīlia* 'обитатели дома' (но *famulus* 'слуга'); *u* — перед *v* и непалатальным *l*: *lāvō* 'мою' — *ablūō* (в произношении — *ablūvō*) 'смываю', *nōvos* 'новый' — *dēnūō* (из *dē nōvōd*) 'снова', *simulō* 'изображаю, симулирую' (но *similis* 'подобный'). Перед губными согласными встречается то *i*, то *u* без определенной закономерности: *habēō* 'имею' — *adhībeō* 'удерживаю', *cāpiō* 'беру' — *reciperō* и *recūperō* 'снова приобретаю', *manifestus* и *manīfestus* 'очевидный', *ferimus* 'мы несем', но — *volūmus* 'мы хотим'. Исключение составляют случаи, когда краткий гласный находится перед *r* или после *i*, *e*. В этих случаях гласный перешел в *ē* (после *i*, *e* перед непалатальным *l* в *ō*): *dāre* 'давать' — *reddēre* 'отдавать', *acēr* 'клен' — ген. *acēris*, *pulvis* 'пыль' — ген. *pulvēris*, *hiēms* 'зима' — ген. *hiēmis*, *filiōlus* 'сын' (срв. *porcūlus* 'поросенок').

В закрытых срединных слогах *ā* перешло в *ē*, *ō* — в *ū* независимо от соседних звуков. Остальные гласные не изменились. Примеры: *scāndō* 'поднимаюсь' — *dēscēndō* 'спускаюсь', *fāctus* 'сделанный' — *effēctus* 'произведенный', *fāllō* 'обманиваю' — *fefēlli* 'я обманул' (перф.), древн. *endōstruos* 'усердный' — *indūstrius*, *mōns*, ген. *mōntis* 'гора' — *prōmūnturium* 'горный отрог'.

В открытых конечных слогах *ē* и *ā* сохранились без изменения, а *ī* перешло в *ē*: *marē* 'море' из **marī*, срв. множ. ч. *maria*, др.-в.-нем. *meri*; *antē* 'перед' из **anti*, срв. *antistes* 'старшина', греч. ἀντί. На *ō* и *ū* нет ясных примеров.

В закрытых конечных слогах, как и в закрытых срединных, *ā* перешло в *ē* и *ō* — в *ī*: *artifēx* ‘мастер, искусный’ из **arti-fāc-s*, срв. *fāciō* ‘делаю’; *aucēps* ‘птицелов’ из **avi-cāp-s*, срв. *cāpiō* ‘беру, ловлю’; *rēmēx* ‘гребец’ из **rēm-āg-s*, срв. *āgō* ‘двигаю’; *filiūs* из *filiōs* ‘сын’, *dōnūm* из *dōnōm* ‘дар’, *opūs* из *opōs* ‘дело’, *laudāmūs* ‘мы хвалим’ из *laudāmōs*. В надписях III века до н. э. еще встречается *o* в этом положении, напр. *filios* ‘сын’, *Luciom* (*Lucium*); в более древних такие написания обычны.

ē в закрытых конечных слогах перешло в *ī* перед *i* и *s*: *agī* ‘двигаю’ из **agēti*, срв. скр. *ajati*; *fēcīt* ‘он сделал’ (перф.) из *fēcēd*; ген. ед. ч. *rēgis*, *ordinis* из **rēgēs*, **ordinēs*. В остальных случаях краткий гласный конечного закрытого слога не изменился.

Дифтонги *ōi*, *āi* в конечном слоге (открытом и закрытом) перешли в дифтонг *ēi*, который впоследствии монофтонгизировался в *ī*. Это изменение отразилось, главным образом, в окончаниях. Так, окончание номинатива множ. ч. основ на **-o* засвидетельствовано римскими грамматиками в виде *-oi*, в надписях пишется как *-ei*, а в классическом литературном языке — *-ī* (*Iupī*). Окончание датива-аблатива множ. ч. основ на **-o* засвидетельствовано и в виде *-ois* (грамматики), и *-eis* (надписи), и *-īs* (классич. язык). Окончание 1 лица ед. ч. перфекта сначала было *-ai*, что свидетельствуется не только фактами греческого и санскрита, но и фалинской формой *peparai* (лат. *peperi*), а в латинской письменности — *ī* (*vīdī*).

Некоторые изменения гласных не были связаны с влиянием начального слога и зависели не от места слога в слове, а только от влияния соседних согласных. Так, *ē* перешло в *ī* перед заднеязычным носовым, образовавшимся из сочетаний *ng*, *nk* и т. д.: *attīngō* ‘дотрагиваюсь’ из **attēngō* ← **adtāngō*, срв. *tāngō* ‘касаюсь’; *septīngentī* ‘семьсот’ из *septēmcentī*; *līgnūm* ‘дрова’ из **lēgnom*, срв. *lēgō* ‘собираю’.

ē перешло в *ō* перед *v* (*nōvus* ‘новый’ из **neuos*, срв. греч. *νέος*; *nōvem* ‘девять’ из **neun*, срв. греч. *ἐννέη*) и перед непалатальным *l* (*hōlus* ‘овощ’ из *hēlus*, *vōlō* ‘хочу’ из **uēlō*, срв. *vēlle* ‘хотеть’).

ō перешло в *ī* перед заднеязычным носовым (*ūncus* ‘крючок’ из **ōnkos*, срв. греч. *ὄγκος*; *ūngvis* ‘ноготь’ из **ōngus*, срв. греч. *ὄνυξ*) и перед непалатальным *l* (*consūl* наряду с арх. *consol*, *cūlpa* ‘вина’ наряду с арх. *colpa*, *vūlgus* ‘простой народ’ наряду с арх. *volgus*, *stūltus* ‘глупый’ наряду с арх. *stolidus*).

В течение III и II веков до н. э. происходила монофтонгизация дифтонгов. Только дифтонг *ai* сохранился. *eu*, *ou* перешли в *ū*: *jūmentum* ‘упряжное животное’ при арх. *jouxmentom*, *lūcus* ‘священная роща’ при арх. *loucos*, *accūsō* ‘обвиняю’ из **adceusō* ← **adcausō*, срв. *causa* ‘причина’. Дифтонг *oi* также дал *ū*: *ūnus* ‘один’ при арх. *oinos*, *commūnis* ‘общий’ при арх. *commoinis*, *lūdus* ‘игра’ при арх. *loidos*. *ei* перешло в *ī*: *cīvis* ‘гражданин’ при арх. *ceivis*, *dīcō* ‘говорю’ при арх. *deicō*, *diffidō* ‘отчаиваюсь’ при арх. *diffeidō*. *ai* перешло в *ē*, обозначавшееся на письме сочетанием *ae*: *aedēs* ‘храм’ при арх. *aide*, *praetor* при арх. *praitor*, *quaerō* ‘ищу’ при арх. *quairatis* ‘ищите’.

С долитературных времен в латинском языке происходила ассимиляция звуков. Есть случаи ассимиляции гласных в соседних слогах: архаическая форма *dyonos* (класс. *bonus*) ‘хороший’ раньше имела вид *dvenos*, что также засвидетельствовано надписями, срв. также *bene* (из *dvene*) ‘хорошо’; *homō* ‘человек’ — из *hemō*, срв. арх. *hemonem* ‘человека’ (акк. ед. ч.), также *nēmō* ‘никто’ из *ne-hemō*. Но более распространена ассимиляция согласных, обычно регрессивная. Согласные ассимилировались по звонкости (*rēx* ‘царь’ из *rēgs*, срв. ген. *regis*; *vēxī* ‘я привез, принес’ из **ueghsai*, срв. *vehō* из **ueghō* ‘везу’; *scriptus* ‘написанный’ из **scribtos*, срв. *scribō* ‘пишу’), по месту артикуляции (*aggerō* ‘нагромождаю’ из **adgerō*; *differō* ‘разношу, отличаюсь’ из **disferō*; *quandīū* ‘пока’ из *quamdiū*), по способу артикуляции (*afferō* ‘приношу’ из **adferō* → **atferō*; *mīles* ‘воин’ из **mīlets* → **mīless*, срв. ген. *mīlitis*; *somnus* ‘сон’ из **sopnos*, срв. скр. *svapnah*, греч. *ὑπνος*; *sella* ‘сиденье, седло’ из **sedla*, срв. *sedeō* ‘сизжу’).

Общая и самая главная особенность консонантизма германских языков является результатом первого передвижения согласных. Как можно видеть из фактов, приведенных выше, это передвижение охватило всю систему смычных согласных. Звонкие смычные *b, d, g, gʷ* перешли в глухие смычные *p, t, k, kʷ* (или *k*). Глухие смычные *p, t, k, kʷ* перешли в глухие щелевые *f, þ, h, hw*. Сложившееся таким образом соответствие между германскими и другими индоевропейскими языками впоследствии было осложнено изменением по закону Вернера. Этот закон состоял в том, что глухие щелевые *f, þ, h* после неударного гласного перешли в соответствующие звонкие щелевые, которые принято обозначать знаками *b, d, γ*. Эти звонкие согласные потом перешли в большинстве случаев в смычные *b, d, g*, но в некоторых случаях (различных в разных языках) остались щелевыми; подробнее об этом — ниже. Действие этого закона распространилось и на исконную щелевую согласную *s*, которая после неударной гласной, перед звонкой согласной перешла в *z*. Озвончение щелевых согласных, возникших в результате первого передвижения, также находилось в некоторой зависимости от звонкости последующей согласной: *f* и *h* не изменялись перед *t* и *s*. Согласная же *s* оставалась глухой перед всеми глухими смычными. В связи с этим Э. Прокош рассматривает закон Вернера как проявление тенденции к озвончению согласных под влиянием соседних звонких¹, но это не полностью доказывается, поскольку это озвончение бывает и перед глухими. В качестве примера действия закона Вернера возьмем прежде всего индоевропейское **septm̥* (скр. *sapta*, греч. *ἑπτὰ*, лат. *septem*) 'семь'. В прагерманском по первому передвижению *p* в этом слове перешло в *f*, но в готском и древневерхненемецком представлено не *f*, а *b*: *sibun*. Это *b* возникло из *f* через промежуточную ступень *w*; последнее свидетельствует древнеанглийским *seofon* и древнесаксонским *siþun*. Озвончение произошло потому, что в индоевропейском **septm̥* ударение было на втором слоге. Таким же образом из **kmtom̥*

(скр. *śatām*, греч. *ἑκατόν*, лат. *centum*) 'сто' получилось гот. *hund*, др.-англ. *hund*, др.-в.-нем. *hunt*, в которых индоевропейское *t* представлено не *þ*, а *d(t)*. Из **dekṃ* (скр. *daśa*, греч. *δέκα*, лат. *decem*) 'десять' в германских языках наряду с гот. *aiþhun*, нем. *zehn* 'десять' получилось гот. *tigus* 'десяток', нем. *-zig (vierzig)* 'десять'. Германское *z*, возникшее из *s* по закону Вернера, сохранилось только в готском, а в остальных германских языках перешло в *r*: **aus-* (лит. *ausis*, слав. *оухо*, лат. *auris*) 'ухо' в готском дало *auso*, в древневерхненемецком — *ōra*; готскому *maiza* 'больше' соответствует др.-в.-нем. *mēro*.

Факты, приведенные выше, при реконструкции индоевропейских фонем, показывают, что индоевропейские придыхательные **bh, *dh, *gh, *gʷh* в германских языках по первому передвижению перешли в звонкие смычные *b, d, g, w (gw)*. Однако дальнейшее знакомство с фактами обнаруживает большую сложность этого процесса и разнообразие его по языкам. В готском смычные *b, d, g* соответственно индоевропейским **bh, *dh, *gh* бывают всегда в начале слова и после согласных сонантов: *baifra* 'несу' (срв. скр. *bharāmi*, греч. *φέρω*), *daufhtar* 'дочь' (срв. греч. *θυγάτηρ*), *gards* 'дом, двор' (срв. греч. *χόρτος* 'ограда', ст.-слав. *градъ*), *binda* 'связываю' (срв. скр. *bandh-*), *haldan* 'охранять, пасти'. В других же положениях рефлексы **bh, *dh*, хотя и обозначаются на письме буквами *b, d*, произносились, по-видимому, как звонкие щелевые, как видно из того, что они чередуются (на конце слова и перед *s*) с глухими щелевыми *f* и *þ*: *liufs* 'любимый' — ген. *liubis* (срв. скр. *lubhyati* 'желает', слав. *любить*), *gops* 'хороший' — ген. *godis*. Сходное положение — в скандинавских. В древнесаксонском, англосаксонском и современных нижненемецких диалектах рефлекс **dh* является звонким смычным *d* во всех положениях, но **gh* отражается во всех положениях как звонкий щелевой, а **bh* — как звонкий щелевой (*w*) в середине и на конце слова и как *h* в начале слова. Щелевой рефлекс **bh* на конце слова сохранился и в современном английском языке (срв. нем. *geben* — англ. *give*, нем. *Weib* — англ. *wife*). В верхненемецких диалектах **bh, *dh, *gh*

последовательно отражаются как *b*, *d*, *g*. Эти факты привели германистов к выводу, что индоевропейские **bh*, **dh*, **gh* перешли в прагерманском в соответствующие по месту артикуляции звонкие щелевые согласные; последние обозначаются знаками *b*, *d*, *g*.

Нужно еще сделать замечания относительно отражения в германских языках индоевропейских заднеязычных лабиализованных **k^u*, **g^u*, **g^uh*. Они подверглись первому передвижению, как и нелабиализованные заднеязычные, и все другие согласные, но судьба лабиального элемента в них была различна. Выше, при реконструкции индоевропейских фонем, отмечено только, что в готском индоевропейские **k^u*, **g^u* отражаются как глухие лабиализованные согласные *h*, *q*, а **g^uh* — как *w* (готская буква, передаваемая в транслитерации знаком *hw*, обозначала либо сочетание *hw*, либо лабиализованное *h*; последнее более вероятно). Однако в других германских языках эти фонемы либо утратили лабиализацию, либо перешли в сочетания *hw*, *kw*, *gw*, да и в самом готском есть случаи отражения их нелабиализованными *h*, *k*, а **g^uh* — сочетанием *gw*. Закономерность трудно установить. Примеры:

**k^uo* — ‘кто, что’ (скр. *kah*, лит. *kas*, слав. *къ*) — гот. *hwas*, др.-швед. *har*;

**k^uel/k^uol* — ‘поворачивать’ (греч. *πῶλος* ‘ось’, слав. *коло* ‘колесо’, лат. *collum* ‘шея’) — др.-сканд. *huel* ‘колесо’, гот. *hals* ‘шея’;

**leik^u* — ‘оставить’ (греч. *λείπω* ‘оставляю’, лат. *linquō*, лит. *likti* ‘остаться’) — гот. *leihan* ‘одолжить’, др.-в.-нем. *līhan*;

**g^uem* ‘идти’ (скр. *gacchati*, лат. *veniō*, греч. *βαίνω*) — гот. *qīman*, др.-в.-нем. *quēman* и *kōman*, др.-исл. *koma* ‘идти, приходиться’;

**g^uen* — ‘женщина’ (греч. *γυνή*, беот. *βανῆ*, слав. *жена*) — гот. *quēns*, др.-в.-нем. *quēna* и *kōna*, др.-сканд. *kōna*;

**g^uur* — ‘тяжелый’ (скр. *guruḥ*, греч. *βαρύς*) — гот. *kaúrjos*;

**seng^uh/song^uh* ‘произносить, петь’ (греч. *ὄμφή* ‘голос’) — гот. *sigggwan* ‘читать нараспев, читать’, др.-сканд. *syngva* и *segia*, др.-в.-нем. *singan* ‘петь’, *sagēn* ‘говорить’;

**sneig^uh* — ‘снег’ (лат. *nix*, *nivis*, греч. *νίψαι*, слав. *снѣгъ*) — гот. *snaiws*, др.-сканд. *snær*, др.-англ. *snaw*;

**le(n)g^uh* — ‘легкий, проворный’ (греч. *ἐλαφρὸς* ‘проворный, легкий’, *ἐλαχὺς* ‘малый’, лат. *levis*, лит. *leñgvas* ‘легкий’) — гот. *leihts* ‘легкий’, др.-исл. *leitr*, др.-в.-нем. *liht* ‘легкий’, *lungun* ‘легкие’.

В отдельных случаях по неизвестным причинам индоевропейское **k^u* дало в германском *f*:

**ul^ukos* ‘волк’ (скр. *vrkaha*, греч. *λύκος*, лит. *vilkas*, др.-рус. *вѣлкѣ*) — гот. *wulfs*;

**k^uetuores* ‘четыре’ (скр. *catvараḥ*, греч. *τέσσαρες*, лат. *quattuor*, лит. *keturi*) — гот. *fidwor*;

**penk^ue* ‘пять’ (скр. *pañca*, греч. *πέντε*, лит. *penki*) — гот. *fimf*.

Неслоговые гласные сонанты *i*, *u* между слоговыми гласными перешли в согласные *j*, *v*, а последние в некоторых случаях (но не последовательно) удлинлись. В удлинненном *jj* в готском и скандинавских языках развился в начале смычный палатальный элемент. Образовавшийся звук обозначается в готской письменности сочетанием *ddj*, в скандинавской — *ggi*. Примеры:

скр. *dvayoh* ‘их двух’ — гот. *twaddjē*, др.-сканд. *tueggia*, др.-в.-нем. *zweiio*;

скр. *priyā* ‘жена’ — др.-сканд. *Frigg* (имя богини), др.-в.-нем. *Frīa*;

греч. *ᾠόν* ‘яйцо’, слав. *аи-це*, крым.-гот. *ada*, др.-сканд. *egg*, др.-в.-нем. *ei*.

В удлинненном *iw* в готском и скандинавском развился в начале велярный смычный элемент; обозначался этот сложный звук сочетанием *ggw*. Примеры:

гот. *triggwa* ‘союз’, др.-сканд. *tryggvar* (мн. ч.) ‘доверие, вера’, др.-в.-нем. *treuwa* ‘верный’; возводится к архетипу **dreuā*;

гот. *glaggwo* ‘точно, правильно’, др.-сканд. *glöggr* ‘умный’, др.-в.-нем. *glouwēr* ‘умный’.

Это явление названо законом Хольцмана по имени немецкого ученого, исследовавшего его. Хольцман полагает, что

удлинение *j*, и происходило в случаях, когда ударение падало на предшествующий слог. Но есть и другие мнения по этому вопросу.

Из процессов в области гласных германисты считают наиболее древним переход краткого *o* в *a*. Попытки установить более или менее определенно хронологию этого процесса не увенчались успехом, но поскольку такое же изменение произошло в балтийском и славянском (в последнем позже, в эпоху распада, *a* снова перешло в *o*), можно думать, что оно относится к эпохе германо-балто-славянского взаимодействия, т.е. к эпохе, когда германский еще не полностью обособился от других индоевропейских диалектов.

Индоевропейский редуцированный гласный *a* в германском также перешел в *a*: **patēr* 'отец' (скр. *pitā*, греч. πατήρ) — гот. *fadar*; **statos* 'поставленный' (скр. *sthitaḥ*, лат. *status*) — гот. *staps* 'место'. Таким образом, германское *a* соответствует индоевропейским *o*, *a*, *a*.

Краткое *e* в германском во многих случаях, но не во всех, перешло в *i*. Так, корень **ed-* 'есть' (лат. *edō*, греч. ἔδω) в готском имеет *i* во всех формах: *ita*, *itiþ*, *itand* и т.д., но в др.-в.-нем. наряду с *izzu* 'ем', *izzit* 'ест' и т.д. есть *ezzant* 'едят', *ezzan* 'есть' и т.д.; в скандинавских преобладает *e*: *eta*, *et*, *etr* и т.д. Корень **nem-* 'брать' (греч. νέμω 'уделяю, предоставляю'): гот. *nima*, *nimiþ*, *nimand* и т.д., др.-в.-нем. *nimi*, *nimit*, но — *nemant*, *neman*. Установлена следующая закономерность: в готском *e* перешло в *i* во всех случаях, за исключением положения перед *h*, *r* (напр., *baira*, *bairiþ*, *bairand*); в остальных языках — если в следующем слоге нет гласной *a* или *o* (но если за ним следует сочетание *n* с любой согласной, то гласная следующего слога не оказывает влияния, напр., от корня **pent-*, срв. слав. пѣтъ, лат. *pontus* 'мост' и др., в др.-в.-нем. — *findu*, *findit*, *findant*, *findan* 'находить' и т.д.). Эта закономерность нередко (особенно в скандинавских языках) нарушается действием аналогии.

Краткое *u* в германских языках, кроме готского, перешло в *o*, за исключением случаев, когда за ним следует сочетание носового с другим согласным или гласный *i*, напр.,

**jugom* 'иго' — гот. *juk*, др.-в.-нем. *joh*, сканд. *ok*;

**kñtom* 'сто' — гот. и др.-в.-нем. *hund*.

После установления сильного экспираторного удара на первом слоге началась редукция гласных в безударных слогах. Происходила она различно в разных языках и разных позициях гласной. В конечных слогах краткие *e*, *o*, *a* выпали за исключением положения перед сочетанием *ns*, перед которым все гласные сохранились (акк. множ. ч. гот. *wulfans*, *gastins*, *sununs*, др.-в.-нем. *wolfa*, *gesti*, *sunu*); краткие *i*, *u* в конечных слогах в некоторых случаях (главным образом, перед согласной) сохранились, напр., гот. *hatis* 'ненависть', *riqis* 'темнота', *sunus* 'сын', *faihu* 'скот'. Долгие гласные в конечных слогах сократились. В срединных слогах редукция проявилась слабее и настолько разнообразно, что трудно определить закономерности.

В германских языках распространена (в разной степени) ассимиляция корневого гласного гласному суффикса или окончания, которая получила название *Umlaut*. Но это явление возникло в истории отдельных германских языков сравнительно поздно; в языке готских письменных памятников оно отсутствует.

Славянский

Ко времени письменной фиксации славянского языка, которая произошла сравнительно поздно, в IX веке, в нем произошли многочисленные изменения, значительно отдалившие его фонетическую систему от праиндоевропейской.

Существенное отличие славянского консонантизма было вызвано прежде всего полным совпадением придыхательных согласных с простыми звонкими, в результате чего противопоставление трех рядов (глухие — звонкие — придыхательные) сменилось противопоставлением двух рядов (глухие — звонкие). Этот процесс произошел и в балтийском, так что можно отнести его к эпохе балто-славянского единства, или, если отрицать последнее, — к эпохе балто-славянского языкового взаимодействия (что, как увидим ниже, более соответствует фактам).

В славянском, как и в балтийском, нечуждо противопоставление лабиализованных и нелабиализованных заднеязычных согласных. Палатализованные *k, g* перешли в *s, z*, лабиализованные утратили лабиализацию, и в итоге в славянском остался один ряд заднеязычных — *k, g*. Этот процесс также восходит к балто-славянской эпохе.

Ряд заднеязычных пополнился еще целевой глухой фонемой *x*, имеющей различное происхождение. Наиболее древним, по-видимому, является образование *x* из *s* в неначальной позиции. Исконное *s* после *i, u, r, k* перешло в *x*, если за ним не было согласного, напр., *мѣхъ* — срв. лит. *maišas* 'большой мешок', прус. *moasis* 'кузнечный мех', скр. *meṣaḥ* 'баран'; лок. множ. ч. *огньхъ* — срв. скр. *agniṣu*; *блѣха* — срв. лит. *bluša*; *оухо* — срв. лит. *ausis*, лат. *auris*; др.-русск. *вѣрхъ* — срв. лит. *viršus*; аор. 1 л. ед. ч. *рѣхъ* из **rēksom*, срв. през. *режѣ* и аор. 2 л. мн. ч. *рѣсте*. Промежуточной ступенью было, очевидно, *ž*. Обращает на себя внимание тот факт, что в индоиранских языках *s* перешло в *ž* в тех же позициях. Вряд ли это может быть случайным совпадением; вероятно, этот процесс относится к эпохе славяно-индоиранских контактов, т.е. к эпохе, когда эти диалекты еще не полностью обособились. Важно отметить, что в балтийском этот процесс проявился гораздо слабее: только в литовском *s* перешло в *ž*, причем последовательно только после *r, k*, а после *i, u* — в отдельных случаях (см. ниже).

Во многих грамматических формах *s* перешло в *x* после других фонем по аналогии с перечисленными позициями, напр., лок. множ. ч. *женахъ* — по аналогии с *огньхъ, сынхъ, влѣцѣхъ*; аор. *несохъ* — по аналогии с *ходихъ* и т.п.

Начальное *x* образовалось из сочетания *sk*: *хвоя* — срв. лит. *skuja* 'хвоя'; *хоудъ* — срв. лит. *skaudūs* 'причиняющий боль', *skaudėti* 'болеть'; *хвала* — срв. др.-исл. *skval* 'пустая похвальба', *skvala* 'кричать'; *храбръ* — срв. латыш. *skarbs* 'резкий, суровый', др.-исл. *skarpr* 'жесткий'. Но есть случаи, когда индоевропейское начальное *sk* в славянском сохранилось: *скала* — срв. лит. *skėlti* 'расщеплять', др.-исл. *skilja* 'разделять'; *скора* — срв. лит. *skarà* 'лоскут, платок', др.-в.-

нем. *skeran* 'стричь'; *скоръ* — срв. лит. *skėrys* 'саранча', ср.-в.-нем. *scheren* 'торопиться'; укр. *щирий*, польск. *szczery* 'честный, искренний' — срв. гот. *skeirs* 'ясный, отчетливый'. По мнению В. М. Иллича-Свитыча, славянское *x* восходит к тому индоевропейскому *sk*, которое образовалось из *g* или *gh* с предшествующим *s mobile*; исконное же *sk* в славянском сохраняется¹. В. В. Мартынов ставит под сомнение это положение В. М. Иллича-Свитыча на том основании, что в индоевропейских языках существуют дублиеты некоторых слов с глухим и звонким заднеязычным, напр., слав. *крѣгъ* — лит. *grėžti* 'вращать', а также исходя из того, что *s mobile*, по его мнению, скорее могло возникнуть в результате утраты начального *s* в определенных положениях, чем присоединения его², но этим выводы В. М. Иллича-Свитыча все же не опровергаются.

Важное значение имеет открытие В. В. Мартыновым соответствия слав. *x* — индоевр. **k̑* (автор признает существование особого ряда палатальных заднеязычных в индоевропейском), преимущественно в начале слова, но иногда и в середине, напр.:

слав. *халѣга* 'забор' (белор. *халуга* 'шалаш') — скр. *ṣālāḥ* 'ограда', *ṣalā* 'хижина, дом', греч. *χαλίζ* 'хижина, гнездо', лат. *cella* 'кладовая';

слав. **xoldъ* (рус. *холод*) — лит. *šaltas* 'холодный', др.-иран. *sarəta* 'холодный';

слав. **xolpъ* (рус. *холоп*) — лит. *šelpiti* 'помогать, защищать';

слав. **xorna* (болг. *храна*) 'пища' — лит. *šėrti* 'кормить (скот)', *pā-šaras* 'корм для скота', греч. *χορέωμι* 'кормлю';

слав. *чахнѣти* — лит. *kašėti* 'худеть, чахнуть', др.-иран. *kasu* 'малый, ничтожный', нем. *hager* 'худой';

слав. *пахати* 'мести, веять' — лит. *puošti* 'украшать', др.-исл. *faga* 'украшать, чистить'³.

Эти факты говорят о том, что в славянском есть также *x*, восходящее к индоевропейскому **k̑*. В. В. Мартынов рассматривает их как одно из доказательств того, что предполагае-

мые индоевропейские палатальные заднеязычные были не смычными, а щелевыми, но это маловероятно. Эти щелевые палатальные автор противопоставляет «ларингальным» как непалатальным. Но трудно допустить, что в праиндоевропейском, с его предпочтением смычных согласных, существовали два ряда щелевых заднеязычных (палатальный и непалатальный) при одном ряде смычных. Сознвая это, В. В. Мартынов постулирует еще ряд палатальных смычных заднеязычных, но этот ряд в языках не отражен и реальными фактами не подтверждается.

Позже заднеязычные *g, k, x* перед гласными переднего ряда палатализировались и перешли в *ǵ, ǵ̃, ǵ̃̃*, срв. *могъ — можетъ, пекъ — печеть, оухо — оуши*.

В системе гласных славянского языка ко времени письменной фиксации его диалектов количественные различия были связаны с качественными: *e* было кратким, а прежнее долгое *e* получило особое качество (точно еще не определенное) и обозначалось особой буквой ѣ; *o* было только кратким, *a* — долгим; *u* в зависимости от долготы дало качественно различные гласные *у, ъ*; *i* сохранилось только долгое, а краткое дало *ь*. Такая система сложилась не сразу, а в результате изменений, происходивших в разные эпохи.

Еще в эпоху славяно-балто-германского непосредственного взаимодействия, т.е. в период обособления этих диалектов от праиндоевропейского языка, краткое *o* перешло в *a*, как можно судить по тому, что данный процесс охватил всю эту группу диалектов. В эпоху письменности индоевропейским кратким *o* и *a* соответствует в славянском *o*, но исследованием В. И. Георгиева установлено, что переход краткого *a* в *o* произошел в славянском сравнительно поздно, незадолго до появления письменности¹.

Долгое *o* в славянском, в отличие от германского и части балтийских говоров, перешло в долгое *a*. Таким образом, в течение длительного времени *o* в славянском отсутствовало, а краткое *a* противопоставлялось долготу *a*. Лишь после изменения краткого *a* в *o* долгота *a* стала излишним дифференциальным признаком, и оно сократилось. Переход *o*

в *a* вряд ли мог происходить в эпоху славяно-балто-германского взаимодействия; более вероятно, что он относится к более позднему периоду.

Качественное изменение долгого *e* произошло, вероятно, после монофтонгизации дифтонгов **ai, *āi*. Так можно думать на основании того, что долгое *e*, образовавшееся из этих дифтонгов, изменилось так же, как и исконное.

Трудно определить время редукции кратких слоговых сонантов *u, i* в сверхкраткие *ъ, ь*. Очевидно только, что этот процесс совершился после полного обособления славянского от других индоевропейских диалектов.

Изменение согласных слоговых сонантов происходило одинаково в славянском и балтийском, вплоть до некоторых характерных деталей; оно представляло собой единый процесс в этих языках и, очевидно, относится к эпохе балто-славянского взаимодействия.

Носовые слоговые сонанты *n, m* изменились в сочетании *in, im*, которые потом в славянском, в связи с законом открытого слога, дали *а* (иногда — *ъ*):

**mētis* — слав. *памать*, лит. *mintis* 'мысль';

**kmtom* — слав. *съто*, лит. *šimtās*;

**idosnt* (аор. 3 л. множ. ч.) — *идоша*;

**dekṃ* — слав. *десать*, лит. *dešimtis*.

Главные слоговые *ɾ, l* дали сочетания *ir, il* и *ur, ul* (первые преобладают), которые потом в славянском преобразовались закономерно в *ьр, ьл, ър, ъл*:

**mrtis* (скр. *mṛtiḥ*) 'смерть' — др.-рус. *съ-мьръ*, лит. *mirtis*;

**krdis* (греч. *καρδίη*, лат. *cord-*) — др.-рус. *сърдьце*, лит. *širdis*;

**ulkaos* (скр. *ulkaḥ*) 'голк' — др.-рус. *вълкъ*, ст.-сл. *влькъ*, лит. *vilkas*;

**ulna* 'волна' — др.-рус. *вълна*, лит. *vilnis*;

**tɾgʷos* 'торг' — др.-рус. *търгъ*, лит. *tuŕgus*;

**gʷlkaos* 'гулкий звук' — рус. *голк*, польск. *zgiełk*, болг. *гльчка* 'шум, крик', лит. *gùlkščoja* 'ходит слух'.

До сих пор не установлено, чем определялось качество гласного (*i* или *u*) перед плавным. Е. Курилович полагает, что сочетания *ur*, *ul* возникли после заднеязычных *g*, *k*, *ir*, *il* — после остальных согласных¹. В этом он опирается с одной стороны, на статистику, с другой — на некоторые фонологические соображения, но бесспорными доказательствами он все же не располагает.

Для иллюстрации славянских сочетаний *ьр*, *ьл*, *ьр*, *ьл* пользуются преимущественно древнерусскими формами, потому что в старославянском восстановилось слоговое качество плавных; на письме они обозначались сочетаниями *рь*, *ль*, *рь*, *ль*. Нужно также отметить, что сочетание *л* соответствующее балтийскому *il* и индоевропейскому встречается лишь в единичных старославянских памятниках, а в древнерусских соответствующее сочетание *ьл* вообще не встречается, потому что в славянских диалектах *ь* перед *л* заменилось на *ъ*. Напр., написание *вьлькъ* есть в Зографском евангелии, а в остальных старославянских памятниках — *вьлькъ*, в древнерусских — только *вьлькъ*; но общеславянское **vilkos* свидетельствуется, кроме написания *вьлькъ*, также польским *wilk*.

Долгие *ī*, *ī* дали в славянском и балтийском те же сочетания *ir*, *il*, *ur*, *ul*, но с другой интонацией: в славянском — восходящей, в литовском — нисходящей, в то время как рефлексы кратких *ī*, *ī* имеют в славянском нисходящую интонацию, а в литовском — долгую восходящую. Примеры:

**gīnom* (лат. *grānum*) 'зерно' — др.-рус. *зьрно*, лит. *žirnis* 'горошина';

**gīr-* 'глотать, глотка' (скр. *gīrṇaḥ* 'проглоченный') — др.-рус. *гьрло*, лит. *gurklỹs* 'глотка';

**pīnos* (скр. *pūrṇaḥ*) 'полный' — др.-рус. *пълнь*, лит. *pilnas*;

**dīgʰhos* (скр. *dīrghah*) 'долгий' — др.-рус. *дългъ*, лит. *ilgas*.

Неслоговой сонант *i* стал среднеязычным согласным. В положении после согласного он вызывал сильную палатализацию последнего и в конце концов слился с ним, в результате

чего возникли новые палатальные согласные и сочетания их. Так, заднеязычные *g*, *k*, *x* в сочетании с *j* перешли в палатальные *ž*, *č*, *š* (так же, как перед гласными переднего ряда): **storgia* — ст.-сл. *стража*, др.-рус. *сторожа*, **sēkja* — др.-рус. *сѣча*, **duxja* — *душа*. Сочетания *sj*, *zj* изменились в палатальные *š*, *ž*; **nosja* — *ноша*, **vezje* — *важъ*. Сочетания *tj*, *dj* изменились различно по диалектам: в восточном дали палатальные *č*, *ž* (**svētjā* — *свѣча*, **medja* — *межа*), в сербо-хорватском — палатальные аффрикаты *ḥ*, *ḥ* (*свећа*, *мећа*), в старославянском и болгарском — палатальные сочетания *št*, *žd* (*свѣща*, *межда*), утратившие в болгарском свою палатальность, в западных диалектах — свистящие (польск. *szwieca*, *miedza*, чешск. *svíce*, *meze*). Губные *p*, *b*, *v*, *m* в сочетании с *j* в части диалектов (западные, болгарский) дали палатализованные губные (**zemja* — польск. *ziemia*, чешск. *zeme*, болг. *земя*), в другой части (старославянский, сербо-хорватский, словинский, восточные), — сочетания *pl'*, *bl'*, *vl'*, *ml'* (ст.-слав., русск. *земля*, серб. *земља*). Сонорные *r*, *l*, *n* в сочетании с *j* палатализовались (**morjo* — *море*, **voljā* — *воля*, **konjos* — *конь*). Сравнение с балтийскими языками показывает, что это изменение происходило не непрерывно, а двумя этапами, в разные эпохи. В балтийском также произошла палатализация согласных перед *j*, но в меньшей степени и с большим различием по диалектам: в литовском согласные, за исключением *t*, *d*, в сочетании с *j* только палатализовались, и лишь *t*, *d* претерпели более глубокое изменение — перешли в палатальные аффрикаты *č*, *dž*; в латышском изменения согласных с *j* ближе к славянским (подробнее — ниже, при рассмотрении балтийской фонетики). Е. Курилович в результате сравнительного анализа славянских и балтийских фактов пришел к выводу, что в эпоху балтославянского взаимодействия (по его мнению — единства) произошла палатализация согласных перед *j*, в результате которой возникло фонологическое противопоставление твердых и мягких согласных, а дальнейшие изменения палатализованных согласных относятся к более поздним временам¹. Тот факт, что *tj*, *dj* в славянском изменились различно по

диалектам и что сочетания *pi'*, *bi'*, *vi'*, *mi'* появились также лишь в отдельных диалектах, говорит о том, что эти процессы произошли в эпоху значительной диалектной дифференциации славянского языка, т.е. сравнительно незадолго до письменной фиксации его.

j воздействовал также на последующий гласный *o*, вызывая изменение его в *e*: срв. село, но море; вок. жено, но земле; инстр. женож, но землеж, братомь, но конемь. В результате этого *ѣ* из *oi* чередуется с *и* из *ei* (вити — вѣнць, док. женѣ, но земли, братѣ, но кони) и *ы* из *on*, *om* чередуется с *а* из *en*, *em* (ген. жены, но земля, причастие акт. през. веды, но знаа).

Целый ряд звуковых изменений произошел в славянском в связи с законом открытого слога, который состоял в том, что различными способами устранялась закрытость слогов. В результате этого к началу письменной фиксации во всех славянских диалектах все слоги были открытыми. Когда именно стал действовать этот закон, нельзя установить, но можно сказать с уверенностью, что раньше описанного выше изменения слоговых сонорных *r*, *l*, *n*, *m* (поскольку это изменение давало новые закрытые слоги), но позже изменения заднеязычных согласных в *ž*, *š*, *ž* перед гласными переднего ряда (поскольку последнее не происходило перед тем *ě*, которое образовалось из дифтонгов *ai*, *āi* в связи с законом открытого слога).

Если слог оканчивался носовым согласным, то последний сливался с предшествующим гласным в один носовой гласный. При этом сочетание гласного заднего ряда с носовым давало *ж*, сочетание гласного переднего ряда с носовым — *а*. Так, из **pontis* (скр. *panthaḥ* 'путь', греч. *πόντος* 'море', лат. *pont-* 'мост') получилось *пять*, из **gom-bhas* (скр. *jamb-haḥ* 'зуб', греч. *γόμφος* 'гвоздь') — *зѣбѣ*, из **genām* (акк. ед. ч.) — *женѣ*, из **penkai* (скр. *pañca* 'пять', греч. *πέντε*, лит. *penki*) — *пять*, из **sēmen* (лат. *sēmen*) — *сѣмѣ*, из **konens* (акк. множ. ч.) — *конѣ*. Однако на конце слова изменение сочетания гласного с носовым согласным давало иногда другой результат: из сочетания гласного зад-

него ряда с носовым в некоторых случаях получилось *ѣ* (акк. ед. ч. *рабѣ* из **orbom*, аор. I л. ед. ч. *падѣ* из **padom* и др.), в некоторых — *ы* (акк. множ. ч. *рабы* из **orbons*, прич. акт. през. *веды* из **vedonts*); из сочетания гласного переднего ряда с носовым в одних случаях *ѣ* (акк. ед. ч. *пять* из **pontim*), в других — *и* (акк. множ. ч. *пяти* из **pontins*). По мнению Ф. Ф. Фортунатова¹ и А. М. Селищева², конечное *ѣ* получилось из сочетаний *un*, *um*, *ы* — из *ün*, *ūm*, *ь* — из *in*, *im*, *и* — из *īn*, *īm* в результате отпадения конечного носового после *и*, *i* кратких и долгих. При этом А. М. Селищев указал на лабиализацию *o* в конечных слогах перед носовыми согласными и переход его в *и*, а также на удлинение кратких гласных перед конечным сочетанием *ns*.

Если закрытый слог содержал сочетание *or*, *er* или *ol*, *el*, причем оно находилось между двумя согласными, то слог становился открытым в результате того, что плавный согласный приобретал, а гласный утрачивал слоговость. Впоследствии при этом плавном развивались вторичные гласные, принимавшие на себя слоговую функцию, и образовались различные сочетания — *ra*, *rě*, *la*, *lě* (в южных и части западных диалектов), *ro*, *rě*, *lo*, *lě* (в части западных), *oro*, *ere*, *olo* (в восточных): болг. *брада*, *бряг*, *глава*, *мякло*, серб. *брада*, *бријег*, *глава*, *млијeko*, чешск. *brada*, *břeh*, *hlava*, *mleko*, польск. *broda*, *brzeg*, *glowa*, *mleko*, русск. *борода*, *берег*, *голова*, *молоко* из **borda* (лат. *barba*, нем. *Bart*), **bergos* (нем. *Berg* 'гора'), **golva* (лит. *galva*), **melko* (нем. *Milch*). Начальные закрытые слоги *or*, *ol* дали *ra*, *la* в южных и части западных диалектов, *ro*, *lo* — в восточных и другой части западных: ст.-слав. *рабѣ*, *ладия*, серб. *работа*, *лађа*, чешск. *rab*, польск. *robota*, *łódź*, др.-рус. *робѣ*, *лодьа* из **orbos* (лат. *orbis* 'сирота'), **oldija* (лит. *aldijà*).

Аналогичный процесс произошел в сочетаниях *ьr*, *ьr*, *ьl*, *ьl* из балто-славянских *ir*, *ur*, *il*, *ul*, которые восходят к индоевропейским *r*, *l*. В эпоху действия закона открытого слога в этих сочетаниях слогообразующую функцию также принял на себя плавный согласный, а редуцированный гласный

стал неслоговым и в большинстве диалектов постепенно исчез, срв. серб. **зрно**, **трг**, **вук** (и **влк**), **дуг** (и **длг**), чешск. *zrno, trh, vlk, dluh*. В некоторых диалектах при слоговых плавных этого происхождения возник призвук, развившийся в различные гласные: болг. **зърно** (но **зрънце**), **търг**, **врѣхнѣ** 'верхний', **вѣлк**, **дѣлго**, польск. *ziarno, targ, wilk, dlugi*. Только в восточном диалекте редуцированный гласный рано восстановил свою слогаобразующую функцию, в результате чего сочетания **ѣр**, **ѣр**, **ѣл**, восходящие к индоевропейским *r, l*, там последовательно перешли в **ор**, **ер**, **ол** (русск. **зерно**, **торг**, **волк**, **долгий**). Это было самое раннее отступление от закона открытого слога, начало его прекращения.

Если конечный слог закрывался согласным *t* или *d*, то перед следующим *t*, а также *l*, он изменялся в *s*, которое отходило к следующему слогу: **чѣсть** из **čittis* (срв. **чѣтитѣ**), **вести** из **vedti* (срв. **ведетѣ**), **число** из **čillo* (срв. **читати**).

В остальных случаях согласный, закрывающий слог, выпадал, напр.: **небо** (срв. греч. *νέφος*, скр. *nabhah*), **мати** (срв. лат. *māter*, греч. *μήτηρ*, аор. **везе** из **vezet* (срв. скр. *avahat*), **сѣнь** из **supnos* (срв. **сѣпати**, также греч. *ὑπνος*, скр. *svapnah*, лит. *sāpnas*), **дѣно** из **dubno* (срв. лит. *dubūs* 'глубокий'), **плетѣ** из **plektom* (срв. лат. *plektō*, др.-в.-нем. *flihtu*, греч. *πλέκω*).

С законом открытого слога была связана монофтонгизация дифтонгов. Второй, неслоговой элемент дифтонга закрывал слог. Это вызывало потребность в монофтонгизации, которая делала слог открытым. В результате монофтонгизации в славянском появилась снова фонема *u*, возникшая из *au*, *āu*, напр., **соухъ** из **sousos* → *sausas* (срв. лит. *saišas*), **оухо** из **auso* (срв. лат. *auris*, лит. *ausis*), **тоурѣ** из **tauros* (срв. лат. *taurus*, греч. *ταῦρος*, лит. *taišras*), **ген. сыноу** из **sūnous* → *sūnaus* (срв. скр. *sūnoḥ*, гот. *sunaus*, лит. *sūnaiš*; нужно помнить, что исконное *u* в славянском дало **ѣ**, а *ū* — **ы**). Дифтонги *ai*, *āi* перешли в долгое *e*, которое потом изменилось так же, как и исконное *ē*, т.е. дало **ѣ**: **вѣдѣ** 'знаю' из **voidai* (срв. греч. *οἶδω*, гот. *wait*), **снѣгъ** из **snoigʷos* → **snaigʷas*

(срв. лит. *sniėgas*, гот. *snaiws*), **цѣна** из **kʷoina* → **kaina* (срв. лит. *kainà* 'цена', греч. *ποινή* 'возмездие'), дат. **женѣ** из **gʷenāi* (срв. греч. *χώρα*, лат. *aquae*, лит. *raiškai*). Однако в окончаниях номинатива множественного числа именных основ на **-o* (**вѣлци** из **vʷlkʷoi*) и второго лица ед. ч. императива (**бери** из **bheroi*) дифтонг *oi* → *ai* дал **і**. Ф. Ф. Fortunatov ставит это в зависимость от долготы второго компонента дифтонга: из дифтонга с *i* кратким в конечном слоге получилось **и**, из дифтонга с *i* долгим — **ѣ**¹. А. М. Селищев связывает это с интонацией конечного слога: при восходящей интонации, по его мнению, дифтонг *oi* перешел в **ѣ**, при нисходящей — в **и**². Дифтонг *ei*, *ēi* последовательно монофтонгизировался в **і**: **кривѣ** (срв. лит. *kreivas*), **видѣ** (срв. лит. *vidas*), **ити** (срв. лит. *eiti*, греч. *εἶμι*), **ген. ед. ч. огни** (срв. скр. *agneh*).

Балтийский

Древнейшие фонетические процессы, происходившие в балтийском языке, распространялись и на славянский, поскольку со времени своего выделения как особого диалекта в составе праиндоевропейского языка балтийский соседствовал и взаимодействовал со славянским. Эти процессы отмечены при характеристике фонетических изменений славянского языка. Однако балтийская фонетическая система меньше подверглась изменениям, чем славянская, и ближе отражает индоевропейскую.

Как упомянуто выше, в балтийском, как и в славянском, звонкие придыхательные согласные совпали с простыми звонкими смычными, в результате чего установилось четкое противопоставление смычных по звонкости-глухости. Заднеязычные лабиализованные согласные утратили лабиализацию и совпали с нелабиализованными, а последние, находясь в позиции, вызывавшей палатализацию их, перешли в **ж**, **з** (в литовском — в **š**, **ž**):

**kmitom* (лат. *centum*, скр. *śatam*) — лит. *šimtas*, латыш. *simts*;

**dekni* (лат. *decem*, скр. *daça*) — лит. *dėsimi*, латыш. *desmit*, прус. *dessimpts*;

**krdis* (лат. *cord-*, греч. *καρδίη*) — лит. *širdis*, латыш. *sirds*, прус. *seyr*;

**gnō-* (греч. *γῖνῶσχω* 'знаю', скр. *jñātum* 'знать') — лит. *žinoti*, латыш. *zināt*.

Таким образом заднеязычные свелись к одному ряду — *k, g*.

Изменение *s* в *š*, происходившее в индо-иранских языках и славянском, из балтийских диалектов захватило только литовский, и то в меньшей степени, чем, напр., славянский. Здесь оно произошло более или менее последовательно только после *r, k*, а после *u, i* лишь в отдельных случаях:

лит. *veššis* 'теленки', латыш. *vērsis* 'вол', прус. *werstian* 'теленки' — скр. *vyśah* 'вол';

лит. *viršūs* 'верх', латыш. *viršus* — слав. **вѣрхъ**;

лит. *augštas* (в произношении — *aukštas*), латыш. *augšs* — лат. *augustus* 'священный, высокий';

лит. *minkštas* 'мягкий', лат. *mīkstis* — слав. **мѣкъ**;

лит. *vėtušas* — лат. *vetus*, слав. **ветѣхъ**;

лит. *maišas* — слав. **мѣхъ**, но *saūsas* — слав. **соухъ**, *blusà* — слав. **блѣха**, *teisūs* 'правый, правильный' — слав. **тихъ**, *trīsù* — слав. **трѣхъ** и др.

Слоговые согласные сонанты *m, n* дали в балтийском, как и в славянском, сочетания *im, in* (**kṛntom* — лит. *šimtas*, латыш. *simts*; **gṛnti* — лит. *pa-žinti* 'узнать', латыш. *pažīt*, прус. *posinnat* 'признать'), а *r, l* — обычно *ir, il* (**kṛt* — скр. *kṛttah* 'отрезанный', слав. **чѣрта** — лит. *kīršti* 'рубить', латыш. *cirst*, прус. *kirtis* 'удар'; **pṛnos* — лит. *pilnas*, латыш. *pilns*, прус. *pilnan*), но в некоторых случаях — *ur, ul* (лит. *kūrmis* 'крот', латыш. *kurmis* — срв. скр. *kūrmaḥ* 'черепаха'; лит. *tuīgus* — срв. слав. **тѣргъ**, лит. *stulpas* 'столб', латыш. *stulbs* 'остолбеневший' — срв. слав. **стѣлпъ**; лит. *pulkas* 'ватага, толпа, полк', латыш. *pulks* 'дружина, множество полк' — срв. слав. **плѣкъ**).

Краткое *o* в балтийском, как и в славянском и германском, перешло в *ā*: лит. *akis* 'глаз', латыш. *acs* — срв. лат. *oculus*, греч. *ὄσσε* 'глаза'; лит. *gāras* 'пар', латыш. *gars* — срв. скр. *gharmah* 'жара', слав. **горѣти**.

Балтийское *ā* отражает также индоевропейское *ā* (лит. *asis* 'ось', латыш. *ass*, прус. *assis* — срв. лат. *axis*, греч. *ἄξων*) и редуцированную гласную: лит. *statyti* 'ставить', латыш. *statīt* — срв. греч. *στατός* 'поставленный', скр. *sthitāḥ*, лат. *status* 'положение'.

Долгое *o* в литовском и латышском дифтонгизировалось в *uo*, в прусском дает *ō*, а после губных — *ū*: лит. *puotā* 'пир', прус. *pūton* 'пить' — срв. греч. *πώνω* 'пью', лат. *pōtus* 'питье', скр. *pāti* 'пьет'; лит., латыш. *juosta* 'пояс' — срв. рус. **по-яс**, греч. *ζωσ-τός* 'опоясанный'. На конце слова *ō* → *uo* сокращается в *u*, напр., лит. инстр. ед. ч. *vilkū* — срв. скр. вед. *vykā*, 1 л. ед. ч. *sukū* 'верчу' — срв. греч. *φέρω* 'несу' (но *sukūo-si* 'верчусь').

Долгое *a* в латышском и прусском сохранилось, в литовском перешло в *ō*: **bhrāter* (скр. *bhrātā*, лат. *frāter*) — лит. *brōlis*, латыш. *brālis*, прус. *brātī*; **stā-* (скр. *sthitum* 'стоять', греч. *σταῖν* 'ставлю') — лит. *stōti* 'стать', латыш. *stāt*, прус. *stāt*.

В балтийском сохранилась краткость и долготы гласной *e*, причем в литовском количественное различие сочеталось с качественным: краткое *e* стало очень открытым, близким к *a*, а долгое — закрытым (обозначается буквой *ė*), напр., лит. *sėkti* 'следить' — срв. лат. *sequor*, греч. *ἑπομαι*; *sėnas* 'старый' — срв. лат. *senex*; *bėgu* — срв. слав. **бѣгъ**; *sėdėti* — срв. слав. **сѣдѣти**.

Как уже упоминалось при рассмотрении славянских фонетических процессов, в балтийском произошла палатализация согласных в сочетании с последующим *j*, в результате чего образовался ряд палатализованных фонем. При этом *j* исчезло и только после губных в тех или иных положениях сохранилось. Дальнейшие изменения палатализованных согласных произошли больше всего в латышском. В литовском только *t', d'* из *tj, dj* перешли в палатальные *č, dž*: срв.

vókietis 'немец' — *vókīēčiai* 'немцы', *mēdis* 'дерево' — *mēdžiai* 'деревья', *platūs* 'широкий' — *plačiąusias* 'самый широкий', *saldūs* 'сладкий' — *saldžiausias* 'самый сладкий', *matai* 'вижу' — *mačiau* 'я видел'. В латышском *t', d'* из *tj, dj* дали *š, ž*: срв. *vācietis* 'немец' — *vācieši* 'немцы', *briedis* 'олень' — *brieži* 'олени', *rikste* 'прут' — *riksu* 'прутьев', *sirds* 'сердце' — *siržu* 'сердец'.

k', g' из *kj, gj* в литовском сохранились, в латышском перешли в *c, dz*: срв. лит. *tikiu* 'верю' — латыш. *tīcu*, лит. *regiu* 'вижу' — латыш. *redzu*, лит. *kiauras* 'дырявый' — латыш. *caurs*, лит. *rugiai* 'ржи' (мн. ч.) — латыш. *rudzu*.

s', z' из *sj, zj* в латышском и прусском перешли в *š, ž*, в литовском сохранились: лит. *siuvėjas* 'портной' — латыш. *šuvējs*, прус. *schuwikis* 'сапожник', латыш. *kāst* — *kāšu* 'цежу', *ezis* 'еж' — *eža* 'ежа' (ген.).

n', l', r' из *nj, lj, rj* в литовском и латышском сохранились (соответствующие написания в прусских памятниках не ясны): срв. лит. *žirnis* 'горошина' — *žirnio* 'горошины', *brólis* 'брат' — *brólio* 'брата', *pavāsaris* 'весна' — *pavāsario* 'весны', латыш. *zīrnis* — *zīrņa*, *brālis* — *brāja*, *pavasaris* — *pavasara*.

pj, bj, vj, mj в литовском в начале слова сохранились, в других положениях дали палатализованные *p', b', v', m'*: *bjauris* 'скверный, безобразный', *pjauti* 'резать', *spjauti* 'плевать', но *gróbtī* 'хватать, похищать' — *gróbiu* 'хватаю', *kópti* 'лезть, подниматься' — *kópiu*, *stovėti* 'стоять' — *stóviu*, *vėmti* 'рвать' — *vėmiu*. В латышском эти сочетания в начале слова дали *pl', bl', vl', ml'*, в других положениях сохранились: *blauris* 'злюка', *plaut* 'косить', но *grābt* 'хватать, сгребать' — *grābju*, *kāpt* 'лезть, подниматься' — *kāpju*, *vemt* 'рвать' — *vemju*, *cīrvīš* 'топор' — *cīrvja* 'топора'. Соответствующие факты прусского языка не ясны.

8. ТЕОРИЯ ЛАРИНГАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

Основанием для теории ларингальных согласных явилось прежде всего чередование долгих гласных с **a*, а также с долгими слогаобразующими сонорными в корнях, содержа-

щих внутри сонорную согласную. Пример с плавной слогаобразующей приведен выше: **pelā-* (скр. *pariman*) || **plē-* (лат. *plēnus*, греч. *πλεπλημι*) || **pl-* (скр. *pūrṇah*). Возьмем еще пример с носовой.

В скр. *janitā* 'родитель', греч. *γενέτωρ*, лат. *genitor* восстанавливается первоначальный корень **genā-*; в греч. *γενέας* 'родной', скр. *jñātiḥ* 'родственник' — корень **gnē-*; в греч. *γενέτης* 'брат', гот. *knōhs* 'род' — корень **gnō-*; в скр. *jātaḥ* 'рожденный', лат. *(g)nātus* — корень **gñ-*. Таким образом, этот корень был представлен следующими вариантами: **genā-* || **gnē-* || **gnō-* || **gñ-*. Предполагалось, что первоначально этот корень был двусложным: **geneā-*. Вследствие выпадения гласной в первом слоге получилось **gneā-* → **gnē-*; при выпадении ее во втором слоге получилось **genā-*; при выпадении в обоих слогах — **gnā-* → **gñ-*. То же самое можно сказать о чередовании **plē-* || **pelā-* || **pl-* и о других аналогичных корнях. Их принято называть двусложными.

Ф. де Соссюр, открывший это чередование и создавший также учение о сонантах, еще в 1879 году¹ высказал мысль, что в конце таких корней была особая фонема, обладавшая свойствами сонанта. Он предполагал, что она была гласной. При слиянии ее с предшествующей гласной получалась долгая гласная, при слиянии со слогаобразующей сонорной — долгая сонорная. Этим была заложена основа учения о ларингальных.

Однако эта гениальная идея де Соссюра не сразу получила признание среди индоевропейцев. В начале XX века дальнейшим развитием ее занялись языковеды, отстаивавшие идею родства индоевропейских языков с семито-хамитскими, причем они исходили главным образом из фактов семито-хамитских языков. Это прежде всего датский ученый Г. Мёллер². Он отождествил сонант, предположенный де Соссюром вместо **a*, с семито-хамитскими ларингальными согласными и постулировал для индоевропейско-семито-хамитского праязыка пять ларингальных. Гипотеза о родстве индоевропейских языков с семито-хамитскими остается спор-

нон, хотя продолжает разрабатываться и в настоящее время. В сравнениях Г. Мёллера есть много неубедительного, но его тезис о ларингальных согласных в индоевропейском языке имел положительное значение. Позже линию Г. Мёллера в этом вопросе (исходя из тезиса о родстве индоевропейских языков с семито-хамитскими) продолжал А. Кюни¹. Но гораздо большее значение имело то, что А. Кюни еще в 1912 году², а до него Х. Педерсен в 1909 году³, на основании анализа индоевропейских чередований пришли к выводу, что особый сонант де Соссюра был согласной фонемой.

Новый этап в развитии учения о ларингальной начался с 1927 года, когда выдающийся польский языковед Ежи Курилович открыл в ряде слов соответствие между предполагаемой индоевропейской ларингальной и хеттским *h*. Оказалось, что ларингальная — это не только теоретическое предположение, что она сохранилась в ряде случаев в хеттском языке. Кроме того, Е. Курилович объяснил некоторые особенности в санскритских и греческих формах как отражение исчезнувшей ларингальной⁵. Он полагал, что первоначально в индоевропейском была одна гласная *e*, а гласные *o*, *a* образовались из нее под влиянием разных соседних ларингальных. Поэтому он предположил три различных ларингальных: первая не влияла на качество соседней *e*, вторая вызывала изменение ее в *a*, третья — изменение в *o*.

Однако в отражении ларингальной в хеттском языке не обнаружилось строгой закономерности. В некоторых случаях, где в индоевропейском несомненно была ларингальная, в хеттском ее отражения *h* не оказалось. Напр., в корне **stā-* || *stā-* 'стоять' (греч. ἵσταμι || στατός, скр. *sthātum* || *sthitaḥ*) долгое *a* образовалось из сочетания краткого *a* с ларингальной, но в хеттском *titta-* 'ставить', происходящем от того же корня, после *a* нет соответствующей согласной. Нет согласной *h* и в хетт. *ta-* 'брать', происходящем от корня **doh-* || *dh-* 'давать' (срв. греч. δίδωμι || δότης, скр. *dadāmi* || *adita*), и в *meta-* 'говорить' (срв. греч. μέμνηται 'помню'), и в окон-

чании ном.-акк. множ. ч. имен среднего рода *-a*. Американский хеттолог Э. Стертевант в монографии о ларингальных объясняет сохранение или исчезновение ларингальной в хеттском качеством ее и устанавливает четыре различных ларингальных в индоевропейском (по его терминологии — индохеттском)¹. Но датский индоевропеист Х. Хендриксен, почти одновременно с ним исследовавший отражение ларингальных в хеттском языке², нашел возможным, как раньше Х. Педерсен³, ограничиться двумя ларингальными. Мнения о количестве и качестве ларингальных и дальше были столь же различными. Датчанин Л. Хаммерих⁴, как до него чех Л. Згуста⁵, признавал один ларингал; американец В. Леман, как и Э. Стертевант, — четыре⁶, а Я. Пухвел в 1959 году выдвинул даже положение о восьми ларингальных⁷. Ни одна из этих точек зрения не имеет явного преимущества перед другими, потому что хеттский язык не дает надежного материала для решения этого вопроса, поскольку его система гласных значительно отошла от праиндоевропейской, да и недостаточно известна вследствие несовершенства хеттской графики. Нет надлежащих данных и в других индоевропейских языках. Гипотеза Е. Куриловича относительно трех ларингальных основана на предположении, что в чередованиях **a//ē*, **a//ō*, **a//ā* долгие гласные *ē*, *ō*, *ā* образовались из одного гласного *e* в сочетании с разными ларингальными. В безударном положении *e* выпадало, и ларингальная, очутившись между согласными, вокализовалась. Один факт говорит в пользу мнения, что сочетание **eh* переходило при определенных условиях в *ā*: если инфикс **ne* вставлялся в глагольный корень, оканчивавшийся на ларингальную, то возникавшее при этом сочетание **eh* переходило в *ā*, напр., греч. дор. δάμναι (из **dam-ne-h-mi*) 'успокаиваю', скр. *punāmi* (из **pu-ne-h-mi*) 'очищаю'. Однако одного этого факта недостаточно, чтобы сделать общий вывод, что всякое *ā* происходит от *e* с ларингальной, потому что в этом случае расширение *e* могло быть вызвано особыми обстоятельством, напр., интонационными. Все же более вероятно, что *ā* образовалось из *a* с ларингальной. Чередова-

ние *a* с **ə* могло возникнуть в результате выпадения *a* в безударном положении и вокализации ларингальной. Такие чередования, как греч. $\alpha\lambda\sigma\alpha$ 'часть, доля', оскск. *aeteis* 'части' || греч. $\iota\sigma\sigma\alpha\tau\theta\mu$ 'бросать жребий', лат. *auris* 'ухо' || авест. *uši*, лат. *angulus* 'угол' || скр. *agrah* 'угол, точка' и др., показывают, что в слабом положении выпадало не только *e*, но и *a*. Единичность этих чередований объясняется тем, что гласная *a* была малоупотребительна в праиндоевропейском. Следовательно, чередование **ə* с тремя разными долгими гласными вернее объяснять не различным качеством ларингальных, а тем, с какой из трех гласных *e*, *o* или *a* сочетается ларингальная.

В. В. Иванов выяснил, что в хеттском языке фонема *h*, происходящая от ларингальной, была заднеязычной глухой щелевой¹. В отдельных случаях она соответствует не ларингальной, а заднеязычным смычным других индоевропейских языков: хетт. *harsanas* 'голова' — скр. *çīrṣan* 'голова', греч. $\chi\epsilon\rho\alpha\varsigma$ 'рог', лат. *cerebrum* 'мозг'; хетт. *halkis* 'зерно' — слав. *злакъ*, фриг. *dzelkia*; хетт. *hansatar* 'семья, потомство' — греч. $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, $\gamma\acute{o}\nu\omicron\varsigma$, лат. *gens*, скр. *janah*; хетт. *hastai* 'кость' — лат. *costa* — 'ребро', слав. *кость* и др. В последнем случае ясно, что здесь в латинском и славянском ларингальная перешла в заднеязычную, потому что наличие ларингальной (*a* не *k*) в начале слова свидетельствуется такими формами, как скр. *asthi* 'кость', греч. $\alpha\sigma\tau\acute{\epsilon}\omicron\nu$, лат. *os*, слав. *ость*. Возможно, в остальных случаях подобное изменение произошло и в других индоевропейских языках. В армянском в отдельных случаях рефлекс ларингальной совпадают с рефлексами **k* и **kʰ*. Эти обстоятельства дают основание предполагать, что в праиндоевропейском т.н. ларингальная была в действительности не ларингальной, а заднеязычной щелевой фонемой. К этому ведет и утверждение Г. С. Клычкова, что т.н. ларингальная находилась в корреляции с фонемой *s*².

Н. Д. Андреев высказал мнение, что т.н. ларингальные были в действительности заднеязычными щелевыми глухими фонемами и что они были щелевыми соответствиями и

заднеязычных смычных глухих³. Исходя из этого, он присоединяется к мнению Е. Куриловича, что «ларингальных» было три, и определяет их в соответствии с заднеязычными смычными как палатализованную, обычную заднеязычную и лабиализованную согласные. Палатализованная не влияла на качество соседнего *e*, обычная заднеязычная вызывала изменение *e* в *a*, лабиализованная — в *o*.

Эти соображения заслуживают внимания, и теория трех «ларингальных» наиболее правдоподобна из всех, предполагающих целый ряд «ларингалов». Однако, и она не находит доказательств. Не является доказательством и наличие в индоевропейском трех заднеязычных смычных глухих, потому что оппозиции щелевых согласных по разным признакам не во всех языках полностью соответствуют оппозициям смычных, наглядным примером чего могут служить русские заднеязычные (с точки зрения звонкости-глухости). Поэтому лучше по примеру Л. Згусты и В. В. Иванова говорить об одной «ларингальной».

Поскольку «ларингальная» в слоговом положении, т.е. при выпадении предшествующей гласной, сама перешла в гласные (**ə*), Т. В. Гамкрелидзе полагает, что она была фарингальной согласной⁴. Но это явление можно объяснить и тем, что при заднеязычной щелевой согласной в слоговом положении развивался сначала гласный призвук, потом — редуцированный гласный, который по мере исчезновения самой согласной становился фонемой.

Относительно времени исчезновения «ларингальной» некоторые языковеды (Е. Курилович, У. П. Леман, Я. Пухвел и др.) придерживаются мнения, что она исчезла уже после распада индоевропейского языка, в индивидуальной истории отдельных языков. Это мнение основано, главным образом, на том, что в некоторых языках (санскрите, греческом, армянском, германском) ряд особых явлений, фонетических и грамматических, объясняют как отражение «ларингальных», и таким образом оказывается, что в каждом из этих языков отражение «ларингальных» имеет особый характер. Нужно отметить, что далеко не все эти объяс-

нения являются единственно возможными. Увлекаясь поисками отражения «ларингальных», некоторые языковеды склонны объяснять ими все, что можно, и в таких случаях не обходится без натяжек. Нельзя забывать о том, что основные последствия падения «ларингальной» — удлинение предшествующих гласных и слогообразующих сонорных, а также образование **ə* между двумя согласными — являются общиндоевропейскими, и маловероятно, чтобы эти явления возникли в каждом языке независимо от других. Особенно обращает на себя внимание повсеместный переход сочетаний слоговых сонорных с «ларингальной» в долгие слоговые сонорные. Предположить же, что последних не было и что сочетания слоговых сонорных с «ларингальной» перешли непосредственно в те сочетания, какие засвидетельствованы в отдельных языках (скр. *īr*, *ūr*, греч. *ορ*, *ολ*, *ρω*, *λω* и т.д.), было бы еще менее вероятно. Показательно, что в хеттском «ларингальная» в одних случаях исчезла, в других — сохранилась. Возможно, что исчезновение ее началось еще в языке-основе в период отделения малоазийского диалекта, но только в определенных положениях. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в хеттском утрата «ларингальной» происходила, в основном, таким же образом, как и в других индоевропейских языках. Здесь также «ларингальная» исчезла после гласной, напр., *titta-* (срв. греч. *ἵσταμι*), *ta-* (срв. греч. *τάωμι*), окончание ном.-акк. множ. ч. ср. р. -*a*, но после глухих смычных согласных она сохранялась еще в течение некоторого времени в качестве придыхания. Последнее видно из того, что *t*, после которого была «ларингальная», перед *i* не перешло в *z*. Такое *t* было в окончании 2 лица ед. ч. презента -*ti*, в начале глагольной основы *titta-*, первый, удвонительный слог которой восходит к **sthi-*, в основе *tiya-* «класть, помещать», которая образована, по-видимому, от *tai-* «класть» и восходит к индоевр. **dhē-* (скр. *dadhāmi*). Наиболее правдоподобно мнение Н. Д. Андреева, что падение «ларингальной» происходило по этапам, в разные периоды¹. Исчезновение ее после слоговых фонем с удлинением последних, вокализация между двумя согласными

относится, можно думать, еще к языку-основе, а в других положениях она могла изменяться и позже, в некоторых — уже в истории отдельных языков.

С проблемой «ларингальных» связан и вопрос о праиндоевропейском вокализме. Гипотеза о трех «ларингальных» потому и нашла себе сторонников, что она дает возможность просто объяснить загадочные особенности индоевропейского вокализма, сведя его к одной фонеме *e*, а остальное отнеся за счет влияния «ларингальных». Эти особенности вокализма заключаются в том, что гласные *e*, *o*, *a* играют в нем совершенно различную роль. В то время как *e* составляет огласовку подавляющего большинства корней, суффиксов и окончаний, фонема *a* является очень редкой. Фонема *o* встречается довольно часто, но в большинстве случаев она возникла из *e* и чередуется с ним; это т. н. апофоническое *o*. Были предположения, что всякое *o* является апофоническим. Однако рядом исследований, среди которых главное место занимают работы А. Мартине¹, установлено, что в некоторых словах праиндоевропейского языка было исконное, неапофоническое *o*. Таких слов немного.

Почему *o* и, особенно, *a* были так мало употребительны? Один из вариантов «ларингальной» теории, предполагающий три «ларингальных», объясняет это просто. В праиндоевропейском была одна гласная *e*. Если она находилась рядом с одной из «ларингальных», она переходила в *a* (после «ларингальной» — в *a* краткое, перед нею — в *a* долгое). Рядом с другой «ларингальной» она переходила в *o*. Таких случаев было немного, и поэтому *a* и *o* (неапофоническое) встречаются редко. Третья «ларингальная» не влияла на качество *e*.

Это предположение вполне возможно, но нет каких-нибудь определенных фактов, на которые оно могло бы опереться. В отношении *a* и неапофонического *o* положение неясно, и факт малоупотребительности их не позволяет делать далеко идущих выводов об индоевропейском вокализме. Так, краткое *a* имеется в ряде индоевропейских слов в различных позициях. По сравнению с гласной *e* велик процент

случаев, когда *a* находится в начале слова. Е. Курилович насчитывает 25 таких слов, свидетельствуемых достаточно надежными сравнениями¹, напр., скр. *akṣaḥ* 'ось' — греч. ἄξων — лат. *axis*, скр. *ajati* 'толкать, двигать' — греч. ἄγω — лат. *agō* — арм. *acem*, скр. *ajrah* 'поле' — греч. ἄρος — лат. *ager*, скр. *açri-* 'угол, острие' — греч. ἄρις, ἄρος 'вершина' — лат. *acer* 'острый', скр. *açman-* 'камень' — греч. ἄκμων 'наковальня' — лит. *akmuo* 'камень' — слав. **камы**, скр. *anī* 'перед' — греч. ἀντί — лат. *ante*. Однако Е. Курилович приводит также 52 сравнения с довольно надежными этимологиями, в которых *a* находится после согласной², из них 30 слов отражены также и в санскрите, остальные — только в европейских языках. Вряд ли можно считать, что во всех этих словах перед *a* была когда-то «ларингальная», тем более, что в некоторых из них *a* находится после глухих смычных согласных *k*, *t*, *p*, причем в санскрите и греческом эти согласные не стали придыхательными, в то время как, согласно «ларингальной» теории, в этих языках *k*, *t*, *p* перед «ларингальной» становились придыхательными. Это следующие примеры: скр. *kakubh-* 'вершина' — лат. *casūmen*, скр. *karkata-* 'рак' — лат. *cancer* — греч. κάρκινος, скр. *carcara-* 'твердый' — греч. κάρκαρος (гlossa у Гесихия) 'шероховатый, каменистый', греч. καμπή 'изгиб, поворот' — лат. *campus* 'поле' — лит. *kaĩpas* 'угол', греч. κῆπος 'кабан' — лат. *caper* 'козел' — др.-ирл. *caera* 'баран', греч. ταῦρος 'бык' — лат. *taurus* — лит. *taũras* — слав. **тоурь**, скр. *pastiṇa-* 'жилище' — арм. *hast* 'неподвижный' — др.-англ. *faest*.

Особое положение фонемы *a* в праиндоевропейском находит себе различные объяснения. А. Мейе полагал, что эта фонема была характерной чертой экспрессивной и просторечной лексики, которая очень мало сохранилась³. Автор теории трех «ларингальных» Е. Курилович признает, что *a* могло быть особенностью одной группы диалектов и из нее в небольшой степени распространиться на другие диалекты⁴. С точки зрения гипотезы Б. В. Горнунга о происхождении индоевропейского в результате скрещивания

двух языков с совершенно различными структурами¹ малая употребительность фонемы *a* объясняется тем, что она была принадлежностью одного из этих языков, но была чужда другому, имевшему консонантно-сонантную фонетическую систему. Эти объяснения могут быть отнесены и к фонеме *o*.

Нельзя забывать о том, что теория ларингальных, при всей внушительности ее данных, находится еще в положении гипотезы. Некоторые известные языковеды, напр., У. Петерсен, Дж. Бонфанте, Г. Кронассер², выступали против нее; другие, напр., авторы пятитомной «Сравнительной грамматики германских языков», не возражая против этой теории в принципе, подчеркивали ее гипотетический характер и необходимость осторожного подхода к ней³. Гипотеза о ларингальных имеет под собой веские основания, получила широкое признание среди индоевропейцев и игнорировать ее в сравнительной грамматике уже нельзя, но делать из нее далеко идущие выводы и широко применять ее в ближайшей реконструкции, по меньшей мере, рискованно.

Как показывают сравнения, в праиндоевропейском языке имена, местоимения и глаголы образовывали парадигмы и в речи реализовались в виде различных грамматических форм. Неизменяемыми были только наречия, выполнявшие также функции предлогов, и частицы, употреблявшиеся также в качестве союзов.

Грамматические формы изменяемых слов различались окончаниями, чередованиями гласных и в некоторых случаях — местом ударения. Формы личных местоимений были супплетивными, т.е. представляли собой различные корни, выполнявшие функции форм одного и того же слова, поскольку они имели одно и то же лексическое значение и разные грамматические. Главным показателем грамматических форм были окончания. У многих имен и глаголов основа разделялась на корень и суффикс. Функции суффиксов у имен и глаголов были неодинаковы, и в связи с этим различный характер имели значения корней. У имен суффиксы были только словообразовательным средством. В таком имени корень выражал только общую идею, лежащую в основе значения слова; при помощи суффикса эта идея ограничивалась, конкретизировалась и превращалась в определенное значение. У глаголов суффиксы служили не только средством словообразования, но и приметами некоторых грамматических категорий (настоящего времени, конъюнктива, опатива). Поэтому у глагола корень сам обозначал определенное действие или состояние (а не только общую идею), а

суффикс вносил дополнительное значение способа протекания процесса или модальности. У имен корень выделялся на основе ассоциаций между разными именами или именами и глаголами, у которых эта часть является общей. У глаголов он выделялся в результате ассоциаций между разными формами. Было также немало имен и глаголов, у которых основа состояла только из корня. У них корень имел полное лексическое значение. Слов с префиксами в праиндоевропейском не было.

Основа и окончание четко разграничивались по своим функциям. Основа выражала лексическое значение слова. В некоторых формах она сама, без окончания, составляла слово. Так было в звательной форме имен, в номинативе и аккузативе ед. ч. имен среднего рода, за исключением основ на *-o, в императиве ед. ч. глаголов. Окончание выражало отношение слова к другому и некоторые другие грамматические значения (у имен — число, у глаголов — презент, аорист или перфект). В составе основы корень и суффикс также не являются только научными абстракциями. Нередко бывало так, что один и тот же корень в одних случаях сочетался с суффиксами и был составной частью основы, в других — сам составлял всю основу и имел полное лексическое значение. Такой корень, конечно, и в сочетании с суффиксом живо осознавался как особая часть слова со своим значением. Можно думать, что и другие корни были реальными величинами для говорящих.

Корень в обычном слове мог быть только один. Но в праиндоевропейском, по крайней мере, на последнем его этапе, были и сложные слова, состоявшие из двух основ. Суффиксов могло быть больше одного. Окончание в любом слове, в том числе и сложном, было только одно.

Корень и суффикс имели те или иные ограничения в своем фонемном составе. К рассмотрению их мы и переходим.

1. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КОРНЕЙ

Все праиндоевропейские корни, реконструируемые сравнительной грамматикой, односложны. Следовательно, в каждом из них есть одна слогообразующая фонема. Правда,

последняя в отдельных случаях могла реально не произноситься, но поскольку это были особые случаи, строго обусловленные морфолого-фонетически, с морфологической точки зрения эту фонему можно считать не отсутствующей, а нулевой.

Дело в том, что основной слоговой фонемой в праиндоевропейском была гласная *e*, но она чередовалась с *o* и с нулем гласной. Если после или впереди этой гласной в корне находился сонант, то на нулевой ступени, т.е. при выпадении гласной, сонант становился слогообразующим. Напр., от греч. глагола *λείπω* 'оставляю' аорист — *ἔλιπον*; корень — *λειπ-* || *λιπ-*, т.е. при выпадении *e* слоговой фонемой становится *i*. От греч. *δέρκομαι* 'смотрю' аорист — *ἔδρακον*; корень — *δερκ-* || *δρακ-*, где сочетание *ρα* отражает слоговое *r*. Но если впереди и после гласной находятся простые согласные, то при выпадении гласной корень остается без слоговой фонемы, как напр., в греч. аористе *ἔ-σχε-ον* от *ἔχω* (из **seghō*) 'держу', или в аористе *ἔ-πτ-όμην* от *πέτομαι* 'лечу'. Однако поскольку это бывает только при условии, когда за корнем находится гласная последующей морфемы, а в остальных случаях в данном корне есть гласная, нужно вообще рассматривать данный корень как имеющий гласную.

Реконструированные корни начинаются:

с гласной, напр., **es-* 'быть' (греч. *ἐστί*, лат. *est*, скр. *asti*, слав. *юсть*); **ou-* 'овца' (лат. *ovis*, скр. *avih*, лит. *avis*, слав. *овь-ца*); **aks-* 'ось' (греч. *ἄξων*, лат. *axis*, др.-в.-нем. *ahsa*);

с согласной (или сонанта), напр., **bher-* 'нести' (скр. *bharāmi*, греч. *φέρω* и т.д.); **nebh-* 'небо' (скр. *nabhah*, греч. *νέφος*, слав. *небо* и т.д.);

с сочетания согласной и сонанта, напр., **trei-* 'три' (скр. *trayaḥ*, греч. *τρεῖς*, лат. *trēs* и т.д.); **plek-* 'плести' (греч. *πλέχω*, лат. *plectō*, слав. *плетѣ*);

с сочетания *s* и глухой смычной, напр., **stā-* 'стоять' (слав. *стати*, лит. *stoti*, лат. *stare* и т.д.), **skeub-* (слав. *скоубѣ* 'вырываю', лит. *skubù* 'спешу', гот. *-skiuban* 'сдвигать').

Всякий корень оканчивается согласной (или сонантом), напр., **es-*, **nebh-*, **bher-*, **trei-*, или сочетанием сонанта и согласной, напр., **leuk-* 'светлый, белый' (греч. *λαῖκός*, лат. *lūcēre*, слав. *лоучь*), **terp-* 'удовлетворять' (греч. *τέρπω*, скр. *tarpayati*).

Корни, оканчивающиеся на долгие гласные, как напр., **stā-* 'стоять', **plē-* 'полный' (лат. *plēnus*, греч. *πλήρης*) раньше имели на конце ларингальную согласную.

Существует некоторая зависимость между начальной и конечной согласными корня. Корень может начинаться и заканчиваться смычной звонкой придыхательной согласной, напр., **bheudh-* 'узнавать' (греч. *πύθομαι* 'узнаю', скр. *bodhati* 'замечает'), может начинаться звонкой непридыхательной и заканчиваться придыхательной, напр., **g^herbh-* (скр. *garbhaḥ* 'утроба', греч. *βρέφος* 'зародыш, дитя', ст.-сл. *жръба*), или наоборот, напр., **ghord-* 'ограда' (лат. *hortus*, лит. *gardas*, слав. *градъ*), но нет индоевропейских корней, которые начинались бы и оканчивались на звонкую непридыхательную, как в скр. *gadati* 'говорит' (этот глагол является, по-видимому, индийским новообразованием). Также нет корней, которые начинались бы звонкой придыхательной и оканчивались бы глухой смычной или наоборот, т.е. корнем типа *bheut-* и *teubh-*. Однако есть корни, которые начинаются сочетанием *s* с глухой согласной и заканчиваются звонкой придыхательной, напр., **steigh-* 'идти, подниматься' (греч. *στείχω* 'иду', скр. *stighnute* 'поднимается', слав. *стигнѣ*, гот. *steiga* 'всхожу').

Корни, оканчивающиеся на гласную не сонант (*e*, *o*, *a*), есть только у местоимений: I лица **me* (акк. лат. *me*, греч. *ἐμέ*, скр. *mā*, гот. *mi-k*), указ. **so* (скр. *sa*, греч. *ὅ*, гот. *sa*), **to* (скр. *tad*, греч. *το*, слав. *то*), относ. **jo* (скр. *yah*, греч. *ὅς*, лит. *jis*) и др. Эта особенность местоимений может быть объяснена тем, что они произошли от частиц, поскольку такую структуру в праиндоевропейском имели только частицы (**k^he-*, **ne*, **je* и др.), и к тому же, как показывает анализ индоевропейских местоимений, были раньше неизменяемыми.

Необходимо сделать уточнения относительно односложности индоевропейских корней. В некоторых корнях односложность оказывается вторичной. Давно уже было обращено внимание на то, что корни, оканчивающиеся на долгую гласную, как показывают чередования, раньше были двусложными. Так, корень **plē-* (лат. *plēnus* 'полный', греч. *πλήν*), восходящий к **pleh-*, чередуется с **pelh-*, **pel-*, **pol-* (скр. *pari-man* 'обилie', гот. *fil-u* 'много', греч. *πολύς* 'многий'), из чего следует, что в нем между *p* и *l* раньше была гласная. Следовательно, некогда он имел вид **peleh-* и был двусложным. Как выше уже упоминалось, за корнями этого типа закрепилось название «двусложные».

А. Мейе обратил внимание на то, что подобное чередование есть и в некоторых корнях, не относившихся к «двусложным», напр., **uelu || gleu* (греч. *ἑλν-τρον* 'оболочка', лат. *uolu-o* 'качу' и скр. *ynoti* из **yū-na-uti* 'покрывает'), **perk- || prek-* (лит. *peršū* 'сватаю(сь)', др.-в.-нем. *fergōn* 'просить' и лат. *preces* 'просьбы', *procus* 'жених', слав. *просити*, др.-в.-нем. *fragen*)¹. Он объяснил это тем, что в составе этих корней есть омертвевшие суффиксы (по его терминологии — детерминативы), в которых было чередование *e || нуль*, и соответственно аналогичное чередование происходило в собственно корне, т.е. **pr-ek || per-k*, и не распространил на эти корни название «двусложные». Но с таким же основанием можно утверждать, что и корни, именуемые двусложными, содержат в себе «детерминативы». Так, корень, взятый нами для примера, засвидетельствован в разновидностях, отражающих **pelh-*, **pleh-* и **pel-*, из чего можно заключить, что он состоит из первоначального корня **pel-* и «детерминатива» **-eh*. Этот вопрос разрешил Э. Бенвенист, но об этом речь пойдет ниже, в разделе о развитии структуры индоевропейских корней.

2. СТРУКТУРА СУФФИКСОВ И ОКОНЧАНИЙ

Фонетическая структура суффиксов в реконструированных индоевропейских словах и формах менее регламентирована, чем структура корней. Суффикс может состоять

из согласной и гласной, напр., суффиксы отглагольных прилагательных **-to*, **-no* (скр. *grutah* 'слышанный', *bhug-nah* 'согнутый'); он может состоять также из гласного сонанта и слоговой гласной, напр., **-io* (скр. *acvīyah* 'лошадный', греч. *ἵπιος*), из гласной и согласной (**-os*: скр. *grāyah* 'слава', греч. *κλέος* 'молва, слух'), из слоговой гласной и гласного сонанта (**-ou*: гот. *sunus—sunaus* 'сын', лит. *sūnūs—sūnāūs*), из двух согласных и гласной (**-tro*: греч. *ἄροτρον* 'плуг', лат. *aratrum*), из согласной, гласной и согласной, причем вместо согласных могут быть гласные сонанты (**ter/-tor*: греч. *γενετήρ* 'родитель', скр. *janitā*, лат. *genitor*; **-men*: лат. *sēmen* 'семя', слав. *сѣмѧ*; **-tei*: скр. *mrtih* 'смерть', лит. *mirtis*, слав. *сѣ-мръть* и др.), из гласной и двух согласных, напр., суффикс причастия **-ont* (**-soni*).

Всякий суффикс присоединяется к определенному виду корня (в отношении ударения и огласовки). Так, суффиксы **-men* и **-os* сочетаются с ударенными корнями с полной огласовкой, напр., **bhér-men* (скр. *bhárma* 'несение', слав. *брѣмѧ*), **uert-men* (скр. *vártma* 'путь', слав. *врѣмѧ*); **gén-os* 'род' (греч. *γένος*, скр. *jānah*); но **-to* при образовании отглагольных прилагательных всегда присоединяется к безударному корню с нулевой огласовкой и принимает на себя ударение (скр. *kṛtāh* 'сделанный', *uktāh* 'сказанный', греч. *κλυτός* 'славный', *σπυρτός* 'посеянный').

В суффиксах бывает чередование *e||o||нуль*. Вообще в основе чередуется последний гласный перед окончанием. Если основа состоит из одного корня, то в нем гласная чередуется; если же в основе есть корень и суффиксы, то чередуется гласная только в последнем суффиксе.

Окончания не имеют фонетических ограничений. Есть окончания, состоящие из согласной и гласной, как «первичные» личные окончания глагола **-mi*, **-si*, **-ti* или «вторичное» окончание меди 3 л. ед. ч. **-to*; есть состоящие из гласной и согласной, как в номинативе множ. ч. **-es* и генитиве ед. ч. **-es/os*; бывают из дифтонга, как в дативе ед. ч. **-ei*; некоторые состоят из двух согласных с гласной, напр., **-nti* (3 л. множ. ч. презент), из согласной, гласной и соглас-

ной, напр., **-mes/mos* (1 л. множ. ч. презента), из одной согласной, напр., «вторичные» **-m*, **-s*, **-t*, двух согласных («вторичное» 3 л. множ. ч. **-nt*, аккузатива множ. ч. **-ns*), одной гласной, напр., **-e* (3 л. ед. ч. перфекта).

В некоторых окончаниях гласная *e* не чередуется, напр., в окончании номинатива множ. ч. **-es*, 2 л. множ. ч. глаголов **-te*. В других — чередуется: **-es* || **-os* || **-s* (ген. ед. ч. лат. *ped-is*, греч. *ποδῖς*, лит. *sūnai-s*), **-mes* || **-mos* (1 л. множ. ч. греч. дор. *-μες*, лат. *-mus*, слав. *-мъ*).

3. ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

Чередования гласных в индоевропейском языке были широко распространенным и очень характерным явлением.

Самым важным в морфологическом отношении было чередование *e* || *o*, напр., греч. *φέρω* ‘несу’ || *φόρος* ‘дань’, *λέγω* ‘говорю’ || *λόγος* ‘слово, речь’, *δέμω* ‘строю’ || *δῖμος* ‘дом, постройка’; лат. *precor* ‘прошу’ || *prociis* ‘жених’ (перв. ‘проситель’), *tegō* ‘покрываю’ || *toga* ‘покрывало’, *terra* ‘земля’ || *ex-torris* ‘изгнанный’; др.-в.-нем. *bintu* ‘вяжу’ || *band* ‘связь’, *singu* ‘пою’ || *sang* ‘пение’, *hilfu* ‘помогаю’ || *half* ‘я помогал’; ст.-слав. *везъ* || *возъ*, *бредъ* || *бродъ*, *тежъ* || *токъ*; лит. *tēka* ‘течет, бежит’ || *tākas* ‘тропа’, *vēda* ‘ведет’ || *vādas* ‘предводитель, вождь, командир’, *kverūoja* ‘дышит’ || *kvāpas* ‘дыхание, дух’. Как видно из примеров, в формах настоящего времени глагола корень имел *e*, в отглагольных именах — *o*. Были и глагольные формы, характеризовавшиеся корневым гласным *o*, напр., перфект (греч. *δέ-δορх-α* ‘я увидел’ при *δέρх-ο-μαι* ‘смотрю’, скр. *ca-kār-a* ‘он сделал’ при *kar-o-mi* ‘делаю’, др.-в.-нем. *bant* ‘я связал’ при *bintu* ‘вяжу’), каузативные формы (греч. *φοβέω* ‘пугаю’ при *φέβομαι* ‘боюсь’, лат. *monēō* ‘наставляю, увещаю’ при *me-min-i* ‘помню’, ст.-слав. *лѣпитъ* при *липнетъ*), итеративные (греч. *φορέω* ‘ношу’ при *φέρω* ‘несу’; ст.-слав. *носить* при *несетъ*). Следовательно, чередование *e* || *o* было одним из признаков грамматических форм. Оно называется качественным.

В определенных случаях *e* (или *o*) выпадает, и получается чередование *e* (или *o*) с нулем гласного. Оно называется количественным. Эти чередования были не только в корнях слов, но и в суффиксах и окончаниях. Примеры:

в корне —

греч. *πῆλomi* ‘вращаюсь’ || *πῆλος* ‘ось’ || *ἐ-πλ-ό-μην* ‘я вращаюсь’ (аор.), *ἔχω* (из **seghō*) ‘держу, имею’ || *ἔχος* ‘державший’ || *ἐ-σχ-ον* ‘я держал’, *δέρomi* ‘смотрю’ || *δέ-δορх-α* ‘я увидел’ (перф.) || *ἐ-δρх-ον* ‘я увидел’ (аор.);

скр. *karomi* ‘делаю’ || *ca-kāra* ‘он сделал’ (долгое *a* — из *o*) || *kṛtaḥ* ‘сделанный’, *bharāmi* ‘несу’, *bhāra-vāhaḥ* ‘носилищик грузов’ (долгое *a* — из *o*) || *bhṛtiḥ* ‘ношение, ноша’;

ст.-слав. *рекъ* || *про-рокъ* || *ръци*, *мръти* (из **merti*) || *моръ* || *мыръ*, *беръ* || *съборъ* || *брати*;

лит. *telpū* ‘помещаюсь’ || *talpà* ‘вместимость’ || *tilpti* ‘помещаться’ (*il* — из *l*), *sergū* ‘болею’ || *sārginu* — ухаживаю за больным || *siŕgti* ‘болеть’ (*ir* — из *r*), *renkū* ‘собираю’ || *rankà* ‘рука’ || *riŕkti* ‘собирать’ (*in* — из *n*);

гот. *bindan* ‘вязать’ || *band* ‘я вязал’ || *bundans* ‘связанный’ (*un* — из *n*), др.-в.-нем. *beran* ‘носить, рожать’ || *barn* ‘дитя’ || *gi-burt* ‘рождение’ (*ur* — из *r*), *hilpan* ‘помогать’ || *halp* ‘я помогал’ || *hulpans* ‘получивший помощь’ (*ul* — из *l*);

в суффиксе —

греч. *πατέρες* ‘отцы’ || *ἀ-πάτορες* ‘лишенные отцов’ || *πατρῶν* ‘отцов’, скр. *pitarah* ‘отцы’ || *tvat-pitārah* ‘имеющие тебя отцом’ (*ā* — из *o*) || *pitṛé* ‘отцу’;

ст.-слав. ген. ед. ч. *небесе* || ном. ед. ч. *небо*, греч. ген. ед. ч. *νέφους* (из **nebhesos*) || ном. ед. ч. *νέφος*;

в окончании —

ген. ед. ч. **-es* (лат. *mātris*, ст.-слав. *матере*) || **-os* (греч. *μητρ-ός*) || **-s* (гот. *sunau-s*, лит. *sūnai-s*, скр. *sunō-h*);

1 лицо множ. ч. **-mes* (греч. дор. *φέρομες*) || **-mos* (лат. *feri-mus*, слав. *беремъ*).

Кроме того, краткие *e*, *o* в некоторых случаях чередуются с долгими, и тогда ряд чередования увеличивается:

e и *o* — нуль. Чередование кратких *e*, *o* с долгими наблюдается в корнях и суффиксах. Примеры:

в корне —

лат. *pēs* 'нога' || ген. *pedis*, скр. *pāt* || *padaḥ*, греч. дор. *πῶς* || *ποδός*;

скр. *bharāmi* 'несу' || *abhārṣam* 'я нес' (аор.), ст.-слав. ведѣ || вѣсь (аор.), бодѣ || басѣ (аор.), лат. *legō* 'собираю, читаю' || *lēgī* 'собрал' (перф.);

лат. *sedēre* 'сидеть' || *sēdāre* 'сажать', греч. *τρέπω* 'верчу' || *τροπῶ* 'поворачиваю, изменяю', ст.-слав. лежати || на-лѣ-гати, ложити || на-лагати;

в суффиксе —

греч. *ἄκμων* 'наковальня' || ген. *ἄκμωνος*, скр. *aṣmā* 'камень' || ген. *aṣmanaḥ*, лит. *akmuo* || *akmeis*;

греч. *πατήρ* 'отец' || *πατέρες* 'отцы', скр. *pitā* || *pitaraḥ*.

В некоторых морфемах представлены все (или почти все) звенья чередования:

греч. *πατήρ* 'отец' || *πατέρες* 'отцы' || *ἄ-πάτωρ* 'лишенный отца' || *ἄ-πάτορες* 'лишенные отцов' || *πατρῶν* 'отцов';

греч. *φρήν* 'диафрагма, разум' || *φρένα* — акк. ед. ч. || *φρασί* — дат. множ. ч. (*a* — из **n*) || *σώ-φρων* 'здравомыслящий, разумный' || *σώ-φρονα* — акк. ед. ч.;

слав. рекъ || рѣхъ (аор.) || рѣци || про-рокъ, текъ || тѣци || при-тѣкаѣ || токъ || рас-тачати.

Гласный *e* или *o* в той или иной морфеме называется полной степенью огласовки, долгий *e* или *o* — степенью удлинения, отсутствие гласного — степенью редукции или нулевой степенью.

Некоторые языковеды различают степень редукции и нулевую степень. Ф. Ф. Fortunatov одним из первых обратил внимание на некоторые случаи особого соответствия между гласными индоевропейских языков: греческое *i*, славянское *ь* соответствуют латинскому *a* и санскритскому *a*, не происходящему от *e*, напр., греч. гом. *πίσυρες* 'четыре' — слав. *četyre (польск. *cztery*, чешск. *čtyři*) — лат. *quattuor*,

греч. *πίτνυμι* 'простираю' — лат. *patulus* 'открытый, обширный'. На основании этого соответствия он реконструировал индоевропейскую сверхкраткую гласную неполного образования, которую назвал иррациональной. Последняя, по его мнению, чередовалась с *e*, *o* (по его терминологии, с гласными *ā* различного качества), напр., греч. *πίσυρες* || *τέτταρες*, слав. чѣтыре || чѣтыре, скр. *catvaraḥ*, греч. *πίτνυμι* || *πετάννομι*, возникла в результате редукции этих гласных в предударном положении¹. Более полно разработал этот вопрос Г. Гюнтерт и после него Г. Хирт². Г. Гюнтерт посвятил этому вопросу специальную монографию «*Indogermanische Ablautprobleme*» (Strassburg, 1916). Индоевропейскую сверхкраткую редуцированную гласную, которую Ф. Ф. Fortunatov именовал иррациональной, он назвал шва *secundum*, в отличие от шва *primum*, которое отражается в санскрите как *i*, а в остальных индоевропейских языках — как *a*, и которое, как потом выяснилось, является результатом вокализации «ларингальной» согласной. Г. Гюнтерт установил, что шва секундум дает в греческом *i* перед согласными, если в следующем слоге есть *i* или *u*, напр., *χίλιοι* 'тысяча' (срв. скр. *sa-hasram*), *ρίζα* 'корень' (срв. лат. *rādx*, гол. *waurts*), *ἱστία* 'очаг, жилище, алтарь' (наряду с *ἑστία*). В остальных случаях шва секундум отражается в греческом как *a*, напр., *κνᾶπτο* 'валять шерсть', *κνᾶφεύς* 'валяльщик', *κνᾶφος* 'чесалка валяльщика' наряду с *κνέφαλλον*, срв. лит. *knabėti* 'чистить, снимать кожуру' наряду с *knebēti* 'ковырять'; *νῆμι* 'жить, обитать' наряду с *νέμαι*. Со шва секундум Г. Гюнтерт связывает и греческое *u*, которому в родственных языках (или даже в самом греческом) соответствует *o*, напр., *μύλη* 'мельница' — ст.-слав. мелѣ, *φύλλον* 'лист' — лат. *folium*, *σπυρίς* 'корзина' — лат. *sporta*, *ἄγος* 'собрание' наряду с *ἄγορά*, *νύξ* 'ночь' — лат. *nox*, ст.-слав. ночь, лит. *naktis*. По его определению, *u* развилось из шва секундум в сочетании с сонорными *p*, *l*, *m*, *n*. Г. Гюнтерт также считает, что шва секундум развилось из *e*, *o* в результате редукции в неударном положении. Эта точка зрения была принята Г. Хиртом и некоторыми другими ин-

досвропенстами. По этой концепции редукция *e* (или *o*) давала двоякий результат: в одних случаях — редуцированную гласную, в других — исчезновение гласной. Стали разграничиваться ступень редукции и нулевая ступень.

Однако эта точка зрения не стала общепризнанной, потому что звуковое соответствие, на основании которого постулировано шва секундум, проявляется в совершенно единичных случаях. Некоторые языковеды полагают, что это звуковое соответствие сложилось в результате не расщепления какой-то праиндоевропейской фонемы, а параллельных звуковых изменений в разных индоевропейских языках¹. Поэтому и в нашей книге в дальнейшем при рассмотрении чередований выделяется только одна ступень ослабления гласной и именуется она ступенью редукции.

Корни слов на ступени редукции приобретают различные фонетические свойства в зависимости от их фонетического состава, главным образом, от соотношения сонантов и неслоговых фонем в их составе. С этой точки зрения еще Ф. де Соссюр разделил корни на три типа: 1) корни, оканчивающиеся сонантом, напр., **kei-* ‘лежать’ (греч. *κεῖμαι*, скр. *çete*), **sreu-* ‘течь’ (скр. *sravati*, слав. *о-стровъ*), **bher-* ‘нести’ (скр. *bharati*, греч. *φέρω*), 2) корни, оканчивающиеся сонантом и неслоговой фонемой, как **deik-* ‘указывать’ (греч. *δείκνυμι*, скр. *di-deçti*), **bheug-* ‘бежать, сгибать’ (греч. *φεύγω*, лат. *fugio*, скр. *bhogah*), **derk-* ‘видеть’ (греч. *δέρκομαι*, скр. *da-darça*), 3) корни с одной неслоговой на конце, напр., **pet-* ‘лететь, падать’ (греч. *πέττωμαι*, скр. *patati*). Корни первого типа на ступени редукции принимают форму **ki-*, **sru-*, **bhr-*, т.е. сохраняют структуру слога, поскольку в них сонанты принимают на себя слоговую функцию, но, в отличие от полной ступени, представляют собой открытые слоги, т.е. оканчивающиеся слоговой фонемой. Корни второго типа при выпадении гласной принимают форму **dik-*, **bhug-*, **djk-*, т.е. сохраняют структуру слога, и при этом закрытого. Корни третьего типа на ступени редукции (напр., **pt-*) перестают быть слогами и могут существовать только в сочетании с другими морфемами.

В корнях первого и второго типов чередуются дифтонги с простыми гласными **kei-* || **ki-*, **sreu-* || **sru-*, **deik-* || **dik-*, **bheug-* || **bhug-*. В дифтонгах также бывает чередование *e* || *o*. Вследствие особого отражения дифтонгов в некоторых индоевропейских языках эти чередования отражаются в них очень своеобразно.

Так, в санскрите вследствие совпадения *e* и *o* в одном *a* исчезло качественное чередование и в дифтонгах отражается только количественное. При этом дифтонги с кратким первым компонентом изменились в долгие монофтонги: *ai* (из *ei* и *oi*) — в *ē*, *au* (из *eu* и *ou*) — в *ō*. В результате получились чередования:

ē || *āi* || *i* — *bi-bhēti* ‘боится’ || *mā bhāisih* ‘ты не убоялся’ (аор.) || *bhitah* ‘устрашенный’;

ō || *āu* || *u* — *stōtrah* ‘прославление, гимн’ || *stāuti* ‘хвалит, прославляет’ || *stutah* ‘восхваленный’.

В славянском *ei* и *ēi* изменилось в *i*, *oi* и *ōi* — в *ѣ*, *eu* и *ēu* — в *ju*, *ou* и *ōu* — в *u*. В результате мы имеем следующие ряды чередований:

и || *ѣ* || *ь* — *лпнѣти* || *лѣпити* || *при-льпе* (аор.);

ю || *у* || *ь* — *блюдѣ* || *будити* || *бьдѣти*.

В готском *ei* изменилось в *i*, *eu* — в *iu*, и чередование приняло такой вид:

i || *ai* || *i* — *steigan* ‘подниматься, влезать’ || *staig* ‘я поднялся’ || *stigum* ‘мы поднялись’;

iu || *au* || *u* — *biudan* ‘просить’ || *baup* ‘я просил’ || *budum* ‘мы просили’.

Вопрос о происхождении описанных выше чередований давно занимает языковедов. Чередования эти в той или иной степени морфологизовались, но возникли они, по-видимому, в результате каких-то фонетических процессов. Наиболее сложен вопрос о происхождении апофонии *e* || *o*. Ряд языковедов связывал ее с ударением. Г. Хирт¹ и Г. Гюнтерт² наиболее определенно сформулировали положение о том, что в какую-то историческую эпоху *e* переходило в *o* в результате

передвижения ударения с него на предшествующий или последующий слог. Но это положение не нашло себе доказательств, и некоторые индоевропейцы выступили против него¹. И. А. Бодуэн де Куртенэ полагал, что *e* переходило в *o* в зависимости от характера соседних фонем, подобно тому, как в польском и русском языках *e* перешло в *o* между мягким и твердым согласными². Е. Курилович разработал оригинальную и интересную гипотезу, согласно которой апофония *e* || *o* возникла сначала перед сонорными *r*, *l*, *n*, *m* в результате того, что *e* перед этими согласными сохранялось только под ударением, а в неударном положении редуцировалось и совпадало с редуцированным *o*, причем в конечном итоге *o* возобладало и фонологизировалось. Дальнейшее распространение апофонии, по мнению Е. Куриловича, происходило на морфологической основе³.

Что касается ступени редукции, то нет сомнений в том, что она возникла в результате ослабления и последующего исчезновения гласной в неударном положении. Сложность вопроса состоит в том, что *e* не всегда редуцируется в неударных слогах, и редукция его не укладывается в определенные фонетические или морфологические правила. Так, отглагольные прилагательные с суффиксом **-to*, выполнявшие впоследствии функцию страдательных причастий, имели ударение на суффиксе и в связи с этим — редуцированную огласовку корня, напр., **stytós* (скр. *stytáh*, греч. *στῦτος*) — 'простертый' от корня **ster-*, **klutós* (скр. *krutáh*, греч. *κλυτός*) 'слышимый, славный' от корня **kleu-*, но некоторые из них, как **pektos* (скр. *paktáh*, греч. *πεπτός*, лат. *coctus*) 'испеченный', **spektós* (скр. *sparáh*, лат. *spectus*) 'увиденный, наблюдаемый', имеют все же полную огласовку корня. Неприемлемые глаголы, особенно корневые, в презенте имели в формах единственного числа ударение на корне и полную огласовку корня, во множественном числе — ударение на окончании и редукцию гласного в корне, напр., **émi* (скр. *émi*, греч. *ἐμῖ*) 'иду' — **imós* (скр. *imáh*, греч. *ἴμεν*) 'идем'; но глагол **ed-* 'есть' сохраняет полную огласовку и в единственном, и во множественном числе: **édmi* (скр. *ádmī*,

лат. *édō*) 'я ем' — **edmós* (скр. *admáh*) 'мы едим', **edte* (скр. *atthá*, лат. *editis*) 'вы едите'. Е. Курилович, наиболее полно исследовавший эти явления, пришел к выводу, что началом этих процессов было ослабление *e* во всех неударных слогах, но впоследствии редуцированное *e* в одних позициях (напр., в корнях перед сонантом) исчезало, в других же (напр., в начальном слоге корней на простой согласный, если следующая морфема начиналась согласным) — усиливалось и восстанавливалось¹.

Происхождение ступени удлинения еще не выяснено до конца, но ясно уже, что она возникала на разных этапах развития индоевропейских языков и разными путями. К доволно древней эпохе развития праиндоевропейского относится, по общему мнению, удлинение гласного основы (корневого или суффиксального) в номинативе единственного числа именных корневых основ и основ на *-n*, *-r* (ном. **pēds* — ген. **pedes*, ном. **akmōn* — ген. **akmenes*). Поскольку это удлинение связано с формой номинатива единственного числа, объяснения ему нужно искать в процессах, происходивших в окончании этой формы. Удлинение в корневых основах вполне правдоподобно объясняется как результат выпадения гласной в окончании ном. ед. ч. (**-es* → **-s*), о чем речь идет в главе VIII, 1. Удлинение же корневой гласной в глагольных итеративных основах типа слав. **бости** — **бадати**, **по-ложити** — **по-лагати**, **притещи** — **при-тѣкати**, лит. *mēsti* — *mėtyti* 'бросать', греч. *τρέπω* 'верчу' — *τροπάω* 'поворачиваю' относится, по-видимому, к более поздней эпохе, возможно, к истории отдельных индоевропейских языков, и возникло как средство передачи значения длительности, повторности действия.

Кроме рассмотренных выше чередований, в индоевропейском языке существовало чередование совершенно иного происхождения, возникшее в связи с исчезновением «ларингальной» согласной. Это чередование долгих *e*, *o*, *a* с той гласной, которая образовалась на месте слоговой «ларингальной» (шва примум). Из предыдущей главы уже известно, что слоговая «ларингальная» в санскрите отражается как *i*,

в греческом — как *e*, *o*, *a*, в остальных индоевропейских языках — как *a*. Когда еще не была установлена индоевропейская «ларингальная», предполагалось, что эти гласные отражают редуцированную, и обозначали ее знаком *ə*. Это обозначение наиболее удобно, и мы также будем обозначать условно знаком *ə* соответствие скр. *i* — греч. *e*, *o*, *a* — лат., гот., лит. *a*.

**dhē-* || **dhō-*: скр. *da-dhāmi* 'кладу', греч. τί-θῃμι, лат. *fēci* 'я сделал' || скр. *hitah* 'положенный', греч. θάτοϛ, лат. *factus* 'сделанный'.

**dō-* || **dā-*: скр. *da-dāmi* 'даю', греч. δι-δωμι, лат. *dōs* 'дар, приданое' || скр. *a-dita* 'он дал' (аор.), греч. δότοϛ 'данный', лат. *datum*.

**stā-* || **stō-*: скр. *a-sthām* 'я стоял' (аор.), греч. δορ. ἵ-στῆμι 'ставлю', лат. *stāmen* 'ткацкая основа' || скр. *sthi-tah* 'стоящий', греч. στατοϛ, лат. *status*.

Возможно, что под *ə* действительно можно понимать редуцированную гласную. Возникновение ее можно представить следующим образом: в тех случаях, когда «ларингальная» вследствие выпадения предшествующей гласной оказывалась между двумя согласными и становилась вершиной слога, при ней развивался редуцированный гласный, который в дальнейшем в большинстве отдельных языков перешел в *a*, в санскрите — в *i*, а в греческом уподобился тому гласному, с которым он чередуется. Сама же «ларингальная» выпала.

Краткое *a* вообще не чередуется. Однако, как уже отмечено в предыдущей главе, обнаружены единичные случаи чередования *a* — нуль: греч. αἶσα 'часть, доля', оскск. *aeteis* 'части' || греч. ἵσσασθαι 'бросать жребий'; лат. *auris* 'ухо' || авест. *uši*; лат. *angulus* 'угол' || скр. *agrah* 'угол, точка' и др. Единичность этих фактов можно объяснить тем, что фонема *a* была редкой в праиндоевропейском и при том бывала преимущественно в начале слова. Качественным чередованиям индоевропейское *a* не подвергается. Сторонники теории моновокаличности праиндоевропейского объяс-

няют это тем, что *a* возникло позже *e*, под влиянием «ларингальной». Но это может быть и результатом особых условий возникновения качественного аблаута, которые нам еще неизвестны.

4. УДАРЕНИЕ

Существенным элементом фонетической и морфологической структуры слова было ударение. О его фонетической роли можно судить по тому влиянию, какое оно оказало на фонетическую структуру слова. Оно было сильно централизующим и вызвало ослабление неударных гласных, а в определенной позиции — и исчезновение их. С ним связано, по-видимому, и происхождение апофонии *e* || *o*. О его морфологической роли свидетельствует связь места ударения с определенными именными и глагольными формами, какая наблюдается в ряде случаев в ведийском санскрите, частично отражается и в греческом и имеет индоевропейское происхождение.

Не всякое слово, однако, имело свое ударение. Односложные слова преимущественно грамматического назначения — местоимения, наречия, частицы, тесно связанные по смыслу с каким-нибудь другим словом, нередко объединялись с последним и по ударению, оставаясь сами неударными. Они называются энклитиками (если помещаются после ударного слова) и проклитиками (если находятся впереди). В этих случаях ударение объединяло в одно фонетическое целое слова, составляющие одно смысловое целое.

Восстановление праиндоевропейского ударения представляет собой очень сложную задачу, которая еще по существу не решена. Из письменных памятников древних индоевропейских языков акцентированы только греческие и ведийские. На этом материале и строится, в основном, сравнительная акцентология. В отношении места ударения эти данные дополняются данными германских языков, в которых древнее место ударения определяется по закону Вернера. Черты древности имеются в литовском ударении и в тех славянских языках, которые сохранили подвижность ударения,

особенно — в сербо-хорватском, который сохранил также тонический характер его. Правда, литовский и славянские языки пережили большие изменения в акцентной системе, но в решении некоторых вопросов их материал, все же, играет известную роль.

Сложен прежде всего вопрос о фонетической природе индоевропейского акцента. В санскрите и греческом ударение было тоническое или музыкальное. В литовском и сербо-хорватском — также. В русском оно стало динамическим или экспираторным, но сохранило некоторые следы прежнего тонического характера. В других индоевропейских языках, в которых ударение известно, оно является динамическим. В скандинавских языках и некоторых немецких говорах имеется тоническое ударение, но отношение его к индоевропейскому еще не выяснено. Данные древнейших индоевропейских языков с известными в науке акцентными системами — санскрита и греческого и такого консервативного в отношении фонетики языка, как литовский — указывают на тонический характер индоевропейского акцента. Но сильное влияние ударения на гласные неударных слогов в праиндоевропейском свидетельствует скорее о динамическом характере его. К. Бругман в осторожной форме высказал предположение, что на более древнем этапе развития праиндоевропейского, когда происходила редукция гласных в неударных слогах, ударение было динамическим, а в период распада праязыка оно стало уже тоническим¹. Более определенно эту точку зрения выразил Г. Хирт². Х. Педерсен считал праиндоевропейское ударение в общем динамическим³. А. Мейе, наоборот, считал его тоническим⁴ и не связывал с ним редукцию гласных. Возможно, что индоевропейское ударение было экспираторно-тоническим, т.е. сочетало в себе усиление выхода с повышением тона.

Место ударения в слове не было постоянным, оно было связано в той или иной степени со словообразовательной структурой и грамматической формой слова и таким образом стало одним из средств словообразования и морфологии.

Словообразовательную роль ударения можно наблюдать на фактах, изложенных в разделе об именном словообразовании. Здесь ограничимся немногими примерами. Существительные среднего рода с суффиксом **-es/os* и отвлеченным значением имели ударение на корне (скр. *śrávaḥ* 'слава' — греч. κλέος 'молва, слух', скр. *jānaḥ* 'род, люди' — греч. γένος 'род', но существительные с суффиксом **-tei/ti*, обозначающие действия, — на суффиксе, о чем свидетельствует редуцированная форма корня (скр. *mātiḥ* — лит. *mintis* — лат. *mens* 'мысль' из **mētis*, скр. *mṛtiḥ* — лит. *mirtis* — слав. съ-мръть — лат. *mors* 'смерть' из **mṛtis*); отглагольные прилагательные страдательного значения с суффиксом **-to* также имели ударение на суффиксе (скр. *śrutāḥ* 'слышанный' — греч. κλυτός 'славный', скр. *hitāḥ* 'положенный, порядочный, хороший' — греч. θετός 'положенный').

Морфологическая роль ударения прослеживается с трудом и выяснена лишь в небольшой степени ввиду расхождений между языками. В наибольшей степени она отражена в ведийском санскрите, как видно из того, что последний, по всем данным, не пережил таких глубоких сдвигов в акцентной системе, как балтийский, славянский или даже греческий, и обладает явно архаичными чертами, как напр., распространенная среди нетематических именных парадигм подвижность ударения. Греческий язык дает немного для решения этих вопросов, потому что его акцентная система претерпела изменения, в результате которых в эпоху письменности ударение в нем уже было ограничено тремя последними слогами и подчинено особым правилам, которые ставили его в зависимость от долготы слога и его места по отношению к концу слова. Е. Курилович в связи с этим полностью отрицает значимость греческих данных для реконструкции праиндоевропейского акцента и полагает, что этой цели можно достичь только путем внутренней реконструкции по материалам санскрита¹. Он исходит из того, что картина праязыка, полученная путем анализа архаических и более новых явлений в одном языке, засвидетельствованном в довольно древнем состоянии, более последовательна и

логична, чем конгломерат разнородных фактов, собираемых сравнительной грамматикой старого стиля. Он отрицает и связь славянского и балтийского акцента с индоевропейским¹. Однако точка зрения Е. Куриловича не получила поддержки среди индоевропеистов, и это не случайно. Внутренняя реконструкция, применяемая в широком масштабе, дает менее надежные данные, чем сравнение родственных языков. Достоверные выводы делаются на основании внутренней реконструкции в сравнительно немногих случаях, когда соотношения между элементами языка таковы, что не оставляют сомнения в их происхождении. Напр., соотношение между слав. *мнѣти* и *память*, *има* и *имене* делает совершенно ясным происхождение носового *е*. Если же внутренняя реконструкция производится в более широком масштабе, то ее выводы неизбежно приобретают гипотетический характер, а при отсутствии надлежащей осторожности могут стать и произвольными. Не вызывает сомнений важнейшее значение ведийского акцента для реконструкции праиндоевропейского, но в одно- и двусложных словах и греческий дает некоторые существенные данные, и наиболее достоверные выводы получаются в тех случаях, когда санскритские факты соответствуют греческим.

Начнем с имени. Тематические имена, т.е. с основой на *-e/o*, по согласному свидетельству санскрита и греческого, имели постоянное ударение. У одних оно падало на корень, напр., скр. ед. ч. ном. *dāmaḥ* 'дом', акк. *dāmat*, ген. *dāmasya*, дат. *dāmāya* и т.д., греч. *δῶμος* 'дом', акк. *δῶμος*, ген. *δῶμου* (гом. *δῶμοιο*), дат. *δῶμοφ*, у других — на тематический гласный, который в ряде форм сливается с окончанием, напр., скр. ед. ч. ном. *dhūmāḥ* 'дым', акк. *dhūmām*, ген. *dhūmāsya*, дат. *dhumāya* и т.д., греч. ед. ч. ном. *θῦμός* 'дух', акк. *θῦμός*, ген. *θῦμοῖ* (гом. *θῦμοῖο*), дат. *θῦμοφ*. Первые называются баритоническими, вторые — окситоническими. Прилагательные были, в основном, окситоническими.

Нетематические имена, т.е. имена с основой на согласные или сонанты, в санскрите имели частью также постоянное ударение, частью — подвижное. У последних ударение в

ном. и акк. всех чисел падает на корень (напр., ед. ч. ном. *vāk* 'голос', акк. *vācam*), или на суффикс (напр. ед. ч. ном. *pitr̥* 'отец', акк. *pitāram*), в ряде других падежных форм — на окончание (напр., ед. ч. дат. *vācē*, инстр. *vācā*, ген. *vācāḥ*, дат. *pitṛé*, инстр. *pitṛā*). В греческом некоторые нетематические имена также имеют подвижное ударение, напр., ед. ч. ном. *πατήρ* 'отец', акк. *πατέρα*, ген. *πατρός*, дат. *πατρί*. У имен с подвижным ударением в санскрите номинатив и аккузатив всех чисел, за исключением аккузатива множ. ч. муж. и жен. р., имеют ударение на основе и полную огласовку основы. Эти падежи в санскритской грамматике именуются сильными. Остальные падежные формы, за исключением дат., инстр., лок. множ. ч. и дат. -инстр. дв. ч., имеют ударение на окончании и редуцированную огласовку основы; они называются слабыми. Датив множ. ч. (с окончанием *-bhyaḥ*), инструменталь множ. ч. (на *-bhiḥ*), локатив множ. ч. (на *-su*) и датив-инструменталь дв. ч. (на *-bhyām*) имеют особое свойство: в них ударение падает на основу, но последняя, тем не менее, имеет редуцированную огласовку, напр., множ. ч. дат. *pitṛbhyaḥ*, инстр. *pitṛbhiḥ*, лок. *pitṛsu*, дв. ч. дат. -инстр. *pitṛbhyām*. Эти падежные формы называются средними. Их особенность связана с их происхождением и развитием; объяснение ее относится к области морфологии (рассматривается в последнем разделе главы об имени). В греческом корневые имена, наиболее архаичные по ударению, соответствуют по месту акцента санскритским, напр.:

Ед. ч.		Множ. ч.	
Санскр.	Греч.	Санскр.	Греч.
Ном. <i>pāt</i>	'нога'	<i>pādaḥ</i>	<i>πόδες</i>
Акк. <i>pādam</i>		<i>padāḥ</i>	<i>πόδας</i>
Ген. <i>padāḥ</i>		<i>padām</i>	<i>πόδων</i>
Лок. <i>padī</i>		<i>patsū</i>	<i>ποσσί</i> (гомер.)

Здесь отличается по месту ударения только аккузатив множественного числа. Такие совпадения показывают, что ведийское передвижение ударения в именном склонении отражает в общем индоевропейское.

Наблюдения Е. Куриловича приводят к выводу, что все имена с нетематическими основами имели в праиндоевропейском подвижное ударение¹. Об этом говорит прежде всего тот факт, что именные окончания ген. ед. ч. **-es/os*, дат. ед. ч. **-ei*, инстр. ед. ч. **-ō*, ген. множ. ч. **-ōm* в санскрите и греческом имеют полную огласовку, а в санскрите эту огласовку имеет и окончание дат. множ. ч. *-bhyah*. Видимо, на эти окончания падало ударение не только в тех именах, в которых оно находится здесь в ведийском санскрите, но и в других. Об этом же свидетельствуют санскритские наречия, образованные от форм инструментала и аблатива ед. ч. Они имеют ударение на суффиксе (бывшем окончании), в то время как соответствующие существительные — на корне. Е. Курилович считает также, и не без основания, что о первоначальной подвижности ударения в нетематических основах говорит тот факт, что в санскрите суффиксальные имена (нередко с одним и тем же суффиксом) имеют акцент, одни — на корне, другие — на суффиксе, напр., акк. *vīśan-* 'сильный, мужественный', но *ukśān-* 'бык'. Он объясняет это тем, что в суффиксальных именах происходило выравнивание акцента по аналогии то с сильными падежами, то со слабыми.

Есть основания думать, что и тематические имена в индоевропейском имели первоначально подвижное ударение. Об этом говорит тот факт, что некоторые из них имеют редуцированную огласовку корня, несмотря на ударение на корне, напр., скр. *vīkaḥ*, греч. *λύκος* 'волк'.

В славянских и балтийских языках ударение также бывает в одних именах постоянное, в других — подвижное (хотя не во всех языках эти свойства сохранились). Особенно интересно ударение именных парадигм в литовском. Здесь в каждом типе склонения существительных, в двусложных словах, различаются четыре акцентуационных парадигмы, из которых одна характеризуется постоянным ударением на корне, а остальные подчинены различным правилам передвижения ударения и его интонаций по падежам. В многосложных именах правила передвижения ударения несколько иные, чем в двусложных. Определенного соответствия ли-

товских передвижений ударения передвижениям в санскрите и греческом обнаружить не удалось. Е. Курилович полагает, что балтийские и славянские правила ударения представляют собой совершенно новую систему, выработавшуюся в истории этих языков и не соотносимую с индоевропейской¹. Однако В. М. Иллич-Свитыч выяснил, что хотя между балтийской системой ударения и греко-санскритской нет прямых соответствий, есть все же некоторое соответствие между самыми общими акцентуационными типами имен: санскритским и греческим именам с баритонированной парадигмой постоянного ударения соответствуют в литовском имена с постоянным ударением, а санскритским и греческим с окситонированным постоянным и с подвижным ударением — имена с подвижным акцентом². В славянских акцентуационных парадигмах, по наблюдениям В. М. Иллича-Свитыча, отражаются эти же индоевропейские противопоставления, и только эти, но в славянском произошли некоторые изменения ударения, в результате которых отношение славянских акцентуационных типов к индоевропейским стало несколько сложнее. Окситонированным именам санскрита и греческого и именам с подвижным ударением в славянском, как и в балтийском, соответствуют имена с подвижным ударением, но баритонированным именам соответствуют баритонированные имена с долготным корнем и окситонированные имена с краткостным корнем³. Таким образом, оказывается, что новообразованные акцентуационные системы балтийских и славянских языков имеют под собой вполне определенное индоевропейское основание.

В индоевропейских языках наблюдается процесс распространения именных парадигм с постоянным ударением за счет парадигм с подвижным акцентом. Постоянным ударением характеризуются более новые тематические основы, а подвижным — в первую очередь, самые архаичные — корневые. В греческом постоянное ударение распространилось и на многие нетематические основы, в то время как в ведийском санскрите, более консервативном в этом отношении, последние

в большей степени сохраняют подвижность ударения. Балтийские и славянские языки в значительной степени сохранили подвижность и слабого акцента. Эти обстоятельства подтверждают сделанный выше вывод о том, что в индоевропейском именном склонении распространено было подвижное ударение и что место ударения и его интонация были одним из признаков грамматической формы.

Глагольные тематические основы настоящего времени, как и именные тематические основы, имели постоянное ударение. В санскрите, который и в отношении глагольного акцента стоял ближе к индоевропейскому, чем греческий, одни тематические глаголы имели ударение на корне, другие — на тематическом гласном. Пример первых:

	Ед. ч.	Множ. ч.	Дв. ч.
1 л.	<i>bhārāmi</i> 'несу'	<i>bhārāmaḥ</i>	<i>bhārāvah</i>
2 „	<i>bhārasi</i>	<i>bhāratha</i>	<i>bhārathaḥ</i>
3 „	<i>bhārati</i>	<i>bhāranti</i>	<i>bhārataḥ</i>

Пример вторых:

	Ед. ч.	Множ. ч.	Дв. ч.
1 л.	<i>tudāmi</i> 'бью'	<i>tudāmaḥ</i>	<i>tudāvah</i>
2 „	<i>tudāsi</i>	<i>tudātha</i>	<i>tudāthaḥ</i>
3 „	<i>tudāti</i>	<i>tudānti</i>	<i>tudātaḥ</i>

Глаголы с нетематическими основами в санскрите имеют в настоящем времени подвижное ударение, которое в активе (действительном залоге) противопоставляет единственное число множественному и двойственному: в формах единственного числа ударение падает на основу (корень или суффикс), в связи с чем ударяемая морфема имеет полную огласовку, а в формах остальных чисел оно падает на окончание, и основа имеет редуцированную огласовку. Таким образом, формы единственного числа являются сильными, остальных чисел — слабыми. В меди (среднем залоге) все формы настоящего времени являются слабыми. Пример:

Актив

	Ед. ч.		Множ. ч.	Дв. ч.
1 л.	<i>dvēsmi</i> 'ненавижу'		<i>dviṣmāḥ</i>	<i>dviṣvāḥ</i>
2 „	<i>dvēkṣi</i>		<i>dviṣthā</i>	<i>dviṣthāḥ</i>
3 „	<i>dvēṣti</i>		<i>dviṣānti</i>	<i>dviṣtāḥ</i>

Медий

	Ед. ч.		Множ. ч.	Дв. ч.
1 л.	<i>dviṣé</i>		<i>dviṣmāhe</i>	<i>dviṣvāhe</i>
2 „	<i>dviṣé</i>		<i>dviṣdhvé</i>	<i>dviṣāthe</i>
3 „	<i>dviṣté</i>		<i>dviṣāte</i>	<i>dviṣāte</i>

В греческом огласовка корня в некоторых корневых глаголах в активе показывает, что и в нем было в прошлом такое же передвижение ударения в глаголах. Так, в формах актива глагола *ei- 'идти' огласовка в греческом и санскрите совпадает:

	Санскрит	Греческий
Ед. ч.	<i>émi</i>	εἰμι
	<i>ési</i>	εἶ
	<i>éti</i>	εἶσι
Множ. ч.	<i>imāḥ</i>	ἴμεν
	<i>ithā</i>	ἴτε
	<i>yānti</i>	ἴασι
Дв. ч.	<i>ivāḥ</i>	
	<i>īthāḥ</i>	ἴτον
	<i>itāḥ</i>	ἴτον

Факты санскрита и греческого согласно показывают, что и в перфекте было аналогичное передвижение ударения. В санскрите перфект имеет в формах единственного числа ударение на корне и полную огласовку его, в остальных формах — ударение на окончании и редуцированную огласовку корня. В греческом ударение в перфекте стало неподвижным, но

огласовка корня в некоторых глаголах совпадает с санскритской:

	Санскрит	Греческий
Ед. ч.	<i>véda</i> 'знаю'	οἶδα
	<i>véttha</i>	οἶσθα
	<i>véda</i>	οἶδε
Множ. ч.	<i>vidmá</i>	ἴσμεν
	<i>vidá</i>	ἴστε
	<i>vidúr</i>	ἴσασι
Дв. ч.	<i>vidvá</i>	
	<i>vidáthur</i>	ἴστων
	<i>vidátur</i>	ἴστων

Аорист в санскрите и греческом получил префикс *e-* (называемый аугментом), который перетянул на себя ударение; в связи с этим первоначальное место ударения в нем не прослеживается.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в индоевропейском, по крайней мере в нетематических основах (как именных, так и глагольных), место ударения было различным в разных грамматических формах и было одним из показателей формы. Но определяется место ударения, в основном, по данным ведийского санскрита и поэтому недостаточно надежно.

5. ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ КОРНЯ

Как мы уже видели, в структуре реконструированных индоевропейских корней есть противоречивые явления. При обычной односложности индоевропейских корней некоторые из них все же признают двусложными. Черты прежней двусложности обнаруживаются и в некоторых других корнях, но на них не распространяется название «двусложные», потому что они имеют и отличия от последних. Все это требовало исторического объяснения и побуждало индоевропеистов все больше углубляться в анализ корней в поисках их первоначальной структуры. В результате многих исследований намечилось решение основных вопросов.

Прежде всего нужно отметить, что не все реконструированные корни являются исконными, неделимыми морфемами. В некоторых из них при дальнейшем анализе выделяются еще какие-то составные элементы. Напр., в лат. *cor/cordis*, арм. *sirt*, греч. *καρδία*, хетт. *kardi-*, ст.-сл. *срьд-ъце* и т.д. — корень **krd-*, но сравнение с греч. *κῆρ*, хетт. *kir*, прус. *siran*, отражающими корень **ker-*, показывает, что **krd-* образовано из более древнего корня **ker/kr-* и какого-то элемента **-d*. Скр. *acri* 'угол', греч. *ἄκρος* 'вершина', лат. *acer* 'острый' обнаруживают корень **akr-*, но сравнение с греч. *ἄκων* 'копье', гот. *ahana*, а также с греч. *ἄκίς*, лат. *acies*, др.-сакс. *eggja* 'острие' показывает, что он состоит из первоначального корня **ak-* и элемента **-r*. Корень **plekt-*, засвидетельствованный лат. *plecto* 'плету', др.-в.-нем. *flehtan* и ст.-сл. *плетѣ*, разлагается на **plek-* и **-t* при сравнении с греч. *πλέκω* 'плету', лат. *du-plex* 'двойной'. Значения этих элементов, вошедших в состав корней, неизвестны. Вероятно, на той стадии индоевропейского языка, которая восстанавливается сравнительной грамматикой, они уже не имели значений. Очевидно, это омертвевшие суффиксы. От реальных суффиксов они отличаются не только утратой значений, но и отсутствием в их составе гласной. Их называют одни — распространениями, другие — детерминативами. Поскольку в реконструируемую эпоху они уже вошли в состав корней, мы не выделяем их как особые морфемы, но при исследовании истории индоевропейского корня они отделяются в первую очередь.

Знаменитый французский компаративист Эмиль Бенвенист разъяснил, что т. н. двусложные корни состоят из более древних односложных корней и омертвевших суффиксов. Так, в корне **pleh-* (лат. *plēnus* 'полный', греч. *πλήνῃ* 'наполняю') он выделяет собственно корень **pl-* и суффикс **-eh*, а в разновидности этого же корня **pelh-* (скр. *parīman* 'обилие') — соответственно **pel-* и **-h*. И в корне, и в суффиксе, выделяемых таким образом, гласная *e* чередуется с *u* или *o*. Аналогичный состав с таким же чередованием обнаружил Бенвенист и во многих корнях, которые не подпадают под категорию «двусложных», напр.: **uer-g-* (греч.

ἔργον 'дело') — **ur-eg-* (греч. ἔργω 'делаю'), **sen-u-* (др.-в.-нем. *senawa* 'жила') — **sn-eu-* (греч. νεῦρον 'жила'), **g^uer-bh-* (скр. *garbhah* 'утроба, зародыш') — **g^ur-ebh-* (греч. βρέφος 'зародыш') и др.¹. Оказалось, что есть распространения с гласной *e*, чередующейся с нулем. Сохранение гласной в первоначальном корне или суффиксе было обусловлено, по-видимому, ударением. Э. Бенвенист так сформулировал правило этого чередования: ударяемой полной ступени корня соответствует нулевая ступень суффикса и наоборот. В новом корне, образовавшемся из этих компонентов, сохранялась, таким образом, одна гласная, и он оставался односложным.

Для различения омертвевших суффиксов без гласной и с чередующейся гласной Э. Бенвенист называет первые распространениями, а вторые — суффиксами (не вкладывая в эти термины никакого смысла, кроме чисто фонетического). Различие между ними объясняется по его теории очень просто. Поскольку позднейший индоевропейский корень (или «база», как его стали называть), в состав которого вошли и омертвевшие суффиксы, мог иметь только одну гласную, и эта гласная сохранялась либо в первоначальном корне, либо в первом суффиксе, второй суффикс, если он вошел в состав «базы», всегда терял свою гласную и становился распространением.

Таким образом в сравнительной грамматике индоевропейских языков возникло два понятия о корнях: о первоначальном корне и о позднейшем, в состав которого вошли омертвевшие суффиксы. Многие стали употреблять термин «корень» в смысле первоначального корня, и поэтому для обозначения того корня, в котором могут быть и омертвевшие суффиксы, стал употребляться термин «база». Этот термин был создан Г. Хиртом, который считал главным признаком базы чередование гласной с нулем. В дальнейшем некоторые языковеды (напр., К. Бругман, И. Схрейнен²) употребляли этот термин в смысле чисто фонетическом, как обозначение части слова, в которой происходит чередование. Э. Прокош считает, что база — это слог, в котором чередуется гласная³. Однако

поскольку количественное чередование выработалось в той части слова, которая в эпоху, реконструируемую сравнительной грамматикой, стала корнем, следует понимать под базой именно этот корень.

Обращает на себя внимание то, что в примерах, собранных Э. Бенвенистом, а потом и другими языковедами, первоначальный корень, выделяемый в базе, всегда оканчивается сонантом (**per-k-*||**pr-ek-*, **uer-g-*||**ur-eg-*, **pel-h-*||**pl-eh-*, **gen-h-*||**gn-eh-*, **sen-u-*||**sn-eu-* и т.п.). В одном примере — **pei-r-* (скр. *patra-*)||**pi-er-* (греч. πτέρων) корень оканчивается простой согласной, но суффикс содержит сонант. Э. Бенвенист прошел мимо этого факта, но К. Аммер занялся им и выдвинул положение, что к первоначальному двухсонантному корню только тогда присоединялось распространение из смычного согласного, когда второй согласный корня был сонантом⁴. Возможно, причина этого явления кроется в том, что индоевропейский язык избегал стечения смычных согласных, и когда к корню на смычную согласную присоединялся суффикс на смычную, то одна из этих согласных выпадала, так что обнаружить прежний суффикс в этих случаях уже не удастся.

Опираясь на «ларингальную» теорию, Э. Бенвенист открыл, что ряд корней, которые считаются первоначальными, в действительности содержат в себе суффикс с полной огласовкой и корень — с нулевой. Напр., корень **uek-* (скр. *vakti* 'говорит', лат. *vox* 'голос') он разлагает на **hu-ek-*; другой вариант этого корня должен быть в таком случае **heu-k-*; и действительно он существует в авест. *aok-* 'говорить'. Анализируя глаголы с инфиксом **ne/n* в презенте, он пришел к выводу, что инфикс состоял из одного *n* и что это был на самом деле не инфикс, а распространение, вставлявшееся между первоначальным корнем и суффиксом. Напр., скр. *vrnoti* 'закрывает' он разлагает на **ur-n-eu-*. Корень без распространения оказывается **ur-eu-*; другой вариант его должен быть **uer-u-*, что и обнаруживается в оск. *veru* 'ворота'.

Бенвенист исходит из «ларингальной» теории в варианте, разработанном Е. Куриловичем, который утверждает три ла-

рингальных. Согласно этой концепции, в праиндоевропейском была одна гласная фонема *e*, а *a* и *o*, не чередующееся с *e*, образовались из *e* под влиянием различных ларингальных согласных: краткие *a*, *o* возникли после ларингальных, долгие — перед ними, в связи с исчезновением их; слова, начинающиеся с гласной, имели раньше перед нею ларингальную. Эта концепция привела Э. Бенвениста к выводу, что первоначальные корни не только оканчивались неслоговыми фонемами, но и начинались неслоговыми. Таким образом оказалось, что первоначальный индоевропейский корень всегда состоял из двух неслоговых фонем, между которыми находилась слоговая — *e*. Многие из них получили потом наращения в виде суффиксов и распространений, но некоторые сохранились в первоначальном виде, напр., **sekʷ-* 'следовать', **ter-* 'греть', **bher-* 'нести', **ten-* 'вытягивать', **men-* 'думать', **med-* 'измерять', **segh-* 'держать', **gʰen-* 'бить'.

Неизвестно, действительно ли всякий корень начинался неслоговой фонемой: на этот вопрос должна ответить «ларингальная» теория (если она когда-нибудь будет в состоянии это сделать). Но весьма вероятно, что всякий корень первоначально заканчивался одной неслоговой, перед которой находилась слоговая — всегда гласная; в начале могла быть также неслоговая, но только одна.

Несколько иную теорию индоевропейского корня разработал Е. Курилович, но в его теории рассматривается по существу иной вопрос, поскольку термин «корень» он употребляет не в общепринятом смысле. Обычно под корнем понимается в синхроническом плане — часть слова, заключающая в себе основной элемент лексического значения (или лексическое значение целиком), в диахроническом плане — первоначальная часть слова, а Е. Курилович определяет корень как часть слова, имеющую определенный фонетический состав: в начале — согласную или сочетание двух согласных, потом — гласную, в конце — опять согласную или сочетание сонанта и согласной. В число согласных включаются и исчезнувшие «ларингальные»¹. Корень в этом понимании имеет некоторое отношение и к корню в обычном, функциональном смысле,

поскольку реконструированные индоевропейские корни полнозначных слов (вместе с древнейшими суффиксами, выделенными Э. Бенвенистом), с учетом «ларингальной» теории, имеют черты такой фонетической структуры, но все же не совпадают с ним. При таком чисто фонетическом определении корня оказывается, что местоимения не имеют корней, потому что их корни **me*, **te*, **de*, **so*, **to*, **kʷo* и др. по своей фонетической структуре не соответствуют определению Е. Куриловича. При этом определении отпадает вопрос о распространениях или древнейших суффиксах, вошедших в состав корня. Правда, и Э. Бенвенист рассматривает индоевропейские корни с фонетической стороны, причем ограничивается корнями полнозначных слов, но он не отрицает и функциональных признаков корня.

Для нашего рассмотрения важное значение имеет то, что Е. Курилович разделил индоевропейские корни на «легкие», т.е. оканчивающиеся одним согласным (напр., **hes-*, **pekʷ-*, **ten-*) и «тяжелые», т.е. оканчивающиеся сонантом и согласной (напр., **bheid-*, **leukʷ*, **perk-*, **genh-*). В вопросах чередования гласных это различие, как можно видеть из предыдущего, имеет существенное значение. Е. Курилович, подобно другим исследователям, считает, что выделяемый им корень является результатом ослабления гласных в неударных слогах¹. Первоначально, по его мнению, после каждой согласной следовала гласная, но в эпоху ослабления неударных гласных, в зависимости от места ударения, выпала гласная либо после первой согласной, либо после второй, и из корней образовались варианты типа **hes-* и **hse-*, **perk-* и **prek-*. Позже происходило еще второе ослабление неударных гласных, в результате которого «тяжелые» корни типа **leukʷ-*, **perk-* редуцировались в **luk-*, **prk-*.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Морфологические свойства имен и глаголов в индоевропейском языке были совершенно различными. В их формах выражались разные грамматические категории (общей была только категория числа), и поэтому вся система словоизменения не была единой. Общность обнаруживается в древнейшем слое именного и глагольного словообразования, и это говорит о том, что до развития в индоевропейском языке сложной системы словоизменения различие между именем и глаголом не было значительным, но возникновение склонения и спряжения сделало имя и глагол двумя полюсами грамматической системы индоевропейского языка.

Близко к именам стояли местоимения, и А. Мейе даже включал их в категорию имени¹, но личные местоимения все же существенно отличались от имен своими значениями, отсутствием категории рода, следами прежнего отсутствия категории числа, отсутствием именного словообразования и системой падежных форм, поэтому причислять их к именам, с нашей точки зрения, никак нельзя. Остальные местоимения также отличаются от имен значениями, отсутствием именного словообразования, падежными формами, и больше объединяются с личными местоимениями, чем с именами. Поэтому мы рассматриваем местоимение как отдельную часть речи и посвящаем ему отдельную главу.

В индоевропейском языке существовали также неизменяемые слова: наречия, предлоги и частицы (выполнявшие, по-видимому, также функцию союзов).

Имена, в свою очередь, не составляли единого лексико-грамматического класса: они разделялись на существительные и прилагательные. Между ними были существенные различия в семантике и синтаксических свойствах: прилагательное выражало признак, существительное — субстанцию, т.е. нечто самостоятельное, носителя признаков; прилагательное согласовывалось с существительным, т.е. его род, число и падеж определялись существительным, которому оно подчинялось, в то время как род существительного зависел от его лексического значения, число существительного — от того, какое количественное понятие сочеталось с его лексическим значением, и падеж — от глагола или предлога. Учитывая также морфологическое отличие прилагательного — формы степеней сравнения у него, нужно признать его по существу отдельной частью речи. Но в отношении склонения прилагательные ничем не отличались от существительных, немало общего имели с ними и в словообразовании, и поэтому при чисто морфологическом анализе нет надобности отделять прилагательное от существительного.

Имена разделялись на три рода: мужской, женский и средний. Имена мужского и женского рода склонялись одинаково, а средний род отличался в склонении только тем, что в нем форма именительного падежа всегда (во всех числах и склонениях) совпадала с винительным, причем во множественном числе именительный-винительный падеж обозначался особым окончанием — *-ā или *-a. В хеттском языке есть только два рода: один, соответствующий мужскому и женскому, а другой — средний. Некоторые языковеды рассматривают это как результат исчезновения женского рода в хеттском языке, но последнее маловероятно. Общность морфологических свойств мужского и женского рода в других древних индоевропейских языках и отличие от них среднего рода указывают на то, что в языке-основе в более ранний период было два рода. Совпадение именительного падежа с

глаголом (греч. ζῶν ἀγαθὸν βίον 'живет хорошую жизнь', μάχην μάχεται 'сражается в бою', скр. yātam yāti 'идет ход', лат. *somnium somniō* 'сплю сон').

Аблатив выражает предмет, от которого удаляются или от которого вообще отправляется действие, напр., вед. *tāsmād ganāh chidyate* 'от него толпа отделяется', *indrād bhāyate* 'боится Индры'. Он сохранился как особый падеж только в санскрите, авестийском и хеттском. В индо-иранском он имел особое окончание только в единственном числе основ на *-o, но, несомненно, был особым падежом, потому что во множественном и двойственном числе совпадал по окончанию не с генитивом, как в единственном основ на согласный и сонант, а с дативом. В хеттском он имел во множественном числе то же окончание, что и в единственном.

Датив выражает предмет, по направлению к которому или для которого совершается действие, напр., греч. δῶκε δὲ Τηλεμάχῳ καλὸν δέπας 'дал Телемаху красивую чашу', вед. *pra vishnave ... etu mantha* 'пусть идет молитва к Вишну', лат. *romanis de muro manus tendebant* 'к римлянам со стены протягивали руки'.

Инструменталь показывает, вместе с чем или при помощи чего производится действие, напр., вед. *indro no rādhasā gamat* 'пусть Индра придет к нам с богатством', *adānti dākṣiṇena hāstena* 'едят правой рукой', греч. ἑλόμενος ... νηὶ τε καὶ ἑτάροισι 'блуждая с кораблями и товарищами'.

Локатив обозначает место действия: скр. *sve dāme vārdhate* 'в своем доме он растет', *devēsu gacchati* 'идет среди богов', греч. εἶδε μυχῷ κλισίης 'спал в уголке палатки'. Иногда он выражал время: греч. νυκτὶ δ' ὁμῶς πλείειν 'ночью также плыть', скр. *uśāsi* 'на заре'.

Значения генитива наиболее разнообразны и труднее всего поддаются определению. В отличие от других падежей, он употребляется при именах не в меньшей (а, может быть, и в большей) степени, чем при глаголах. Определяя имя, генитив обозначает целое, от которого определяемое составляет часть (греч. πολλὰ τῶν ὑποζυγίων 'многие из выючных животных', лат. *vitae reliquum* 'остаток жизни'), принадлежность (греч. 'Εκτορος γυναῖκα 'жена Гектора', лат. *domus pat-*

ris 'дом отца'), материал, из которого состоит предмет (гр. χρυσὸς πατήρ 'золотая монета', лат. *lactis imber* 'поток молока') и разные другие признаки (*formica magni laboris* 'муравей большого труда', ὀκτώ σταδίων τεῖχος 'стена восьми стадий (длиною)', γραφὴ κλοπῆς 'обвинение в краже', ὁ φόβος τῶν πολεμίων, *metus hostium* 'страх перед врагами' или 'страх врагов' и др.). Видимо, генитив выражал вообще признак предмета, соперничая в этом отношении с относительными прилагательными. Но при отглагольных именах он выражал субъект или объект действия (в равной степени); если лексические значения обоих имен не предопределяли значения субъекта или объекта в генитиве, то значение это зависело от контекста, напр., лат. *amor patris* могло обозначать и 'любовь отца', и 'любовь к отцу'; греч. νίκη τῶν βαρβάρων 'победа варваров' и 'победа над варварами'. Аналогично — ὁ φόβος τῶν πολεμίων.

При глаголах генитив обозначал, главным образом, объект действия, соперничая в этом отношении с аккузативом, но в отличие от последнего, показывал, что действие распространяется не на весь объект, а на часть его, напр., скр. *yad aranyāsyācṇāti* 'когда он ест мяса дичи', греч. πᾶσσε δ' ἄλλε θεῖοιο 'посыпал соли божественной', гот. *his hlaibis matjai* 'этого хлеба пусть он поест'. Генитив имел и некоторые другие значения, напр., места и времени, но, по-видимому, и они были связаны с выражением части от целого. Напр., в греч. ἔρχονται πεδίοιο 'идут равниной' генитив πεδίοιο показывает, что идущие проходят только часть равнины; в χειρὰς νιψάμενος πολιῆς ἄλος 'руки обмывая в море' действие касается только части моря; то же — в гот. *gaggida landis* 'прошел по стране'; во временном значении генитив обозначает часть временного промежутка, обозначаемого именем: скр. *dvir āhnaḥ*, греч. δις τῆς ἡμέρας 'дважды в день', ст.-сл. коньчяхъ того же лѣта.

2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Корневые имена, т.е. лишенные суффиксов, нередки в индо-иранском. В хеттском их сохранилось мало. В греческом и латинском они тоже единичны, но в этих языках они чаще

встречаются в составе сложных слов, как второй компонент (греч. *χέρ-νιψ* 'вода для мытья рук', *ὄμο-ζυγ* 'сопряженный', лат. *au-spex* 'птицегадатель', *opi-fex* 'ремесленник'). В славянском они не сохранились, и вообще в индоевропейских языках по мере их развития этот тип исчезает. Но в праиндоевропейском корневые имена составляли, по-видимому, значительную группу. Под влиянием различных окончаний в них изменялся гласный. Вот наиболее сохранившиеся в исторически известных языках примеры:

**ped/pod* 'нога': скр. *pāt* (ген. *padāh*), греч. дор. *πός* (*ποδός*), лат. *pēs* (*pedis*);

**uek"/uok"* 'слово, голос': скр. *vāk*, лат. *vōx*, греч. ген. (F) *οπός*;

**ker/kor* 'сердце': хетт. *kir*, греч. *κῆρ*, прус. *sīran*, лат. *cor* (ген. *cordis*), арм. *sirt*;

**rēg* 'царь': скр. *rāj-* (ном. ед. ч. *rāt*), лат. *rēx*, др.-ирл. *rīg*;

**gou* 'бык, корова': скр. *gāuh*, греч. *βοῦς*, др.-сакс. *kō*, арм. *kov* 'корова';

**mūs* 'мышь': скр. *mūh*, греч. *μῦς*, лат. *mūs*, др.-в.-нем. *mūs*, слав. *мышь* (перешло в основы на *-i).

Тематические основы характеризуются тематической гласной **e/o*. Ни в одном из известных языков она не сохранила своего значения, и так, по-видимому, было и в реконструируемую эпоху. Поэтому ее нельзя считать суффиксом. Но и в состав корня тематическая гласная не входила, потому что она четко выделялась в слове и оказывала решающее влияние на структуру основы. Выделение ее подчеркивалось тем, что был ряд имен, у которых тематическая основа образована от сосуществующей атематической, напр., скр. *padām* 'шаг, след', греч. *πέδον* 'почва', хетт. *pedan* 'место' при **ped* 'нога'; лит. *snīėgas*, слав. *снѣгъ*, гот. *snaiws* при *(s) *nigh* (лат. *nix*, греч. акк. ед. ч. *νίξ-α*); скр. *udrāh* 'водяное животное', греч. *ὕδρως* 'гидра' при **uodor* 'вода' (греч. *ὕδωρ*, др.-в.-нем. *wazzar*, хетт. *watar*). Основы с тематической гласной характеризовались постоянным местом ударения и неиз-

менностью корневого гласного. Тематические основы, вместе с теми, у которых суффиксы оканчивались на **e/o*, имели особый тип склонения.

Ряд имен с тематической основой были названиями предметов, но большинство их обозначали действия и деятелей; иногда — и объекты действий (по-видимому, при образовании их эти значения слабо различались между собой). Основы, относящиеся к этому большинству, имеют корневую огласовку *o* (при *e* в соответствующей глагольной основе), напр., греч. *τέμνω* 'режу' — *τόμος* 'разрез', *λέγω* 'говорю' — *λόγος* 'слово, речь', *δέρω* 'строю' — *δόμος* 'дом', слав. *тека* — *токъ*, *веза* — *возъ*, др.-в.-нем. *bintan* 'вязать' — *bant* 'связь, оковы', *singan* 'петь' — *sang* 'песнь'. Если такое имя обозначает действие, то имеет ударение на корне, если производителя действия или результат его, то на тематическом гласном, срв. греч. *τέμος* 'разрез' — *τομός* 'режущий', *τρέχος* 'бег' — *τροχός* 'колесо', скр. *vārah* 'выбор' — *varāh* 'жених', *ζόκαη* 'блеск' — *ζοκάη* 'блестящий'. Но в качестве второго компонента словосложения оно, имея обычно значение производителя действия, сохраняет ударение на корне: др.-тэмос 'дровосек', *κακο-λόγος* 'злословящий', *αργυρο-κόπος* 'кователь серебра'.

Остальные именныe основы имеют в своем составе различные суффиксы. Префиксов имена, как и другие части речи, не имели. Суффиксы были разнообразны, и полный обзор их занял бы много места. Отметим лишь важнейшие из них.

*-ā (первоначально — *-ah)

Существительные с основой на *-ā были преимущественно женского рода. Это значение все более распространялось и стало настолько типичным для них, что у прилагательных основа на *-ā стала признаком женского рода. В результате этого прилагательные с основой на **e/o* могли быть только мужского и среднего рода, форма женского рода образовывалась путем замены тематического гласного суффиксом *-ā (напр., греч. *λευκός*, *λευκή* — *λευκή*, лат. *albus, album* — *alba*, слав. *бѣлъ*, *бѣло* —

бѣла и т.д.). Первоначально суффикс **-ā* имел значение собирательное, и поэтому у существительных среднего рода он стал окончанием множественного числа именительного, винительного падежа. В этой функции его прежнее собирательное значение обнаруживается со всей очевидностью в греческом языке, а также в Гатах Авесты и в Ведах, где при существительных среднего рода множественного числа глагол имеет форму единственного числа.

**-eu/ou*

В номинативе этот суффикс бывает всегда в редуцированном виде (*u*). Он образует некоторые существительные, преимущественно мужского рода, напр., скр. *paçūh* 'стадо' — лат. *pecus* 'скот', лат. *domus* — слав. *домъ*, скр. *hanūh* 'челюсть' — греч. *γένυς* — гот. *kinpus*, скр. *ketūh* 'явление, знак' — гот. *haidus* 'способ' и многие прилагательные: скр. *prthūh* 'широкий' — греч. *πλατύς*, скр. *guruḥ* 'тяжелый' — греч. *βαρύς* — гот. *kaurus*, скр. *purūh* 'обильный' — греч. *πολύς* 'многий'. Свою семантику этот суффикс утратил, и основы, характеризовавшиеся им, стали смешиваться с корневыми основами на **-u* среднего рода, у которых не было суффикса **-eu/ou*, а конечное *-u* было распространением, напр., скр. *mādhu* 'мед, сладость' — греч. *μέθυ* 'хмельной напиток' — слав. *медъ*, скр. *dāru* 'дерево' — греч. *δένρον* — гот. *triu*, скр. *jānu* 'колени' — греч. *γόνυ* — лат. *genu* — гот. *kniu*. В результате смешения некоторые имена приобрели признаки и одного, и другого типа, срв. суш. муж. рода **pekus* 'скот' (скр. *paçūh*, лат. *pecus*) и сред. рода **peku* с тем же значением (скр. *pāçu*, лат. *pecu*, гот. *faihu* 'имущество, деньги'). Различать эти два типа трудно, и только по чередованию гласных в основе и окончании генитива ед. ч., сохранившемуся у отдельных имен, преимущественно в санскрите. Э. Бенвенист обнаружил, что эти основы по происхождению не имеют ничего общего между собой¹. Необходимость изучения их вызывается прежде всего тем, что в разных языках, образовавшихся из праиндоевропейского, они, объединившись в один тип, приобрели некоторые особенности склонения.

**-ei/oi*

Основы с этим суффиксом в самом основном аналогичны предыдущим, но сохранились очень мало: лат. *auris* — лит. *ausis* 'ухо', лит. *akis* — скр. *ākṣi* 'глаз', греч. *ὄρχις* 'ядро', *testes* — авест. *arazi* — лит. *ežilas* 'жеребец'; хетт. *kardi* — греч. *καρδί-α* — лит. *širdis* — слав. *сръдце*. Эти основы утратили свое особое значение и смешались с корневыми основами на **-i* среднего рода, так что различить их можно, подобно основам на **eu/ōu* и **u*, только по чередованию гласных при склонении. Из корневых основ на **-i* хорошо сохранилась только **oṽi-* 'овца' (скр. *āviḥ*, лат. *ovis*, греч. *ὄϊς*, лит. *avis*), но ряд прилагательных, образованных от существительных с основой на **-i* посредством тематического *e/o*, свидетельствуют о том, что некогда этот тип был довольно распространенным. Это скр. *devya-* 'божественный' — греч. *θεός* — лат. *dīus* от **diṽi-*, скр. *kravya-* 'сырое мясо' — прус. *krawian* — лит. *kraujas* 'кровь' от **kreṽi-*, греч. *ἥλιος* 'солоний' от **sali-*, скр. *āvya-* 'овечий', *āpya-* 'водяной' и др. Впоследствии, в обособившихся языках, эти основы вместе с более многочисленными основами на **-tei* (скр. *gātīh* 'путь' — греч. *βάσις*, скр. *mātīh* 'мысль' — слав. *па-мать* — лит. *mintis* — лат. *mens*, слав. *гость* — лат. *hostis* — гот. *gasts* и т. п.) образовали особое склонение, известное под названием «склонение основ на *-i*».

**-tei*

Суффикс **-tei* (в номинативе — всегда редуцированная форма **-ti*) образует существительные, обозначающие действия; корень при этом имеет редуцированную огласовку:

**mṛ-ti* 'мысль' — скр. *matīh*, слав. *па-мать*, лит. *mintis*, лат. *mens* (ген. *mentis*);

**mṛ-ti* 'смерть' — скр. *mṛtī-h*, лит. *mirtis*, слав. *сѣ-мръть*, лат. *mors* (ген. *mortis*);

**gṽm-ti* 'ход' — скр. *gātīh*, греч. *βάσις*, гот. *ga-qumþs*;

**bhṛ-ti* 'несение' — скр. *bhṛtīh*, гот. *ga-baurþs* 'рождение';

**mog-ti* 'возможность, мощь' — ст.-сл. *мощь*, гот. *mahts*.

От косвенных падежей таких существительных в индоиранских, славянских, балтийских и кельтских языках образовался инфинитив: скр. *pītaue* 'пить', слав. *пити*, нести, лит. *kėlti* 'поднимать', *beĩti* 'сыпать'.

Суффикс **-tei* сочетается иногда с другими суффиксами, напр., лит. *semen-ti-s* 'посев', др.-в.-нем. *angus-t* 'тревога'. В славянском очень продуктивным стало сочетание суффикса **-tei* с суффиксом **-os*, получившее значение абстрактности: *длѣг-ос-ть*, *жз-ос-ть*. Единичные случаи такого образования есть и в хеттском: *dalug-as-ti* 'длина'.

**-teu*

Для образования существительных, обозначающих действия, служил также суффикс **-teu*, который в номинативе также имел редуцированную форму **-tu*:

**g^uem-tu* 'ход' — скр. *gántuḥ*, лат. *ad-ventus*;

**p^rtu* 'брод, переправа' — лат. *portus* 'гавань', авест. *pərətuš* 'мост', др.-в.-нем. *furt*;

**gus-tu* — лат. *gustus* 'вкус', гот. *kustus* 'проба'.

От имен с этим суффиксом (акк.) образовался в итальянских, кельтских, славянских и балтийских языках супин (лат. *ventum* 'приходить', *factum* 'делать', слав. *дѣлатъ*, *ловить*, лит. *dirbtū* 'делать', *veztū* 'везти'), в санскрите — инфинитив на *-tum* (из акк.) и *-tave* (из дат.): *gántum*, *gántave* 'идти', *yātum*, *yātave* 'идти'.

**-men*

Суффикс **-men* также образует имена действия, но в то время как существительные с суффиксом **-tei* преимущественно женского рода, с суффиксами **-teu* и **-to* — мужского, имена на **-men* большей частью среднего рода:

**bher-men* — ст.-сл. *брѣмѧ*, скр. *bhārma* 'несение', греч. *φέρμα* 'бремя';

**uert-men* — скр. *vārtma* 'путь', ст.-сл. *врѣмѧ*;

**ghei-men* — греч. *χειμα* 'буря, зима', скр. *heman* 'зимой';

**sē-men* — ст.-сл. *сѣмѧ*, лат. *sēmen*, прус. *semen*, др.-в.-нем. *sāmo*;

**no-men* — лат. *nomen* 'имя', скр. *nāma*, гот. *namo*, греч. *ὄνομα*.

Как видно из примеров, имена с этим суффиксом получают также значение результата или объекта действия. Были также имена со значением действующего лица, но они обычно были мужского рода: скр. *brahmā* 'священник, брахман' (при *brāhma* 'молитва' — сред. р.), *dharmā* 'держатель, закон', греч. *ἔδμων* 'знаток'.

**-es/os*

При помощи этого суффикса образуются существительные среднего рода, в основном, с отвлеченным значением. Корень у них имеет огласовку *e* и ударение на себе:

**kleu-os-* — греч. *κλέ(ε)ος* 'молва, слух', скр. *śrávaḥ* 'слава', слав. *слово* (ген. *словесе*);

**gen-os* — греч. *γένος* 'род', лат. *genus*, скр. *jānaḥ*;

**nebh-os-* — скр. *nabhaḥ* 'небо', греч. *νέφος* 'облако', слав. *небо* (ген. *небесе*);

**reg^u-os-* — скр. *rājāḥ* 'темнота', греч. *ῥεβος*, гот. *riqis*.

Кроме того, с этим суффиксом бывают прилагательные, но у них ударение падает на суффикс: скр. *apāḥ* 'деятельный' при *āpaḥ* 'дело', греч. *ψεῦδής* 'лживый' при *ψεῦδος* 'ложь'. Чаще это бывает во второй части сложения: срв. скр. *cétāḥ* 'блеск' и *acetāḥ* 'лишенный блеска', *prathāḥ* 'ширина' и *saprat-hāḥ* 'имеющий ширину', греч. *πλάτος* 'ширина' и *ἀπλάτης* 'не имеющий ширины'.

**-ter/tor* и **-tel*

Суффиксы **-ter* и **-tel* в разных языках полностью соответствуют друг другу по значению, так что являются как бы вариантами. Они обозначают действующее лицо. **-tel* есть в славянском и хеттском, в остальных — **-ter/tor*, причем в греческом — варианты *-тор/τωρ* и *τηρ*, в латинском — *-tor*:

скр. *janitā* 'родитель', греч. *γενετήρ* и *γενέτωρ*, лат. *genitor*;

скр. *dātā* 'дающий', греч. *δοτήρ*, *δώτωρ*, лат. *dator*, ст.-сл. *датель*;

скр. *anani* 'создатель', греч. *θετῆρ* 'сажающий', лат. *con-ditor* 'основатель', ст.-сл. **сѣдѣтель**.

***-tro, *-ilo**

Суффиксы ***-tro**, ***-ilo** образованы из ***-ter**, ***-tel** путем присоединения тематического гласного, но ***-ilo** более распространен, чем ***-tel**: он есть и в литовском (в виде **-kla**), а в латинском и германском — оба варианта. Эти суффиксы обозначают орудие действия:

греч. *ἄροτρον* 'плуг', лат. *aratrum*, лит. *arklas*;

скр. *mántraḥ* 'изречение, заклинание, молитва', *śrótram* 'ухо'; греч. *λέκτρον* 'ложе', *ῥίπτρον* 'вода для умывания';

лат. *rōstrum* 'клюв', *claustrum* 'запор, ограда', *pōculum* 'кубок'; гот. *gilstr* 'налог' — др.-в.-нем. *gelstar* 'жертва', гот. *smairþr* 'жир', др.-в.-нем. *stadal* (из *stapla*) 'сарай';

лит. *ženklas* 'знак', *vėtra* 'буря'; ст.-сл. **вѣтръ**.

***-ko, *-k (-ek)**

Суффиксы ***-ko** и ***-k** (первоначально — ***-ek**) соответствуют друг другу в разных языках как варианты. Так, скр. *maryakāḥ* 'человечек' с суффиксом ***-ko** соответствует греч. *μεῖραξ* 'юноша' с суффиксом ***-k**; слав. **инокъ** 'одинокий', лат. *unicus* 'единственный' с суффиксом ***-ko** соответствует гот. *ainahs* 'единственный' с суффиксом ***-k**; в слав. **новакъ** — суффикс ***-ko**, в соответствующем греч. *νεαξ* 'юноша' — ***-k**. Очевидно, ***-ko** представляет собой сочетание суффикса ***-k** с тематическим гласным. Он присоединяется иногда к тематической основе: скр. *sanakāḥ* (и *sandāḥ*) 'старый', *dūrakāḥ* (и *dūrāḥ*) 'далекий', слав. **высокъ**, **жестокъ**, латыш. *dūmaka* 'дымка' (срв. *dūmi* 'дым').

Существительным этот суффикс придает уменьшительное значение: слав. **сынѣкъ**, **цвѣтѣкъ**, лит. *broliūkas* 'братик', *ožiūkas* 'козлик', скр. *aśvakāḥ* 'лошадка' (от *aśvaḥ*), *maryakāḥ* 'человечек'. Вероятно, такое значение имели и скр. *avikāḥ* 'овца' (от *āviḥ*), слав. **овыца**, скр. *mūśakāḥ* 'мышь' (от *mūś*), слав. **мышька**.

Суффикс ***-ko** служит также для образования прилагательных: скр. *sanakāḥ* 'старый', *arbhakāḥ* 'малый', *ekakāḥ* 'един-

ственный', греч. *φυσικός* 'природный', *μυθικός* 'пророческий', *γυναικικός* 'женский', слав. **инокъ** 'одинокий', **глубокъ**. Обычно в этом значении он имеет вид ***-iko**: скр. *vārsikāḥ* 'иудейской', *āhnikāḥ* 'ежедневный', греч. *ἀνδρικός* 'мужской', *ἵππικός* 'лошадиный', лат. *modicus* 'умеренный', *patricus* 'отеческий'. В балтийском и славянском эти прилагательные субстантивировались: лит. *jaunikis* 'жених', *raudonikis* 'триб подосиновик', слав. **юныць**, **чрьныць**, **слѣпць**.

***-ro**

Суффикс ***-ro** служит для образования прилагательных: скр. *rudhirāḥ* 'красный' — греч. *ῥοδρός* — ст.-сл. **рѣдръ**; скр. *śubhrāḥ* 'блестящий' (от *śubh-* 'блестеть'), *miṣrāḥ* 'смешанный' (от **misk-* 'смешивать'), греч. *πικρός* 'острый, горький', *ψυδρός* 'лживый', гот. *baitrs*, др.-в.-нем. *bittar* 'горький', лит. *tikras* 'верный, правильный', *sukrūs* 'крепко скрученный', слав. **хытръ** (от **хытити**), **бѣдръ** (от **бѣдѣти**), **старъ** (от **стаги**). Некоторые из этих прилагательных субстантивировались: греч. *δῶρον* — слав. **даръ**; скр. *udrāḥ* 'водяное животное' — греч. *ὕδρος* 'гидра' — слав. **выдра**; слав. **пиръ**, **жиръ**.

***-jo**

Суффикс ***-jo** образует прилагательные от существительных и глаголов: скр. *pītryaḥ* 'отеческий', *āśvīyaḥ* 'лошадиный', *rājyaḥ* 'царский', *ādyāḥ* 'съедобный', *dṛṣyaḥ* 'видимый', греч. *πατριός* 'отеческий', *ἵππιος* 'лошадиный', *ἄγριος* 'дикий', лат. *patrius* 'отеческий', *ē-gregius* 'выдающийся', *eximius* 'исключительный', ст.-сл. **чловѣчь** 'человеческий', др.-рус. **княжь** 'княжеский'. Наряду с прилагательными этот суффикс образовывал также производные отвлеченные существительные: скр. *rājyaṃ* 'господство', *kṛtyaṃ* 'действие', *śvāpṛyaṃ* 'сновидение', греч. *σφαγίων* 'жертва', *ξενία* 'гостеприимство', лат. *dubium* 'сомнение', *studium* 'усердие', гот. *sunja* 'истина', *sakjo* 'спор', слав. **острыє**, **суша** (из ***suxja**).

***-mo**

Древнейшие образования с этим суффиксом — существительные с разными значениями: скр. *dhūmāḥ* 'дым', лат. *fū-*

mus, слав. дымъ, греч. θερμός 'дух'; скр. *īrmaḥ* 'рука', гот. *arms*, ст.-сл. *рамо* 'плечо'; лат. *culmus* 'стебель', латыш. *salmi* 'солома', рус. *солома*, греч. κάλαμος 'тростник'. Более продуктивен он как средство образования производных прилагательных: скр. *rukmaḥ* 'блестящий', греч. ἔτονος 'действительный', θερμός 'горячий', лат. *primus* 'первый', *formus* 'горячий', лит. *pirmas* 'первый'. Некоторые производные существительные с этим суффиксом, как напр., скр. *drumāḥ* 'дерево', греч. δρυά 'лес' (срв. скр. *dāru* 'дерево', греч. δόρυ 'древко'), возможно, суть субстантивированные прилагательные.

*-en

Суффикс *-en служил для образования прилагательных, многие из которых субстантивировались. Так, лат. *homo* (ген. *hominis*), гот. *guma* (ген. *gumins*) образованы от основы **ghem-*, значившей 'земля' (греч. χαρά 'на земле', слав. *земля*, лит. *žemė*), и обозначали первоначально «земной». Лат. *juven-is* 'юноша' раньше значило 'молодой', как видно из скр. *yuvan-* 'молодой'. Возможно, подобная эволюция произошла и со значениями скр. *rājan* 'царь' (от *rāj*, срв. лат. *rēx*), скр. *tākṣan-* 'плотник', греч. τέκτων.

*-no

Это один из самых продуктивных суффиксов прилагательных. Он образует также некоторые отглагольные существительные (возможно, бывшие прилагательные). Этот суффикс имеют некоторые первичные прилагательные, названия цветов (напр., скр. *kṛṣnāḥ* 'черный' — прусск. *kirsna* — ст.-сл. *чрънъ*, скр. *malināḥ* 'темный, грязный' — греч. μέλς (ген. μέλανος 'черный' — латыш. *melns* 'черный'), но, как правило, он служит для образования производных прилагательных, отыменных и отглагольных.

Отыменных прилагательных с суффиксом *-no немного: авест. *raoxṣna-* 'блестящий' — прусск. *lauxnos* 'звезды' — лат. *lūna* 'луна' — слав. *луна* (**louks-no-*) — греч. λύχνος 'светильник' (**luks-no-s*) — от основы **leuk-es* (авест. *raoṣah*) 'свет';

греч. ἀλγεῖνός 'тяжкий' (**alges-nos*) от ἄλγος 'страдание', ἀλάλη 'луна' ('блестящая') от σέλας 'блеск';

лат. *aēnus* 'медный' от *aes* 'медь', *eburnus* 'из слоновой кости' от *ebur-*;

лит. *āvinas* 'баран', ст.-сл. *овьнь* от **ouī-* (лит. *avis*) 'птица';

лит. *kiřminas* 'червь', ст.-сл. *чръмьнъ* 'красный' (срв. лит. *kiřmis* 'червь');

слав. *чьстьнъ* от *чьсть* и др.

Многочисленны отглагольные прилагательные, как напр., скр. *pūrnaḥ* 'полный' — ст.-сл. *плънъ* — лит. *pilnas* — гот. *fulls* — лат. *plēnus*. В них суффикс иногда принимает форму *-eno (по-видимому, будучи присоединен к тематической основе), напр., скр. *vahanāḥ* 'едущий', *vartanāḥ* 'двигающийся', *cētanāḥ* 'видимый', *jānanāḥ* 'производитель', слав. *не-сень*, *везень*. С ударением на суффиксе эти прилагательные в ряде языков получили значение страдательных participii: скр. *bhugnāḥ* (от *bhuj-* 'сгибать') 'согнутый', *bhinnāḥ* (от *bhid-*) 'рассеченный', *tīrnāḥ* (от *tar-*) 'переправившийся', греч. στυγνός (от στυγέω) 'ненавистный, отвратительный', σπαρνός (от σπαίρω) 'рассеянный, редкий'; в славянском — всегда с суффиксом *-eno: *веденъ*, *чътенъ*, *забъвенъ*; в германском — *-eno и *-ono: гот. *fulgins* (*-eno-) 'скрытый' от *filla* 'скрываю', др.-исл. *bundenn* (-*eno-) 'связанный' от *binda*, гот. *bitans* (*-ono-) 'укушенный' от *beita*, гот. *bundans* (*-ono-) 'связанный', др.-в.нем. *gi-buntan* от *binda*.

Есть отыменные прилагательные с суффиксом *-ino: греч. ἀνθρώπινος 'человеческий', ἀνθινός 'цветочный' (ἄνθος), φλόγινος 'пламенный' (φλόξ), лат. *juncinus* 'камышовый' (*juncus*), *funginus* 'грибной' (*fungus*), лит. *kaipinas* 'переполненный' (*kaipas* 'куча'); особенно многочисленны они в славянском: *зимьнъ*, *желъзьнъ*, *въчьнъ*, *грѣшьнъ*, *умьнъ*, *тѣлесьнъ* и т.д. По-видимому, эта разновидность возникла вследствие присоединения суффикса *-no к основам на *-i, как слав. *чьстьнъ* от *чьсть*, *ночьнъ* от *ночь*, *овьнь* от **ouī-*, лит. *āvinas* от *avis*, *kiřminas* от *kiřmis*, скр. *harināḥ*

табель от *паци* желтый' и т.п., и дальнейшего распространения получившегося сочетания **-ino* на другие основы.

Примеры существительных:

скр. *svapnāḥ* 'сон', лит. *sāpnas*, лат. *somnus*, греч. ὕπνος, слав. **сънъ**;

скр. *dānam* 'дар', лат. *dōnum*;

скр. *sthānam* 'место отдыха', слав. **станъ**;

авест. *kaena* 'мечь', греч. ποινή 'пена', лит. *kainà* 'цена', слав. **цѣна**.

**-to*

Суффикс **-to* также был продуктивен и имел значения, аналогичные значениям суффикса **-no*. Больше всего он служил для образования отглагольных прилагательных, которые, как правило, стали страдательными причастиями (с ударением на суффиксе):

скр. *śrutāḥ* 'слышанный', *śyūtāḥ* 'сшитый', *kṛtāḥ* 'сделанный', *uktāḥ* 'сказанный' и др.;

греч. κλυτός 'славный', λεκτός 'избранный', κρυπτός 'скрытый', θετός 'положенный' и др.;

лат. *ornatus* 'украшенный', *lectus* 'избранный', *factus* 'сделанный' и др.;

лит. *siūtas* 'сшитый', *girtas* 'пьяный', *sūktas* 'скрученный' и др.;

слав. **шить**, **крыть**, **бить**, **мыть** и др.;

гот. *wasips* 'одетый', *salboþs* 'помазанный' и др.

При помощи этого суффикса образованы также отыменные прилагательные, обозначающие обладание: греч. κοινωτός 'снабженный багром' (κοινός 'багор'), χαρωτός 'орехообразный' (χάρυον 'орех'); лат. *scelestus* 'преступный' (*scelus* 'преступление'), *onusus* 'нагруженный' (*onus* 'груз'), *barbātus* 'бородатый' (*barba* 'борода'); лит. *barzdōtas* 'бородатый' (*barzdà* 'борода'), *kalmūotas* 'холмистый' (*kālnas* 'холм'), *miglōtas* 'туманный' (*miglà* 'туман'); слав. **брадать**, **женать**, **крылатъ**.

Кроме того, **-to*, подобно суффиксу **-no*, образовывал и отглагольные существительные: греч. φόρτος 'ноша', νόστος

'возвращение', κοῖτος 'ложе'; лат. *status* 'стояние', *ad-itus* 'приход', *auditus* 'слушание, слух'; слав. **животъ**, **быть**, **длато**, **пѣто**.

Причастия

Не все те образования, которые в письменно зафиксированных языках являются причастиями, были таковыми в праиндоевропейском. Так, образования с суффиксами **-to*, **-no*, известные как пассивные или медиальные причастия перфекта (скр. *śrutāḥ* 'слышанный', греч. κλυτός 'славный', лат. *factus* 'сделанный', слав. **битъ**; скр. *bhugnāḥ* 'согнутый', греч. στυγνός 'ненавистный', слав. **несенъ**), были прилагательными. Причастиями были основы с суффиксами **-ent/ont/nt*, **-yes/uos/us* и **-meno/mno*.

**-ent/ont/nt*

Этот суффикс образует активное причастие презента и дориста:

скр. *bhārant-* 'несущий' (ед. ч. *bhāran*, множ. ч. *bharantāḥ*), греч. φέροντ- (ед. ч. φέρων, множ. ч. φέροντες), лат. *ferent-* (ед. ч. *ferēns*, множ. ч. *ferentes*), ст.-сл. **bheront-* (ед. ч. **беры**, множ. ч. **берѣште**);

скр. *sant-* (*san*, *santah*) 'сущий', греч. ὄντ- (ὄν, ὄντες), лат. *prae-sent-* (*praesens*, *praesentes*) 'присутствующий', ст.-сл. **sont-* (**сы**, **сѣште**);

скр. *dādat* (**ded-nt-s*) 'дающий', греч. τιθεῖς (**thithe-nt-s*) 'кладущий'.

Неясно, является ли первоначальной форма суффикса *-ent*, или **-ent/ont*. Причастия, образованные от тематических глаголов, напр., **bheront-*, допускают двойное толкование: *e/o* можно рассматривать как тематический гласный и как часть суффикса. Причастия от нетематических глаголов имеют суффикс и **-ent/ont*, напр., **s-ont/s-ent*, и **-nt*, напр., **ded-nt-*.

Причастие на **-ent (-nt)* получило значение определенного залога и времени лишь на последнем этапе развития праиндоевропейского языка. Раньше оно не имело этого

значения, как видно из хеттского языка, в котором соответствующее причастие на *-anza-* имеет пассивное значение (*kupanza-* 'убитый', *appanza-* 'пойманный', *adanza-* 'съеденный') и отличается от современных страдательных причастий только тем, что могло быть образовано и от непереходных глаголов (*panza-* 'пошедший', *huanza-* 'бежавший', *akkanza-* 'умерший'). По-видимому, и другие причастия сначала не имели тех залоговых и временных значений, какие присущи им в письменно зафиксированных языках.

*-*ues/uo3/us*

При помощи этого суффикса образуется активное причастие перфекта, причем в форме женского рода присоединяется еще показатель женского рода суффикс **-iā* или **-jī*: скр. *vidvān* (жен. р. *vidūṣī*) 'знающий', греч. (F)εἰδός (жен. р. (F)ἰδοῖα из **vidus-jā*), ст.-сл. вѣдь (**voidus*), вѣдьши (**voidus-jī*), гот. *weitwofs* 'свидетель'; скр. *ādivān* (жен. р. *āduṣī*) 'евший', греч. ἐδωδός, ст.-сл. ядъ (жен. р. ядьши).

В санскрите и греческом есть также суффикс этого же причастия **-uet/uo3*. В санскрите он есть в дат. -абл., инстр. и лок. множ. числа (инстр. *vidvādbhiḥ*, лок. *vidvātsu*), в греческом — в ген. ед. ч. (εἰδότης). Возможно, что и в индоевропейском он был показателем косвенных падежей.

*-*meno/mno*

Суффикс **-meno* образует медиальные причастия презент-аориста и перфекта в санскрите и греческом: скр. *bharamānaḥ* 'несущий себе', греч. φερόμενος 'несущий, несущийся'. В авестийском и латинском (в последнем — только единичные остатки) он имеет форму **-mno*: авест. *ya3amna-* 'приносящий жертву', лат. *alumnus* 'питомец', *fēmina* 'женщина'.

Суффиксы женского рода

Имена мужского и женского рода обычно не имели формальных различий. Но в некоторых случаях нужно было обозначить род, и для таких случаев выработались показа-

тели женского рода. Они распространились, главным образом, среди прилагательных, так что род существительного стал выражаться, в основном, формой согласованного с ним прилагательного. Но некоторые существительные женского рода также получили эти суффиксы.

У прилагательных с основой на **e/o* показателем женского рода стал суффикс **-ā* (*-ah*), заменивший тематический гласный. Напр., от **senos* 'старый' (скр. *sanaḥ*, греч. ἐνός, лит. *senas*) форма женского рода — **senā* (скр. *sānā*, греч. ἐνῆ, лит. *senā*). У существительных, причастий и некоторых прилагательных женский род обозначался суффиксом **-jāh/-iḥ*. С исчезновением «ларингальной» получилось **-jā/-ī*. В греческом обобщился вариант **-iā*, в других языках — **-ī*. Напр., от причастия **bheront* форма женского рода в греч. φέρονσα (**bherontjā*), в санскрите — *bhārantī* (**bherontī*), в литовском от **ueghont* — *vežanti*; от существительного **potis* 'господин' — греч. πότις, скр. *pātnī*, др.-лит. *patnī*. В славянском причастия женского рода имели суффикс **-ī* (*-jī*): берящи (**bherontjī*), а существительные — **-iā* (земля, душа) и **-ī* (богынни).

Словосложение

Одним из средств образования имен в индоевропейских языках является соединение двух слов, из которых только второе склоняется. Встречаются сложные слова, в которых первая часть также имеет определенную падежную форму, напр., скр. *vāstos-patiḥ* 'бог двора, дома' (*vāstos* — ген.), *agregah* 'идуший во главе' (*agre* — лок.), греч. Διός-κοῦρος 'сыновья Зевса', Πύλου-γενής 'в Пилосе рожденный', δουρί-κτετος 'копьем добытый', νοῦν-εχής 'разум имеющий', лат. *aquae-ductus* 'водопровод', *postrī-diē* 'на следующий день', *iure-consultus* 'правовед', но больше распространены сложения, в которых первой частью является чистая основа, напр., скр. *aśva-yuj-* 'коней запрягающий', *pitṛ-ṣṛavanaḥ* 'создающий славу отцу', греч. ἱππό-ζυγος 'коней запрягающий', δνομά-κτετος 'со славным именем'. В отношении первого типа сло-

жений нет никаких данных, которые позволили бы сказать, существовал ли этот тип в праиндоевропейском. Весьма возможно, что он возник в истории отдельных индоевропейских языков. Второй же тип мог возникнуть только тогда, когда именная основа, без падежного оформления, служила не только обращением, но была основной формой имени. Это могло быть на довольно раннем этапе развития праиндоевропейского языка. Эта особенность словосложения свидетельствует о том, что оно существовало в праиндоевропейском и возникло в нем довольно рано.

Если первая часть сложного слова — тематическая основа, то она имеет ту огласовку, которая свойственна ей и в качестве самостоятельного слова, а тематическая гласная выступает в виде *o*: греч. ἵππο-δάμος 'укротитель коней', λιθο-κόπος 'каменотес', скр. *aśva-pālah* 'конюх', *kumbha-kārah* 'горшечник', слав. добро-дѣи, чрно-власъ, гот. *guda-faurhts* 'богобоязненный'.

Если первой частью является нетематическая основа, содержащая в себе сонант, то она имеет редуцированную огласовку:

скр. *tri-pad-* 'треногий', греч. τρί-ποδ-, лат. *tri-ped-*, др.-англ. *pri-fete*, лит. *tri-kójis*;

скр. *svādu-rātiḥ* 'имеющий приятные дары', греч. ἡδου-επιής 'сладкоречивый';

скр. *sa-kṛt* (из **sm-kṛt*) 'один раз', греч. ἁ-πλοῦς 'простой', лат. *sim-plex* 'простой';

скр. *ṇṣ-han-* 'убивающий людей', др.-аттич. ἄνδρα-φόνος

По смысловым отношениям между компонентами сложных слова бывают различных типов. Выделим главнейшие.

Распространенным типом являются сложные слова, в которых первая часть служит определением ко второй. Они, в свою очередь, обычно подразделяются на сложения с чисто определительным отношением и сложения, в которых отношение первого компонента ко второму может рассматриваться и как дополнительное или обстоятельственное. Эти типы, как и остальные, принято обозначать терминами ин-

дийской грамматики. Индийцы называли первый тип *kar-madhāraya* (термин неясного происхождения), а второй — *tatpuruṣa* (что значит «его человек»). В *karmadhāraya* первый компонент бывает обычно прилагательным (или соответствующим местоимением или числительным), напр., скр. *madhya-dinam* 'полдень', *adhara-hanuḥ* 'нижняя челюсть', *sapta-rṣayah* 'семь мудрецов' ('Большая медведица'), греч. ἱερὸς-πόλις 'вышний город', παν-ἡμέρα 'весь день', др.-в.-нем. *junc-frouwa* 'молодая госпожа', гот. *ala-mans* 'все люди', лит. *šėn-dien* 'сегодня', русск. черно-зем. Иногда первой частью является существительное, служащее как бы приложением к другому: скр. *rāja-rṣiḥ* 'царь-жрец', греч. ἱατρὸ-διδυμις 'врач-прорицатель', гот. *piu-magus* 'мальчик-слуга'.

В словах *tatpuruṣa* первой частью бывает основа существительного, которое обозначает либо обладателя (скр. *brahma-putraḥ* 'сын брахмана', *rāja-bhavanam* 'царский дворец', греч. πατρ-ἄδελφος 'брат отца', θεο-προπία 'изречение богов, предсказание', слав. брато-чадъ 'племянник'), либо объект (скр. *go-palah* 'пастух', букв. 'хранитель коров', *dhana-jayah* 'добывающий богатство', греч. δουρ-φόρος 'копьеносец', ἡμι-οχος 'державший вожжи, возница', лат. *agri-cola* 'земледелец', русск. зло-дей, водо-воз). Второй частью в этих словах бывают различные существительные, но не абстрактные; бывают и основы, которые в самостоятельных словах либо вовсе не встречаются, либо встречаются с иным значением. Это, во-первых, отглагольные тематические основы, обозначающие производителя действия, как в скр. *kumbha-kārah* 'горшечник', *prajā-kāmaḥ* 'желающий потомства', греч. ἄνδρα-φόνος 'человекоубийца', βοο-κόλος 'пастух', русск. лрово-сек, рыбо-лов. Некоторые из этих основ бывают самостоятельными словами, но в значении действия-состояния (скр. *kāmaḥ* 'желание', греч. φόνος 'убийство', слав. ловь) или объекта (греч. φόρος 'дань', букв. 'приносимое', слав. возь). Во-вторых, это корневые основы, также со значением производителя действия, напр., скр. *veda-vid* 'знаеток вед', *grha-sthah* 'домохозяин', греч. βοο-πλήξ 'палка для бития волов', ψευσί-στυξ 'ненавидящий ложь', лат. *arti-fex*

‘мастер, художник’, *parti-ceps* ‘участник’. Имена деятеля с суффиксом **-ter* во второй части сложения не бывают, но встречаются особые образования на *-t*, напр., скр. *catru-jit* ‘побеждающий врагов’ (от корня *ji-* ‘побеждать’), *pathi-kṛt* ‘делающий дорогу’ (от *kar-* ‘делать’), лат. *sacer-dōs-*, ген. *sacer-dotis* ‘жрец’ (от **dhē-/dhō-* ‘делать’).

Есть особая категория сложных слов с чисто определенным отношением между компонентами, которая по-индийски называется *bahuvrīhi*. Слова этого типа обозначают, что предмет, называемый вторым компонентом, принадлежит какому-то другому предмету, т.е. является его признаком. Название *bahu-vrīhi* буквально значит ‘много рису’. Как сложное слово, оно означает ‘имеющий много рису’. Примеры: скр. *hiranya-keśah* ‘златовласый’, *dur-manāh* ‘дурно настроенный’ (букв. ‘имеющий дурное настроение’), греч. *δυσ-μενής* ‘зложелательный’, *ῥοδο-δάκτυλος* ‘розово-перстая’ (эпитет Эос), ст.-слав. **чрно-власъ**, **злато-главъ**, лат. *magn-animus* ‘великодушный’, *capri-cornus* ‘козорогий’, гот. *hrainja-hairts* ‘чистосердечный’.

В некоторых сложных словах компоненты находятся в сочинительном отношении. Этот тип называется *dvandva* (из *dvam-dvam*), что значит ‘два и два’. Примеры: скр. *ajā-vayaḥ* (*aja-avayaḥ*) ‘козы и овцы’, *dvā-daśa* ‘двенадцать’, греч. *ἄρτος-κρέας* ‘хлеб и мясо’, *νύξ-ἡμέρα* ‘днем и ночью’, лат. *ascia-mallia* ‘топор-молот’, *duo-decim* ‘двенадцать’.

Наконец, есть тип сложных слов, в котором первая основа — глагольная, а вторая, именная, обозначает объект действия: греч. *ἀρχέ-κλος* ‘начинающий зло’ (т.е. ‘зачинщик злого дела’), *φυγε-πτόλεμος* ‘избегающий войны’, слав. **вѣ-гласъ** ‘знающий’ (букв. ‘знающий голос’); в санскрите первая основа заменяется причастной: *vidad-vasuḥ* ‘находящий добро’, *dāti-vārah* ‘дающий дары’.

3. СКЛОНЕНИЕ

Имена с основой, оканчивающейся на **e/o*, имели некоторые отличия в склонении от всех других. Их нужно рассмотреть отдельно. Это основы с тематическим гласным **e/o*

и с суффиксами на *-o* (**tro*, **-ko*, **-jo*, **-mo*, **-no* и др.). Все остальные имена имели одинаковые окончания, но в именах с основой на **-ā* конечный гласный основы и гласный окончания сливались, что придавало склонению некоторое своеобразие. Поэтому основы на **-ā* также рассматриваются особо. Для рассмотрения остальных имен следует взять несколько примеров с разными основами, в первую очередь на *-i*, *-u* и на согласные, потому что в отдельных индоевропейских языках некоторые окончания изменялись в зависимости от исхода основы, и у этих основ образовались различные типы склонения.

Падежные формы одного языка составляют единую систему и в истории языка оказывают влияние одна на другую. Поэтому, сравнивая соответственные падежные формы родственных языков, следует иметь в поле зрения всю парадигму каждого языка. Исходя из этого, мы начинаем реконструкцию форм по каждому типу основ с обзора парадигм.

Основы на **-e/o*

Сравним парадигмы единственного числа существительного **uḷkʷos* ‘волк’.

Единственное число

	Санскрит	Литовский	Старослав.	Греческий
Ном.	<i>vḷkaḥ</i>	<i>vīlkaš</i>	влькъ	<i>λύκος</i>
Вок.	<i>vḷka</i>	<i>vilkė</i>	вльче	<i>λύκη</i>
Акк.	<i>vḷkaṃ</i>	<i>vīlka</i>	влькъ	<i>λύκον</i>
Ген.	<i>vḷkasya</i>	<i>vīlko</i>	влька	<i>λύκοιο, λύκου</i>
Абл.	<i>vḷkād</i>			
Дат.	<i>vḷkāya</i>	<i>vīlkui</i>	влькоу	<i>λύκει</i>
Инстр.	<i>vḷkena</i>	<i>vilkū</i>	влькомь	
Лок.	<i>vḷke</i>	<i>vilkė</i>	вльцѣ	

Латинский Готский Хеттский

Ном.	<i>lupus</i>	<i>wulfs</i>	<i>antuhsas</i> ‘человек’*
Вок.	<i>lupe</i>	<i>wulf</i>	
Акк.	<i>lupum</i>	<i>wulf</i>	<i>antuhsan</i>

* Хеттское соответствие **uḷkʷos* отсутствует.

Ген.	<i>lupī</i>	<i>wulfis</i>	<i>antuhsas</i>
Абл.	<i>lupō</i>		<i>antuhsaz</i>
Дат.	<i>lupō</i>	<i>wulfa</i>	<i>antuhsi</i>
Инстр.	<i>lupō</i>		

Как видим, тематический гласный в большинстве форм — **o*. Гласный **e* был в звательной форме.

Окончание номинатива — **-s*. В славянском оно отпало по закону открытого слога; в санскрите, как и всякое конечное *s*, перед паузой перешло в *h* (глухой гортанный согласный). В славянском и латинском *o* в конечном закрытом слоге перешло в *u*, откуда в славянском — *ъ*. В германском тематический гласный выпал в результате редукции конечных слогов.

Вокатив не имел окончания.

Окончание аккузатива — **-m*. В греческом и хеттском оно перешло в *n*. В славянском сочетание **-om* на конце слова дало *ъ*, а в германском отпало.

Окончания генитива различаются по диалектам и отличаются от соответствующего окончания других основ. Только в хеттском языке основы на **-o* имеют то же самое окончание генитива, что и все другие, — **-os*, причем гласный сливается с тематическим гласным и получается форма (*antuhsas*), совпадающая с номинативом. Санскритское *-a-sya* и греч. гомеровское *-oio* восходят к **-o-sjo*. Позже в греч. *-oio* выпало *i*, и в дорическом получилось *-ω* (λύκω), в ионич.-аттическом — *-ου* (λύκου). Латинское *-i* неизвестного происхождения, но оно, по-видимому, вторичное: в самом близком к латинскому фалисскому языку сохранилось *-o-sjo*. Окончание *-i* есть также в кельтских языках. Готское *-is* восходит к более древнему **-e-so*. Затруднение вызывает славянское *-а* (вълка) и литовское *-o* (vilko). Распространено мнение, что они оба восходят к окончанию аблатива **-ōd*, распространившемуся и на генитив. Это объяснение полностью приложимо к славянскому *-а*, потому что в славянском языке **ō* перешло в *a*, а конечный согласный отпал, но в отношении литовского многие языковеды отвергают его,

полагая, что литовское *o* восходит только к **ā*, а индоевр. **ō* перешло в литовском в *uo* и *u*. Это ставит под сомнение истинность данного объяснения и по отношению к славянскому. На этой почве появились различные другие объяснения балтийского и славянского окончания¹, но ни одно из них не опирается на твердо установленные факты. Наиболее вероятным остается предположение, что славянское *-а* восходит к окончанию аблатива. Не исключена возможность, что и литовское *-o* такого же происхождения, поскольку А. Меие указывает некоторые случаи отражения индоевр. **ō* в литовском как *o*.

Аблатив, как видно из скр. *vykād*, др.-лат. *equōd*, классич. *lupō*, *equō*, оканчивался на **-ōd*, в котором слились, вероятно, тематический гласный и окончание **-od*. В хеттском — окончание *-z* неясного происхождения. Э. Бенвенист считает его отражением более древнего окончания аблатива *-ts*².

Датив имел окончание **-ei/oi*, которое в слиянии с тематическим гласным дало **-ōi*, хорошо сохранившееся в греческом *-οι*, авестийском *-āi* (*vahrkāi*) и санскритском *-āya* (с добавлением *-a* неизвестного происхождения). В древнейших памятниках латинского языка также встречается датив ед. ч. на *-ōi*, напр., *populōi Romanōi*, но в латинском языке классической эпохи конечное *i* отпало, получилось *lupō*. В хеттском *-oi* перешло в *-i* (*antuhsi*). Но готское *-a* и славянское *-и* не возводятся к этому архетипу. Вопрос об их происхождении нашел свое решение в недавнее время в связи с анализом фактов литовского языка.

Литовское *-ui* (*vilkuī*) обычно возводят также к **-ōi*, но в говорах литовского языка есть и окончания той же формы *-uo* (жемайтские говоры и некоторые дзукские) и *-u* (отдельные говоры в различных частях аукштайтского ареала). Эти же окончания в тех же говорах имеет датив ед. ч. основ на **-u* (*-ui*, *-u*, *-uo*). В. П. Мажюлис в результате анализа территориального распространения этих окончаний и употребления их в разных говорах (учитывая дублиеты, конкурирующие между собой в отдельных говорах) пришел к вполне обоснованному выводу, что литовское *-ui* не восходит

к *-ō¹. Древнейшим литовским окончанием датива ед. ч. основ на *-o по этим данным оказывается -uo, восходящее к *-ō. Окончание -u заимствовано основами на *-o у основ на *-u, а -ui является результатом присоединения к нему окончания -i под влиянием основ на согласные. В основах на *-u древнейшими являются -uo (которое здесь восходит уже к *-ou) и -u. Точнее говоря, это не были окончания; в основах на *-o датив ед. ч. выражался чистой основой с удлинненным тематическим гласным, а в основах на *-u — чистой основой в двух видах: на -ou и на -u. В прусском датив ед. ч. основ на *-o оканчивается на -u, которое восходит к *-ō. В латышском окончание именной формы датива ед. ч. основ на *-o полностью вытеснено соответствующим местоименным (*vilkam*), и причина этого явления легко обнаруживается в том случае, если признать, что и в этом языке данная форма раньше оканчивалась на *uo* → *u*, восходящее к *-ō. В этом случае форма датива ед. ч. совпадала с формой аккузатива ед. ч. (поскольку в латышском сочетании **om*, **on* перешли в *uo*, а на конце слова — в *u*), и потребность избежать этого совпадения вызвала замену именной формы датива местоименной. Эти факты свидетельствуют о том, что форма датива ед. ч. на *-ō была общевосточной. К этому же архетипу закономерно возводится и готская форма на -a (в германском долгие гласные на конце слова сокращаются, и -ō дает -a). В основах на *-u форма датива ед. ч. на *-uo также является, по-видимому, индоевропейской, и в славянском она распространилась на основы на *-o. Так объясняется происхождение славянского окончания датива ед. ч. -u.

По-видимому, формы датива ед. ч. в виде чистой основы (в основах на *-o — с удлинением конечного гласного) не были общиндоевропейскими, как полагает В. П. Мажюлис, поскольку они ограничены вполне определенной диалектной областью — германо-балто-славянской, но в этой области они, несомненно, существовали.

Окончание инструментalia *-e или *-o свидетельствуется только ведийским *vṛkā*, авестийским *vahrkā*, литовским

vilkū и, возможно, латинским *lurō*. В латинском в результате отпадения конечного согласного в форме аблатива инструментalia совпал с аблативом. Однако, латинские наречия типа *certē* 'конечно', происходящие, по-видимому, от инструментalia, указывают на окончание *-ē. В классическом санскрите новообразование -ena — неизвестного происхождения. В греческом и германском инструментalia вытеснен дативом, сохранился он только в древневерхненемецком и древнесаксонском с окончанием -u, восходящим к *-ō (др.-в.-нем. *wolfu*, др.-сакс. *wulfu*). В славянском окончание -мъ связано по происхождению с окончанием датива мн. ч. -мъ и относится к числу окончаний на -m- (в других языках — на -bh-), имеющих наречное происхождение (о них — ниже). В хеттском инструментalia имеет окончание -it, реже — -ia, но в основах на *-o эта форма встречается в памятниках лишь у единичных слов; она является хеттским новообразованием.

Локатив обозначался окончанием *-i, которое в сочетании с тематическим гласным образовало дифтонг *-oi. Последний отражается в санскритском *vṛke*, славянском *вльць*, отдельных уцелевших латинских формах, напр., *humī* 'на земле', *domī* 'в доме', *Corinthī* 'в Коринфе', греческих наречиях типа οἶκος 'дома' и литовских типа *pamiš* 'дома'. Локатив сохранился только в индо-иранских языках, балтийском и славянском; в хеттском, греческом, итальянских и германских языках он вытеснен дативом. Литовская форма *vilkē* образовалась, вероятно, в результате присоединения местной частицы.

Сравним формы множественного числа.

Множественное число

	Санскрит	Литовский	Старослав.	Греческий
Ном.	<i>vṛkāḥ</i>	<i>vilkai</i>	вльци	λύκοι
Акк.	<i>vṛkān</i>	<i>vilkūs</i>	влькы	λύκοις
Ген.	<i>vṛkānām</i>	<i>vilkū</i>	влькѣ	λύκων
Абл.	<i>vṛkebhyaḥ</i>			
Дат.	<i>vṛkebhyaḥ</i>	<i>vilkams</i>	влькомъ	λύκοις
Инстр.	<i>vṛkāḥ</i>	<i>vilkais</i>	влькы	
Лок.	<i>vṛkeṣu</i>	<i>vilkuose</i>	вльцѣхъ	

	Латинский	Готский	Хеттский
Ном.	<i>lupī</i>	<i>wulfos</i>	<i>antuhses</i>
Акк.	<i>lupōs</i>	<i>wulfans</i>	<i>antuhsus</i>
Ген.	<i>lupōrum, deum</i>	<i>wulfe</i>	<i>antuhsas</i>
Абл.	<i>lupīs</i>		
Дат.	<i>lupīs</i>	<i>wulfam</i>	<i>antuhsas</i>

Древнейшее окончание номинатива отражено в скр. *-āh*, гот. *-os*, хетт. *-es*, а также в оск., умбр. *-us* (оск. *Nuvlanus* 'ноланцы', умбр. *Ikuvinus* 'игувинцы'). Это то же окончание, что и у других основ, — **-es*. В результате слияния его с тематическим гласным получилось **-ōs* или **-ēs*; первое представлено в гот. *-os*, оск., умбр. *-us* и, вероятно, — скр. *-āh*, второе — в хетт. *-es*. В греч. *λύκοι*, лит. *vilkai*, слав. **вльци**, лат. *lupī* отражается конечное сочетание **-oi*, состоящее из тематического гласного и окончания *-i*. Последнее распространилось на имена, по-видимому, из указательных местоимений (срв. скр. *te*, греч. *οί*, лит. *tie*, слав. **ти**). Этот процесс происходил в истории отдельных языков, как видно из неравномерности его. Так, в итальянских языках наряду с латинским *-ī* из *-oi* (которое еще сохраняется в древнейших латинских памятниках) есть оскское и умбрское *-us*, восходящее к **ōs*; в готском прилагательные получили окончание *-ai* (*blindai* 'слепые'), но существительные сохранили *-os*.

Аккузатив имел окончание **-ns*, вместе с тематическим гласным — **-ons*, которое хорошо сохранилось в готском (*wulfans*), критском диалекте греческого (*νύμωνς*) и др.-прусском (*deiwanis* 'богов'). В санскрите отпало *s*. В славянском *s* отпало по закону открытого слога, а сочетание *on*, очутившись на конце слова, закономерно дало **ы**. В других языках сочетание *on* стянулось в долгий гласный (греч. *λύκοις*, лит. *vilkūs*, лат. *lupōs* и т.д.).

Окончание генитива — **ōm*, которое закономерно дало в греческом *-ων*, в литовском — *-ų*, в латинском — *-um*. Но в латинском окончание *-um* сохранилось лишь в отдель-

ных словах (*deum* 'богов', *liberum* 'детей' и др.), а больше распространилось новое окончание *-ōrum* (из **ōs-om*), возникшее, как предполагают, под влиянием указательных местоимений (срв. скр. *teṣām*, слав. **тѣхъ**). В санскрите между основой и окончанием возникла вставка с носовым согласным неизвестного происхождения (*vṛkān-ām*). Славянское **-ъ** восходит скорее к **-om*, чем к **-ōm*. Готское *-e* неизвестного происхождения. В хеттском одна форма генитива (*antuhsas*) имеет значение и единственного, и множественного числа.

Аблатив множественного числа, сохранившийся только в индоиранских и латинском языках, совпадает с дативом.

Датив в хеттском и латинском заменил также локатив, а в греческом и германском объединил в себе датив, инструменталь и локатив. В разных языках он обозначается двумя различными окончаниями. Санскритскому *-bhyah* соответствует, хотя и неполно, латинское окончание нетематических основ *-bus* и гомеровское *-φι*, имеющее значение как множественного, так и единственного числа. Праформу восстановить невозможно, и его называют «окончание на *-bh*». Другое окончание отражено в литовском *-ms* (в древнейших памятниках встречается *-mus*, прусск. *-mas*), славянском **-мъ**, германском *-m*. Оно, вероятно, имело форму **-mos*. Его называют «окончание на *-m*». Греч. *λύκοις* восходит к форме инструменталю с окончанием **-ōis*. Такого же происхождения и лат. *lupīs*; в древнейших текстах встречается еще форма дат. множ. ч. на *-ois*. В некоторых греческих диалектах датив имеет окончание *-οισι*; нередко оно и в гомеровских поэмах (обычно если следующее слово начинается с согласного). По происхождению оно является окончанием локатива. В хеттском форма датива совпадает с формой генитива.

Окончание инструменталю (вместе с тематическим гласным) — **-ōis* (скр. *vṛkāiḥ*, лит. *vilkais*, греч. *λύκοις*, лат. *lupīs*). В греческом и латинском оно получило значение также локатива. Славянское **-ы** не нашло себе бесспорного объяснения. Ф. Ф. Фортунатов и А. Мейе выводили его фонетически из **-ōis¹*, но для их объяснений нет достаточно убедитель-

тельных доказательств. В хеттских текстах форма инструмента множ. ч. встречается очень редко и имеет, независимо от основы, то же окончание, что и в единственном числе — *-it*.

Локатив имел окончание **-su*, которое свидетельствуется скр. *-su*, слав. *хъ* и архаичным лит. *-su* (напр., *visosui daihtosu* 'во всех делах' в Катехизисе Мажвиды). В основах на **-o* между ним и тематической гласной вставлялось еще *i* (по-видимому, под влиянием местомений, срв. греч. *τοῖσι*, скр. *tesu*, слав. *гъхъ*), и вместе получалось **-oisu*: скр. *vṛkēsu*, слав. *вльцъхъ*, греч. диал. (с изменением конечной гласной) *λόχοισι*. В современном литературном литовском языке — *-se*, но в некоторых восточных аукштайтских говорах наряду с *-se* есть (в отдельных словах) и *-su*¹. В древние времена окончание *-su* было широко распространено в литовском языке, как видно из того, что оно есть и в письменных памятниках прусской Литвы XVI в. — произведениях Мажвиды, Вилента, Бреткуна, и у писателей XIX в., вышедших из жемайтской области, — Валанча, Пабрежи. Очевидно, оно является исконным в литовском, а *-se* есть новообразование. Греческое *-si* могло возникнуть из **-su* под влиянием формы единственного числа на *-i*.

Из окончаний двойственного числа восстанавливается только окончание номинатива-аккузатива **-ō*: греч. *λόχοι*, вед. *vṛkā*, ст.-сл. *влька*, лит. *vilki*.

Существительные с основой на **-e/o*, в основном, мужского и среднего рода, но были среди них и некоторые женского рода. Имена мужского и женского рода не имели никаких различий в склонении. Средний же род отличался тем, что номинатив в нем всегда совпадал внешне с аккузативом. Следовательно, у основ на **-o* среднего рода окончание **-m* было показателем как аккузатива, так и номинатива: скр. *yugam* 'ярмо', греч. *ζυγόν*, лат. *jugum*, слав. *иго*, гот. *juk*, хетт. *jugan* являются формами номинатива и аккузатива (в балтийских языках средний род перешел в мужской). При этом во множественном числе номинатив и аккузатив

у всех имен среднего рода, независимо от основы, имели окончание **-ā* (из *-ah*): вед. *yugā*, греч. *ζυγά*, лат. *juga*, слав. *ига*, гот. *juka*. По существу это была собирательная форма, что доказывается, во-первых, тем, что в греческом языке (в аттическом диалекте — последовательно, в других — в той или иной степени), а также, во многих случаях, в Гатах Авесты и в Ведах, при подлежащем среднего рода множественного числа глагольное сказуемое ставится в единственном числе, и, во-вторых, тем, что в греческом и латинском сохранились случаи, когда форму номинатива множественного числа на **-a* имеют и имена мужского рода: греч. *στῆθεά* наряду с *στῆθεοί* 'стоянки', *μῆρη* (и *μῆροί*) 'бедра', лат. *loci* (и *locī*) 'места', *joci* (и *jocī*) 'путьки'.

Форма номинатива-аккузатива в среднем роде служила также для обращения; особой звательной формы не было. Остальные падежи имели те же окончания, что и в мужском — женском роде.

Основы на согласные и сонанты

Начнем с основ на согласные (включая согласные сонанты).

Среди них был ряд корневых основ на различные согласные: **ped* 'нога' (скр. *pāt*, греч. *πῶς*, лат. *pes*), **uok* 'голос' (скр. *vāk*, лат. *vōx*, греч. *ῥοπή*), **reg* 'царь' (скр. *rāj-*, лат. *rēx*, др.-ирл. *rīg*), **mūs* 'мышь' (скр. *mūh*, греч. *μῦς*, лит. *mūs*, др.-в.-нем. *mūs*) и др.

Из производных основ прежде всего нужно отметить основы на *-r*, *-n*, *-s*. Основы на *-r* — это преимущественно существительные с суффиксом **-ter/tor*. Одни из них — имена деятеля, напр., **genator* 'родитель' (скр. *janitā*, греч. *γενέτωρ*, лат. *genitor*), другие — термины родства, напр., **bhrāter* 'брат' (скр. *bhrātā*, греч. *φράτηρ*, лат. *frāter*, гот. *broþar*). Есть также термины родства на **-er*: **seser* 'сестра' (скр. *sasār-*, лат. *soror*, лит. *sesuō*, гот. *swiþtar*), **daiuer* 'деверь' (скр. *devār-*, греч. *δῆῥρ*, слав. *дѣверь*, лит. *dieveris*).

Основы на *-n* представляют собой две группы имен: это, во-первых, существительные мужского рода, в основном —

nomina agentis, на *-en/on, напр., **tehton* 'плотник' (скр. *takṣā* — *takṣanaḥ*, греч. τέκτων (τέκτονος), **ghomon* 'человек' (лат. *homo* — *hominis*, гот. *guma* — *gumins*), вероятно, и **akmen* 'камень' (скр. *aṣmā* — *aṣtanaḥ*, греч. ἄσμων — ἄσματος, лит. *akmuo* — *akmeis*, ст.-слав. **камы** — **камене**), во-вторых, это существительные, в основном, среднего рода, *nomina actionis* с суффиксом *-men, напр., **bhermen* 'несение, бремя' (скр. *bharmā*), греч. φέρμα, ст.-слав. **брѣма**), **sēmen* 'семя' (лат. *sēmen*, др.-в.-нем. *sāmo*, слав. **сѣма**).

Группа основ на -s состоит, главным образом, из существительных среднего рода на *-es/os с разными значениями, напр., **kleyos* 'слово' (скр. *gravaḥ*, греч. κλέος, слав. **слово**), **genos* 'род' (скр. *janaḥ*, греч. γένος, лат. *genus*), **nebhos* 'небо' (скр. *nabhaḥ*, греч. νέφος, слав. **небо**). Кроме того, есть существительные мужского и женского рода на *-ōs, *-os неясного образования типа скр. *uṣāḥ* 'утренняя заря', греч. ἕως то же, αἰδώς 'стыд', лат. *honōs* 'честь', *arbos* 'дерево', а также прилагательные на *-es-, как скр. *yaçāḥ* 'славный', греч. ψευδής 'лживый', εὐμενής 'благосклонный', лат. *pubes* 'взрослый'.

К основам на согласные относятся также отглагольные прилагательные с суффиксами *-nt (**bheront*) и *-ues/-uet (скр. *vidvān* — *viduṣaḥ* — *vidvatsu* 'знающий', слав. **ведь** — **ведыша**), получившие значение причастий, первые — презента, вторые — перфекта.

Падежные окончания у всех имен с основой на согласную одни и те же. Для примера берем производное имя с основой на -r **māter* 'мать' и корневое **ped* 'нога'. Из готского, в котором **māter* не сохранилось, берем существительное с такой же основой *broþar* 'брат'. В хеттском имена с основой на -r имеют иной характер, чем в остальных индоевропейских языках, и представлены в текстах далеко не всеми формами, поэтому из него берем прилагательное с основой на -nt, единственное имя с основой на согласную, засвидетельствованное во всех своих формах, *hūmant* 'каждый, всякий'.

Единственное число

	Санскрит	Греческий	Латинский	Старослав.
Ном.	<i>mātā</i>	μήτηρ	<i>māter</i>	мати
Вок.	<i>mātar</i>	μήτηρ	<i>māter</i>	мати
Акр.	<i>mātāram</i>	μήτέρα	<i>mātre</i>	матерь
Ген.-(Абл.)	<i>mātūr</i>	μητρός, μητέρος	<i>mātris</i>	матере
Дат.	<i>mātré</i>	μητρί, μητέρι	<i>mātri</i>	матери
Инстр.	<i>mātrā</i>		<i>mātre</i>	материѣ
Лок.	<i>mātāri</i>		(<i>temperi</i>)	матере

	Литовский	Готский	Хеттский
Ном.-Вок.	<i>mótē</i> 'жена'	<i>broþar</i>	<i>hūmanza</i>
Акр.	<i>móterī</i>	<i>broþar</i>	<i>hūmantan</i>
Ген.	<i>móters</i>	<i>broþrs</i>	<i>hūmantas</i>
Абл.			<i>hūmantaz</i>
Дат.	<i>móteriai</i>	<i>broþr</i>	<i>hūmanti</i>
Инстр.	<i>móterimi</i>		<i>hūmantet</i>
Лок.	<i>móteryje</i>		<i>hūmanti</i>

	Санскрит	Греческий	Латинский
Ном.-Вок.	<i>pāt</i>	πούς (дор. πῶς)	<i>pēs</i>
Акр.	<i>pādam</i>	πόδα	<i>pedem</i>
Ген.-(Абл.)	<i>padāḥ</i>	ποδός	<i>pedis</i>
Дат.	<i>padé</i>	ποδί	<i>pedī</i>
Инстр.	<i>padā</i>		<i>pede</i>
Лок.	<i>padī</i>		

Ударение, как видно из приведенных примеров, непостоянно: в одних падежах падает на основу, в других — на окончание. Как отмечено выше (глава III, 4), в индоевропейском это было свойственно нетематическим именам вообще, но сохранилась эта особенность только в санскрите; в греческом она проявляется лишь в отдельных случаях, а в балтийском и славянском подверглась большим изменениям. На основе фактов санскрита номинатив и аккузатив единственного числа выделяются как сильные падежи, остальные падежные формы единственного числа являются слабыми.

В номинативе имя **māter* не имеет окончания. Это — свойство основ на *-r* и на *-n*. У этих же основ гласная конечного слога в номинативе удлиняется. Пример основ на *-n*: скр. *aṣṭū* ‘камень’ — ген. *aṣṭanaḥ*, греч. ἄστων — ген. ἄστωνος, лит. *akmuō* — ген. *akmeiṣ*, слав. камы — камене, гот. *guma* ‘муж’ — ген. *gumins*. Однако у основ среднего рода с суффиксом **-men* конечный слог, наоборот, редуцируется: срв. скр. *bharma* ‘несение’, греч. φέρμα из **bhermā*. При этом во многих языках конечное *-n* в номинативе отпало. Основы мужского и женского рода на все другие согласные имели окончание **-s*, напр., греч. πός (дор. πώς) из **pods*, лат. *pēs* из **peds* (в санскрите *s* на конце слова после согласной отпадает); греч. νύξ ‘ночь’, лат. *nox*, гот. *nahts*; хетт. *human-za* из *humant-s-a* (с добавочным *-a* неизвестного происхождения), лат. *ferens* из **ferents* ‘несущий’, гот. *gibands* ‘даритель’, лит. *vežqs* из **vezantis* ‘везущий’. В корневых именах в номинативе удлиняется корневая гласная (срв. скр. *pāt* — ген. *padāh*, греч. πᾶς — ген. πόδος); правда, эта архаичная черта сохранилась не у всех имен этой категории.

Вокатив не имеет окончания: ударение передвигается к началу слова.

Окончание аккузатива **-m* в основах на согласную было слогообразующим и закономерно дало в греческом *-a* (μητέρα, πόδα), в латинском — *-em* (*mātem*, *pedem*), в балтийском и славянском — *-im*, откуда литовское *i* (*moterį*), славянское *-ь* (матерь), в хеттском — *-an*. В санскрите **-m* также дало *-a*, а конечное *-m* формы *mātāram*, *pādām* перенесено, по-видимому, от других основ.

Генитив и аблатив в единственном числе имеют одну и ту же форму — с окончанием **-es/-os/-s*. Вариант **-es* представлен латинским *mātris* и славянским матере, где конечное *-s* отпало по закону открытого слога. Вариант **-os* — греч. μητρός (гомер. μητέρος), πόδος и, по-видимому, хетт. *hūmantas*. В готском могло быть и то, и другое; гласный окончания выпал вследствие редукции неударных слогов. В лит. *moteiṣ* и скр. *mātūr* — окончание *-s*; в санскрите оно отпало и слогообразующее *r* перешло в сочетание *ur*.

Окончание датива — **-ei/i*. **-ei* представлено в скр. *mātré*, *padé*, лат. *mātrī*, *pedī*, слав. матери; **-i* — в греч. μητρί (гомер. μητέρι), ποδί. В латинских текстах III века н.э. еще встречается *-ei*. Хетт. *hūmanti* может отражать это, и другое. Лит. *móteriai* — новообразование по аналогии с основами на *-i*.

Окончание инструментала на основании скр. *-ā* и лат. *-e* восстанавливается предположительно как **-ē* или **-e*, но в других языках оно не отражено, и поэтому данная реконструкция сомнительна. Слав. *-иж* заимствовано у местоимений. В хеттском — новообразование *-et(-it)*, общее для всех основ.

Окончание локатива **-i* представлено в скр. *mātāri*, *padī*. Слав. *-e* и лит. *-je* — новообразования (вероятно, из локативных частиц). В латинском встречается форма с окончанием *-ī*, образованная по аналогии с основами на **-o*: *temperī*, *Carthaginī*.

Множественное число

	Санскрит	Греческий	Латинский	Старосл.
Ном.-Вок.	<i>mātārah</i>	μητέρες	<i>mātrēs</i>	матери
Акк.	<i>māiṣ</i>	μητέρας	<i>mātrēs</i>	матери
Ген.	<i>māiṣnām</i>	μητέρων	<i>mātrum</i>	матерь
Дат.-Абл.	<i>māiṣbhyaḥ</i>	μητέραςι	<i>mātribus</i>	матерью
Инстр.	<i>māiṣbhiḥ</i>		<i>mātribus</i>	матерью
Лок.	<i>māiṣu</i>			матерью

	Литовский	Готский	Хеттский
Ном.-Вок.	<i>móterys</i>	<i>broþrjus</i>	<i>hūmantas</i>
Акк.	<i>móteris</i>	<i>broþrun</i>	<i>hūmantus</i>
Ген.	<i>móteru</i>	<i>broþre</i>	<i>hūmantas</i>
Дат.	<i>móterims</i>	<i>broþrum</i>	<i>hūmantas</i>
Инстр.	<i>móterimis</i>		
Лок.	<i>móterys</i>		

	Санскрит	Греческий	Латинский
Ном.-Вок.	<i>pādāh</i>	πόδες	<i>pedēs</i>
Акк.	<i>padāh</i>	πόδας	<i>pedēs</i>

Ген.	<i>padām</i>	πῶδον	<i>pedum</i>
Дат.-Абл.	<i>padbhyāḥ</i>	ποσί	<i>pedibus</i>
Инстр.	<i>padbhiḥ</i>		<i>pedibus</i>
Лок.	<i>patsū</i>		

Номинатив имел окончание **-es* (без чередования гласного), отражениями которого являются греч. *-es*, лат. *-ēs*, хет. *-es*, скр. *-aḥ*, лит. *-is*. В славянском после отпадения конечного согласного осталось *-е*, которое сохранилось в именах мужского рода (напр., **камене**); но в именах женского рода оно вытеснено окончанием аккузатива *-и*. Готское *-jus* заимствовано у основ на **-и*.

Окончание аккузатива — **-ns*, причем *n* после согласного является слогообразующим. **-ns* закономерно дало в греческом *-ας*, в латинском — *-ens*, откуда дальше — *-ēs*, в готском — *-uns*, в балтийском и славянском — *-ins*. Из последнего в литовском получилось *-is*, а в славянском *i* перед *ns* удлинилось, а согласные потом отпали, и осталось *-и*. В хеттском *-ns* перешло в *-us*.

Окончание генитива **-ām* или **-om* в санскрите дало *-ām*, в греческом — *-ων*, в латинском — *-um*, в литовском — *-ų*, в славянском — *-ъ*. Готское *-e* неизвестного происхождения. В хеттском окончание генитива во множественном числе то же, что и в единственном.

Датив и инструменталь обозначались вариантами одного и того же окончания. Отражения его в разных языках далеко не полно соответствуют друг другу, и архетип поэтому не восстанавливается; известно только, что в ряде языков оно начинается с согласной **bh*: скр. инстр. *-bhiḥ*, дат. *-bhyāḥ*, лат. *-bus*, греч. *-φι*, которое сохранилось в гомеровском диалекте. Но в славянском, балтийском и германском соответствующее окончание характеризуется согласной **m*: др.-лит. дат. *-mus* (более позднее *-ms*), которому точно соответствует слав. *-мъ*, лит. инстр. *-mis*, которому также соответствует слав. *-ми*, гот. *-m*. Это окончание так и называют: «окончание на **-bh* и на **-m*». Оно выделяется среди всех своей неопределенностью не только по звуковому составу,

но и по значению: в балтийском, славянском и армянском оно не ограничивается областью множественного числа, а обозначает также инструменталь единственного числа (лит. *-mī*, слав. *-мь* — только в муж. и сред. р., арм. *-b*); в гомеровских поэмах форма на *-φι* имеет значение генитива, аблатива, инструментального и локатива как множественного, так и единственного числа. А. Мейе заметил, что форма на **-bh-* или **-m-* имеет наречный характер, и это верно. Во всяком случае, гомеровская форма на *-φι*, имеющая наиболее архаичные черты, не занимает определенного места в падежной парадигме и больше напоминает наречие. В хеттском этого окончания нет. Датив множественного числа совпадает в нем по окончанию с генитивом, а инструменталь — с инструменталем единственного числа. В диалектах греческого языка (в гомеровском — наряду с формой на *-φι*) датив-инструменталь выражается формой на *-σι*, имевшей первоначально значение локатива.

Окончание локатива **-su* отражено в скр. *-su*, слав. *-хъ* и др.-лит. *-su*. Видоизменениями этого **-su*, как отмечено выше, являются, по-видимому, греч. *-σι* и лит. *-se*.

Формы двойственного числа не восстанавливаются за отсутствием ясных соответствий.

Так склоняются имена мужского и женского рода.

Склонение среднего рода отличается только формами номинатива и аккузатива; эти падежи в среднем роде всегда совпадают. В единственном числе они не имеют окончания. Так, греч. *κῆρ* 'сердце', лат. *cor*, скр. *hṛd*, гот. *hairto*, греч. *κῆρος*, скр. *nabhaḥ*, слав. **небо**, хетт. *nepis* суть формы номинатива и аккузатива единственного числа. Во множественном числе слав. *-а* (**небеса**), гот. *-a* (*hairtona*) и, возможно, хетт. *-a* (*hūmanta*) отражают индоевропейское окончание номинатива-аккузатива **-ā*, но в греческом и латинском номинатив-аккузатив множ. ч. среднего рода имеет окончание *-а* краткое (греч. *κῆρз*, *véφex*, откуда — *véφz*, лат. *corda*, *genera*), которое не восходит к долговому, *-a*, а в санскрите — *-i* (*bharanti* 'несущие', *namāni* 'имена'). Скр. *-i* соответствует греч. *-ι* и лат. *-a*, они возводятся к **a*. К этому же **a* возводятся и

греч., лат. *-a* аналогичной формы основ на **-o*. Таким образом, оказывается, что окончание номинатива-аккузатива множ. ч. сред. р. было чередующееся: **-ā/-a*. С точки зрения «ларингальной» теории это значит, что окончание было **-ah* (или **-eh*), в котором гласная в определенных позициях выпадала.

Следует заметить, что трудно представить себе конкретно фонетическое изменение ларингальной (тем более — заднеязычной) согласной в гласную на конце слова. Вопрос о вариантах данного окончания легко решается в том случае, если полагать, что **a* является редуцированной гласной, развившейся перед «ларингальной», а не результатом трансформации самой «ларингальной». Это подкрепляет мнение, что «ларингальная» не вокализовалась и что она не была сонантом.

В качестве примеров основ на *-i* возьмем скр. *avih* 'овца, баран', греч. *οἷς* (ὄψις) 'овца', лит. *avis* 'овца', слав. *гость*, лат. *hostis* 'враг', гот. *gasts* 'гость', хетт. *sallis* 'большой'.

Единственное число

	Санскрит	Греческий	Литовский	Старослав.
Ном.	<i>āvīh</i>	<i>οἷς</i>	<i>avis</i>	<i>гость</i>
Вок.	<i>āve</i>	<i>οἷ</i>	<i>aviẽ</i>	<i>гости</i>
Акк.	<i>āvim</i>	<i>οἷν</i>	<i>āvi</i>	<i>гость</i>
Ген.-Абл.	<i>āvyañ</i>	<i>οἷβς</i>	<i>aviẽs</i>	<i>гости</i>
Дат.	<i>āvye</i>	<i>οἷ</i>	<i>āviai</i>	<i>гости</i>
Инстр.	<i>āvya</i>		<i>avimi</i>	<i>гостьмь</i>
Лок.	<i>āvāu</i>		<i>avyjẽ</i>	<i>гости</i>

Латинский Готский Хеттский

	Латинский	Готский	Хеттский
Ном.	<i>hostis</i>	<i>gasts</i>	<i>sallis</i>
Вок.	<i>hostis</i>	<i>gast</i>	
Акк.	<i>hostem</i>	<i>gast</i>	<i>sallin</i>
Ген.	<i>hostis</i>	<i>gastis</i>	<i>sallaias</i>
Абл.	<i>hoste</i>		<i>sallaiaz</i>
Дат.	<i>hosti</i>	<i>gasta</i>	<i>sallai</i>
Инстр.	<i>hoste</i>		

Как можно видеть из приведенных образцов, надежные окончания основ на **-i* были те же, что и у основ на согласные. Нужно обратить внимание только на чередование гласных в окончаниях и в конце основы.

В единственном числе номинатив характеризуется окончанием **-s* с гласным *-i* перед ним; вокатив — основой на **-ei* (скр. *-e*, лит. *-ie*, слав. *-и*) без окончания.

Аккузатив имеет окончание **-m* после гласного *i*. В балтийском, славянском и германском оно закономерно отпало.

В генитиве обнаруживается различие между основами на **-i* и на **-ei*, объединившимися в данном типе. Различие это яснее всего видно в санскрите. Здесь наряду с генитивом типа *avyañ* существует другой вариант этого падежа, напр., *mateñ* 'мысли'. Первый восходит к **oñi-es*, второй — к **mñtei-s*. Если основа оканчивалась на *-i*, то окончание было в полном виде — **-es/os*; при основе же на *-ei* окончание было редуцированное: **-s*. В греческом форма на **-i-os* сохранилась только у существительного **oñis*; у остальных имен закрепилась форма на **-ei-s*, напр., *πόλεις* 'города'. К последней восходят и слав. *гости* (из **ghostei-s*), и лит. *aviẽs* (из **avei-s*). Генитив на *-eis* сохранился в оскском и умбрском языках. В латинском из *-eis* должно было получиться *-īs*, но здесь оно заменилось окончанием *-es*, впоследствии — *-is*, перенесенным из основ на согласные. В хеттском, наоборот, закрепился вариант на **-i-os*, напр., *tuzziyas* 'войска', но он представлен только у существительных, а прилагательные имеют генитив особого образования — на **-ei-os*: *sallayas*.

Окончание датива — **-ei* (скр. *-e*) или **-i* (греч. *-ι*). Хетт. *sallai* может быть результатом либо выпадения гласной *i* перед окончанием **-ei* (т.е. восходить к **-i-ei*), либо слияния окончания **-i* с основой на **-ei* (т.е. восходить к **-ei-i*). Гот. *gasta* является новообразованием по аналогии с основами на **-o*. Литовское *āviai* является новообразованием по аналогии с основами на **-ā*, а в литовских диалектах есть и более древние формы датива ед. ч. *āvie* и *āvi*, пред-

ставляющие собой два варианта чистой основы: на *-ei и на *-i. Форма датива на -ei есть и в прусском. К ней восходит и славянская гости, и, возможно, латинская hosti.

Окончание инструменталя восстанавливается так же, как и в основах на *-o, в виде *-ē или *-e.

Форма локатива отражена в слав. гости как чистая основа на *-ei; скр. -au перенесено от основ на *-u; лит. -je — из частицы.

Множественное число

	Санскрит	Греческий	Литовский	Старослав.
Ном.	avayaḥ	oīez	āvys	гостие
Акк.	avīn	oīz	avis	гости
Ген.	avīnām	oīōv	aviū	гостии
Дат.-Абл.	avibhyaḥ	oīoi	avims	гостьмь
Инстр.	avibhiḥ		avimis	гостьми
Лок.	aviṣu		avysē	гостьхь

	Латинский	Готский	Хеттский
Ном.	hostēs	gasteis	sallaes
Акк.	hostīs	gastins	sallaus
Ген.	hostium	gaste	sallayas
Дат.	hostibus	gastim	sallayas
Инстр.	hostibus		

Во множественном числе окончание номинатива *-es присоединялось к основе на *-ei, что ясно видно в скр. avayaḥ (*oīejes), слав. гостье, гостие (*ghostejes), гот. gasteis, хетт. sallaes. В латинском сочетание *-eies стянулось в -ēs, в литовском — в -īs. Греческое oīez отражает как бы *-i-es, но в других именах (напр., πόλεις) отражается *-ei-es.

Окончание аккузатива *-ns, присоединяемое к основе на *-i, полностью сохранилось только в готском. В санскрите у одних имен отпало s, напр., avīn, agnīn 'огни', у других — n, напр., matīh 'мысли', gatīh 'пути'. В остальных языках это окончание утратило n (с удлинением предшествующего i). В славянском по закону открытого слога отпали оба

согласных. Хеттское sallaus — новособразование по аналогии с основами на согласные и на *-o.

Окончания генитива *-om или *-ōm, датива и инструменталя на *bh и на *m, локатива на *-su присоединялись к основе на *-i.

Имена среднего рода среди основ на *-i в греческом, славянском и германском не сохранились. В балтийском вообще имена среднего рода перешли в мужской. В остальных языках средний род отличается от мужского и женского, как всегда, только в номинативе и аккузативе, причем морфологически эти падежи совпадают.

Номинатив-аккузатив единственного числа среднего рода представляет собой чистую основу на *-i, напр., скр. vāri 'вода', лат. mare 'море' (конечное -i перешло в -e), хетт. huwasī 'межевой камень', и этим четко противопоставляется как номинативу, так и аккузативу мужского-женского рода. В основах на согласные это противопоставление не достигает такой определенности, потому что там производные основы на -r и -n мужского-женского рода также имеют номинатив без окончания, а в основах на *-i оно проводится последовательно.

Для реконструкции номинатива-аккузатива множественного числа среднего рода важнейшее значение имеют факты санскрита. В санскрите соответствующая форма имеет вид vārīni. Здесь конечное сочетание -ni, очевидно, является позднейшим прибавлением к исконной форме, перенесенным от основ на -n (namāni). Исконной же формой могло быть только vārī, которому соответствует хетт. huwasī. Скр. vārī свидетельствует о том, что конечное -i здесь было долгим, а это означает, что окончанием была «ларингальная». Таким образом подтверждается, что окончание номинатива-аккузатива множественного числа среднего рода вообще было -ah/h. В лат. maria окончание -a перенесено из других основ.

Основы на *-u рассмотрим на примерах скр. sūnuh 'сын', лит. sūnūs, слав. сынъ, гот. sunus, греч. πῦχος 'локоть', лат. fructus 'плод', хетт. idalus 'злой'.

Единственное число

	Санскрит	Греческий	Литовский	Старослав.
Ном.	<i>sūnuḥ</i>	<i>πῆχυς</i>	<i>sūnūs</i>	сынъ
Вок.	<i>sūno</i>	<i>πῆχυ</i>	<i>sūnau</i>	сыноу
Акк.	<i>sūnum</i>	<i>πῆχυν</i>	<i>sūnū</i>	сынъ
Ген.-Абл.	<i>sūnoḥ</i>	<i>πῆχεως</i> (ион. <i>πῆχτες</i>)	<i>sūnau̯s</i>	сыноу
Дат.	<i>sūnave</i>	<i>πῆχει</i>	<i>sūnui</i>	сынови
Инстр.	<i>sūnuṇā</i>		<i>sūnumi</i>	сынѣмъ
Лок.	<i>sūnāu</i>		<i>sūnujē</i>	сыноу

	Латинский	Готский	Хеттский
Ном.	<i>fructus</i>	<i>sunus</i>	<i>idalus</i>
Вок.	<i>fructus</i>	<i>sunu</i>	
Акк.	<i>fructum</i>	<i>sunu</i>	<i>idalun</i>
Ген.	<i>fructūs</i>	<i>sunaus</i>	(<i>assawas</i> 'хорошего')
Абл.	<i>fructū</i>		<i>idalawaz</i>
Дат.	<i>fructui</i>	<i>sunau</i>	<i>idalawi</i>
Инстр.	<i>fructū</i>		

Склонение основ на *-и вполне аналогично склонению основ на *-i. В единственном числе номинатив и аккузатив мужского и женского рода характеризуются теми же окончаниями *-s, *-m и основой на *-и. Эти же падежи среднего рода выражаются чистой основой на *-и (скр. *madhu* 'мед', греч. μέθυ, γένυ 'колено', лат. *geni* 'колено', гот. *faīhu* 'скот', хетт. *geni* 'колено'). Звательная форма состоит из основы на *-eu(-ou) без окончания (скр. *sūno*, лит. *sūnau̯*, слав. **сыноу**). Генитив выражается основой на *-eu(-ou) и окончанием *-s: скр. *sunoh*, лит. *sūnau̯s*, слав. **сыноу**, гот. *sunaus* восходят к **sūnous*. К этой же форме восходит и лат. *-ūs*: в оскском еще сохранилось *castrous* 'основания, земли'. В греческом сохранилась основа на *-eu, но окончание было перенесено из других основ в виде *-os, и получилось **πῆχηος* → *πῆχηος* → *πῆχεως*. Результатом подобного процесса является и хетт. *assawas* 'хорошего'. Но имена среднего рода имели в

генитиве основу на *-и и окончание *-es(-os), что сохранилось только в санскрите (*madhvaḥ*) и греческом (μέθυος). В дативе к основе на *-eu присоединялось окончание *-ei или *-i; первое отражено в скр. *sunave*, слав. **сынови** (**sūnoyei*), лат. *fructui* (в др.-лат. еще сохранялось *senatuei*), второе — в греч. *πῆχει* (из *πῆχεῖ*) и хетт. *idalawi*. В готском окончания нет. Форма датива ед. ч. без окончания, как отмечено выше (в связи с основами на *-o), сохранилась в литовских говорах (*sūniuo*) и существовала когда-то в славянском, но здесь перешла из основ на *-и в основы на *-o (**влькоу**). Локатив представлял собой чистую основу на *-eu/ou (скр. *sūnau*, слав. **сыноу**).

Множественное число

	Санскрит	Греческий	Литовский	Старослав.
Ном.	<i>sūnavah</i>	<i>πῆχεις</i>	<i>sūnūs</i>	сынове
Акк.	<i>sūnūn</i>	<i>πῆχεις</i>	<i>sūnus</i>	сыны
Ген.	<i>sūnuṇām</i>	<i>πῆχεων</i>	<i>sūnū</i>	сыновѣ
Дат.	<i>sūnubhyaḥ</i>	<i>πῆχεσι</i>	<i>sūnūms</i>	сынѣмъ
Инстр.	<i>sūnubhiḥ</i>		<i>sūnumis</i>	сынѣми
Лок.	<i>sūnuṣu</i>		<i>sūnuosē</i>	сынѣхъ

	Латинский	Готский	Хеттский
Ном.	<i>fructūs</i>	<i>sunjus</i>	<i>idalawes</i>
Акк.	<i>fructūs</i>	<i>sununs</i>	<i>idalamus</i>
Ген.	<i>fructuom</i>	<i>suniwē</i>	<i>idalawas</i>
Дат.	<i>fructibus</i>	<i>s. num</i>	<i>idalawas</i>
Инстр.	<i>fructibus</i>		

Номинатив оканчивался на *-eu-es или *-ou-es, которое в литовском и латинском стянулось в *-ūs*. Греч. *πῆχεις* образовалось из **πῆχεῖες*. Аккузатив на *-u-ns сохранился хорошо в готском *sununs* и греч. критском ουνυς. Греч. *πῆχεις* происходит от **πῆχευς* с вторичным *e*. Окончания генитива отражают *-ōm, или *-om, за исключением готского, в котором — *ē* неизвестного происхождения, и хеттского, в котором генитив множественного числа совпадает с генитивом единственного. В дативе и инструментале — окончания

на *-bh- и на *-m- (за исключением хеттского), в локативе — *-su (скр. -su, слав. -хъ) или *-si (греч. πῆχεςι, получившее значение также и датива). Номинатив-аккузатив среднего рода скр. *madhūni* имел форму на -ī (*madhū*) и позднейшее наращение -ni. ī образовалось из сочетания гласной основы и окончания -h. Греч. гом. ἄστυα 'города', лат. *cornua* 'рога', хетт. *geniwa* 'колени' имеют окончание -a, перенесенное от других основ.

Основы на *-ā

Первоначально это были основы на согласный, потому что суффикс *-ā образовался из *-ah, но после исчезновения «ларингальной» гласная окончания сливалась с предшествующим -a, и этим склонение стало отличаться от склонения основ на согласные. Для примера берем скр. *aṣvā* 'кобыла', лат. *equa*, греч. χωρᾶ 'страна', лит. *ranka* 'рука', ст.-сл. рѣка, гот. *giba* 'дар'. В хеттском этот тип не сохранился.

Единственное число

Санскрит Греческий Литовский Старослав.

Ном.	<i>aṣvā</i>	χωρᾶ	<i>rankā</i>	рѣка
Вок.	<i>aṣve</i>	χωρᾶ	<i>raĩka</i>	рѣко
Акк.	<i>aṣvām</i>	χωρᾶν	<i>raĩkq</i>	рѣкѣ
Ген.-Абл.	<i>aṣvāyāḥ</i>	χωρᾶς	<i>raĩkos</i>	рѣкы
Дат.	<i>aṣvāyāi</i>	χωρᾷ	<i>raĩkai</i>	рѣцѣ
Инстр.	<i>aṣvaṃyā</i>		<i>rankā</i>	рѣкою
Лок.	<i>aṣvāyām</i>		<i>rankojē</i>	рѣцѣ

Латинский Готский

Ном.	<i>equa</i>	<i>giba</i>
Вок.	<i>equa</i>	<i>giba</i>
Акк.	<i>equat</i>	<i>giba</i>
Ген.	<i>equae</i>	<i>gibos</i>
Абл.	<i>equā</i>	
Дат.	<i>equae</i>	<i>gibai</i>
Инстр.	<i>equā</i>	

Номинатив не имел окончания, вокатив также. В вокативе ударение ставилось на первом слове и конечное ā основы сокращалось (слав. рѣко, лат. *equa*). В латинском под влиянием вокатива сократилось конечное a и в номинативе. В греческом, наоборот, форма номинатива оказала влияние на вокатив в этом отношении, но есть и остатки формы вокатива с кратким -a — у Гомера (νῆμα) и в лесбосском диалекте. Окончание аккузатива — *-m (в готском отпало).

В генитиве-аблативе в результате слияния окончания *-es/os с суффиксом получилось *-ās. В латинском это окончание встречается еще у старых поэтов в качестве архаизма (*terrās, fortunās*) и закрепилось в словосочетании *pater familiās*; окончание же -ae образовалось из -ai, в котором i возникло, вероятно, под влиянием соответствующей формы основ на *-o. В санскрите между суффиксом и окончанием этого падежа, так же, как и в дативе, инструментале и локативе, вставляется элемент ya, перенесенный, по-видимому, от основ на -ī. Славянское -ы неизвестного происхождения. В дативе суффикс *-ā и окончание *-ei/oi слились в *-āi. Окончание инструментала не восстанавливается. В локативе слав. -ѣ и уцелевшие латинские формы на -ae (*Rotae, militiae*) указывают на конечное *-āi.

Множественное число

Санскрит Греческий Литовский Старослав.

Ном.	<i>aṣvāḥ</i>	χωραι	<i>raĩkos</i>	рѣкы
Акк.	<i>aṣvāḥ</i>	χωρᾶς	<i>rankās</i>	рѣкы
Ген.	<i>aṣvānām</i>	χωρῶν	<i>raĩkū</i>	рѣкѣ
Дат.	<i>aṣvābhyaḥ</i>	χωραῖς	<i>raĩkoms</i>	рѣкамъ
Инстр.	<i>aṣvābhiḥ</i>		<i>raĩkomis</i>	рѣками
Лок.	<i>aṣvāsu</i>		<i>raĩkose</i>	рѣкахъ

Латинский Готский

Ном.	<i>equae</i>	<i>gibos</i>
Акк.	<i>equās</i>	<i>gibos</i>
Ген.	<i>equārum</i>	<i>gibo</i>
Дат.	<i>equīs</i>	<i>gibom</i>
Инстр.	<i>equīs</i>	

В номинативе окончание **-es* стянулось с суффиксом в **-ās* (скр. *-āḥ*, лит. *-os*, гот. *-os*). В греческом и латинском окончание *-i* перенесено от основ на **-o* (в латинском потом *-ai* перешло в *-ae*). Славянское *-ы* перенесено, вероятно, из аккузатива.

Формы аккузатива (за исключением славянской) отражают конечное **-ās*, образовавшееся из **-āns*. В славянском в этом сочетании *n* не выпало, а отпало *s* (по закону открытого слога); сочетание же *-ān* перешло в *-ы*. Генитив оканчивался на **-ōm*, **-om*. Датив и инструменталь имели окончания на **-bh* и на **-m*, но в греческом и латинском возникло новообразование *-ais* (в латинском потом — *-is*) под влиянием основ на **-o* (где было **-ōis*). В локативе окончание **-su* (скр. *-su*, слав. *-хъ*).

Окончания номинатива двойственного числа скр. *-e* (*açve*), лит. *-i* (*ranki*) и слав. *-ѣ* (*рѣцѣ*) отражают **-āi*.

4. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

Санскрит

В санскрите индоевропейская грамматическая система имени отражена наиболее полно. Санскрит и авестийский — единственные индоевропейские языки, в которых сохранились все семь падежей, а с звательной формой — восемь. В остальных система падежей подверглась тем или иным сокращениям. В связи с этим возникло мнение, что система восьми падежей не является праиндоевропейским наследием, а развилась только в индо-иранском, славянском и балтийском диалектах; праиндоевропейскому же можно приписать только четыре наиболее распространенных падежа (номинатив, аккузатив, генитив и датив) плюс вокатив¹. Но это мнение не имеет под собой твердого основания. Оно было подвергнуто справедливой критике И. М. Тронским; есть возражения против него и в моих статьях². Дело в том, что хотя локатив и инструменталь индоевропейского происхождения есть только в индо-иранских, славянском и балтий-

ском, те или иные следы их есть и в других индоевропейских языках, как восточных, так и западных: в греческом — окончание локатива множ. ч. *-si* и наречные формы, происходящие от локатива ед. ч.; в латинском — следы инструменталей в аблативе и локативные формы, сохранившиеся у отдельных имен; в западногерманских — инструменталь. Аблатив, помимо индо-иранских языков, есть в латинском (отношение хеттского аблатива к индоевропейскому неясно). Эти факты говорят о том, что индо-иранская восьмипадежная система восходит к праиндоевропейской.

В санскрите лучше, чем в других языках, сохранились индосвропейские падежные окончания, особенно в основах на согласные и сонанты. Он — один из весьма немногих языков, в которых ясно отражены окончания инструменталей ед. ч. **-ē/ō* и локатива множ. ч. **-su*. В основах на **-o* возникли некоторые новообразования — окончание ген. ед. ч. **-es* заменено соответствующим местоименным *-sya*, образована новая форма инстр. ед. ч. на *-ena* и др., но окончание ном. множ. ч. **-es*, которое в большинстве языков заменилось местоименным, здесь сохранилось. Парадигма единственного числа основ на **-ā* подверглась влиянию соответствующей парадигмы основ на **-ī*, поскольку оба типа основ оказались связанными с категорией женского рода; это влияние выразилось в том, что в генитиве, дативе, инструментале и локативе ед. ч. основ на **-ā* между основой и окончанием вставляется сочетание *-ya-* (срв. *açvā* 'кобыла' — *açvāyāḥ* — *açvāyāi* — *açvayā* — *açvāyām* и *devī* 'богиня' — *devyāḥ* — *devyāi* — *devyā* — *devyām*).

Значительные изменения произошли в санскрите в форме номинатива-аккузатива множественного числа среднего рода. Только в ведийском, в основах на **-o*, сохранилось в некоторых случаях окончание этой формы *-ā* (*yugā*). В основах на согласные (и в ведийском, и в классическом санскрите) есть окончание *-i*, восходящее к **-ə* (*bharanti*, *namāni*). В остальных случаях утвердилось новообразование. Так, в основах на **-o* классический санскрит имеет форму ном.-акк. множ. ч. среднего рода на *-āni* (*yugāni*); она может быть

объяснена только аналогией с основами на *-n* (*namāni*). Конечное сочетание *-ni* этой формы основ на *-n* распространилось и на другие основы среднего рода. В основах на **-u* в результате этого образовалась форма ном.-акк. множ. ч. *madhūni* (из исконной **medhū*), в основах на **-i* — *vārīni* (из *vārī*). В некоторых основах на согласные произошла перестановка между звуком *n* из этого нового окончания и конечным согласным основы, и таким образом вместо *hṛdni* ‘сердца’ получилось *hṛndi*, вместо *manasni* ‘мысли’ — *manasi*.

Греческий

В греческом языке датив, инструменталь и локатив объединились в одной падежной форме, которая сочетала в себе значения всех трех падежей. Ее условно называют дативом. Окончания этой формы также унаследованы от всех трех падежей. В основах на *-o* она имела окончание *-ei/oi* (λόχοι из **u/k^{uo}-oi*) — исконное окончание датива. В других основах ее окончание *-i* может восходить и к дативу, и к локативу; более вероятно второе. Во множественном числе основы на **-o* имеют в дативе окончание *-ois* (λόχοις), которое в индоевропейском обозначало инструменталь. Под влиянием его в основах на **-ā* возникло *-ais* (χώρις). Остальные же основы имеют окончание *-si* локативного происхождения.

Значения аблатива принял на себя генитив.

В основах на **-o* окончание генитива ед. ч., как и в санскрите, заменилось местоименным **-sjo*; из сочетания **-o-sjo* получилось *-oio*, сохранившееся у Гомера, и дальше — *-ou*. Окончание номинатива множ. ч. муж.-жен. рода заменилось местоименным *-i* не только в основах на **-o* (λόχοι), но и на **-ā* (χώρις). Номинатив-аккузатив множ. ч. среднего рода во всех основах имеет окончание *-ā* (ζυγά, ἄσπερα, κῆρα, νέφη из **vzφεσx*); оно в основах на согласные фонетически закономерно возникло из **-a* и отсюда распространилось на другие основы.

В греческом заметно проявилось взаимодействие типов именных основ с категорией рода, которое в той или иной степени происходило в истории почти всех индоевропейских

языков. Во всех языках этой семьи влияние рода на именные основы выразилось прежде всего в том, что основы на **-o* становились признаком мужского и среднего рода, а основы на **-ā* — женского. Полностью это размежевание осуществилось в прилагательных, но тенденция к нему наблюдается и в существительных, особенно в санскрите. В санскрите этот процесс и в существительных достиг завершения, и все существительные с основой на *-a* (из **-o*) здесь являются словами мужского и среднего рода, а с основой на *-ā* (из **-ā*) — женского. В греческом среди существительных с основой на **o* есть некоторые женского рода (напр., νῆσος ‘остров’), среди основ на **-ā* — некоторые мужского (напр., νεανίᾱς ‘юноша’), но зато размежевание по роду достигло полной степени в основах на **-i* и на **-u*: они закрепились за мужским и женским родами. В основах на **-i* средний род исчез совсем, в основах на **-u* сохранилось единственное существительное среднего рода — ἄστυ ‘город’.

Большое значение для сравнительной грамматики имеет сохранение в гомеровском диалекте наречной формы на *-φι*. Значения ее разнообразны. Чаще всего она встречается в значениях инструментального и аблативного характера, иногда имеет и значения, которые выражаются обычно генитивом и локативом, но без какой-либо дифференциации в числе. Примеры: ὄσσε δακρυόφιν πλήσθεν (= ген. δακρυόων) ‘очи наполнились слезами’ — Р 696, φάρυγγος λάβε δεξιτερῆφιν ‘взял за горло правой рукой’ — τ 480, βίηφι δὲ φέρτεροι ἦσαν ‘силой же превосходили’ — ζ 6, Τεῦκρος δ’ ἄλλον ὀϊστόν ἀπὸ νευρῆφιν ἔαλλεν ‘Тевкр же другую стрелу с тетивы пустил’ — Θ 309, κάππεσ’ ἀπ’ ἱκρίοφιν ‘упал с палубы’ — μ 414, ποταμοὶ κκτ’ ὄρεσφι ῥέοντες ‘реки, текущие с гор’ — Δ 452. Эта форма проливает свет на происхождение падежных окончаний на **-bh-*.

Латинский

В латинском языке сокращение падежной системы произошло в меньшей степени, чем в греческом. В нем аблатив и инструменталь объединились в одной категории. Этот па-

деж, который по традиции именуется аблативом, принял на себя и функции локатива, а особая форма локатива сохранилась лишь у немногих единичных существительных.

Взаимодействие типов основ с категорией рода в латинском проявилось сравнительно мало, но в нем довольно широко развернулся процесс образования разных склонений на базе различных типов основ. В основах на *-o возникли новые окончания ген. ед. ч. (-i) и ном. множ. ч. (-oi- > -i), изменилось окончание ген. множ. ч. (-orum из *-os-om- в м. -ōm), окончание инстр. множ. ч. -ois- > -is распространилось на дат. множ. ч., и таким образом в этих основах образовалась особая парадигма склонения; отличительный же признак самих основ исчез в результате слияния во многих формах конечного гласного основы -o с гласным окончания: ген. ед. ч. -i, дат. и абл. ед. ч. -ō, дат. и абл. множ. ч. -is. Это склонение оказало влияние на основы на *-ā; в последнем также возникло окончание -i в ген. ед. ч. и ном. множ. ч., -is в дат. и абл. -инстр. множ. ч. и т.п. Но здесь эти окончания видоизменились под влиянием гласного основы *-ā (ген. ед. ч. и ном. множ. ч. -ae, ген. множ. ч. -ārum), сохранились и некоторые более старые отличия от основ на *-o (абл. ед. ч. -ā, акк. ед. ч. -ām, акк. множ. ч. -ās), и образовалась другая особая парадигма. Основы на *-i в некоторых падежных формах утратили конечный гласный основы, и это благоприятствовало сближению их с основами на согласные. В обоих типах основ развились некоторые общие особенности окончаний, и из них образовалось единое склонение, получившее название третьего. Но основы на *-ou не были вовлечены в этот процесс и оказались обособленными от других типов. Окончания их взаимодействовали с гласным основы -u: ген. ед. ч. -ūs из *-ou-s, абл. ед. ч. -ū, по-видимому, из *-u-e, ном. множ. ч. муж. -жен. р. -ūs из *-ou-es, акк. множ. ч. муж. -жен. р. -ūs из *-u-ns. Так образовалось еще одно особое склонение, четвертое.

Номинатив-аккузатив множественного числа среднего рода во всех склонениях имеет окончание -ā. Оно возникло в основах на согласные из *-ə и отсюда распространилось по аналогии.

Окончание датива-аблатива-инструменталия -bus (из *-bhos) свидетельствует о том, что окончание на *-bh- имело огласовку не только i (срв. греч. -φι, скр. -bhih, -bhi- ah), но и o. Это подтверждается и другими западными языками: галл. matrebo (= matribus), венет. opozogos (= operibus), мессап. -bas, -bo.

Германские

В германских языках сокращение системы падежей произошло в такой же степени, как и в греческом. Здесь датив, инструменталь, аблатив и локатив совпали в одной форме, которая именуется по традиции дативом. В древневерхне-немецком и древнесаксонском существительные с основой на *-o в единственном числе имели еще особую форму инструменталия с окончанием -u (др.-в.-нем. wolfu, др.-сак. wulfu), восходящим к *-ō, но в других германских языках она уже не зафиксирована. В готском существовала еще звательная форма (только в единственном числе), но в остальных германских языках вследствие утраты номинативом ед. ч. окончания -s номинатив и вокатив совпали.

В готском хорошо сохранилось окончание аккузатива множ. ч. -ns, также номинатива множ. ч. основ на *-o — -ōs из *-o-es, утраченного (в основах на *-o) многими другими языками, но в целом редукция конечных слогов разрушительно подействовала на падежные окончания в готском и в еще большей степени в других германских языках.

Однако чередование гласных в именных основах в готском еще сохранилось во многих случаях: чередование i || a в основах на *-o (срв. ген. ед. ч. dagis и дат. множ. ч. dagam) отражает *e || o; чередование u || au || iu в основах на *-u (срв. ном. ед. ч. sunus, ген. ед. ч. sunaus и ном. множ. ч. sunjus) отражает *u || ou || eu; i || a в основах на -n (срв. дат. ед. ч. gumīn и акк. ед. ч. gumān) отражает *e || o; a || нуль в основах на -r (срв. ном. ед. ч. broþar и дат. ед. ч. broþr) отражает *o || нуль.

В результате редукции конечных слогов в некоторых падежных формах исчез конечный гласный основы, напр., ном.

ед. ч. *dags, gasts*, акк. ед. ч. *dag, gast*. В других формах он изменился, напр., ген. ед. ч. *dagis*, дат. ед. ч. *gasta*. Вследствие этого в тех формах, в которых он сохранился, он отошел к окончанию, напр., дат. множ. ч. *dagam, gastim*, акк. множ. ч. *dagans, gastins*. В других германских языках этот процесс зашел еще дальше. В германском склонении древние типы именных основ перестали различаться.

Зато стали различаться окончания в одном и том же падеже. Некоторые окончания стали различными оттого, что соединились с разными гласными основ, напр., ген. ед. ч. *dag-is, gib-os, sun-aus, broþr-s*. На базе разных типов именных основ образовались разные склонения.

Вместе с тем уже в готском, и в еще большей степени в других германских языках, происходило взаимодействие и сближение разных склонений на основе общности рода. Так, в готском склонение единственного числа основ на *-o мужского рода распространилось на основы на *-i мужского рода; окончание ном. множ. ч. основ на *-u распространилось на основы -r мужского рода, срв. *sunjus* и *broþrjus*. Особенно широкое распространение получили и в готском, и, в особенности, в других германских языках падежные формы основ на -n. В готском они наиболее распространились в прилагательных, образовав здесь особое склонение, названное «слабым». В немецком «слабое» склонение, развившееся на базе основ на -n, образовалось как у прилагательных, так и у существительных; оно противостоит «сильному», в котором объединились все остальные типы.

Прилагательные во всех германских языках разделились на «сильное» и «слабое» склонения. «Слабое», как уже упомянуто, восходит к именному склонению основ на -n. «Сильное» же является результатом влияния на именное склонение прилагательных со стороны местоимений. В готском «сильном» склонении сохранились некоторые именные формы для мужского и среднего рода — основ на *-o, для женского — основ на *-ā, напр., ном. ед. ч. муж. р. *blinds* 'слепой', ср. р. *blind*, жен. р. *blinda*, акк. множ. ч. муж. р. *blindans*, ср. р. *blinda*, жен. р. *blindos*. Большинство же форм

заимствовано у местоимений, напр., дат. ед. ч. муж. и ср. р. *blindamma*, ген. ед. ч. жен. р. *blindaizos*. Таким образом, у прилагательных сформировалось особое склонение, отличное от склонения существительных.

Славянский

В славянском и балтийском индоевропейская система падежей сохранилась почти в такой же степени, как в индоиранских языках, только аблатив здесь соединился с генитивом. Падежные окончания, за немногими исключениями, соответствуют индоевропейским, но значительные изменения произошли в них под действием закона открытого слога. В дативе и инструментале множественного и двойственного числа окончания на *-bh- других индоевропейских языков здесь соответствуют окончания на *-m-, как и в германских (но лучше сохранились, чем в последних). При этом окончание на *-m- проникло и в единственное число и стало здесь показателем инструментала мужского и среднего рода (влькомь, селомь); в женском же роде закрепилось местоименное окончание инструментала *-jom (рѣкомъ).

Славянскими новообразованиями в основах на *-o являются формы датива ед. ч. на -и (влькоу) и инструментала множ. ч. на -ы (влькы). Последняя не нашла еще себе бесспорного объяснения. Окончание же датива ед. ч. -и, восходящее к *-oi, как уже отмечено выше, перенесено, по-видимому, из основ на *-u. Причина этого явления легко раскрывается, если принять, что в славянском датив ед. ч. основ на *-o, как и в балтийском и германском, оканчивался на *ō. Эта форма сошла с генитивом-аблативом ед. ч., когда в нем утвердилось окончание аблатива, в котором отпало конечное -d. Потребность устранить это совпадение и привела к заимствованию формы датива у основ на *-u. В основах же на *-u в славянском, видимо, конкурировали две формы: на *-oi (чистая основа) — общая с балтийскими и германскими и на *-oi-ei — общая с остальными индоевропейскими языками. Вторая закрепилась у основ на *-u, первая

перешла в основы на *-o. В основах на *ā, помимо упомянутой уже формы инструментала ед. ч. на -oŕ, новообразованиями являются генитив ед. ч. и номинатив множ. ч. на -ы (рѣкы). В номинатив множ. ч. это окончание перенесено, по-видимому, из аккузатива множ. ч. Откуда оно появилось в генитиве ед. ч., не удалось установить, но причиной появления его в обеих формах на месте исконного окончания *ās было, очевидно, то, что после отпадения конечного s эти формы совпали с номинативом единственного числа.

Окончанием номинатива множ. ч. у всех имен среднего рода, независимо от характера основы, является *-ā.

Сложный вопрос возникает в отношении тематического гласного в номинативе ед. ч. основ на *-o: почему он изменился в ъ в именах мужского рода, но сохранился в среднем роде? В номинативе ед. ч. мужского рода тематическое o находилось перед окончанием -s (*yŕkʷos). В аналогичной фонетической позиции o перешло в ъ также в окончании первого лица множ. ч. глаголов -мъ из *-mos (срв. скр. -mah, лат. -mus). На основании этих фактов можно думать, что в славянском, подобно латинскому, o в конечном закрытом слоге переходило в и. Но этому противоречит сохранение o в конечном слоге основ на *-s: небо из *nebhos, слово из *kleŕos и др. Требуется объяснения также сохранение o в основах на *-o среднего рода (иго из *iugom, око из *okʷom). Начнем с последнего. В номинативе ед. ч. основ на *-o среднего рода o закономерно должно было перейти в ъ, если после него было окончание -m. Но некоторые факты говорят о том, что в индоевропейских диалектах существовала и форма с тем же значением без окончания. Об этом говорит, с одной стороны, то, что имена среднего рода с основами на согласные и сонанты в номинативе-аккузативе ед. ч. не имели окончания *-m; с другой стороны, в хеттском языке прилагательные среднего рода с основой на *-o в номинативе-аккузативе наряду с формой на -n, восходящее к *-m, имеют и чистую основу; в лидийском имена среднего рода с основой на *-o → -a, как и другие, имеют окончание -ā, заимствованное у местоимений, а раньше имели, по-видимому, чистую

основу; последнее подтверждается наличием нескольких существительных среднего рода, имеющих в номинативе ед. ч. чистую основу на -a. С. Агрель предположил, что и славянская форма ном.-акк. ед. ч. среднего рода иго и т.п. восходит к чистой основе¹, и это предположение является единственно возможным. Таким образом в основах на *-o конечное -o стало показателем номинатива ед. ч. среднего рода. Это значение его распространилось и на согласные основы среднего рода, в результате чего здесь восстановилось конечное -o. Итак, можно признать, что в славянском фонетически o в конечном закрытом слоге переходило в и, а дальше — в ъ, что и проявилось в номинативе ед. ч. мужского рода основ на *-o.

В результате фонетических изменений произошло перераспределение между основами и окончаниями, и конечные гласные основ отошли к окончаниям. Если, напр., в индоевропейской форме генитива ед. ч. *sūnous была основа *sūnou- и окончание *-s, то в ее славянском отражении письменной эпохи сыноу основой является уже сын- и окончанием — -оу. Если в дативе ед. ч. *sūnouei основа *sūnou- и окончание *-ei, то в славянском сынови основа — сын- и окончание — -ови. В результате отпадения согласных окончаний по закону открытого слога во многих формах именно конечные гласные основ стали окончаниями, как напр., в генитиве ед. ч. сыноу, в генитиве, дативе и локативе основ на *-i (гости). К тому же в некоторых именных основах (на *-o, на *-ā) возникли особые новообразования в падежных формах. В итоге всего этого в славянском на базе разных типов именных основ развились разные типы склонения.

В эпоху существования письменности происходило объединение некоторых типов склонения на основе грамматического рода. Так, основы на *-и, которые все были мужского рода, объединились в одном склонении с основами на *-o мужского рода. Основы же на *-o среднего рода смешались по склонению с основами на *-s, которые были также среднего рода. В русском языке существительные с основой на

*-i мужского рода (за исключением **путь**) перешли в основы на *-iō (напр., **гость** склоняется как **конь**).

Еще до этого влияние категории рода на склонение проявилось в том, что основы на *-o все стали мужского и среднего рода, а основы на *-i — только мужского; исчез средний род и в основах на *-i. По родам распределились и окончания инструмента ед. ч. -мь и -ѣ: первое закрепилось за именами мужского и среднего рода, второе — женского. Правда, в основах на *-ā окончание -ѣ распространилось и на очень немногие существительные мужского рода, относящиеся к этому типу (**слоугоѣ**), но в основах на *-i и на согласные данные окончания разделяются по роду последовательно: **гостьмь**, но **нощиѣ**, **словесьмь**, но **материѣ**.

У прилагательных основа на *-o стала признаком мужского или среднего рода, основа на *-ā — женского. Какие-либо другие основы у прилагательных не сохранились. Для выражения определенности к прилагательным присоединялось указательное местоимение **и**, **я**, **ю** (из *iōs, *iā, *iō) в соответствующих падежах. В эпоху письменности происходило слияние этого местоимения с окончаниями прилагательных и упрощение образовавшихся новых окончаний. В результате образовалось особое склонение прилагательных с окончаниями местоименного типа, которое в некоторых славянских языках вытеснило прежнее именное склонение, а в других сосуществует с ним.

Балтийский

Балтийский после санскрита и авестийского наиболее полно отражает индоевропейскую систему именного склонения, за исключением среднего рода. В нем, как и в славянском, имеются все индоевропейские падежи, кроме аблатива, но характеристики основ и падежные окончания сохранились в нем лучше, чем в славянском.

В балтийском, как и в славянском и германском, отразились такие диалектные формы индоевропейского, как датив ед. ч. основ на *-o, на *-u и на *-i в виде чистой основы и

окончания датива и инструмента множ. и дв. ч. на *-m- вместо окончаний на *-bh-, причем окончание на *-m-, как и в славянском, распространилось на инструменталь ед. ч. (*stūnīmī, avīmī, moterīmī*).

Главными новообразованиями балтийского являются генитив ед. ч. с окончанием лит. -o, латыш. -a и локатив ед. ч. (в литовском — на -e, -je).

Самым значительным изменением в грамматической системе имени в балтийском является переход имен среднего рода в мужской. Это произошло сравнительно не очень давно, как видно из того, что в одном из памятников прусского языка — Эльбингском словаре XIV в. — имена среднего рода в номинативе ед. ч. имеют еще особое окончание -an из *-om (при -s в мужском роде). Балтийские имена с основой на *-o, заимствованные в прибалтийско-финские языки, в последних сохраняют родовое различие: имена мужского рода оканчиваются на -as, а среднего — на -a (фин. *taivas* 'небо' — лит. *diēvas* 'бог', фин. *tarvas* 'сказочное животное' — лит. *taūras* 'бык', но фин. *lunka* 'отставание коры от дерева' — лит. *lūnkas* 'лыко', фин. *silta* 'мост' — лит. *iltas* и др.). Прилагательные сохранили форму среднего рода, когда они употребляются безлично-предикативно; в литовском эта форма оканчивается на -a, в прусском — на -an.

Влияние категории рода на склонение выразилось в том, что основы на *-o все стали мужского рода, основы на *-u — также, основы на *-ā — только женского рода, основы на *-i — в основном, женского, но с единичными представителями мужского (лит. *vagis* 'вор', *žveris* 'зверь', *dantis* 'зуб' и др., латыш. *laudis* 'люди'). Эти основы у прилагательных стали родовыми формами. В литовском у прилагательных сохранились не только основы на *-o и *-ā, но и на *-u, и на *-i. В косвенных падежах распространились формы основ на *-o и *-ā, но в номинативе ед. ч. основе на *-o мужского рода соответствует основа на *-ā женского и основе на *-u мужского — основа на *-i женского.

В хеттском именном склонении есть такие типичные индоевропейские черты, как напр., единая форма номинатива-аккузатива в среднем роде, которая в единственном числе основ на *-o оканчивается на -n, восходящее к *-m, в остальных основах не имеет окончания, а во множественном числе имеет окончание -a, но вместе с тем есть и большие отклонения от общиндоевропейского типа, как напр., разделение имен на два рода (вернее — класса) вместо индоевропейских трех, причем противопоставляются не мужской и женский роды, как в современных балтийских языках, романских и языке пушту (афганском), а средний противопоставляется другому, соответствующему индоевропейским мужскому и женскому; отсутствие двойственного числа; особые формы множественного числа в генитиве, аблативе и инструментале, совпадающие с формами единственного.

Система падежей отличается тем, что у всех именных основ имеется особая форма аблатива, но отсутствует особая форма вокатива; локатив совпал с дативом в обоих числах.

Различные типы именных основ не образуют различных склонений; окончания у них, за немногими исключениями, одни и те же. Но сами типы основ несколько отклоняются от общиндоевропейских. Так, отсутствуют основы на *-ā с их особенностями склонения, нет основ на *-ī, есть основы на -ai и на -i. Основы на -n все среднего рода. Основы на -r — совершенно не те, что в остальных индоевропейских языках: нет терминов родства и имен деятеля с суффиксом -ter, есть лишь единичные прилагательные на -r (одно из них — *kurur* 'враждебный' в среднем роде является существительным со значением 'вражда') и многочисленные существительные среднего рода, имеющие в номинативе основу на -r, а в косвенных падежах — на -n, напр., ном. *watar* 'вода' — ген. *wetas*, ном. *eshar* 'кровь' — ген. *eshanas*, *utar* 'слово, дело' — ген. *utanas*, *mehur* 'время' — ген. *mehunas*, *pahur* 'огонь' — ген. *pahwenas*. Последний тип представляет особый интерес, потому что он, очевидно, является индоевропейским архаиз-

мом. Основы среднего рода на -r/n есть и в некоторых других языках, но представлены они единичными, очень немногими существительными: скр. *asr-k* 'кровь' — ген. *asnah*, *yakr-t* 'печень' — ген. *yaknah*, *çakr-t* 'нечистоты, навоз' — ген. *çaknah*, лат. *femur* 'бедро' — ген. *feminis*, *iter* 'путь' — ген. *itineris* (из **itinis*). В греческом к основе на -n было присоединено -t, а n, оказавшись между двумя согласными, стало слогообразующим и дало a: ὕδωρ 'вода' — ген. ὕδατος (из **udantos*), ἥπαρ 'печень' — ген. ἥπατος, гомер. ἡμέρ 'день' — ген. ἡμέχτος. Очевидно, этот тип именных основ существовал в праиндоевропейском, но с течением времени исчез. В хеттском же он сохранился значительно лучше, чем в других языках. Эти основы названы гетероклитическими.

Окончания единственного числа, за исключением аблатива и инструментала, отражают индоевропейские, но из окончаний множественного числа к индоевропейскому восходит только ном. -es и акк. -us (видимо, из **-ons*, **-uns*). Окончания генитива, аблатива и инструментала множ. ч. те же, что и в соответствующих формах единственного числа, т.е. окончание генитива восходит к индоевропейскому ген. ед. ч. **-es-/os*, а в аблативе и инструментале — хеттские новообразования. Весьма примечательно то, что форма генитива на -as выполняет функции также датива-локativa множ. числа. Окончания на **-bh-* (или на **-m-*), обозначающие в других языках датив-аблатив и инструменталь множ. ч., в хеттском отсутствуют. Вопрос о причинах этих особенностей форм множественного числа, так же, как и о причинах отсутствия дифференциации мужского и женского родов, имеет очень важное значение для сравнительной грамматики. От решения его зависит освещение некоторых явлений в истории праиндоевропейского языка. Этот вопрос рассматривается в следующем разделе.

5. НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ

В индоевропейском склонении наблюдаются некоторые характерные особенности, которые нуждаются в объяснении.

Обращает на себя внимание прежде всего последовательное совпадение форм номинатива и аккузатива в среднем роде во всех древних индоевропейских языках и отсутствие дифференциации мужского и женского родов в хеттском языке.

Как уже отмечено в начале данной главы, совпадение форм номинатива и аккузатива в среднем роде может быть объяснено только тем, что эта форма была по существу аккузативом, т.е. падежом, выражающим пассивное состояние предмета. Это значит, что предметы, обозначаемые именами среднего рода, понимались как могущие быть только в пассивном состоянии. Им противостояли имена мужского и женского рода, обозначающие предметы, могущие активно действовать. Это подтверждается и свойствами указательного местоимения **so* 'тот', **tod*, **to* 'то': основа **to*, которая в мужском и женском роде образует только косвенные падежи, в среднем является также формой номинатива. Существительные мужского и женского родов не имели формальных различий в склонении. Основы на **e/o* были преимущественно мужского и среднего рода, но, как показывают латинский и греческий языки, были среди них и некоторые женского рода, ничем не отличавшиеся по склонению. Основы на **-ā*, в основном, были женского рода, но греческий, латинский и славянский сохранили среди них и слова мужского рода (напр., *vezvīā-s* 'юноша', *scriba* 'писец', *слоуга*). Основы на согласные и сонанты были всех трех родов. Указательное местоимение *so* 'тот' в женском роде (ном.) имело ту же основу (с изменением гласного под влиянием прилагательных) **sā*, но в среднем роде — **to*. Эти факты говорят о том, что мужской и женский роды первоначально не различались и, следовательно, было два рода (вернее, класса). Класс, разделившийся впоследствии на мужской и женский роды, называют часто одушевленным, а средний — неодушевленным, но эти названия неточны, потому что к мужскому и женскому родам во всех индоевропейских языках относятся и существительные, обозначающие неодушевленные предметы, а к среднему — и одуше-

вленные, и так, по-видимому, было и в языке-основе. Вернее называть эти классы активным и пассивным. И. М. Тронский высказал мнение, что женский род выделился не просто в результате разделения активного класса на две части, а как новая категория, в которую вошли некоторые существительные активного класса (большинство) и некоторые — пассивного¹. Это вполне возможно. Относительно причин выделения женского рода высказывались различные мнения, но ни одно из них не решает вопрос полностью.

Система двух классов (родов) сохранилась в хеттском языке. Х. Педерсен, отрицавший систему двух родов в индоевропейском, утверждал, что в хеттском женский род существовал когда-то, но исчез. Он ссылаясь на то, что в хеттском есть прилагательные с основой на *-i* (*barkwis* 'чистый', *dankwis* 'темный, черный' и др.), которые он возводит к именам женского рода на **-ī*, и также то, что в хеттском и средний род был на пути к исчезновению, в частности — в основах на **-o* почти исчез². Однако хеттские прилагательные на *-i* могут и не иметь связи с именами женского рода на **-ī*. Что же касается среднего рода, то он в хеттском языке не исчез: среди основ на **-o* есть некоторые слова среднего рода, как *pedan* 'место', *jukan* 'ярмо', правда, их мало, но зато среди основ на согласные, довольно многочисленных в хеттском, преобладают слова среднего рода. Если бы в хеттском существовал когда-либо женский род, то обнаружили бы хоть какие-нибудь пережитки его, напр., основы на **-ā* (без окончания в номинативе ед. ч.), которые в индоевропейском имели связь с женским родом. Но ничего подобного нет. И. М. Тронский, признавая несомненность двухродовой классификации имен в индоевропейском, все же не решается признать хеттскую двухродовую классификацию прямым отражением индоевропейской, исходя из того, что в этом случае нужно допустить, что хеттский язык слишком рано отделился от индоевропейского. Ведь формирование женского рода происходило в течение длительной эпохи, и если этот процесс не распространился на хеттский язык, то это значит, что последний на всем протяжении

этой эпохи уже был обособлен от индоевропейского. Однако И. М. Тронский вынужден признать, что в хеттском общность окончаний единственного и множественного числа, за исключением номинатива и аккузатива, отражает тот этап развития праиндоевропейского языка, когда в нем числа различались только в номинативе и аккузативе; а это означает, что на протяжении весьма длительной эпохи, когда происходило образование форм множественного числа косвенных падежей, хеттский уже развивался независимо от других индоевропейских диалектов.

Номинатив-аккузатив единственного числа среднего рода выражен чистой основой, за исключением основ на **e/o*, которые имели окончание **-m*. В хеттском языке прилагательные среднего рода с основой на **-o* в номинативе-аккузативе ед. ч. наряду с формой на *-n*, восходящее к **-m*, имеют и чистую основу. В лидийском некоторые существительные среднего рода имеют в номинативе ед. ч. чистую основу на *-a*. К чистой основе восходит, как это отмечено в предыдущем разделе, и славянская форма номинатива-аккузатива ед. ч. среднего рода основ на **-o* (иго, село). В балтийском, по-видимому, существовали рассматриваемые формы с окончанием **-m* и без него. В прусском закрепилась форма на **-m* → *n*; она встречается в Эльбингском словаре и сохранилась в функции предикативных наречий. В восточно-балтийских диалектах возобладала, видимо, чистая основа: она отражена в литовских безличных предикативах на *-a* (*šilta* 'тепло', *linksma* 'весело'), которое, по-видимому, не было носовым, и в балтийских существительных среднего рода, заимствованных в прибалтийско-финские языки, как напр., фин. *lunka* 'отставание коры от дерева', *silta* 'мост', *heinä* 'сено'. Эти факты говорят о том, что и основы на **-e/o* имели некогда форму номинатива-аккузатива среднего рода без окончания.

В хеттском языке сохранились следы того состояния, когда и аккузатив активного рода не имел окончания **-m*. Здесь аккузатив основ на **-o* имеет, как правило, чистую основу, если он обозначает предмет, по направлению к кото-

рому или в который совершается действие (на вопрос «куда»), напр., *nas lahha paizzi nas aki* 'и он идет на войну и умирает', *nas URU Halpa pait* 'и он пошел в Халпу'¹. В единичных случаях имя в такой синтаксической функции бывает и с окончанием *-n* (напр., *lahhan ... ERIN.MES-us paizzi* 'на войну... пошли войска'), что свидетельствует о том, что это именно аккузатив, а не какой-либо иной падеж. Собственные названия стран не имеют окончания в аккузативе и в значении объекта действия, напр., *ni raun KUR URU Taggasta harninkun* 'я пошел и разрушил страну Тагасту', *nusa KUR URU Arzawa tarahhun* 'и я завоевал страну Арцаву'². Есть основание думать, что окончание **-m* в аккузативе ед. ч. активного класса и в номинативе-аккузативе ед. ч. пассивного класса является вторичным, а первоначально обе эти формы представляли собой чистую основу. Чистая основа была также звательной формой. Она входила в сложные слова в качестве первого компонента. Очевидно, в истории праиндоевропейского языка была такая эпоха, когда чистая основа была основной, независимой формой имени.

Обращает на себя внимание тот факт, что чистая основа получила значение аккузатива, т.е., в основном, объекта действия и только у имен пассивного класса стала также номинативом — падежом субъекта. Значение субъекта у имен активного класса выражалось особым падежом с окончанием **-s* (номинатив мужского-женского рода). Многие языковеды сравнивали это с падежами языков, в которых есть эргативная конструкция предложения: абсолютным (падеж прямого объекта при переходных глаголах и субъекта при непереходных) и эргативным (падеж субъекта действия при переходных глаголах). Эти черты сходства позволили высказать мнение, что в праиндоевропейском языке первоначально также существовала эргативная конструкция предложения. Но этот вопрос очень сложен; для решения его нужно еще выяснить, существовала ли связь между значениями древнейших индоевропейских падежей и переходностью-непереходностью глаголов. Этот вопрос рассматривается в главе восьмой.

Позже, когда стали формироваться косвенные падежи, возникла, видимо, потребность в особом обозначении аккумулятива, чтобы отделить его от других значений чистой основы, и у имен активного класса аккумулятив стал обозначаться окончанием *-m. Последнее распространилось потом и на номинатив-аккумулятив основ на *-o пассивного класса. И. М. Тронский на основании анализа падежных форм пришел к выводу, что вообще косвенные падежи развились сначала у имен активного класса и потом распространились на пассивный¹. Это вполне возможно.

При этом предположении правдоподобно объясняется и происхождение гетероклитических основ среднего рода. В предыдущем разделе, при рассмотрении особенностей хеттского языка, отмечены гетероклитические основы на -r — в номинативе-аккумулятиве и на -n — в остальных падежах (хетт. *watar* 'вода' — ген. *wetenas*, скр. *asf-k* 'кровь' — ген. *asnaḥ*, греч. ὕδωρ 'вода' — ген. ὕδατος, лат. *femur* 'бедро' — ген. *feminis*). К этому нужно добавить, что были также гетероклитические имена, у которых основе на -n противостояла основа номинатива-аккумулятива на -i. Это обнаруживается при сравнении скр. *asthi* 'кость' и ген. *asthnaḥ*, вед. *hardi* 'сердце', хетт. *kardi-*, греч. καρδί-α (основа на -i) и гот. *hairto*, ген. *hairtins* (основа на -n), лат. *axis* 'ось' (основа на -i) и греч. ἄξων (основа на -n). Наконец, в санскрите сохранились наиболее архаичные случаи, в которых основе на -n противостоит корневая основа номинатива-аккумулятива, напр., *yūṣ* 'похлебка' — ген. *yūṣanaḥ*, *doṣ* 'рука' — ген. *doṣanaḥ*, *ās* 'рот' — ген. *āšanaḥ*. Э. Бенвенист, исследовавший это явление, обнаружил сходные элементы во многих корнях в качестве распространений². То обстоятельство, что гетероклитическое склонение бывает только в среднем роде, свидетельствует о том, что оно связано с каким-то специфическим свойством этой категории. И. М. Тронский считает этим свойством несклоняемость. Основы номинатива-аккумулятива на -r, -i и корневые — это основы пассивного класса, которые не склонялись. Когда же на пассивный класс стали распространяться формы косвенных падежей, то для обра-

зования их в этом классе была использована основа на -n, заимствованная у имен активного класса.

Обратимся теперь к расхождениям между хеттским языком и другими индоевропейскими в формах множественного числа. Из падежей, имеющих во множественном числе в хеттском иные окончания, чем в индоевропейском, наиболее архаичные черты имеет генитив (наибольшее разнообразие и наименьшая определенность значений, возможная связь окончания *-es с окончанием номинатива *-s). С него и начнем. Очень показательно, что в хеттском окончание генитива, восходящее к индоевропейскому окончанию единственного числа *-es, обозначает также и множественное число. При этом в некоторых хеттских текстах встречается еще другая форма генитива — на -an, которая также имеет значение как единственного, так и множественного числа. Примеры значения единственного числа: *iakku ERUM-nan nasma GIM-an QA-AZ-ZU nasma GIR-ŠU kwiski tuwarnazi...* 'если кто ломает руку или ногу раба или рабыни...' (Кодекс), *nan LUGAL-an aska UL uwatezzi...* 'и его к воротам царя не приносит...' (Инструкция храмовой службы). Примеры множественного: *nu LU KUR-an utne kuttanit tarahhan harta* 'и страну врагов он своей силой покорял' (Декларация Телиппину), *nu siunan antuhsissa tarsikkanzi* 'и божьи люди стали говорить' (там же), *kwis ŠEŠ.MEŠ-na NIN.MEŠ-na istarna idalu iyazi ...* 'кто среди братьев и сестер зло затевает...' (там же). Это -an может восходить только к индоевропейскому *-om, получившему значение множественного числа. Таким образом, в хеттском сохранилось то состояние, когда обе эти формы генитива не имели определенного числового значения. Дифференциация этих форм по числу произошла после отделения малоазийского диалекта.

Весьма знаменательно, что окончание генитива -as в хеттском обозначает также датив-локатив множественного числа. Некоторые факты говорят о том, что среди разнообразных значений генитива были и значения, близкие к дативным и локативным¹. Все это позволяет заключить, что хеттские формы множественного числа отражают то состояние

индоевропейской именной парадигмы, когда синтаксические функции генитива были более широкими, чем те, которые зафиксированы в отдельных языках. В парадигме единственного числа развитие системы косвенных падежей привело к ограничению функций генитива, а во множественном числе, где дифференциация косвенных падежей еще мало развилась, эти функции сохранились более полно. В хеттском аблативе и инструментале формы единственного и множественного числа, как уже отмечалось, не различаются. Таким образом, в хеттском отражен тот этап развития индоевропейского именного склонения, когда особые формы множественного числа были только в номинативе и аккузативе.

И. М. Тронский обнаружил также в греческом и латинском языках факты, свидетельствующие о первоначальной недифференцированности именных форм по числу в праиндоевропейском и на основании всего этого пришел к выводу, что в индоевропейском первоначально не было особых форм множественного числа в именах, а когда они стали вырабатываться, то прежде всего в тех падежах, которые выражают субъектно-объектные отношения¹. Это, по мнению автора, происходило сначала только в именах активного класса, в пассивном же единичность противопоставлялась собирательности, а не множественности, но позже формы множественного числа косвенных падежей из активного класса распространились на пассивный и собирательная форма номинатива-аккузатива пассивного класса получила значение множественного числа. Этот вывод полностью обоснован.

Однако в связи с этим И. М. Тронский исключает формы множественного числа датива, аблатива, инструментала и локатива из ближней реконструкции праиндоевропейского именного склонения, указывая на то, что они образовались по-разному в разных диалектных группах², а с этим уже трудно согласиться. Верно, что названные формы имеют различия по диалектным группам, но это диалекты внутри праиндоевропейского языка, а не отдельные языки (за ис-

ключением малоазийского, который был уже обособлен), а диалектные особенности праиндоевропейского включаются в реконструкцию его. Да и не все эти формы были ограничены теми или иными диалектами. Инструменталь множ. ч. основ на **-o* с окончанием **-dis* представлен в индо-иранских языках, греческом, латинском, литовском, т.е. в разных диалектных зонах, и, несомненно, был общеиндоевропейским. Другие же явно связаны с определенными диалектными зонами праиндоевропейского. Так, окончание локатива множ. ч. **-su*, представленное в индо-иранских, греческом, славянском, литовском, было чертой восточного ареала. Окончания на **-bh-* были в двух вариантах: **-bhi* и **-bho*. Первый был распространен в восточном ареале (греч. *-φι*, скр. *-bhi-s*, *-bhi-as*), второй — в западном (лат. *-bu-s*, галл. *-bo*, мессап. *-ho*, *-ba-s*). А в германском, балтийском и славянском, которые в праиндоевропейском составляли особую диалектную группу, им соответствуют окончания на *-m*. Следовательно, эти формы, несмотря на диалектные различия, возникли еще в праиндоевропейском, а не в тех отдельных языках, которые развились после окончательного распада его. И. М. Тронский, видимо, имеет в виду, в первую очередь, хеттский и всю малоазийскую группу. Эта группа, действительно, была уже отдельным языком, потому что обособилась раньше других, но это обстоятельство не должно отражаться на ближней реконструкции праиндоевропейского. И. М. Тронский не решается признать относительно раннее отделение малоазийского, но если он включает в ближнюю реконструкцию индоевропейского генитив множественного числа, то это уже значит, что хеттский (т.е. малоазийский) отделился задолго до этого, потому что в нем генитив не различается по числам. В отношении датива, локатива, аблатива и инструментала множественного числа хеттский (как и весь малоазийский) также противостоит всем остальным индоевропейским, что подтверждает мнение об относительно раннем отделении его.

Можно предположить, что и формы номинатива и аккузатива активного класса первоначально также не различались

по числам. Окончания номинатива единственного числа **-s* и множественного **-es* являются типичными вариантами с редуцированной и полной огласовками. Окончание аккузатива множественного числа **-ns* может быть результатом сочетания окончания единственного числа *-m* с показателем множественности *-s*.

Происхождение и развитие двойственного числа неясны. С одной стороны, оно во всех индоевропейских языках рано или поздно исчезало, и это говорит об его архаичности. С другой же стороны, во всех индоевропейских языках его парадигма является наименее развитой; она не превышает трех форм.

V

МЕСТОИМЕНИЕ

1. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Среди местоимений особо выделяются своими падежными формами и отсутствием категории рода два личных местоимения — первого и второго лица — и сходное с ними по падежным формам возвратное.

Падежные окончания личных местоимений в индоевропейских языках совершенно различны и не возводятся к архетипам; общность есть только в основах. Однако это не означает, что в склонении личных местоимений между индоевропейскими языками нет ничего общего: отдельные основы выполняют те или иные падежные функции, и они-то и составляют базу этого склонения.

Возьмем для примера санскритские, славянские, греческие, готские и хеттские формы.

Единственное число

Первое лицо

	Санскрит	Старослав.	Греческий	Готский	Хеттский
Ном.	<i>aham</i>	азъ	ἐγώ	<i>ik</i>	<i>uk</i>
Акк.	<i>mām, mā</i>	мѧ	ἐμέ, με	<i>mik</i>	<i>amuk</i>
Ген.	<i>mama, me</i>	мене	ἐμοῦ, μου	<i>meina</i>	<i>amel</i>
Дат.	<i>mahyam, me</i>	мѣнѣ, ми	ἐμοί, μοι	<i>mis</i>	<i>amuk</i>
Инстр.	<i>mayā</i>	мѣноу			
Лок.	<i>mayi</i>	мѣнѣ			
Абл.	<i>mad</i>				<i>amedaz</i>

Характерной особенностью этого склонения во всех индоевропейских языках являются разные основы именительного и косвенных падежей.

Форма номинатива восстанавливается обычно в виде **egho*, но это — условное обозначение, не покрывающее диалектных различий. Согласный **gh* восстанавливается на основании индо-иранских и балто-славянских форм, но греч., лат. *ego* и гот. *ik* указывают на исходное *g*. Начальный гласный по данным греческого, латинского и германских языков был **e*, но литовское *aš* и хеттское *uk* отражают скорее **o*, а славянское *азь* обнаруживает, кроме того, удлинение.

Косвенные падежи образованы от основы **me-*. В греческом перед нею возник протетический гласный *e*, в хеттском — *a*. В славянском основа косвенных падежей **men-*, в балтийском — **mon-* (лит. акк. *manė*, ген. *manės*, дат. *mán*), но прусский отражает также **mēn-* (акк. *mien*). Распространено мнение, что и в этих языках основа была **me*, но в генитиве к ней присоединилось окончание *-ne* (при этом сравнивают с авестийским *mana*, санскритским *tama* из **tapa*), а потом под влиянием генитива элемент *n* был присоединен к основе и в дативе, инструментале, локативе. Форму аккузатива *ma*, сравнивая с санскритским *mām*, возводят к основе *me* с окончанием *-n*. В этом объяснении есть слабые места: во-первых, окончания генитива *-ne* нет ни у других местоимений, ни у имен; во-вторых, трудно объяснить, почему элемент *n* из окончания генитива распространился на другие падежи и почему именно генитив оказал такое сильное влияние, а не, например, аккузатив. Можно полагать, что основой косвенных падежей в славянском и балтийском является **men-* (**mon-*) и что из нее образовалась и форма аккузатива *ma*. Поскольку основа **men-/mon* обозначает первое лицо ед. числа в финно-угорских, тюркских и тунгусо-манчжурских языках (фин. *minä*, морд. *мон*, тюрк. *мен*, тунгусо-манчж. ном. *би*, косв. п. *мин-*) и поскольку среди индоевропейских местоимений есть много общих основ с финно-угорскими¹, можно предположить, что основа

**men* проникла в праиндоевропейский язык из прафинно-угорского, а в индоевропейском имела различную судьбу в разных диалектах: в индо-иранском получила значение генитива, в германском — притяжательное значение (откуда — и генитив *meina*), в некоторых исчезла.

Падежные формы в разных языках различны и образованы различными способами. В санскрите и славянском некоторые падежи имеют окончания, аналогичные именным. В санскрите таковы окончания инструментала, локатива и аблатива, в славянском — датива, инструментала и локатива. В греческом и хеттском окончания генитива заимствованы у других местоимений (греч. *ἐμοῦ* — из *ἐμολο*, гомер. *ἐμῆϊο*, срв. указ. *тоῦ*, гомер. *τοῖο*). Форма датива лат. *mihi*, скр. *māy-am* и арм. *inj* (из **emeghi*) образована, по-видимому, при помощи частицы **ghi*. Возможно, таким же способом образована и германская форма аккузатива *mik*, и хеттская аккузатива-дativa *amuk*. В значении падежных форм были использованы и некоторые основы. Выше уже отмечено, что основа *men* в индо-иранском получила значение генитива (с окончанием **-e*, которое могло возникнуть под влиянием второго лица **teve*). Кроме того, особая местоименная основа **moi* в греческом и славянском получила значение датива, а в индо-иранском стала атонической формой генитива и дativa.

Очевидно, многопадежное склонение развилось в отдельных языках независимо друг от друга, а в праиндоевропейском склонение этого местоимения состояло из двух падежей, именительного и косвенного, выраженных основами **egho* и **me*. Существовали также основы **men* и **moi*, получившие впоследствии значения некоторых падежей.

Второе лицо

	Санскрит	Старослав.	Греч.	Гот.	Хеттский
Ном.	<i>tvām</i>	ты	σὺ, τὺ	<i>þu</i>	<i>zek</i>
Акк.	<i>tvām, tvā</i>	та	σέ	<i>þuk</i>	<i>tuk</i>
Ген.	<i>tāva, te</i>	тебе	σοῦ	<i>þeina</i>	<i>twēl</i>

Дат.	<i>tūbhyam, te</i>	тебѣ, ти	σοί, τοί	<i>pus</i>	<i>tuk</i>
Инстр.	<i>tvāyā</i>	тобоѡ			
Лок.	<i>tvāyī</i>	тебѣ			
Абл.	<i>tvād</i>			<i>twedaz</i>	

Падежные окончания аналогичны окончаниям первого лица и столь же различны в разных языках. Относительно датива нужно заметить, что скр. *tubhyam*, лат. *tibi*, слав. **тебѣ** и прус. *tebbeī* отражают праформу **tebhi*, состоящую из основы **te* и частицы **bhi*. Атоническая форма датива греч. *τοί* (употреблявшаяся у Гомера и в некоторых диалектах), скр. *te* (выражавшая также генитив), слав. **ти** восходит к основе **toi*. Специфику склонения этого местоимения, как и предыдущего, составляют его основы.

Это склонение также супплетивно, т.е. косвенные падежи в нем образованы от иной основы, чем номинатив, но анализ основ показывает, что супплетивность его относительна и не изначальна.

Форма номинатива — *tu* и *tū*. Лат. *tū*, др.-ирл. *tū*, слав. **ты** отражают долгое *u*, скр. *tv-am* (с частицей *-am*, присоединяемой ко многим местоименным формам, срв. дат. *tubhy-am*, *mahy-am*), греч. атт. *σύ*, дор. *τῷ*, лит. *tu*, арм. *du*, вост.-тох. *tu* — краткое *u*. Германские и балто-славянские языки показывают, что в индоевропейском существовали варианты с долгим и кратким *u*. В древневерхненемецком, древнеанглийском, исландском была форма с долгим и кратким *u*; в славянском отражен долгий гласный, в литовском и латышском — краткий, но в прусском сосуществовали варианты *toi* (из *tū*) и *tu*.

Косвенные падежи в ряде языков образованы от основы **te* (срв. лат. акк. *te*, дат. *ti-bi*); в готских формах *puk*, *pus* гласная *u* сменила *e* под влиянием номинатива; др.-в.-нем. *dih*, *dir* отражают основу **te*. Но в хеттском — наоборот: *ze-k*, восходящее к основе **te* (*t* перед гласным переднего ряда перешло в *z*), получило значение номинатива, а от основы **tu* образованы косвенные падежи.

Однако в санскрите основа косвенных падежей несколько иная. Основа **te* здесь была только в форме датива *tubhy-am*,

как показывает сравнение с слав. **тебѣ**, лат. *tibi*; *u* возникло под влиянием номинатива. Ген. *tava* соответствует слав. **тебе**, лит. *tavęs* и восходит к **teye*; в санскрите *e* перешло в *a*, в славянском *y* заменилось на *b*, по-видимому — под влиянием датива-локатива. В остальных же тонических формах — основа *tva-*, восходящая к **tye-*.

Основа **tye-* есть и в греческих формах. Гесихий отмечает форму аккузатива *τῆς* как критскую. Очевидно, от нее происходит греч. *σέ*, а ген. *σοῖ* и дат. *σοί* восходят к *τῷοι* и **τῷοι*. От **tye-* происходит и арм. акк. *khe-z*.

Армянский же ген. *kho* отражает **tyo-*. От этого варианта образованы притяжательные греч. *σός* (**tyo-s*), слав. **твой** (**tyo-jb-*).

Литовские формы акк. *tavė*, ген. *tavęs*, дат. ст.-лит. *tàvei* и т.д. отражают основу **toye-*. От варианта **toyo-* образованы притяжательные лит. *tàvas* и лат. *tuus* (из **toyos*).

Таким образом, в индо-иранском, славянском, балтийском, греческом и армянском основа косвенных падежей и притяжательного местоимения представлена рядом вариантов — *teye-*, *toye-*, *tye-*, *tyo-*, *toyo-*. Поскольку наряду с ними существует и основа *te-*, очевидно, эти варианты состоят из элементов **te/to/t* и **ye/yo*. Вероятно, это были отдельные местоименные корни с чередованием гласного.

Вторая часть этой основы **ye/yo* в редуцированном виде свелась бы к форме *u*. В сочетании с первой частью в виде *to* получилось бы *toi*. Наиболее вероятно, что именно от такой основы образовалась форма именительного падежа *tū*, *tu*. Колебание долготы гласного, свойственное этой форме в праиндоевропейском, наводит на мысль, что она является результатом неодинакового стяжения какого-то более древнего сочетания под влиянием ударения и интонации последующего слова.

Итак, формы местоимения второго лица единственного числа образованы от простой основы *te* и сложной основы, состоящей из корней *te/to/t* и *ye/yo/u*, в ее различных вариантах. В различных диалектах эти основы и варианты по-разному использованы в падежных значениях. Первоначально,

когда они представляли собой корень *te* в чистом виде или с добавлением *ye/yo/u*, они не были супплетивными. Впоследствии, когда связь между ними затемнилась, возникла супплетивность.

Основа **ten*, которая, как и **men*, могла быть заимствована из финно-угорских языков, отражена в слав. акк. *та*, прусск. *tien* и готск. ген. *þeina* (из притяжательного).

Совершенно аналогично местоимению второго лица склоняется возвратное местоимение, с тем, правда, отличием, что последнее не имело именительного падежа и форм множественного и двойственного числа. В хеттском оно отсутствует, в индоиранском не сохранило склонения. Ввиду этого обстоятельства дополним наши примеры литовской парадигмой.

	Старослав.	Литовский	Греческий	Готский
Акк.	са	<i>savè</i>	э	<i>sik</i>
Ген.	себе	<i>savęs</i>	оѣ	<i>seina</i>
Дат.	себѣ, си	<i>sávei</i> (древн.)	оѣ	<i>sis</i>
Инстр.	собою	<i>savimi</i>		
Лок.	себѣ	<i>savyjė</i>		

Падежные окончания у этого местоимения те же, что и у личных. Основа в готском — **se-*. Эта же основа в латинском: акк. *se*, дат. *sibi* из **se-bhi*. Новославянском, кроме основы **se-* (дат. — лок. *себѣ* из **se-bhi*), есть **seye* (ген. *себе* из **seve*) и **soye* (инстр.). Притяжательное славянское *свой* образовано от основы **syo*. Греческие формы — от основы **sye*, литовские — от **soye*. Таким образом, в готском и латинском основа **se-*, в других языках — **seye-*, **soye-*, **sye-*, **syo-*. В славянском и германском есть также основа **sen*.

В санскрите сохранилась только несклоняемая притяжательная форма *sva* 'свой'.

Значение этого местоимения в праиндоевропейском было такое же, как в славянских и балтийских языках. Если оно было в предложении прямым или косвенным дополнением, то обозначало, что объектом действия является сам

раньше названный субъект. Если было определением (в притяжательной форме), то обозначало, что определяемый предмет кому-либо принадлежит. Это значение, кроме славянских и балтийских языков, сохранялось только в санскрите и греческом гомеровском, что свидетельствует, по-видимому, о его архаичности. В германских, итальянских и других языках возвратное местоимение получило значение третьего лица.

Множественное число

Первое лицо

	Санскрит	Старослав.	Греческий	Готский	Хеттский
Ном.	<i>vayám</i>	мы	ἡμεῖς	<i>weis</i>	<i>wes</i>
Акк.	<i>asmān, naḥ</i>	ны	ἡμεῖς	<i>uns, unsis</i>	<i>anzas</i>
Ген.	<i>asmākam, naḥ</i>	насъ	ἡμεῶν	<i>unsara</i>	<i>anzel</i>
Дат.	<i>asmābhyam, naḥ</i>	намъ, ны	ἡμῖν	<i>uns, unsis</i>	<i>anzas</i>
Инстр.	<i>asmābhiḥ</i>	нами			
Лок.	<i>asmāsu</i>	насъ			
Абл.	<i>asmād</i>				<i>anzedaz</i>

Склонение также супплетивное и в разных языках различное. Общими являются только основы.

Форма номинатива в одних языках восходит к основе **yes*, в других — к **mes*. Основа косвенных падежей — **nes/nos/ḡs*.

Номинатив **yes* отражается в хеттском, готском и в санскрите (здесь с частицей *-am*). Эта же основа — в тохарских: зап. *wes*, вост. *was*. К **mes* восходят слав. *мы*, греч. *ἡμεῖς*, также лит. *mes* и арм. *mekh*. Слав. *мы*, вероятно, из **mos*: о перед согласным перешло в *и*, которое могло удлиниться под влиянием второго лица *вы*.

Формы косвенных падежей в славянском образованы от основы **nos*, **nōs* с именными окончаниями. В основе *s* перед согласными выпало. Таким образом, акк. *ны* отражает **no-ns*, ген. *насъ* — **nōs-om*, лок. *насъ* — **nō-su*, дат. и инстр. — с окончаниями на *-m*.

Таким же способом образованы формы косвенных падежей в латинском, но здесь ген. *nostrum* является по происхождению притяжательным местоимением (позже параллельно с *nostrum* стала употребляться притяжательная форма ед. ч. *nostrī*) и окончание дат.-инстр. *-bis* отличается огласовкой от соответствующего окончания имен *-bus*. Форма акк. *nōs* получила значение также номинатива.

В готском и других германских языках, а также хеттском основа косвенных падежей восходит к **us*, причем эта основа в чистом виде имеет значение аккузатива и датива (в хеттском — с частицей *-as*), что отражает древнюю полисемантичность этой основы. Генитив в готском представляет собой притяжательное местоимение, в хеттском же он получил местоименное окончание единственного числа *-el*.

В санскрите основа **nes* или **nos(nah)* в чистом виде является атонической формой трех падежей — аккузатива, генитива и датива, что еще нагляднее, чем германские и хеттские факты, говорит о том, что в праиндоевропейском она выполняла функции всех косвенных падежей. Тонические формы косвенных падежей образованы таким же способом, как в греческом, к которому мы сейчас переходим.

Греческая форма номинатива в эолийском диалекте сохранилась в более древнем виде — как *ἄμμες*. В этой форме начальное *ἄμ-* получилось в результате ассимиляции из *ἄσ-*, а последнее восходит к **us*. Таким образом, в греческом основы ном. **mes* и косв. пад. **us* соединились, и из этого соединения образованы и номинатив, и косвенные падежи. При этом конечное сочетание *-es*, по аналогии с именами, было воспринято как показатель номинатива множественного числа и в косвенных падежах было заменено соответствующими именными окончаниями множественного числа.

В санскрите тонические формы косвенных падежей образованы от основы *asma-*, восходящей также к **us-me-*, но здесь ген. *asmākam* получил окончание *k* неизвестного происхождения и обычную в санскрите местоименную частицу *-am*, а аблатив *asmad* — окончание единственного числа *-d*.

Распространено мнение, что греческие и индо-иранские формы косвенных падежей образовались от основы **us* с частицей **sme*¹. Однако частицы *sme* в индоевропейских языках нет. Сторонники этой точки зрения ссылаются обычно на индо-иранские формы единственного числа указательного местоимения скр. дат. *tasmāi*, лок. *tasmin*, абл. *tasmad*, в которых якобы заключена частица **sme*. Но из этих форм только форма датива определенно восходит к языку-основе. Сравнение скр. *tasmāi* с гот. *þamma* (из **tasma*), умбр. *esmei* 'этому', др.-прусск. *stesmu* 'тому' дает возможность восстановить праиндоевропейское окончание **-smoi*, но славянская форма *тому*, старолитовская *tāmuī* и др.-в.-нем. *demu*, родственные приведенным выше формам, но не имеющие в своем окончании элемента *s*, показывают, что *s* и *m* в окончании датива являются разными по происхождению элементами. Следовательно, о суффиксе или о частице *sme* в данном случае не может быть речи. Возможно, что и локатив восходит к индоевропейскому, как позволяет думать сравнение скр. *tasmin* с умбр. *esme* и слав. *томь*, но и здесь *s* по происхождению является элементом, отдельным от *m*. Форма же аблатива является индийским новообразованием, и элемент *-sm-* в ней возник, вероятно, под влиянием датива и локатива.

Второе лицо

	Санскрит	Старослав.	Греческий	Готский	Хеттский
Ном.	<i>yūyām</i>	вы	ὑμεῖς	<i>jus</i>	<i>sumes</i>
Акк.	<i>yuṣmān, vaḥ</i>	вы	ὑμεῖς	<i>izwis</i>	<i>sumas</i>
Ген.	<i>yuṣmākam, vaḥ</i>	васъ	ὑμῶν	<i>izwara</i>	<i>sumel</i>
Дат.	<i>yuṣmābhyam, vaḥ</i>	вамъ, вы	ὑμῖν	<i>izwis</i>	<i>sumas</i>
Инстр.	<i>yuṣmābhiḥ</i>	вами			
Лок.	<i>yuṣmāsu</i>	васъ			
Абл.	<i>yuṣmād</i>				

В готском номинатив — *jus*. При сравнении с скр. *yūy-am* и лит. *jūs* восстанавливается архетип **jūs*. Основа косвенных падежей — **ues*. Такое положение было первоначально

и в индо-иранском, когда косвенные падежи выражались основой **ues* или **uos* (скр. *vaḥ*), сохранившейся в качестве атонической формы аккузатива, генитива и датива. Так было, по-видимому, и в праиндоевропейском. Но в отдельных языках происходила унификация основы: в балтийском и индо-иранских тонических формах основа **iūs* распространилась на косвенные падежи, а в славянском и италийском — наоборот, основа **uos* получила значение номинатива. Нельзя полагать, что основы **iūs* и **ues/uos* искони были свойственны разным диалектам праиндоевропейского языка, потому что распределение их не соответствует группировке диалектов в праиндоевропейском. Напр., в славянском основа всех падежей — **uos*, а в балтийском — **iūs*, но в праиндоевропейском эти диалекты были близки между собой, входили в одну группу, и основы данного местоимения в них должны были быть одни и те же.

Впрочем, основа **iūs* образовалась, вероятно, из той же **ues/uos* на ступени редукции (*us*) в сочетании с местоимением **io*. Долгота *и* говорит о том, что в нем слились два лабиализованных гласных.

Греческие формы могли образоваться и от основы *jus*, и от *us*. В эолийском диалекте ном. — ἴμης. Вторые части форм (-μης и т.д.) перенесены от местоимения первого лица.

Результатом такого же процесса являются и санскритские тонические формы косвенных падежей: к основе **jus* присоединен элемент *ma-* с соответствующими окончаниями, заимствованный у первого лица.

В хеттском не было основы **iūs*. Формы *sumes*, *sumas* восходят к **us-ues*, **us-uos*. В основе *us-* произошла перестановка, а потом *и* после *и* перешло в *т*, как было закономерно в хеттском языке.

Основы двойственного числа те же, что и множественного, с некоторыми видоизменениями. напр., второе лицо вед. *yuvām*, лит. *jū-du*, первое лицо акк. скр. *nāu* (атон.), греч. *ῶ*, ст.-сл. *на*; но в ном. первого лица нет основы **mē-*: слав. *вѣ*, лит. *vė-du*, греч. *ῶ*. Формы косвенных падежей не восстанавливаются по недостатку данных.

2. НЕЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Для примера сравним склонение указательного местоимения **so*, **sā*, **tod* 'тот, та, то'. Оно служило указанием на предмет, уже известный или упоминавшийся раньше.

Единственное число

Мужской и средний род

	Санскрит	Греческий	Готский	Старослав.	Литовский
Ном.	<i>sa, tad</i>	<i>ὁ, τό</i>	<i>sa, þata</i>	тъ, то	<i>tās</i>
Акк.	<i>tam, tad</i>	<i>τόν, τόν</i>	<i>þana, þata</i>	тъ, то	<i>tā</i>
Ген.	<i>tāsya</i>	<i>τοῦ (τοῦο)</i>	<i>þis</i>	того	<i>tō</i>
Дат.	<i>tāsmāi</i>	<i>τῷ</i>	<i>þamma</i>	тому	<i>tāmui</i> (древн.)
Инстр.	<i>tēna</i>			тѣмъ	<i>tuomi</i> (древн.)
Лок.	<i>tāsmīn</i>			томъ	<i>tamē</i>
Абл.	<i>tāsmād</i>				

Женский род

	Санскрит	Греческий	Готский	Старослав.	Литовский
Ном.	<i>sā</i>	<i>ἡ</i>	<i>so</i>	та	<i>tā</i>
Акк.	<i>tām</i>	<i>τήν</i>	<i>þo</i>	тѣ	<i>tā</i>
Ген.	<i>tāsyaḥ</i>	<i>τῆς</i>	<i>þizos</i>	тоѣ	<i>tōs</i>
Дат.	<i>tāsyāi</i>	<i>τῇ</i>	<i>þizai</i>	тои	<i>taī</i>
Инстр.	<i>tāyā</i>			тоѣ	<i>tā</i>
Лок.	<i>tāsyām</i>			тои	<i>tojē</i>
Абл.	<i>tāsyāḥ</i>				

Номинатив мужского и женского рода имеет особую основу: муж. р. **so*, жен. р. **sā*. Первоначально это была, по-видимому, одна и та же основа, но в женском роде она подверглась влиянию именных основ на **-ā*. В косвенных падежах всех родов — основа **to-*. Но в среднем роде основа **to-* выражает также номинатив. Этот примечательный факт имеет важное значение в вопросе о первоначальной системе именных родов в индоевропейском языке. В славян-

ском и балтийском основа **to-* распространилась и на номинатив муж. и жен. рода.

Номинатив муж. и жен. рода не имел окончания. В среднем роде он имел окончание *-d*, которое в греческом и славянском фонетически закономерно отпало. В готском к форме ном.-акк. *pai*, восходящей к **tod*, присоединилась частица *-a*.

Аккузатив муж. и жен. рода имел окончание **-m*, заимствованное у имен. В готском была также присоединена частица *-a*.

Остальные падежи имеют одинаковые формы в мужском и среднем роде и иные формы — в женском. Рассмотрим сначала мужской и средний род.

В генитиве муж.-сред. рода были окончания **-sio* и **-so*. **-sio* отражено в скр. *tasya*, греч. гомер. *τοῦ* (изменившемся в аттическом диалекте в *τοῦ*) и прус. *stessei*; **-so* — в готском *his* (др.-в.-нем. *des*), ст.-слав. *чесо* и греч. гомер. *τέο* 'чего'. Таким образом, в гомеровском диалекте сохранились (у разных местоимений) отражения обоих окончаний. Славянское *-го* — неизвестного происхождения. Высказывались различные предположения по этому вопросу (о фонетическом изменении *-sjo* в *-go*, о происхождении *-го* от частицы и др.), но все они недостаточно обоснованы. Литовское *tõ* восходит к аблативу.

Два разных окончания были и в дативе. Скр. *tāsmāi*, гот. *þamma* и умбр. *esmei* отражают **-smoi*; лит. *tāmuī*, прусск. *stesmu*, др.-в.-нем. *demu* и, возможно, слав. *томоу* — **-mi*. В славянской форме конечное *-оу* возникло, возможно, под влиянием соответствующей формы именных основ на **-o*.

Инструменталь, где он есть, имеет именные окончания.

Окончание локатива на основании скр. *tāsmīn* восстанавливается в виде **-smi*, на основании слав. *то́мь* — как **-mi*.

Санскритское окончание аблатива *-smad* является новообразованием по образцу датива и локатива. Старая форма сохранилась в значении наречия — *tād*. Сравнение ее с лит. (ген.) *tõ* и др.-лат. *istōd* указывает на архетип **tōd*.

Окончание генитива женского рода на основании скр. *tāsyāḥ*, гот. *þizos* и прус. *stessias* восстанавливается как **-sīās*. Слав. *тож* отражает, по-видимому, окончание **-ja*, связанное с предыдущим, но не имеющее в своем составе элемента *s*; к нему, как и в инструментале, был присоединен носовой.

В дативе женского рода, как видно при сравнении скр. *tāsyāi*, гот. *þizai* и прус. *stessiei*, было окончание **-sīāi*.

В инструментале скр. *tāyā* и слав. *тож* указывают на окончание **-jā* (в славянском — с добавлением носового).

В греческом и литовском формы женского рода образованы по образцу именных (с основой на **-ā*). Сравнение литовских форм с более древними прусскими показывает, что этот способ образования местоименных форм не восходит к праиндоевропейскому.

Множественное число

Мужской и средний род

	Санскрит	Греческий	Готский	Старослав.	Литовский
Ном.	<i>te, tā</i>	<i>οἱ, τῆ</i>	<i>þai, þo</i>	<i>ти, та</i>	<i>tiẽ</i>
Акк.	<i>tān, tā</i>	<i>τοῖς, τῶ</i>	<i>þans, þo</i>	<i>ты, та</i>	<i>tuõs</i>
Ген.	<i>tēsām</i>	<i>τῶν</i>	<i>þize</i>	<i>тѣхъ</i>	<i>tĩ</i>
Дат.	<i>tēbhyaḥ</i>	<i>τοῖς</i>	<i>þaim</i>	<i>тѣмъ</i>	<i>tiems</i>
Инстр.	<i>tāiḥ</i>			<i>тѣми</i>	<i>taĩs</i>
Лок.	<i>tēsu</i>			<i>тѣхъ</i>	<i>tuosẽ</i>

Женский род

	Санскрит	Греческий	Готский	Старослав.	Литовский
Ном.	<i>tāḥ</i>	<i>αἱ</i>	<i>þos</i>	<i>ты</i>	<i>tõs</i>
Акк.	<i>tāḥ</i>	<i>ταῖς</i>	<i>þos</i>	<i>ты</i>	<i>tās</i>
Ген.	<i>tāsām</i>	<i>ταῶν</i>	<i>þizo</i>	<i>тѣхъ</i>	<i>tĩ</i>
Дат.	<i>tābhyaḥ</i>	<i>ταῖς</i>	<i>þaim</i>	<i>тѣмъ</i>	<i>tõms</i>
Инстр.	<i>tābhiḥ</i>			<i>тѣми</i>	<i>tomĩs</i>
Лок.	<i>tāsu</i>			<i>тѣхъ</i>	<i>tosẽ</i>

Формы множественного числа были образованы от основы **toi-*. Ее нет в тех формах, которые позже были образованы по образцу именных, напр., в номинативе среднего и женского рода, в аккузативе всех родов, во многих формах жен-

ского рода, но в более древних она сохранилась, срв. номинатив мужского рода скр. *te*, греч. гомер. *τοί*, гот. *hai*, слав. **ти**, лит. *tiẽ*; дат. муж. рода скр. *te-bhyah*, гот. *hai-m*, слав. **тѣ-мъ**, лит. *tie-ms*; лок. муж. р. скр. *te-si*, греч. гомер. *τοῖ-σι*, слав. **тѣ-хъ** и др.

Номинатив мужского рода восходит к чистой основе **toi*. Супплетивности, характерной для форм единственного числа, во множественном нет. Формы женского и среднего рода **tās*, **tā* образованы под влиянием именных (с основой на **-ā* и на **-o*). В греческом языке под влиянием форм единственного числа начальное **t-* в мужском и женском роде сменилось на **s* и получились формы *oi*, *xi*.

Аккузатив имел именные окончания: в мужском и женском роде — **-ns*, в среднем — **-ā*.

Форма генитива на основании скр. *tēsām*, слав. **тѣхъ**, прус. *steison* и др.-исл. *þeira* восстанавливается в виде **toisōm*. Здесь, возможно, есть старое окончание генитива *-s-* и новое, заимствованное у имен, — *-ōm*.

Остальные падежные формы состояли из основы **toi-* и именных окончаний: датив и инструменталь — на **bh* и на **m* (инстр. муж. и сред. рода — также **-ōis*), локатив — **-su*. Основа **toi-* в славянском и, частично, в германском сохранилась во всех родах, в других языках в женском роде она сменилась на **tā-*.

Формы двойственного числа сохранились мало. Они имеют именные окончания.

В хеттском языке склонение местоимений особое, не имеющее соответствий за пределами малоазийской группы. Очевидно, склонение местоимений складывалось после отделения малоазийского диалекта. Для иллюстрации берем формы местоимения *kas* 'этот'.

	Единств. ч.	Множ. ч.
Ном.	<i>kas</i> (ср. р. <i>kī</i>)	<i>kē</i>
Акк.	<i>kūn</i> (ср. р. <i>kī</i>)	<i>kūs</i> (ср. р. <i>kē</i>)
Ген.	<i>kēl</i>	<i>kēnzān</i>
Дат.-Лок.	<i>kedani</i>	<i>kēdas</i>
Абл.	<i>kez</i>	<i>kezza</i>
Инстр.	<i>ket</i>	

По изложенному здесь типу склонялись и остальные указательные местоимения, а также относительное и вопросительное (оно же и неопределенное). Были ли другие местоимения в праиндоевропейском, неизвестно. Можно предполагать, что существовали еще местоименные прилагательные типа скр. *anyaḥ* 'другой', лат. *alius*, греч. ἄλλος.

Указательных местоимений было несколько. Возможно, некоторые из них были диалектными.

Указанием на ближайший предмет служило местоимение **ki-*: слав. **съ**, лит. *šis*, гот. акк. муж. р. *hin-a*, ср. р. *hit-a*, лат. *ci-trā* 'по эту сторону', кельт. *cē* (то же). В хеттском это местоимение имеет основу *ki-* только в среднем роде, а в мужском-женском — **ko-(kas)*. Основы на *-i* и *-o* сосуществуют и у некоторых других местоимений (напр., у вопросительного).

На более отдаленный предмет указывали местоимения **ono/eno-*, **oyo/euo-*, **olo-*.

Первое из них имеет огласовку *o* в лит. *anàs*, скр. инстр. *anēna*, *anāyā*, огласовку *e* — в греч. *κεῖνος* (из **ke-enos*), дор. *τῆνος* (из **te-enos*), ἔνν 'послезавтра', нем. *jener*, умбр. акк. *enot*. В славянском преобладает *o* — ст.-слав., русск. **онъ**, польск. *on* и т.д., но есть и следы огласовки *e*: серб. **ено** 'вот то', русск. диал. **эн-тот** 'тот', укр. **ген-ген**, польск. *hen* 'вот там'. В хеттском — также обе огласовки: *annis* и *enis* (ср. р. — *eni*) 'тот'. Хеттские факты показывают, что и это местоимение имело основу не только на *-o*, но и на *-i*.

oyo/euo-*: авест. *aya-*, скр. *as-āu*, ст.-слав. **овъ, польск. *ów* 'тот', серб. **овај** 'тот' и **ево** 'вот то', русск. диал. **эв-тот** 'этот', кашуб. *hevo* 'вот здесь'.

olo-*: др.-лат. *ollus*, ирл. *t-all* 'по ту сторону', ст.-слав. **лани, польск. *łoni* (из **ol-nī*) 'в прошлом году'.

Кроме того, есть указательные местоимения **i-* и **e-*, значения которых трудно определить.

**i-*: лат. *i-s*, *i-d*, гот. *i-s*, *i-t-a*, скр. акк. *im-am*, ср. р. *id-am*.

e-*: лат. акк. *eum*, умбр. *esmei* 'этому', *es-to* 'тот', др.-в.-нем. *er*, слав. **юд-инъ.

Относительное местоимение имело основу **jo-*: скр. *yah, yad*, греч. *ὅς, ὅ, ὅς*, слав. *и-же, ю-же*, лит. *jis* 'тот, он', гот. *ja-bai* 'если'. В литовском оно получило значение указательного местоимения.

Вопросительное местоимение имело основы **k^ui-* и **k^o-*, которые различно были использованы в разных языках. В хеттском, греческом и авестийском — **k^ui-*: хетт. *kuis, kuit*, греч. *τίς, τί*, авест. *cis, cit*. В готском и литовском — **k^o-*: гот. *hwas, hwa*, лит. *kàs*. В санскрите **k^o-* имело значение мужского рода, **k^ui-* — среднего: *kaḥ, kim* (женский род *kā*, как и в других языках, по-видимому, — более позднее образование). Очевидно, так было первоначально и в славянском: *къ-то, чь-то*. В латинском — **k^ui-* (*quis, quid*), но в значении относительного сохранилось и **k^o-* (*quod*). Вопросительное местоимение в некоторых языках имело также неопределенное значение. В греческом значение его под ударением было вопросительным, без ударения — неопределенным. Распространено мнение, что так было и в индоевропейском.

В истории отдельных индоевропейских языков нередко разные местоимения соединялись в одно. Так в славянском образовались местоимения *се-и, то-и, онъ-и, къ-то, чь-то* и др., в санскрите — *as-au* 'тот, та', *e-nam* 'того' (акк.), *e-nad* 'то', в греческом — *κεῖνος* (из **ke-enos*) и др., в латинском — *is-te*, умбском — *es-to*. Сложность латинского *iste* подтверждается тем, что в одной авгуральной формуле засвидетельствована форма акк. множ. ч. жен. р. *eāste*, в которой первая часть еще является склоняемой.

3. НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Из представленного выше обзора склонения личных местоимений видно, что формы косвенных падежей в разных языках имеют мало общего. Это значит, что многопадежное склонение личных местоимений сложилось в эпоху распада праиндоевропейского языка. В эпоху же индоевропейской языковой общности склонение местоимения первого лица состояло только из двух форм — именительного и косвенного падежей, кото-

рые выражались разными основами: в единственном числе — **egho* и **me*, во множественном — **ues* (или **mes*) и **nes/nos/ys*. По-видимому, первоначально эти формы были разными местоимениями. Из основ первого лица единственного числа более древней, по-видимому, является **me*. Это видно из того, что последняя, во-первых, не имеет диалектных различий (в то время как первая была в виде и **egho*, и **ego*, и **ogo*), во-вторых, имеет структуру, аналогичную другим древнейшим основам (второго лица **te*, множ. и двойств. ч. **ye-*, *yo-*, возвр. **se*, указ. **so*, **to*) и, в-третьих, распространена и в языках финно-угорских и алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-манчжурских), что является одним из свидетельств древних контактов праиндоевропейского с этими языками.

Местоимение второго лица в эпоху отделения малоазийского диалекта не склонялось, но в единственном числе существовало в двух вариантах — простом **te* и сложном **te-ye*, **to-ye*, **t-ye*. Они не были падежными формами, как видно из того, что вариант **te* в хеттском получил значение номинатива (*ze-k*), а в остальных индоевропейских диалектах — косвенных падежей. В западных диалектах индоевропейского языка, от которых происходят языки италийские, кельтские, германские, венетский, от этой основы при помощи различных частиц образованы все косвенные падежи. В восточных диалектах некоторые формы косвенных падежей также образованы от этой основы (напр., дат. тонич. **te-bhi* — скр. *tibhyam*, слав. *тебѣ*, прус. *tebbeī*), но большая часть — от сложной основы **te-ye*, от которой происходит и номинатив (скр. ген. *tava*, акк. *tvām* и т.д., греч. акк. *σε* из **tve* и т.д., лит. акк. *tavė*, ген. *tavės* и т.д.).

Таким образом, падежные формы первого лица искони были супплетивными, а формы второго лица не были.

Однако формы, противопоставляемые по значению числа, были супплетивными в обоих лицах. Очевидно, **egho* и **ues* (или **mes*), **tu* (**te*) и **ues/yo/ys* первоначально были разными местоимениями, и категории числа личные местоимения не имели. А наиболее примечательно то, что основы мно-

жественного числа — номинатива первого лица **ues* и всех падежей второго лица **ues/uos/us* различаются только тем, что во второй есть закономерное чередование гласных. По всей вероятности, первоначально это была одна и та же основа. Высказывалось мнение, что в индоевропейском языке, подобно некоторым современным кавказским, дравидским, американским, австралийским, было два местоимения первого лица множественного числа: инклюзивное ('мы с тобой, с вами') и эксклюзивное ('мы без вас'), причем представлены были они одной и той же основой **ues*, а впоследствии эта основа в эксклюзивном значении осталась первым лицом, инклюзивное же перешло в значение второго лица¹. Было высказано и другое мнение, что основа **ues* обозначала коллектив, недифференцированный по лицам².

При сравнении основы **ues* с формами двойственного числа вед. *vām* (*va-am*), слав. *вѣ*, лит. *ve-du*, гот. *wi-t* выявляется более древняя основа **ue*. Сравнение основы **nos* с двойственным числом скр. *nāu*, греч. *ὄν* обнаруживает основу **no*.

Что касается основы первого лица множ. ч. **mes*, то она возникла позже. Это видно из того, что она есть только в восточных диалектах (греч. *ἡ-μεῖς*, скр. акк. *as-mān*, арм. *mekh*, лит. *mēs*, слав. *мы*), и здесь она сосуществует с **ue* (скр. акк. *asmān* — ном. *vayam*, лит. множ. ч. *mēs* — дв. ч. *vė-du*, слав. множ. ч. *мы* — дв. ч. *вѣ*), а также из того, что она образована от основы единственного числа **me*. Она была создана именно как форма множественного числа к местоимению первого лица из основы единственного числа **me* и показателя множественности **-s*.

Эти наблюдения приводят к выводу, что многопадежное склонение личных местоимений развилось в отдельных индоевропейских языках, а в языке-основе существовало только двухпадежное склонение их, причем функции падежей выполняли разные основы. На более раннем этапе развития индоевропейского эти основы были разными местоимениями и не склонялись. Наблюдения показывают также, что личные местоимения образованы от корней **me/mo*, **te/to*, **ue/yo*,

**ne/no*. Такие корни, как показано в главе III, 5, были свойственны только служебным словам, а корни знаменательных слов оканчивались неслоговой фонемой. Все это говорит о том, что в дальней реконструкции местоимения должны быть отнесены к неизменяемым служебным словам.

Супплетивно и склонение указательного местоимения **so*, **sā*, **tod*, причем здесь супплетивность весьма показателна. В мужском и женском роде основа именительного падежа — **so* (жен. р. **sā* — новообразование), основа косвенных падежей — **to*. По-видимому, сначала это были разные местоимения, первое из которых указывало на активно действующий предмет, а второе — на предмет, находящийся в пассивном состоянии. Но в среднем роде основа **to* выражает и именительный падеж. Этим доказывается, что средний род раньше был классом пассивных предметов, а мужской и женский роды развились на основе класса активных предметов.

В дативе и локативе единственного числа мужского и среднего рода неличных местоимений **tosmoi*, **tosmi* и т.п. исследователи обычно выделяют элемент *sm*. Неоднократно предпринимались попытки объяснить происхождение его. Одни возводили его к частице **sme*, другие — к местоимению, родственному хеттскому *-smes*, третьи — к местоимению **sem/som*, которое якобы означало 'тот самый'¹. Но сравнение с формами датива ст.-лит. *tāmui*, слав. *томоу*, др.-в.-нем. *detu* и локатива слав. *томь* показывает, что элемент *m* мог быть и без элемента *s*. По-видимому, это элементы разного происхождения, и ни частицы **sme*, ни местоимения **sem* здесь не было.

Возможно, что это же *s* есть в составе элемента **-sjo-* в санскритских формах женского рода ген. *tasyāḥ*, дат. *tasyāi*, лок. *tasyām*. В соответствующих формах готского языка ген. *pizos*, дат. *pizai* есть *s*, но отсутствует *j*; в старославянской форме *тоѧ*, наоборот, есть *j*, но отсутствует *s*. Это дает основание думать, что **-sjo-* образовалось из сочетания *so* и *jō*. Такого рода сочетание можно предполагать и в окончании генитива муж.-сред. рода **-sjo*, поскольку наряду с ним существует и **-so*.

Формы множественного числа неличных местоимений образованы от основы на **-oi* (напр., **toi*). По-видимому, первоначально эта основа была несклоняемой формой множественного числа.

Следует обратить внимание на то, что неличные местоимения (и некоторые формы личных) имели основы на *-o* (напр., **so*, **to*, **ko*), на *-i* (**ki*, **ki* и др.), на *-oi* (мн. ч. **toi*-, личн. дат. ед. ч. **moi*, **toi*) и на *-u*. Последние есть в санскрите (*amī-m*, *amī-sya*) и хеттском (акк. *ku-n*, *ari-n*, личн. *amī-k*). Эти огласовки имеют и элементы, из которых состоят окончания неличных местоимений: **-so*, **-sio*, **-mi*, **-smi*, **-moi*, **-smoi*, **-tu*, **-smu*. Это наводит на мысль, что окончания единственного числа неличных местоимений образовались из местоименных элементов и их сочетаний.

VI

ГЛАГОЛ

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Грамматическая система глагола в истории отдельных индоевропейских языков подверглась наиболее глубоким изменениям, и поэтому восстановление единой праиндоевропейской системы глагольных форм является наиболее сложной задачей сравнительной грамматики. Формы презента, аориста и перфекта (основы и окончания), а также наклонений, довольно хорошо сохранились в санскрите и древнегреческом, и по этой причине упомянутые языки до недавнего времени служили, а отчасти и продолжают служить, основой для реконструкции праиндоевропейской системы глагола. Однако санскрит и греческий имеют ряд общих новообразований в области глагола: «первичные» окончания медия, аугмент в аористе, имперфект с основами презента и также с аугментом, почти обязательное удвоение в перфекте, плюсквамперфект. Поэтому некритическое пользование данными этих языков в XIX и начале XX в. приводило к тому, что праиндоевропейскому языку приписывалось то, чего в нем не было. Большое влияние на сравнительно-историческое исследование индоевропейского глагола оказало открытие хеттского языка, потому что последний, утратив некоторые черты индоевропейской глагольной системы (напр., противопоставление основ презента и аориста), сохранил некоторые другие, притом довольно архаичные (напр., окончания медия). Внимательно анализируя глагольные формы разных

индоевропейских языков, обнаруживая в результате этого анализа в каждом из них сохранившиеся остатки праиндоевропейских категорий, исследуя их и связывая в систему, сравнительная грамматика приближается к восстановлению реально существовавшего грамматического строя глагола.

В индо-иранских, греческом и древнеславянском языках глагол имеет такие видо-временные категории, как презент или настоящее время, аорист и перфект (в славянском — с заменой старых форм перфекта описательными). Явные следы перфекта и аориста обнаруживаются среди форм латинского перфекта, кельтского прошедшего времени и германского претерита, где эти формы объединились в одну систему. Аорист есть в древнеармянском. Несомненно, что презент, аорист и перфект характеризовали строй глагола в праиндоевропейском языке. Эти категории выражали не только время — настоящее (презент) и прошедшее (аорист), но и характер протекания действия: презент выражал действие длящееся, аорист — действие, рассматриваемое само по себе, как факт, независимо от его длительности, или вообще не длящееся. Это значение устанавливается главным образом на основании греческого языка. В армянском аорист обозначает законченное действие; это значение есть и в санскритском и славянском аористе; вероятно, оно было и в индоевропейском. Перфект выражал состояние, возникшее в результате действия. Напр., в греческом *πέφευγε* значит 'бежал и находится в бегстве', *τέθηκε* — 'расцвел и цветет', *τέθνηκε* — 'умер и мертв', *(ῥ) οἶδε* — 'знает (потому что узнал)'. Поскольку в его значении было два элемента — законченного действия и состояния, возникшего в результате его, в отдельных индоевропейских языках он получил значение не только совершенного прошедшего с результативным оттенком, но и настоящего. Значение настоящего времени перфект чаще всего имеет в гомеровских поэмах; здесь, напр., *(ῥ) οἶδε* значит 'знает', *δέδωκε* — 'смотрит', *ἑστῆκε* — 'стоит', *ἑοικε* — 'подобен'. Изредка это значение встречается в санскрите: *veda* 'знает', *āha* 'говорит' и др. В германских языках ряд глаголов имеет формы, восходящие к перфекту, со значением

настоящего (они называются претерито-презентными): *wait* 'знаю', *lais*, *kann* 'знаю', *parf* 'нуждаюсь', *man* 'думаю' и др. В славянском единственная сохранившаяся от индоевропейского перфекта форма *вѣдѣ* 'знаю' относится к настоящему. По-видимому, в индоевропейском перфект не имел временного плана.

В хеттском нет этой категории, но есть особое спряжение (на *-hi*, одно из двух спряжений хеттского глагола), в котором формы презента имеют некоторые общие черты с индоевропейским перфектом. Очевидно, здесь перфект получил значение настоящего времени, и потом к этому настоящему были образованы новые формы прошедшего, в результате чего возникло особое спряжение. Вместе с тем к окончаниям перфекта восходят и некоторые окончания претерита обоих спряжений. По-видимому, в хеттском перфект получил разные временные значения.

Аориста в хеттском нет, но поскольку согласное свидетельство других индоевропейских языков говорит о том, что в праиндоевропейском он был, очевидно, в хеттском он исчез. Вернее, здесь сгладились различия между основами презента и аориста, а пережитки «вторичных» окончаний, свойственных аористу, есть в окончаниях претерита, где они существуют наряду с окончаниями перфектного происхождения.

Таким образом, в праиндоевропейском глаголе сочетались значения длительности действия и настоящего времени (презент), недлительности или законченности действия и прошедшего времени (аорист). Противопоставление длительности-недлительности выражалось основами глагола, как видно из того, что оно было не только в личных формах, но и в инфинитивах и причастиях; противопоставление времен выражалось окончаниями. Окончания презента со времен Бопла принято называть первичными, аориста — вторичными. Так называли их потому, что в свое время думали, что окончания презента древнее других. Впоследствии выяснилось, что в действительности было наоборот, но термины эти уже настолько прочно вошли в обиход, что их употребляют и

теперь, заключая обычно в кавычки, чтобы не забывать об их чистой условности. Называть же эти окончания просто окончаниями презента и аориста неудобно, потому что первые из них были свойственны также конъюнктиву, а в индо-иранском и греческом — и футуру, а вторые — также оптативу (в индо-иранском и греческом — и имперфекту).

В индо-иранском и греческом есть формы прошедшего времени со значением длительности действия. Они, естественно, образованы от основ презента с «вторичными» окончаниями. Их называют имперфектом. Но в других индоевропейских языках они отсутствуют и, очевидно, являются греко-индо-иранским новообразованием. Есть имперфект и в некоторых других языках (латинском, славянском), но в каждом из них он образован по-своему и возник самостоятельно.

В греческом, индо-иранском и балтийском есть будущее время с суффиксом **-so* или **-sjo-*. В праиндоевропейском эти формы существовали (по крайней мере, на последнем этапе), но имели модальное (условно-желательное) значение. Такое значение они сохранили в латинском и ирландском языках (лат. *faxit* 'он сделал бы', др.-ирл. *tēis* из **steikset* 'он шел бы').

Итак, в праиндоевропейском презент и аорист противостояли друг другу как видо-временные категории. Обе они вместе противостояли перфекту, который не имел ни видового, ни временного значения. Противопоставление презента-аориста перфекту уходит своими корнями в далекое прошлое праиндоевропейского языка, и для раскрытия его сущности понадобились многочисленные исследования. Этот вопрос рассматривается в разделе о перфекте.

С презентом и аористом связаны и различные наклонения. Они образованы от тех же основ при помощи «первичных» или «вторичных» окончаний (за исключением императива, который имел свои особые окончания).

Немаркированное наклонение, т.е. обычные формы презента и аориста, называются индикативом (изъявительным наклонением). Кроме него, существовали еще конъюнктив или сослагательное наклонение, оптатив или желательное, императив или повелительное.

Конъюнктив обозначал действие предполагаемое, иногда — желаемое. Оптатив — действие желаемое, иногда — возможное. Различие между их значениями не всегда ясно. Императив же имел значение ясное и определенное: он выражал приказание или просьбу.

Залогов было два: актив или действительный и медий или средний. Они выражались разными окончаниями. Медий сохранился в хеттском, греческом, индо-иранских и тохарских языках. В италийских, кельтских, готском его формы получили значение пассива. В других языках он также имел тенденцию переходить в пассив. В греческом медий нередко употреблялся и в пассивном значении, и чем дальше, тем больше. Такие случаи были и в хеттском. В санскрите пассив образован из медия при помощи суффикса *-ya-*. Причиной этой тенденции была, вероятно, неопределенность значений медия. В хеттском переходные глаголы с медиальными окончаниями получают непереходное значение (напр., *ninikzi* 'поднимает' — *niniktari* 'поднимается', *nāi* 'направляет, обращает' — *nejari* 'обращается'); в греческом медий имел преимущественно такое же значение, но иногда — и возвратное или взаимное и во многих случаях выражал действие, производимое субъектом в свою пользу; как уже упоминалось, имел он и страдательное значение; в санскрите и авестийском основное значение медия — действие, производимое субъектом в свою пользу, но есть и непереходное и возвратное значения. Первоначальное значение медия устанавливается только путем специальных исследований.

В области глагола словообразование трудно отделить от формообразования. Так, тематический гласный *e/o*, который в именах сужит словообразовательным средством, в глаголе отчасти также выполняет эту функцию (срв. скр. *diçāti* 'указывает' и *diç-* — 'сторона', *pari-vrājati* 'ходит, странствует' и *pari-vraj-* — 'отшельник'), но вместе с тем он отличает презент и аорист от перфекта, который всегда имеет нетематическую основу. Суффикс **-je/jo* служит для образования глаголов от имен и других глаголов, напр., скр. *apasyāti* 'действует' от *āpas-* 'дело', греч. *τελέω* (из **τελεσιω*) 'окан-

чиваю' от *τελεσ- 'конец', но он есть только в презенте (и некоторых других формах, образованных от основы презента), и тем самым он отличает презент не только от перфекта, но и от аориста (срв. ст.-слав. през. **знаѣ** и аор. **знахъ**, през. **пишѣ** и аор. **писахъ**, греч. през. $\beta\acute{\alpha}\lambda\omega$ из * $\beta\acute{\alpha}\lambda\omega$ 'иду' и аор. $\epsilon\beta\eta\nu$, през. $\tau\acute{\iota}\mu\alpha\omega$ из * $\tau\acute{\iota}\mu\alpha\omega$ 'ценю' и аор. $\epsilon\tau\acute{\iota}\mu\eta\sigma\alpha$). Суффикс *-ske/sko также является словообразовательным и вместе с тем отличает презент от аориста, напр., скр. през. *gáchatī* 'идет' и аор. *ágamat*, греч. през. $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$ 'нахожу' и аор. $\epsilon\upsilon\beta\omicron\nu$. Поэтому, рассматривая глагол, мы не выделяем особо словообразование и приступаем непосредственно к изучению грамматических категорий, присущих глаголу, рассматривая в каждой из них как основы, так и окончания, характеризующие ее.

Такие категории, как презент, аорист, перфект рассматриваются в этой главе только в пределах действительного залога. В греческом и индо-иранских языках они имеют и медиальные окончания, но это не общиндоевропейская черта. В греческом и индо-иранских окончания меди, как и актива, разделяются на «первичные» и «вторичные»; перфект меди особых окончаний не имеет, но выражается «первичными» окончаниями (медиальными). Таким образом, парадигма меди параллельна парадигме актива: она состоит из аналогичных временных и модальных парадигм. Но хеттский медий, итальянский, кельтский и готский пассив имеют только один ряд окончаний. Некоторый параллелизм с парадигмой актива в хеттском, итальянском и кельтском достигнут за счет различных новообразований. Анализ индоевропейских форм меди и пассива, изложенный ниже, в соответствующей главе, показывает, что в эпоху индоевропейского языкового единства медий имел один ряд окончаний, и видо-временных категорий в нем первоначально не было.

2. ПРЕЗЕНТ

Основы

Презент отличался от аориста и перфекта не только окончаниями, но и основами. Однако основы его не имели какого-нибудь общего, постоянного признака; у разных глаголов

они были различными. В противоположность презенту перфект имел постоянный характер основы: нетематическую основу с корневой огласовкой *o* в формах единственного числа и с редуцированной огласовкой во множественном. Благодаря этому презент четко отличался своими основами от перфекта; но такого четкого отличия от основ аориста у него не было, потому что основы аориста также не отличались единообразием. Все же у одних и тех же глаголов основы презента и аориста не совпадали.

Несколько глаголов имели в презенте корневую основу. Таковы глаголы:

*es- 'быть': скр. *asti* 'есть', греч. $\epsilon\sigma\tau\acute{\iota}$, слав. **юсть**, ст.-лит. *ēsti*, хетт. *eszi*, лат. *est*, гот. *ist*;

*ed- 'есть': скр. *ati* 'ест', др.-рус. **ѣсть**, лит. *ēda*, латыш. *ēst*, хетт. *etmi* 'ем';

*ei- 'идти': скр. *eti* 'идет', греч. $\epsilon\acute{\iota}\sigma\iota$, ст.-лит. *eiti*, латыш. *īi*;

*es- 'сидеть': скр. *āste* 'сидит', греч. $\eta\sigma\tau\alpha\iota$, хетт. *eszi*;

*kei- 'лежать': скр. *śete* 'лежит', греч. $\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$, хетт. *keta-ri*;

*g^hen- 'бить': скр. *hanti* 'бьет', хетт. *kuenzi*, греч. $\theta\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota$, лат. *de-fendit* 'отражает';

*ues- 'одеваться': скр. *vaste*, греч. $(\bar{\nu})\epsilon\sigma\tau\alpha\iota$.

Некоторые корневые основы имели в презенте удвоение:

*dheh → dhē- 'класть': скр. *da-dhā-ti*, греч. $\tau\acute{\iota}-\theta\eta-\sigma\iota$, ст.-лит. *de-s-te* 'кладете';

*doh → dō- 'давать': скр. *da-dā-ti*, греч. $\delta\acute{\iota}-\delta\omega-\sigma\iota$, др.-рус. **дас-ть**, ст.-лит. *duos-ti*;

*stah → stā- 'стоять': скр. *ti-śtha-ti*, греч. $\tau\acute{\iota}-\sigma\tau\eta-\sigma\iota$;

*g^hah → g^hā- 'идти': скр. *ji-gā-ti* 'идет', греч. $\beta\acute{\iota}-\beta\eta-\sigma\iota$;

*pelh- 'наполнять': скр. *pi-par-ti*, гот. $\pi\acute{\iota}\mu-\pi\lambda\eta-\sigma\iota$.

Как видно из примеров, удвоение состояло не в простом повторении корня. Повторялся только начальный согласный с гласным, причем этот слог помещался перед полным корнем. Гласный обычно заменялся на *i* (в санскрите он иногда сохранялся, напр., *dadhāti*, *dadāti*). Придыхательный согласный утрачивает придыхание (*dadhāti*, $\tau\acute{\iota}\theta\eta\sigma\iota$). Если ко-

рень начинается с двух согласных, то в удвоительном слого остается только первая их них, но в сочетании *st* в санскрите сохраняется вторая (напр., *tiṣṭhāmi* 'стою' при авест. *hiṣ-tāmi*, греч. *ἵστημι* из **si-stā-mi*, лат. *sistō*).

Во всех индоевропейских языках многочисленны глаголы, у которых основа настоящего времени состоит из корня и тематической гласной *e/o*. Они разделяются на две группы. В первой, более многочисленной, корень находится под ударением и в связи с этим имеет полную огласовку; глаголы второй группы имеют ударение на тематической гласной и редуцированную огласовку корня.

Примеры глаголов первой группы:

bher-e-* 'нести': скр. *bhāratī*, греч. *φέρει*, др.-рус. **береть, гот. *balriþ*, ирл. *berid*, лат. *ferō*;

yegh-e-* 'тащить, везти': скр. *vāhati*, др.-рус. **везеть, лит. *vėža*, лат. *vehit*, др.-в.-нем. *wigit*;

beudh-e-* 'бодрствовать': скр. *bōdhati* 'бодрствует, узнаёт', греч. *πύθεται* 'узнаёт', гот. *-biudīþ*, слав. **блудеть;

**sek^u-e-* 'следовать': скр. *sācate*, греч. *ἑπεται*, лат. *sequitur*, лит. *sekū*.

Основы презент с ударением на тематическом гласном и редуцированной огласовкой корня больше всего представлены в санскрите и славянском. В санскритской грамматике эти глаголы выделяются в шестой класс: *tudāti* 'ударяет', *viçāti* 'входит', *srjāti* 'отпускает', *kṛṣāti* 'пашет', *kirāti* 'сыплет' и др. В славянских языках такой тип основы имеют глаголы **рѣветъ**, **жънетъ**, **жьметъ**, **пънетъ**, **по-чънетъ**, **мьретъ**, **жьдетъ**, **чьтетъ**, **цвьтетъ** и др. Глаголы этого типа есть и в балтийских языках: лит. *riū* 'связываю', *sukū* 'верчу', *minū* 'ступаю', *pinū* 'плету', *imū* 'беру', *plakū* 'быю' и др. В греческом такие основы бывают обычно в аористе: в настоящем времени они сохранились лишь у единичных глаголов, причем ударение передвинулось на корень: *ἵδω* 'иду', *ῥέζω* 'вырезаю', *ῥέζω* 'ем', *φρέζω* 'сушу, жарю'; ударение на тематической гласной сохранилось в отдельных случаях в повелительном наклонении: *ἰδέ* 'гляди', *λαβέ* 'возьми' и др.

Были и тематические основы с удвоением, но примеров сохранилось мало: греч. *γί-γνο-μαι* 'рождаюсь', лат. *gi-gn-ō* 'рождаю'; греч. *μῆ-μνω* 'остаюсь', *ἵσχω* (из **si-sghō*) 'держу'; вед. *sa-çca-ti* 'следует', скр. *ji-ghna-te* 'бьет', *ji-ghra-ti* 'пахнет' и некоторые другие.

Основы с инфиксом **-ne/n-* сохранились в индо-иранских языках, греческом, хеттском, латинском и балтийских. Они преимущественно нтематические. Инфикс **-ne/n-* вставляется перед последней фонемой корня. Он встречается перед конечной смычной согласной корня, перед *u* и «ларингальной».

Все три разновидности представлены в санскрите. Глаголы с инфиксными основами на смычную объединяются в санскритской грамматике под названием седьмого класса; это глаголы типа *yunākti* (из **ju-ne-g-ti*) 'соединяет', *bhinākti* 'рассекает', *chīnākti* 'отрезает' и др. Глаголы с двусложным корнем на *-u* относятся к пятому классу: *vrñōti* 'покрывает, закутывает' (из **uḷ-ne-u-ti*, от корня **uelu/yleu*), *stññōti* 'простирает' (из **stñ-ne-u-ti*, от корня **steru/streu*), *çññōti* 'слышит' (из **kḷ-ne-u-ti*, от корня **kelu/kleu*). Глаголы, имевшие в праиндоевропейском двусложный корень на «ларингальную», выделены в девятый класс. «Ларингальная» в этих глаголах по-разному изменялась в зависимости от огласовки инфикса. В тех формах, в которых инфикс был в виде *-ne-*, ларингальная исчезала, а предшествующее *e* (инфикса) переходило в *ā*, и получался как бы суффикс *-nā-*. В тех же формах, в которых инфикс состоял из одного **-n-*, «ларингальная», оказавшись между двумя согласными, вокализовалась в *i*. Напр., от корня **reuḥ-* 'очищать' образовались формы единственного числа *rināmi*, *rināti* (из **ri-ne-h-mi*, **ri-ne-h-ti*), но первое лицо множ. числа — *rinīmaḥ* (из **ri-n-h-mos*); от **menth* 'взбалтывать' — первое лицо ед. ч. *mathnāmi* (**mñt-ne-h-mi*), множ. ч. — *mathnīmaḥ* (**mñt-n-h-mos*).

В греческом инфикс **-ne/n-* есть в корнях на *u* и на «ларингальную». На *u*: *στέρνυμι* 'простираю, стелю', *δρύνυμι* 'поднимаю' и др., а по аналогии — и *ζεύνυμι* 'соединяю, запрягаю', *δείκνυμι* 'показываю' и др. На «ларингальную»:

δάμνημι, дор. δάμνημι 'укрошаю, подчиняю' (множ. ч. δάμνημεν), πέρνημι 'просверливаю' (множ. ч. πέρνημεν). В хеттском — в корнях на смычную (*har-ni-k-zi* 'разрушает', *ni-ni-k-zi* 'поднимает') и на *u* (*ar-n-u-zi* 'приносит, доставляет', *wah-n-u-zi* 'поворачивает'); здесь эти основы получили каузативное значение. В латинском языке основы с носовым инфиксом — тематические: *jungō* 'соединяю', *findō* 'раскалываю', *pingō* 'рисую', *linquō* 'оставляю' и др. То же самое — в балтийских языках: лит. *limpū* 'клею', *švintū* 'становлюсь светлым', *snīga* 'идет снег', прус. *po-linka* 'остаётся' и др. В славянском — лишь единичные остатки: ст.-сл. **мѣтъ**, **сѣдѣ**.

Некоторые глаголы имели основу настоящего времени с редуцированной огласовкой корня и суффиксом **-je/jo/*. Они обозначали состояния. В славянском и балтийском суффикс в этих глаголах сохранился в нетематическом виде (*i*), причем в славянском — с удлинением: ст.-слав. **мѣнѣтъ**, **бѣдитѣ**, **смръдитѣ**, **сѣпѣтъ**: лит. *mīni* 'вспоминает', *būdi* 'бодрствует', *smirdi* 'воняет'. В греческом и индо-иранских языках суффикс имеет тематическую форму. Греч. *χαίρω* (из **gharjō*) 'радуюсь', *φαίνομαι* 'являюсь', *φράζομαι* 'думаю, понимаю' и др. То, что в этих глаголах был именно данный суффикс, а не вторичный суффикс **-je/jo*, о котором речь идет ниже, видно из значений и редуцированной огласовки корней. В санскрите эти основы образовали страдательный залог: *badhyāte* 'связывается', *dīyāte* 'дается', *prchyāte* 'спрашивается'; лишь в единичных случаях они сохранили старое значение и окончания актива: *lubhyati* 'желает', *pīyati* 'воняет' и др.

Был и другой суффикс **-je/jo*, выполнявший словообразовательную функцию. Он служил главным образом для образования глаголов от имен (но только в формах презента и производных от них): скр. *apasyāti* 'действует' (*āpas* — 'дело'), *namasyāti* 'почитает' (*nāmas* — 'почтение'), *devayāti* 'поклоняется' (*deva* — 'бог'), *vasnayāti* 'торгует' (*vasna* — 'цена') и др.; греч. *τελέω* (**τελεσιω*) 'оканчиваю' (*τελεσ-* — 'конец'), *ὀνομαζίνω* (**ονομαζινω*) 'называю' (*ὄνομα* — 'имя'),

ἐλπίζω (**ἐλπιδιω*) 'надеюсь' (*ἐλπιδ-* — 'надежда'), *μηνίω* 'гневаюсь' (*μῆνις* — 'гнев') и др.; лат. *albeo* 'белею' (*albus* — 'белый'), *seneo* 'старею' (*senex* — 'старый'), *custodio* 'стерегу' (*custod-* — 'сторож'), *compedio* 'закрываю в оковы' (*com-ped-* — 'оковы') и др.; гот. *rikizja* 'затмеваясь' (*rikis* — 'тьма'), *namnja* 'называю' (*namin* — 'имя'), *weitwodjan* 'свидетельствовать' (*weitwops* — 'свидетель') и др.; лит. *dagūoju* 'жну' (*dāgas* 'жатва'), *senėju* 'старею' (*sėnas* 'старый') *pāsakoju* 'рассказываю' (*pāsaka* 'рассказ') и др.; слав. глаголы (от глаголы), **сѣлѣтъ** (**сѣлѣ**), **кѣраѣтъ** (**кѣра** — 'война'), **клевещѣтъ** (**клевѣта**). В славянском распространился тип на **-āje-*: **работѣтъ**, **дѣлаѣтъ**, **оугнѣтаѣтъ**, **знаменаѣтъ** и др. Элемент *-a-* здесь именного происхождения; он возник или в результате обобщения суффикса **-ā-* (таких основ, как **работа**), или вследствие удлинения и обобщения тематического гласного *-o* (таких основ, как **дѣло**). Есть также основы на **-ēje-*: **оумѣтъ**, **ослабѣтъ**; русск. **старѣтъ**, **бѣлѣтъ**; также в литовском — *senėju* 'старею'; элемент **-ē-* является, очевидно, результатом удлинения тематического гласного. В греческом распространилось образование на **-eu-je-*: *βασιλεύω* 'царствую', *ἵππεύω* 'езжу верхом', *θερραπέυω* 'прислуживаю' и др., видимо, от основ на *-eu* в роде *βασιλεύς*. Аналогичный тип есть в славянском: **коупоуѣтъ**, **бѣсѣдоуѣтъ**, **воюѣтъ** и др.

Некоторые глаголы с этим суффиксом образованы от других глагольных основ: скр. *dediçyāte* 'показывает' (от *dēdiçte* 'показывает'), *snāyate* 'купается' (от *snāti*), *carcūryāte* 'движется' (от *cārati*); греч. *θαίνω* 'бью' (срв. скр. *hanti*, хетт. *kwenzi*); лит. *jūngiu* 'привязываю' (срв. лат. *jungō*); слав. **знаѣтъ** (срв. лат. *nosco*), **вѣѣтъ** (срв. скр. *vāti*), чаще всего — на *-āje-* — **падаѣтъ** (от **падетъ**), **сѣбираѣтъ** (от **сѣберетъ**) и др. Есть также непроизводные глаголы на **-je/jo*: скр. *paçyati* 'смотрит', *trāyate* 'защищает', греч. *ταίνω* 'тяну', *σχιζέω* 'раскалываю', лит. *liežiū* 'лижу', слав. **колѣтъ** (из **kol-je-ti*), **лижетъ**, **пишетъ**, **мелѣтъ**, **борѣтъ** и др. Впрочем, возможно, что эти глаголы образовались от утраченных имен или других глаголов, срв. скр. *paçyati* и лат.

au-srex 'птицегадатель' (т.е. 'смотрящий на птиц'), греч. *σχίζω* и скр. *-chid* 'разбивающий'.

Суффикс **-ske/sko* был словообразовательным: греч. *γηράσκω* 'старею' (от *γῆρας* 'старость'), *μέθυσκω* 'пьянею' (от *μέθυ* 'медовое вино'), *βήσκω* 'иду' (срв. *βήνω*), *εὕρισκω* 'нахожу' (срв. *εὕρησκω* 'найду'); скр. *gacchati* 'идет' (срв. *āgan* 'пришел'), *přcchati* 'спрашивает' (срв. тох. *prakwā* 'я спрашивал'), *icchati* 'желает'; лат. *rubescō* 'краснею' (*rubeō* 'я красен'), *ob-dormiscō* 'засыпаю' (*dormio* 'сплю'), *hiāscō* 'раскрываюсь' (*hiao* 'зеваю'), *tepesco* 'нагреваюсь' (*tepeō* 'я теплый'); гот. *þriska*, др.-в.-нем. *drisku* 'молочу', др.-в.-нем. *eisku* 'спрашиваю', *forsku* 'ищу'; слав. ищет (из **isketi*). В хеттском суффикс *-ske* получил итеративное (повторительное) значение: *daskizzi* 'берет (часто)', *peskizzi* 'дает (обычно)', *appiskizzi* 'хватает', *hatreskizzi* 'пишет', *akkuskizzi* 'пьет' и др.

В итальянских, славянских и балтийских языках есть основы презента на **-ā* со значением длительности, интенсивности. Примеры из латинского языка: *incubāre* 'лежать на чем-нибудь' (при *incumbere* 'ложиться на'), *educāre* 'воспитывать' (*dūcere* 'вести'), *occupāre* 'занимать, захватывать' (*capere* 'брать'), *prōfligāre* 'сокрушать' (*fligere* 'ударять'). В латинском эти основы объединились в одном спряжении с основами, образованными от имен на *-ā* посредством суффикса **-je/jo*, и с корневыми основами на *-ā* (первое спряжение). В славянском суффикс *-ā* сочетался с *-je/jo*: **мѣтають, оугнѣтають, двигаютъ**. В балтийском основы на **-ā* получили значение прошедшего времени: *būvo* 'он был', *liko* 'оставил'. Поскольку отдельные случаи таких основ встречаются и в других языках, напр., др.-ирл. *scaraim* 'отделяюсь', арм. *keam* 'живу', можно предполагать, что и это образование восходит к праиндоевропейскому.

В некоторых индоевропейских языках есть основы с суффиксом **-ne/no*: слав. **станетъ, двигнетъ, млькнетъ, гибнетъ, тонетъ**; лит. *aiñni* 'одеваюсь', *gāñni* 'получаю', *būdini* 'бужу'; греч. *πίνω* 'пью', *δάχνω* 'кусаю', *ἐλάνω* 'гоню'; арм. *dñem* 'кладу', *lkhanem* 'оставляю'; гот. *fraiha* 'спрашиваю', лат. *cernō* 'отделяю', *linō* 'мажу', *sinō* 'позволяю'. Однако

нет основания возводить их к праиндоевропейскому. То обстоятельство, что некоторые из них образованы от основ аориста, напр., слав. **ста-не-тъ** (срв. аорист скр. *ástihāt*, греч. *ἔστη*), арм. *dñem* (срв. скр. *ádihāt*), *lkhanem* (срв. греч. *ἔληπε*), греч. *πίνω*, лит. *aiñni*, говорит о том, что образование их относится к тому времени, когда презент стал отличаться от аориста не столько основой, сколько окончаниями, что не было свойственно праиндоевропейскому. О позднем происхождении этих основ говорит и значение недлительности, свойственное большинству их в славянском (в праиндоевропейском основы презента имели значение длительности).

Основы с корневой огласовкой *o* и суффиксом **-ejo* не только выражали настоящее время, или — раньше — длительность, но имели особое значение, каузативное, т.е. обозначали, что субъект не сам производит действие или испытывает состояние, а принуждает к этому другого: скр. *bodháyati* 'будит' (при *bódhati* 'бодрствует'), *varáyati* 'вращает' (*vártate* 'вращается'), *svapáyati* 'усыпляет' (*svápiti* 'спит'), *vacáyati* 'приглашает говорить' (*vákti* 'говорит'); греч. *φοβέω* 'пугаю' (*φέβομαι* 'боюсь'); лат. *monéo* 'заставляю думать, наставляю' (*me-min-i* 'помню'), *sōpio* 'усыпляю' (срв. скр. *svápiti* 'спит'), *spondeo* 'обещаю' (срв. греч. *σπένδω* 'совершаю возлияние'); гот. *satja* 'сажаю' (*sita* 'сизжу'), *lagja* 'кладу' (*liga* 'лежу'). В славянском суффикс **-ejo* редуцировался и перешел в *-ī*: **боудить** (срв. **бѣдить**), **вратить** (**вѣртить** с_а), **поить** (**пѣть**). Некоторые глаголы с этой основой имели значение длительности, повторности: скр. *patáyati* 'летает' (при *pátati* 'летит'); греч. *φορέω* 'ношу' (*φέρω* 'несу'), *τροπέω* 'поворачиваю сюда и туда' (*τρέπω* 'поворачиваю'), *σκοπέω* 'смотрю' (*σέπτωμι* — то же); гот. *wagja* 'двигаю сюда и туда' (*ga-wiga* 'двигаю'); в славянском это значение преобладает — **возить** (**везетъ**), **носить** (**несетъ**), **гонить** (**женетъ**), **грабить** (**гребетъ**).

Спряжение

В спряжении были некоторые различия между глаголами тематическими и нетематическими; поэтому берем примеры одних и других. В хеттском языке это различие не проявляется

ся, и из хеттского берем только один глагол. В качестве примера нетематических глаголов берем *esmi* 'есмь'. В хеттском этот глагол засвидетельствован не во всех личных формах, вследствие чего из хеттского берем глагол *meri* 'хватаю'.

Санскрит Греческий Литовский Старослав.
(старые формы)

Ед. ч.	1 л.	<i>ásmi</i>	εἰμί	<i>esmi</i>	юсмь
	2 —, —	<i>ási</i>	εἶ, ἐσσί	<i>esi</i>	юси
	3 —, —	<i>ásti</i>	ἐστί	<i>esti</i>	юсть
Множ. ч.	1 —, —	<i>smáh</i>	εἰμέν, ἐσμέν	<i>esme</i>	юсмь
	2 —, —	<i>sthá</i>	ἐστέ	<i>este</i>	юсте
	3 —, —	<i>sánti</i>	εἰσί, ἐντί	<i>esti</i>	схть
Дв. ч.	1 —, —	<i>sváh</i>		<i>esvā</i>	юсвѣ
	2 —, —	<i>stháh</i>	ἐστόν	<i>estā</i>	юста
	3 —, —	<i>stáh</i>	ἐστόν	<i>esti</i>	юсте

		Латинский	Готский	Хеттский
Ед. ч.	1 л.	<i>sum</i>	<i>im</i>	<i>epmí</i>
	2 —, —	<i>es</i>	<i>is</i>	<i>epsi</i>
	3 —, —	<i>est</i>	<i>ist</i>	<i>epzi</i>
Множ. ч.	1 л.	<i>sumus</i>	<i>sijum</i>	<i>epweni</i>
	2 —, —	<i>estis</i>	<i>sijup</i>	<i>epteni</i>
	3 —, —	<i>sunt</i>	<i>sind</i>	<i>apanzi</i>
Дв. ч.	1 л.		<i>siju</i>	
	2 —, —		<i>sijuts</i>	
	3 —, —			

Из тематических берем глагол **bherō* 'несу' или **meghō* 'везу'.

Санскрит Греческий Литовский Старослав.

Ед. ч.	1 л.	<i>bhárāmi</i>	φέρω	<i>vežū</i>	берѣ
	2 —, —	<i>bhárasi</i>	φέρεις	<i>veži</i>	береши
	3 —, —	<i>bhárati</i>	φέρει	<i>vēža</i>	береть
Множ. ч.	1 —, —	<i>bhárāmaḥ</i>	φέρομεν	<i>vēžame</i>	беремъ
	2 —, —	<i>bháratha</i>	φέρετε	<i>vēžate</i>	берете
	3 —, —	<i>bháranti</i>	φέρουσι	<i>vēža</i>	берѣтъ

Дв. ч.	1 л.	<i>bhárāvaḥ</i>		<i>vēžava</i>	беревѣ
	2 —, —	<i>bhárathaḥ</i>	φέρετον	<i>vēžata</i>	берета
	3 —, —	<i>bhárataḥ</i>	φέρετον	<i>vēža</i>	берете

Латинский Готский

Ед. ч.	1 л.	<i>vehō</i>	<i>baira</i>
	2 —, —	<i>vehis</i>	<i>bairis</i>
	3 —, —	<i>vehit</i>	<i>bairip</i>
Множ. ч.	1 —, —	<i>vehimus</i>	<i>bairam</i>
	2 —, —	<i>vehitis</i>	<i>bairip</i>
	3 —, —	<i>vehunt</i>	<i>bairand</i>
Дв. ч.	1 —, —		<i>bairo</i>
	2 —, —		<i>bairats</i>
	3 —, —		

Сравнение показывает, что окончание первого лица ед. ч. нетематических глаголов было **-mi*. В латинском и готском языках оно сохранилось только в том глаголе, какой взят для примера, причем утратило гласный. У тематических глаголов греч., лат. *-ō*, лит. *-u* и гот. *-a* отражают праиндоевр. **-ō*. Это окончание было и в индо-иранском, и отражением его в санскрите является долгота тематического *-a-*, которая по аналогии распространилась на первое лицо множ. и двойств. числа. Но в санскрите к нему было присоединено еще окончание нетематических глаголов *-mi*. Славянское окончание *-ъ* восходит к **-om*. Его объясняют как результат присоединения к окончанию **-ō* «вторичного» окончания **-m*.

Окончание второго лица ед. ч. нетематических и тематических глаголов было **-si*. В славянском оно сохранилось без изменения согласного в нетематических глаголах, а в тематических *s* перешло в *x* и дальше — в *ž*. По фонетическим условиям этот процесс мог произойти в глаголах с основой на *-i*. На остальные глаголы он распространился, вероятно, по аналогии. Но краткое *i* в славянском давало *ь*. И действительно, в древнерусских памятниках наряду с окончанием *-и* встречается и *-ь*. Окончание *-ž* широко распространено и в других славянских языках. Но нетематическое было только в виде *-si*. Его возводят к окончанию меди **-sai*.

Греческое *-εις* объясняют обычно так: между двумя гласными *ς* выпало и форма второго лица совпала с третьим на *-εις*; чтобы устранить совпадение, к форме второго лица было присоединено «вторичное» окончание *-α*. Затруднение вызывает литовское окончание тематических глаголов *-i*, которое восходит, по-видимому, к **-ei*. В связи с этим А. Мейе и греческое *-εις* рассматривает как отражение индоевропейского **-ei* и последнее считает праиндоевропейским окончанием тематических глаголов, а **-si* — перенесенным из нетематических. Но более вероятно, что окончание **-ei* было диалектной особенностью.

Окончание третьего лица ед. ч. нетематических и тематических глаголов **-ti*. В латинском и германских оно, как и окончание второго лица, утратило гласный. В славянских языках ему точно соответствует древнерусское *-тъ*. В старославянском конечный *-ъ* возник по особым причинам; его объясняют по-разному. В хеттском *ti* закономерно дано *zi*. Но в диалектах существовала и форма третьего лица без окончания. Она отражается прежде всего в греч. форме тематических глаголов (*φέρει*). Как увидим при сравнении с окончаниями аориста, окончание *-ti* состоит из показателя лица *t* и показателя настоящего времени *i*. В греч. *φέρει* элемент *i* присоединен непосредственно к тематической основе, а личного окончания *t* нет. Форму третьего лица без окончания имеют тематические глаголы в балтийских языках (лит. *vėžā*); она широко распространена и в славянских (укр. *несе*, польск. *niesie*, чешск. *nese*, серб. *несе*, болг. *носи*).

Первое лицо множ. ч. обозначалось окончанием **-mes/mos*. Огласовка *e* отражена в греч. *-μεν* и *-μες* (последний вариант был в дорийском и западных диалектах), лит. *-me*; огласовка *o* — в лат. *-mus* и слав. *-мъ*. Скр. *-mah* и гот. *-m* могут отражать и то, и другое. Хеттские различные формы первого лица множ. числа отражают окончание **-ues/uos*. В окончании прошедшего времени *-wen* конечное *s* заменено на *n*, как и в греческом *-μεν*. В настоящем времени к этому окончанию прибавлен еще показатель времени *-i*. Без изменения

согласного, в виде **-uos*, оно представлено в окончании медины *-was-ta*. Оно имеет явную связь с окончанием двойственного числа **-ues/uos*.

Окончание второго лица множ. ч., по согласному свидетельству всех языков, было **-te*. В хеттском к нему прибавлено *-ni* по аналогии с окончанием *-weni*. Конечное *s* в латинском *-tis* — неизвестного происхождения.

В отношении окончания третьего лица множ. ч. также нет расхождений: все языки отражают **-nti*. Изменения, происшедшие в нем в отдельных языках, аналогичны изменениям в форме того же лица единственного числа. В балтийских языках соответствующей формы нет; здесь форма третьего лица единственного числа стала обозначать также множественное и двойственное число.

Окончания первого лица двойств. ч. скр. *-vah*, лит. *-va*, слав. *-вѣ*, гот. *-ōs* дают возможность восстановить предположительно архетип **-ues/uos*. Но в окончаниях второго и третьего лица двойств. ч. общим во всех языках является только согласный *t*.

Тематические и нетематические глаголы различались местом ударения. У тематических место ударения было постоянным: одни имели ударение на корне, другие — на тематическом гласном, но во всех личных формах оно было одинаково. У нетематических глаголов место ударения менялось. Санскритские и германские парадигмы показывают, что в формах единственного числа ударение было на основе, в формах множественного и двойственного — на окончании, в связи с чем корневая огласовка во множественном и двойственном числах редуцировалась. Срв. скр. *āsmi*, *āsi*, *āsti*, но — *smaḥ*, *stha*, *sānti*. В этом глаголе ударение на окончании и редукция корневой огласовки сохранились в других языках в третьем лице множ. ч.: греч. *ἐντί*, слав. *сѣтъ*, лат. *sunt*.

3. АОРИСТ

Основы

Основы аориста не имели в своем составе словообразовательных суффиксов и вообще были непроемкими. Поэтому они и менее разнообразны, чем основы презент.

Ряд глаголов имеют в аористе корневую основу. Это глаголы с корнями на долгую гласную:

**dheh* → **dhē* 'класть' — скр. *ád dhāt*, греч. ἔθη-xx, арм. *ed*;

**doh* → **dō* 'давать' — скр. *ádāt*, греч. ἔδω-xx, арм. *et*, слав. да;

**stah* → **stā* 'стоять' — скр. *ást hāt*, греч. ἔστην, слав. ста;

**g^hah* → **g^hā* 'идти' — скр. *ágāt*, греч. ἔβην.

Были и глаголы с тематической основой аориста. В отличие от тематических основ презента, эти основы аориста всегда имели ударение на тематическом гласном и редуцированную огласовку корня. В греческом и индо-иранском, где сохранились эти основы, аорист имеет особый префикс *-e-, называемый аугментом, который перетягивает на себя ударение. Но аугмент, как видно по другим языкам, является диалектным новообразованием, а редуцированная огласовка корня свидетельствует о первоначальном ударении на тематическом гласном. Примеры: греч. ἔλιπον (през. λείπω) 'оставил', ἔφυγον (φύγω) 'бежал', ἔδρακον (δέρκομαι) 'посмотрел'; скр. *ábudhat* (през. *bódhati*) 'проснулся', *árudat* (*róditi*) 'плакал', *ádhyat* 'отважился', *áruat* 'блистал', *ásypat* 'полз'.

Греческий и санскрит имеют также тематический аорист с удвоением: греч. ἤγαγον (през. ἄγω) 'привел', ὤρорον (ὄρνυμι) 'поднял', ἐκέλευε (κέλομαι) 'побудил, приказал'; скр. *ácakamat* (*kāmayate*) 'любил', *átitarat* (*tárat*) 'переправил', *ábūbudhat* (*bódhati*) 'будил', *ájījanat* (*jāyate*) 'родил'.

В греческом и славянском есть аорист с основой на -ē, который, возможно, также восходит к праиндоевропейскому. В греческом он получил страдательное значение: ἐπράπην 'я был повернут', ἐκόπην 'я был бит', ἐκλάπην 'я был похищен', ἐστάλην 'я послан'. В славянском эта основа сочеталась с сигматическим суффиксом: мѣнѣ-хъ (из **minē-som*), видѣхъ (**vidē-som*), горѣхъ (**gorē-som*), бѣжа-хъ (**bēgē-som*). В литовском эта основа сохранилась в инфинитиве: *tekėti* 'бежать', *smirdėti* 'вопять', *turėti* 'иметь'; в латинском и гер-

манском она дала настоящее время: лат. *habēre* 'иметь', *tacēre* 'молчать', *vidēre* 'видеть', др.-в.-нем. *habēm* 'держу, имею'.

Такие типы основ, как можно видеть из предыдущего, были свойственны и формам настоящего времени; все же у глаголов основы презента и аориста обычно различались. Так, если аорист имел корневую основу, то презент — основу с удвоением: скр. *ád dhāt* — *dád dhāti*, *ádāt* — *dádāti*, *ást hāt* — *tīsthati*, *ágāt* — *jīgāti*; греч. ἔθη-xx — τίθημι, ἔδω-xx — δίδωμι, ἔστην — ἵστημι. Глаголы с тематическим аористом имели презент также тематический, но различие состояло в том, что в аористе ударение было на тематическом гласном и корень имел редуцированную огласовку, а в презенте — ударение на корне и полная огласовка корня: греч. ἔλιπον — λείπω, ἔφυγον — φύγω, ἔδρακον — δέρκομαι; скр. *ábudhat* — *bódhati*, *árudat* — *ródati*, *ásypat* — *sárpati*. Аористу с удвоением соответствует презент с простой тематической основой (скр. *átitarat* — *tárat*, *ábūbudhat* — *bódhati*, греч. ἤγαγον — ἄγω, ἐκέλευε — κέλομαι) или с суффиксом (скр. *ájījanat* — *jāyate*, греч. ὤρорον — ὄρνυμι). Кроме того, многие глаголы имели основу аориста, не свойственную презенту, — с суффиксом *-s-. Последний тип аориста назван сигматическим. Все другие типы в противоположность ему называются простым аористом.

Сигматический аорист, как мы уже говорили, характеризуется суффиксом *-s-: скр. *ádikṣam* 'указал', греч. ἔδειξα, лат. *dīxī* 'сказал', слав. вѣсь 'вел'. В санскрите и латинском отражается также суффикс аориста -is-: скр. *ábodhiṣam* 'я заметил', *ájīviṣam* 'я жил', *ávāriṣam* 'я покрыл'; в латинском этот суффикс сохранился во втором лице ед. и множ. ч. перфекта: *ēgisti* 'ты гнал', *ēgistis* 'вы гнали'. В индо-иранских и славянских языках корневой гласный e/o в сигматическом аористе обычно удлиняется: скр. *ánāiṣam* 'я вел', *ākārṣam* 'я сделал', *ávākṣam* 'я привез', слав. рѣхъ (**rēk-som*), вѣзъ (**vēghsom*), бась (**bōdsom*). Есть такие случаи и в латинском: *vēxī* 'я тащил', *dīxī* 'я сказал', *dūxī* 'я привел'. Ю. В. Откупщиков не без основания утверждает, что это явление относится к истории отдельных языков¹.

Основы аориста и презент не были показателями времени; это видно хотя бы из того, что от них образовывались и наклонения — оптатив и конъюнктив, и инфинитивы, которые не имели значения времени. Основы презента выражали длительность действия, основы аориста — действие как факт, независимо от длительности, или законченность действия. Время выражалось окончаниями. Об этом ясно говорит хотя бы такой факт: в санскрите и греческом глагольные формы, образованные от основ презента, но с такими окончаниями, как в аористе («вторичными»), и с аугментом, выражают прошедшее время. Их называют «имперфект». Основы придают им только семантический оттенок длительности. Правда, они имеют еще дополнительный показатель прошедшего времени — аугмент, но последний является греческим, индо-иранским и армянским новообразованием; следовательно, в праиндоевропейском время выражалось только окончаниями.

Спряжение

Аорист как категория сохранился только в индо-иранских языках, греческом, армянском и славянском. Некоторые особенности его основ отражаются также в латинском перфекте и германском сильном претерите, которые образовались в результате объединения форм перфекта и аориста в одной парадигме, но окончания аориста восстанавливаются по данным только санскрита, греческого и, отчасти, славянского. Рассмотрим примеры тематического и летема-тического аориста. Образцом последнего будут нам служить сигматические формы.

	Санскрит	Греческий	Старослав.
Ед. ч.	1 л. <i>árucam</i> 'сиял'	ἔλιπον 'оставил'	падъ
	2 —, — <i>árucah</i>	ἔλιπες	паде
	3 —, — <i>áruca</i>	ἔλιπε	паде
Множ. ч.	1 —, — <i>árucāma</i>	ἔλιπομεν	падомъ
	2 —, — <i>árucata</i>	ἔλιπετε	падете
	3 —, — <i>áruca</i>	ἔλιπον	падъ

Ед. ч.	1 л. <i>árucāva</i>		падовѣ
	2 —, — <i>áruca</i>	ἔλιπες	падета
	3 —, — <i>áruca</i>	ἔλιπέτην	падете
Ед. ч.	1 —, — <i>ádikṣam</i> 'указал'	ἔδειξ 'указал'	рѣхъ
	2 —, — <i>ádikṣah</i>	ἔδειξας	рече
	3 —, — <i>ádikṣat</i>	ἔδειξε	рече
Множ. ч.	1 —, — <i>ádikṣāma</i>	ἔδειξαμεν	рѣхомъ
	2 —, — <i>ádikṣata</i>	ἔδειξατε	рѣсте
	3 —, — <i>ádikṣan</i>	ἔδειξαν	рѣша
Дв. ч.	1 —, — <i>ádikṣāva</i>		рѣховѣ
	2 —, — <i>ádikṣatam</i>	ἔδειξατον	рѣста
	3 —, — <i>ádikṣatām</i>	ἔδειξάτην	рѣсте

Окончание первого лица ед. ч. — *-*m*. В греческом оно, как и всякое конечное *m*, дает *n*. В славянском конечное сочетание *-*om* перешло в ѣ. В сигматических формах греческого языка -*m* после согласного стало слогообразующим и перешло в -*a* (ἔδειξα). В санскрите произошло то же, но к конечному *a* здесь присоединилось еще *m*, которое имеется в тематических формах, и получилось *ádikṣam*. И в греческом, и в санскритском сигматическом аористе форма первого лица ед. ч. оказала решающее влияние на все остальные, вследствие чего последние сильно изменились. Поэтому формы сигматического аориста дальше удобно рассматривать отдельно от простого. Так мы и поступим.

Окончание второго лица ед. ч. — *-*s*. В славянском оно отпало по закону открытого слога.

Окончание третьего лица ед. ч. *-*t* сохранилось только в санскрите. В греческом и славянском оно закономерно отпало.

Форма первого лица множ. ч. имеет такое же окончание, как и соответствующая форма презента (**mes/mos*). В санскрите это окончание не имеет конечного *s*, но в славянском такая особенность отражается и в презенте: др.-рус., укр. *несемо* (если бы на конце был согласный, то *o* перешло бы в ѣ). Видимо, окончание первого лица множ. ч. было в двух вариантах: *-*mes/mos* и *-*te/mo*. Чешское и болгарское -*te*

(чеш. *neseme*, болг. гледаме) может отражать и **-me*, и **-mes*.

Второе лицо множ. ч., как и в презенте, обозначается окончанием **-te*.

Формы третьего лица множ. ч. скр. *árušan*, греч. ἄρουσαν слав. падѣ отражают окончание **-n* (в слав. это *n* соединилось с тематическим *o* в ѡ). Но на конце могло быть еще *i*; по фонетическим законам всех трех языков оно здесь отпало бы. Вопрос об этом окончании решается при сравнении с окончаниями единственного числа. Сравнение окончаний единственного числа **-m*, **-s*, **-t* с соответствующими окончаниями презента **-mi*, **-si*, **-ti* показывает, что от последних они отличались только отсутствием гласной *i*. По-видимому, такое соотношение существовало и между окончаниями третьего лица множ. ч. Поскольку эта форма в презенте оканчивалась на **-nti*, очевидно, что в аористе ее окончанием было не **-n*, а **-nt*.

Окончания двойственного числа соответствуют в санскрите и греческом и дают возможность восстановить для второго лица **-tom*, для третьего — **-tām*, но славянские соответствуют им только своими согласными.

В сигматическом аористе окончания второго и третьего лиц ед. ч. **-s*, **-t* после суффикса *-s-* в греческом и санскрите отпали, и формы эти когда-то, видимо, совпадали, но потом совпадение было устранено различными способами. В греческом форма первого лица ед. ч. на *-sa* (ἔδειξας) и третьего лица множ. ч. на *-san* (ἔδειξαν) были осознаны как имеющие основу на *-sa*. А форма третьего лица множ. ч. типа ἔδειξαν образовалась из **edeiksnt* вследствие перехода слогообразующего *n* в *a* и вторичного присоединения *n* на конце по образцу тематической формы. Дальше взамен совпадающих форм второго и третьего лица ед. ч. **edeiks* были образованы новые формы от основы на *-sa*: во втором лице — с присоединением соответствующего окончания *-s* (ἔδειξας), в третьем — с заменой конечного *-a* на *-e* (ἔδειξε) по образцу тематического аориста и, может быть, также перфекта

и потом от основы на *-sa* были образованы остальные формы множ. и двойств. чисел. В санскрите форма первого лица ед. ч. *ádikṣam* была осознана как тематическая и под ее влиянием вся парадигма стала тематической. О прежнем нетематическом образовании этого аориста свидетельствуют некоторые формы меди, напр., *ádikṣi* 'я указал'. В славянском в некоторых формах также возникла тематическая гласная. Нетематическими остались только формы второго лица множ. ч., второго и третьего двойств. ч. и третьего множ. ч. В первых трех *-s-* сохранилось. В остальных формах оно перешло в *x*. Таким образом, из **rēksom* получилось *rĕxъ*, из **rēksomos* — *rĕxомъ*. Форма третьего лица множ. ч. *rĕxъ* образовалась из **rēksnt* → **rĕkxin*. Форма второго и третьего лиц ед. ч. *рече* происходит от простого тематического аориста.

Таким образом, окончания всех лиц единственного числа аориста и третьего лица множественного **-m*, **-s*, **-t*, **-nt* отличаются от соответствующих окончаний презента **-mi*, **-si*, **-ti*, **-nti* только отсутствием конечного *i*. Окончания первых двух лиц множественного числа — те же, что и в презенте; некоторые различия, имеющиеся в санскрите, не поддерживаются другими языками и, видимо, являются индийским новообразованием. Можно думать, что окончания презента и аориста имеют общее происхождение, но в презенте к ним была присоединена частица *i* (за исключением двух лиц множ. ч.), которая и была показателем настоящего времени. Окончания, характеризующие аорист, как увидим дальше, были свойственны также оптативу, инъюнктиву и отчасти конъюнктиву; следовательно, первоначально они не выражали времени. Но в аористе они противопоставлялись окончаниям настоящего времени и тем самым стали показателями прошедшего времени. Все же, поскольку они есть в других формах, их называют не окончаниями аориста, а так, как их назвал еще Бопп, — вторичными окончаниями; окончания же презента называются первичными, хотя в действительности, как видим, было наоборот.

4. ПЕРФЕКТ

Парадигма индоевропейского перфекта сохранилась (с соответствующими изменениями) в санскрите, греческом и в нескольких германских глаголах, которые называют претерито-презентными, потому что они имеют значение настоящего времени при формальных особенностях претерита. Поскольку в германских языках редукция окончаний сильно затрудняет восстановление архетипов, реконструкция праформ перфекта основывается главным образом на формах санскрита и греческого. Некоторые формальные особенности индоевропейского перфекта отражаются также в латинском перфекте и германском сильном претерите, которые образовались в результате объединения перфекта и аориста. Приведем для сравнения и эти парадигмы. В хеттском на основе перфекта образовалось особое спряжение глаголов, которое называется «спряжение на *-hi*» (по окончанию первого лица ед. ч.). Некоторые особенности перфекта отражаются в формах настоящего времени этого спряжения, а также в отдельных формах прошедшего времени обоих спряжений. Поэтому возьмем для сравнения и презент хеттского спряжения на *-hi*.

Основы перфекта бывали с удвоением и без удвоения. Возьмем примеры одних и других.

Санскрит			Греческий		
Ед. ч. 1 л.	<i>véda</i> 'знаю'	<i>caḥára</i> 'сделал'	<i>oĩd̥x</i> 'знаю'	<i>λέλοιπα</i> 'оставил'	
2 —, —	<i>véttha</i>	<i>caḥártha</i>	<i>oĩσθx</i>	<i>λέλοιπας</i>	
3 —, —	<i>véda</i>	<i>caḥára</i>	<i>oĩδε</i>	<i>λέλοιπε</i>	
Мн. ч. 1 —, —	<i>vidmá</i>	<i>caḥymá</i>	<i>ἴσμεν</i>	<i>λελοίπιμεν</i>	
2 —, —	<i>vidá</i>	<i>caḥrá</i>	<i>ἴστε</i>	<i>λελοίπιχτε</i>	
3 —, —	<i>vidúr</i>	<i>caḥrúr</i>	<i>ἴσῃσι</i>	<i>λελοίπιῃσι</i>	
Готский			Латинский		Хеттский
Ед. ч. 1 л.	<i>wait haihait</i>	<i>vidī</i>	<i>meminī</i>	<i>sakhi</i>	
	'знаю' 'назывался'	'увидел'	'помню'	'знаю'	
2 —, —	<i>waist haihaist</i>	<i>vidistī</i>	<i>meministī</i>	<i>sakti</i>	
3 —, —	<i>wait haihait</i>	<i>vidit</i>	<i>meminit</i>	<i>saki</i>	

14. 4. 1 a. *witum haihaitum* *vidimus meminimus sekweni*
 2 — „ — *witup haihaitup* *vidistis meministis sekteni*
 3 — „ — *witum haihaitum* *vidēre meminērunt sekanzi*

Формы двойственного числа не приводим, потому что они не имеют индоевропейских соответствий.

Как можно видеть из приведенных примеров, основы перфекта были всегда нетематическими. Главной особенностью их является то, что в формах единственного числа корневой гласный *e* заменяется на *o*. Так, перфект **uoida* 'знаю' образован от корня **ueid-* 'видеть'. В латинском, где этот перфект сохраняет значение 'видеть', дифтонг *oi* в корне перешел в *i*. В хеттском глаголе *sakhi* корневое *a* восходит к *o*, а формы множественного числа *sekweni*, *sekteni*, *sekanzi* показывают, что первоначальная огласовка была *e*. В формах множественного числа огласовка редуцировалась, но в греческом, латинском и в готском претерите с удвоением огласовка единственного числа распространилась на множественное. Редуцированная огласовка множественного числа сохранилась в санскрите, готском (за исключением претерита с удвоением), а в греческом — только в глаголе *οἶδμ.*

У некоторых глаголов перфект имел удвоение. В удвоительном слове сохранилась гласная *e*. Эта особенность наиболее ясно видна в греческом, но она отражается и в других языках: в санскритских формах *cakara*, *cakartha* и т.д. первое *a* восходит к *e*, о чем свидетельствует переход предшествующего *k* в *c*, и только второе *a* отражает *o*; в готском глаголе *haihait* в удвоительном слове — также гласная *e* (обозначаемая буквами *ai*). В санскрите и греческом удвоение распространилось на все глаголы, за исключением **goidha*, но в готском и латинском оно свойственно лишь немногим глаголам. В хеттском его вообще нет. Поскольку основы с удвоением бывали не только в перфекте, но и в презенте, и в аористе, очевидно, что в праиндоевропейском языке удвоение не было характерным признаком перфекта и было свойственно не всем глаголам.

Окончание первого лица ед. ч. на основании санскритской и греческой форм восстанавливалось как **-a*. В германском

оно отпало. Но хеттское окончание *-hi* вызывает затруднение. Однако в лувийском и иероглифическом хеттском есть окончание той же формы претерита *-ha*, которое соответствует санскритскому и греческому *-a*. Видимо, и в хеттском было это окончание; но когда оно получило значение настоящего времени, оно изменилось в *-hi* под влиянием окончания той же формы другого спряжения *-mi*. На основании этих фактов можно думать, что праиндоевропейское окончание было **-ha*.

Латинская форма *vidi* восходит к **uoidai*. Этот архетип отражается и в др.-русс. *вѣдѣ* 'знаю' — единственной славянской форме, восходящей к индоевропейскому перфекту. Здесь окончание **-ai*, которое в праиндоевропейском было диалектным новообразованием. В некоторых индоевропейских диалектах в период обособления их были образованы формы меди перфекта с такими же окончаниями, как в презенте меди. Первое лицо ед. ч. меди обозначалось окончанием **-ai*. Оно-то и отражается в латинском *vidi* и слав. *вѣдѣ*.

Окончание второго лица ед. ч. скр. *-tha*, греч. *-θα*, герм. *-t* восходит к праиндоевропейскому **-tha*. В хеттском языке ему соответствует полностью окончание претерита *-ta*. Окончание второго лица ед. ч. презента *-ti* образовалось из этого *-ta* так же, как окончание *-hi* из *-ha*. Согласно ларингальной теории, санскритское и греческое *th* образовалось из сочетания *t* с «ларингальной». В данном случае это подтверждается и хеттским *-ti*. То, что в этом окончании *t* перед *i* не перешло в *z*, объясняется тем, что в период этого изменения между ними находилась «ларингальная». К этому же окончанию восходит латинское *-ti*. Гласная в нем изменилась под влиянием формы первого лица ед. ч. Предшествующий элемент *-is-* происходит от сигматического аориста.

Форма третьего лица ед. ч., как можно судить по греч. *oīde* и скр. *veda*, оканчивалась на **-e*. Распространено мнение, что к этому **-e* восходит и окончание *-i* хеттской формы (*saki*), а также гласная латинского *-it*. В последнем конечное *-t* перенесено из презента.

Окончание первого лица множ. ч. то же, что в презенте и аористе.

В отношении второго лица множ. ч. данные не ясны: в санскрите окончание *-a*, в остальных — то же, что в презенте и аористе.

Окончание третьего лица множ. ч. в греческом и хеттском восходит к «первичному», в готском — к «вторичному». В греческом и хеттском оно возникло под влиянием презента, в готском унаследовано от аориста. Особое окончание перфекта есть в санскрите и латинском: скр. *-ur*, лат. *-ēre*. Подобное окончание *-r* есть в хеттском претерите (*seker*), а также в тохарском претерите. Очевидно, именно эти окончания и отражают праиндоевропейское. Огласовки в нем расходятся и, видимо, являются вторичными, а праиндоевропейским было *-r*. В латинском *-ēre* является архаизмом; более распространена в классической латыни контаминация этого окончания с презентным — *-erunt*.

Из приведенных примеров можно также видеть, что термин «перфект» в данном случае не обозначает одной из форм прошедшего времени. Глагол **uoida* во всех языках, кроме латинского, имеет значение настоящего времени. В санскрите и латинском перфект, в основном, выражает прошедшее время (совершенное), но в гомеровских поэмах он относится преимущественно к сфере настоящего, да и у греческих авторов нередко употребляется в таком значении. В германском формы перфекта объединились с аористом для выражения прошедшего времени, но у претерито-презентных глаголов они получили значение настоящего. В хеттском формы, восходящие к перфекту, получили значение и настоящего, и прошедшего времени, образовав в настоящем особое спряжение. В латинском перфектные формы глагола *temini* обозначают настоящее. В греческом языке и в ведийском санскрите перфект выражает состояние, наступившее в результате действия. Напр., *oīda* и *veda* обозначало 'я знаю, потому что видел', *ὑέγονα* значит 'я родился и существую', *ῥέβηχα* — 'я пришел и нахожусь здесь'; *bībhāya* в ведийском означает 'я боюсь, потому что испугался', *sāsāda* — 'я сел

и сижу'. Это значение и было индоевропейским. Состояние, выражаемое перфектом, существует в настоящем: действие, вызвавшее это состояние, — в прошлом; поэтому когда позже, уже в отдельных языках, это значение перфекта сменялось временным, перфект мог стать формой и настоящего времени, и прошедшего. Как видим, в разных языках и у разных глаголов получилось по-разному.

Следовательно, в праиндоевропейском перфект не входил в систему видо-временных категорий глагола. Не входил он и в систему наклонений. Не был связан он и с категорией залога.

В санскрите и греческом, кроме приведенных выше парадигм перфекта, которые относятся там к категории актива, есть и медиальные парадигмы перфекта с такими же окончаниями, как медиаль настоящего времени (в санскрите — за немногими исключениями). Но эти формы являются санскритским и греческим новообразованиями. В праиндоевропейском перфект не имел медиальных форм, потому что его «активные» формы соответствовали по значению медиальным формам презента и аориста. Это положение сохранилось во многих глаголах в греческом и в некоторых — в ведийском санскрите. Так, в греческом перфект ἔβραρχε 'поднялся' соответствует медию презента βρῶμαι 'поднимаюсь', но не активу βρῶμι 'поднимаю'; перфект ἔστηκε 'стою' — медию ἵστημι 'стою', но не активу ἵστημι 'ставлю'; перфект ἔβλεπε 'я погиб' — презенту ἔλλομαι 'погибаю', но не ἔλλομι 'разрушаю, уничтожаю'; γέγονε 'родился и существую' — презенту γίγνομαι 'рождаюсь', σέσηπε 'сгнил' — презенту σήπομαι 'гнию'. В санскрите перфект *bibhāya* соответствует медиальному презенту *bhayate* 'боится', *mumoda* 'обрадовался' — презенту *modate* 'радуется', *su-sūva* 'рожден' — презенту *sūte* 'рождается'.

Таким образом, перфект занимал особое положение в грамматической системе индоевропейского глагола. Это объясняется тем, что он был пережитком несколько иной грамматической системы, существовавшей в праиндоевропейском языке на древнейшей стадии его развития.

5. ФУТУР

В индо-иранских и балтийских языках есть формы будущего времени, образованные посредством суффикса **-sje/sjo* и «первичных» окончаний: скр. *vakṣyāmi* 'буду говорить', *vakṣyāsi*, *vakṣyāti* и т.д., лит. *liksiu* 'останусь', *liksi* 'останешься', *liksime* 'останемся' и т.д. Литовский суффикс *-si-* восходит, по-видимому, к *-sje-*. Такие формы были некогда и в славянском, о чем свидетельствует сохранившееся от них причастие **бышащее**, восходящее к **bhūsjont-je-je*. Наличие в нем носового *ж*, а не *ш* свидетельствует о том, что перед ним был *j*. С этим образованием связан, по-видимому, греческий футур, характеризуемый суффиксом *-se/so*, и первичными окончаниями, напр., *λείψω* 'оставляю', *λείψεις*, *λείψει* и т.д. Футур на *-se/so*, как архаизм, существовал у некоторых глаголов латинского языка, напр., *faxō* 'сделаю', *faxis*, *faxit*, и в древнеирландском, напр., *gigsea* 'буду молиться', *gigis* 'будет молиться'. Все эти формы будущего времени происходят от модальных форм, выражавших возможность. Такие модальные формы сохранились в латинском и ирландском. В латинском наряду с футуром *faxō*, *faxit* есть конъюнктив с тем же суффиксом, напр., *faxim* 'я сделал бы', *faxit* 'он сделал бы'. Аналогичный конъюнктив есть и в ирландском.

И. И. Казлаускас утверждает, что суффикс футура в балтийских языках восходит не к **-sje/sjo*, а к **-s* и образовался независимо от футура других индоевропейских языков¹. Это утверждение заслуживает специального рассмотрения ввиду важности его для решения вопроса об индоевропейском футуре. И. И. Казлаускас разлагает литовские формы футура на *eī-s-iu*, *eī-s-i*, *eī-s*, *eī-si-m*, *eī-si-t* и полагает, что только в первых двух лицах множественного числа футур имеет суффикс *-si*, в остальных — *-s*. Он начинает с формы третьего лица и утверждает, что исконным суффиксом этой формы является *-s*, а не *-si*, потому что нет причин, по которым суффикс *-si* мог бы утратить конечное *i*. Дальше он указывает на то, что в жемайтских и некоторых

аукштайтских говорах есть парадигма будущего времени с суффиксом *-s* во всех формах. Рассматривая ее как архаизм, он приходит к выводу, что и во всех остальных личных формах глагола футур искони обозначался суффиксом *s*. Суффикс *-si* возник, по его мнению, прежде всего в форме первого лица множ. ч. по фонетической причине: в конечном сочетании *-sme* согласный *m*, как губной, смягчился перед *e* позже, чем *s*, и был период, когда *s* был уже мягким, а *m* — еще твердым, в результате чего между ними развился гласный *i*. По аналогии этот гласный распространился потом на форму второго лица множ. ч. Палатализация *-s-* в форме первого лица ед.ч. произошла, по мнению автора, еще позже, под влиянием мягкости *s* в формах *eisi*, *eisime*, *eisite*. Все сказанное распространяется и на латышский язык, в котором формы будущего времени образованы так же, как и в литовском.

Искусственность и тенденциозность этого построения очевидны. То, что в форме третьего лица автор не видит причины для утраты суффиксом *-si* конечного *i*, не означает еще, что здесь искони был суффикс *-s*. Нет видимой причины для того, чтобы личные окончания множественного числа *-me*, *-te* или возвратная частица *-si* утрачивали свой гласный, но, тем не менее, в современном литовском языке они передко (особенно в императиве) произносятся без гласного. Что же касается суффикса футура *-si*, то Э. Френкель вполне резонно заметил, что он мог легко утратить на конце слова свой гласный прежде всего в связочных глаголах (*bus*, *taps*), а потом — и в остальных¹. Как отметил сам И. И. Казлаускас, в письменных памятниках есть случаи сохранения суффиксом *-si* своего гласного в третьем лице перед частицей, напр., *būsigu* 'также будет', *noresig* 'также захочет' и др., а объяснение этого явления влиянием возвратной формы (напр., *duosisi*, *duosis*), в которой якобы повторяется возвратная частица, неправдоподобно. Отражением индосвр. **-sjo* в литовском является не только первое лицо ед. ч. на *-siu*, но и суффикс причастия будущего времени *-sia* (ном. *dirbsias*, акк. *dirbsiantį*). В свете этих фактов становится оче-

видным, что показатель первого лица ед. ч. лит. *-siu*, латыш. *-ši* является результатом слияния суффикса футура **-sjo* и окончания первого лица ед. ч. **-ō*. Суффикс же *-si* восходит к **-sje*; выведение его из *-s* фонетическим путем слишком искусственно.

Распространено мнение, что образование будущего времени из модальных форм относится к истории отдельных языков. Однако анализ показывает, что это положение следует относить не ко всем языкам, имеющим футур.

В западных языках футур образовался различно и, по-видимому, в каждом отдельно. В кельтских он образован с удвоением, в итальянских — без удвоения. В этих языках есть и футур, образованный от конъюнктива (напр., лат. *agam* 'я действовал бы', *agēs*, *agēt*), но опять-таки различно: в латинском — от старого общиндоевропейского конъюнктива, в ирландском — от нового итало-кельтского конъюнктива на *-ā*. В германском он вовсе не образовался. Но в восточных языках есть такие совпадения, которые вряд ли могут быть случайными. Здесь футур образовался только из сигматических модальных форм, хотя для этой функции хорошо подошел бы и конъюнктив, выражавший действие ожидаемое. В индо-иранских и балто-славянских языках футур имеет особый суффикс **-sje/sjo*, а не *-se/so*, как в других. В греческом суффикс *-se/so* также может восходить к **-sje/sjo*. В отношении санскрита нередко указывают на то, что в Ригведе футур встречается еще очень редко. Но в вопросе о времени возникновения футура показательным может быть только значение этой категории в Ведах, а не употребительность ее. Последняя зависит не от происхождения футура, а от содержания Вед. В вопросе же о хронологии следует обратить внимание на то, что футур в санскрите образуется не так, как наклонения, т.е. не от основ презент (оптатив — также аориста), а имеет свою особую основу (средний вид корня с ударяемым суффиксом *-sya*). Напр., от глагола *śru-* 'слышать, слушать' презент (3 л. ед. ч.) — *śr-nó-ti*, аорист — *á-śrau-ṣ-īt*, а футур — *śro-syá-ti*. Это означает, что футур был унаследован индийским языком от

общеарийского уже как отличная от наклонений категория. Эти факты говорят о том, что употребление сигматических модальных форм в значении будущего времени в восточных диалектах праиндоевропейского языка началось еще до превращения их в отдельные языки.

Таким образом, термин «футур» по отношению к праиндоевропейскому языку употребляем в особом смысле. Он обозначает модальную категорию, которая в самый последний период существования праиндоевропейского и лишь в части его диалектов стала будущим временем.

6. НАКЛОНЕНИЯ

Рассмотренные грамматические формы (а футур лишь с тех пор, как он получил свое последнее значение) с точки зрения модальности входят в категорию изъявительного наклонения или индикатива. Но эти формы не имеют специального показателя наклонения и выражают индикатив только благодаря тому, что они противопоставлены другим модальным формам, имеющим показатели. Это немаркированное наклонение. Маркированными наклонениями праиндоевропейского языка были императив или повелительное, конъюнктив или сослагательное, оптатив или желательное. Существовали также сигматические модальные формы, в восточных диалектах получившие значение будущего времени, но их модальное значение уже нельзя точно определить, и в качестве модуса они не имеют своего названия. К индоевропейским наклонениям некоторые ученые причисляют еще инъюнктив, сохранившийся только в ведийском санскрите и в авестийском языке, но модальное значение инъюнктива неопределенно: в одних случаях он имеет значение, близкое к императиву или оптативу, в других — значение индикатива, причем различных времен — то настоящего, то прошедшего. Это очень интересная в историческом отношении категория, несомненно весьма древнего происхождения, но не чисто модальная. Поэтому мы не включаем ее в число наклонений и рассмотрим ее отдельно.

Императив

Общиневропейской формой императива является форма второго лица единственного числа без окончания: греч. εἴ-εἰ 'выйди', лат. *ī* 'иди', лит. *eĩ-k*, хетт. *ep* 'бери'; скр. *bhara* 'неси', греч. φέρε, гот. *baír*, арм. *ber*, др.-ирл. *ber*, лат. *age* 'веди'.

В санскрите, авестийском и греческом есть форма второго лица ед. ч. на *-*dhi*: скр. *ihí* 'иди', авест. *iđi*, греч. ἴθι; скр. *viddhi* 'знай', греч. (ῥ)ῖσθι. Эта форма восходит, вероятно, к какому-то диалекту праиндоевропейского.

Есть также форма с окончанием *-*tōd*: скр. *bharatāt*, греч. φερέτω, лат. *estō* (др.-лат. — *tōd*). В санскрите и латинском она имеет значение второго и третьего лица ед. ч., в греческом — только третьего.

Форма второго лица множ. ч. имеет окончание *-te* и совпадает с соответствующей формой индикатива: скр. *bhārata* 'несите', греч. φερέτε, лат. *ferite*, гот. *nimiþ* 'берите', хетт. *epte-n*.

В санскрите и хеттском есть формы третьего лица ед. и множ. ч. с окончаниями *-*tu*, *-*ntu*: скр. *bharatu*, *bharantu*, хетт. *eptu*, *apantu*. Они могут быть параллельными новообразованиями, но могут и восходить к праиндоевропейскому.

Из этих форм древнейшей является чистая основа. Окончание *-*dhi* — диалектное явление; образовалось оно, по-видимому, из частицы, присоединившейся к чистой основе. Окончание *-*tōd*, по общему мнению, образовалось из аблатива местоимения **to*. Формы на *-tu*, *-ntu* К. Бругман объясняет как инъюнктив с присоединенной частицей *и*. Форму второго лица множ. числа Б. Дельбрюк объясняет как форму индикатива, употребляемую в императивном значении, К. Бругман — как инъюнктив по происхождению¹. Показательно, что чистая основа глагола имеет значение императива второго лица ед. ч. и в тюркских языках, монгольских, некоторых финно-угорских, в ряде кавказских языков (кабардино-черкесском, чеченском, табасаранском и др.). Поскольку чистая основа с присоединением местоименной формы **tōd* имела значение не только второго лица, но и

третьего, можно думать, что сама по себе она в функции императива первоначально не имела определенного личного значения.

Императив выражал побуждение, т.е. повеление или просьбу.

Конъюнктив

Конъюнктив восстанавливается по фактам санскрита, греческого и латинского языков. В классическом санскрите конъюнктив уже исчез, встречается он только в Ведах. В латинском индоевропейский конъюнктив сохранил свое значение только у глаголов первого спряжения. В третьем и четвертом спряжениях он получил значение будущего времени. В этих спряжениях, а также во втором, конъюнктив имеет особые формы, с суффиксом *-ā-*, которые, скорее всего, являются итало-кельтским новообразованием.

Конъюнктив характеризовался суффиксом **-e/o-*, вероятно, того же происхождения, что и тематический гласный. Личные окончания были «первичные» или «вторичные».

Суффикс **e/o* наиболее ясно виден в нетематических глаголах: скр. *kṛnāvati* или *kṛnāvat* от презента *kṛnōti* 'делает', *āsati* от *āsti* 'есть'. В греческом и латинском аналогичные формы конъюнктива получили значение футура: греч. *ἔδομαι* 'буду есть' (срв. скр. *ādmi* 'ем'), *πίομαι* 'буду пить' (срв. *πιῖν* 'пей'), лат. *erit* (из **eseti*) 'будет'.

В тематических глаголах суффикс конъюнктива сливается с тематическим гласным, и получается **-ē/ō*: скр. *bhārāti*, *bhārāt*, греч. *φέρωμεν*, *φέρητε*, лат. *ferēs*, *ferēmus*. Долгий гласный распространился и на многие нетематические глаголы.

В латинском и кельтских языках есть также конъюнктив с суффиксом *-ā-* (лат. *legās*, *legāmus*). Происхождение его неизвестно. Вероятно, это — итало-кельтское новообразование.

Значения конъюнктива во всех трех языках, где он сохранился, варьируются. В некоторых контекстах он выражает нечто желаемое, служит также выражением побуждения,

напр., лат. *dī tibi dent, quaecumque optes!* 'да дадут тебе боги все, чего ты желаешь!' *isto bono utare, dum adsit; quum absit, ne requiras* 'этим благом пользуйся (должно пользоваться), пока оно есть; когда его нет, не жалея'; греч. *ἡμεῖς δὲ φραζόμεθα* 'мы же поразмышляем!', *εἰπέ, ἵνα εἰδόμεν* 'скажи, чтобы мы знали'; скр. *sā nu vocāvahai punar* 'поговорим опять друг с другом!', *śṛṇvad vācāsi me* 'да услышит он мои слова!'. В других он выражает действие, которое должно произойти, напр., лат. *quē neque gloria neque pericula excitant, nequiquam hortēre* 'кого не побуждают ни слава, ни опасности, того напрасно будешь уговаривать'; греч. *ὦμοι ἐγώ, τὶ πάθω* 'увы, что мне предстоит!', скр. *viśvāḥ pṛtanā jayāsi* 'ты будешь побеждать во всех сражениях'. Конъюнктив употребляется в вопросительных предложениях, когда спрашивают о том, что должно произойти: лат. *quid agam, iudices, quo me vertam?* 'что мне делать, судьи, куда мне обратиться?'; греч. *πῇ... ἵω, τοῦ δώμαθ' ἵκωμαι* 'куда я должен идти, к чьему дому прийти?' скр. *kvāha bhavāni* 'где я должен быть?'. По-видимому, общим значением конъюнктива было действие, хотя и не происходящее в действительности, но ожидаемое. Этим объясняется то, что в латинском, кельтских языках и в отдельных случаях — в греческом (*ἔδομαι*, *πίομαι*) конъюнктив получил значение будущего времени.

Оптатив

Формы оптатива сохранились в индо-иранских языках, греческом, германских и славянских, причем в последних получили значение императива. Некоторые остатки его есть и в латинском.

Показатели оптатива различны в тематических и нетематических глаголах. В нетематических оптатив обозначается суффиксом **-iē-*, чередующимся с **-ī-*. Очевидно, более ранняя форма этого суффикса была **-ieh/ih*. Он присоединяется к основе с редуцированной огласовкой (в последнем слог); ударение падает то на суффикс, то на окончание.

В тематических глаголах показателем оптатива является *-i-, которое присоединяется к основе с полной огласовкой и постоянным ударением, всегда на *-o-, и вместе с тематическим гласным образует дифтонг -oi-. Окончания всегда «вторичные».

Нетематические глаголы:

скр. *syāt* 'да будет', *syur* 'да будут', лат. *sīs* (др.-лат. *sies*) 'да будешь', *sīmus* 'да будем', греч. εἶναι 'да буду', др.-в.-нем. *sīm* 'да будем';

скр. *dadyāt* (мед. *daditā*) 'да даст', греч. διδοῖν 'да дам', слав. **дадимъ, дадите** (импер.), др.-сакс. *dedi-n* 'да сделаем'.

Тематические глаголы:

скр. *bhares* 'да несешь', *bhareta* 'да несете', греч. φέροις *férois*, гот. *bairais, bairaiþ*, слав. **бери, берѣте** (**bherois, *bheroite*).

В ведийском санскрите есть отдельные атематические основы, образующие оптатив на *-oi-, напр., *dṛṣeyam* 'да увижу', *dṛṣet* 'да увидит' при *ádṛṣta* 'мы увидели'. Поэтому А. Мейе пришел к выводу, что суффиксом оптатива является *-oi-, а не *-i-. Однако более вероятно, что оптатив на *-oi- проник в нетематические глаголы от тематических.

Оптатив имеет два различных значения. С одной стороны, он выражает нечто желаемое, напр., греч. αὐτίκα τεθνάειν 'о если бы я сейчас умер!' скр. *deveṣu sukṛtaḥ syāma* 'да будем мы благочестивы перед богами!', гот. *ip gup... gibai izwis þata samo fraþjan* 'о если бы бог дал нам понимать это!'. В связи с этим он выражает также то, что предписывается: греч. τῷ μὴ τίς ποτε πᾶμπαν ἀνὴρ ἀθεμίστος εἶη, ἀλλ' ὅ γε σιγῇ δῶρα θεῶν ἔχοι 'поэтому пусть человек никогда не будет нечестивым, но в молчании пусть принимает дары богов', скр. *dampatī aṇīyātām* 'пусть хозяин и хозяйка едят'.

С другой стороны, оптатив выражает действие возможное: греч. ῥεῖα θεός γ' ἐθέλων καὶ θηλόθεν ἄνδρα σώσει 'бог мог бы легко, если бы захотел, человека и издалека спасти', скр. *kāmayeta rājā samrāḍ bhavitum* 'царь может желать стать самодержцем', гот. *niba faurþis þana swinþan gabindip jah*

þana gard is diswilwai 'он может сначала связать сильного и потом его дом ограбить'.

Таким образом, значение оптатива сходно со значением конъюнктива. Различие состояло, по-видимому, в том, что конъюнктив выражал большую степень вероятности, чем оптатив.

Еще большую степень вероятности выражали сигматические модальные формы. Так можно думать на основании того, что они повсеместно получили значение будущего времени.

Императив отличается от этих наклонений как по значению, так и по способу образования. Он выражает побуждение, а не различные степени возможности или вероятности. Что же касается образования, то он характеризуется не суффиксами, а только отсутствием окончания (или окончаниями вторичного происхождения). А. Мейе поэтому не включал его в систему наклонений, но это — крайность. По своему значению императив является модальной категорией. А особый способ образования его говорит о том, что он образовался в иную эпоху, чем остальные наклонения. Поскольку он выражался первоначально чистой основой, как и в некоторых других семьях языков, и поскольку он является единственным наклонением, свойственным также и хеттскому языку, можно думать, что императив является древнейшей модальной формой индоевропейского глагола.

7. ИНЪЮНКТИВ

В санскрите и авестийском есть глагольные формы с основами презента и аориста и «вторичными» окончаниями, но без аугмента. Их называют инъюнктивом. В отличие от аналогичных форм с аугментом (имперфект, аорист), имеющих четкое значение прошедшего времени, инъюнктив имеет значение разнообразное и неопределенное. Нередко он выражает прошедшее время, но иногда, особенно если глагол сочетается с наречной приставкой, имеет значение настоящего времени, напр., *aśhā kavim nṛtaṇo gāh* 'к мудрецу, мужественный, идешь'. И. Гонда установил, что в Ведах инъюнктив употребляется в тех случаях, когда глагол

имеет вневременное значение. Это бывает в текстах мифологического содержания, напр., *na rodasī ara nudanta ghorā juṣanta vrdham sakhyāya devāḥ* 'страшные не отталкивают Родаси, боги с радостью принимают могучую в свое общество', или ритуального: *ghṛtasya dhārāḥ samidho nasanta* 'струи масла касаются дров'. Инъюнктив выражает также пожелание, напр., *tubhyam devā adhi bruvan* 'да благословят тебя боги!', а иногда — и побуждение: *sa tvam na ... avitā vrdhe bhūh* 'будь нам помощником к преуспеванию!'. С отрицательной частицей *mā* он выражает запрещение: *mā dabnan* 'пусть они не вредят!', *mā ni gāh* 'не иди!'. В этих случаях он имеет обычно основу аориста, но встречается и с основой презента. Очевидно, инъюнктив не имел первоначально ни временного, ни модального значения, а приобрел их в связи с различными контекстами. Такое значение его, несомненно, является архаичным. И хотя инъюнктив засвидетельствован только в индо-иранских языках, распространено мнение, что он является остатком весьма древней праиндоевропейской категории.

8. МЕДИЙ

Окончания

С точки зрения залога рассмотренные до сих пор формы именуются активом. Но сами по себе эти формы не имеют ни звуковых, ни смысловых признаков залога, они в этом отношении не маркированы и являются залогом только по отношению к другому, маркированному. Маркированным залогом в праиндоевропейском был средний или медий. Он выражался особыми окончаниями.

Парадигмы, восходящие к праиндоевропейскому медию, есть в хеттском языке, индо-иранских, греческом, тохарских, итальянских, кельтских и готском (единственном из германских языков). Но в этих языках они сильно различаются как по окончаниям, так и по значениям. В хеттском языке медий выражает непереходное действие, напр., *niniktari* 'поднимается' (при *ninikzi* 'поднимает'), а также состояние;

напр., *kitari* 'лежит'. В греческом он обычно также выражает непереходность, напр., *λείπει* 'остаётся' (при *λείπει* 'оставляет'), *ἐλπίζει* 'надеется' (при *ἐλπίζει* 'обнадеживает'), но нередко также обозначает, что действие производится субъектом для себя, в свою пользу, напр., *βάλλει* 'бросает себе, для себя', *ἐλκεται* 'тащит себе, к себе'; кроме того, здесь медий имеет значение возвратное (*καλύπτει* 'накрывается') и пассивное (*τιμᾶται* 'почитаётся', *φυλάσσεται* 'охраняется'). В санскрите главное значение медия — совершение действия субъектом для себя, но иногда он имеет и возвратное, и непереходное значения. Окончания медия выражают здесь и пассив, но при этом основа получает суффикс *-ya-* (индоевр. **ie/iō*), выражающий состояние, напр., *jī-yāte* 'побеждается'. В итальянских, кельтских и готском языках формы, восходящие к медию, получили, в основном, страдательное значение и именуются пассивом.

В греческом и индо-иранских языках есть два ряда окончаний медия — «первичные» и «вторичные»; в итальянских и кельтских — один ряд, восходящий к индоевропейским «вторичным»; в готском — также один ряд, но «первичные» это или «вторичные» окончания, — трудно решить, и мнения по этому вопросу расходятся. В хеттском — особые окончания медия, из которых только некоторые находят себе соответствие в отдельных древнейших формах других индоевропейских языков (в основном, санскрита).

В этих расхождениях отражаются различия, существовавшие между диалектами праиндоевропейского языка, связанные, в свою очередь, с развитием категории медия. Медий прошел сложный путь развития в праиндоевропейском языке, и различные этапы его отложились в разных диалектах. Поэтому начнем с отдельных диалектов и будем продвигаться к реконструкции общеиндоевропейской системы, вскрывая процессы изменений, происходившие в этой категории.

Наибольшую общность имеют формы медия в греческом и индо-иранских языках, где они, к тому же, наиболее многочисленны и образуют систему, во всех отношениях парал-

тельную систему актива. Именно из этих языков исходили индоевропейцы в реконструкции праиндоевропейского меди до сравнительно недавнего времени, пока не было обращено серьезное внимание на факты хеттского языка. Начнем и мы с этих языков.

В греческом и индо-иранских языках, как уже упоминалось, окончания меди разделяются на «первичные» и «вторичные». Для примера возьмем формы презент и имперфекта.

	Санскрит		Греческий	
	Презент	Имперфект	Презент	Имперфект
Ед. ч.	<i>bhare</i>	<i>abhare</i>	φέρωμι	ἐφέρωμην
	<i>bharase</i>	<i>abharathāh</i>	φέρεσι,	ἐφέρεσσι,
			φέρη	ἐφέρου
	<i>bharate</i>	<i>abharata</i>	φέρεσσι	ἐφέρετο
Множ. ч.	<i>bharamahe</i>	<i>abharamahi</i>	φέρόμεθα	ἐφέρόμεθα
	<i>bharadhve</i>	<i>abharadhvam</i>	φέρεσθε	ἐφέρεσθε
	<i>bharante</i>	<i>abharanta</i>	φέροντα	ἐφέροντο

«Первичное» окончание первого лица ед. ч. скр. *-e* восходит, как видно из сравнения с греческим, к **-ai*. В греч. *-μι* μ возникло, по-видимому, под влиянием соответствующего окончания актива *-μι*. Итак, архетип восстанавливается в виде **-ai*.

Окончание второго лица ед. ч. восстанавливается в виде **-sai*. В греческом оно полностью сохранилось в нетематических глаголах (τίθεςσι 'кладешь'). В тематических *s* между гласными выпало.

Окончание третьего лица ед. ч. было **-tai*.

В отношении первого лица множ. ч. следует начать с греч. *-μεσθι*. В гомеровских поэмах это окончание обычно имеет вид *-μεσθι*. Очевидно, это сочетание окончания актива **-mes* и частицы **-dha*. Таков же состав, по-видимому, и скр. *-mahe*. Конечное *-e* здесь объясняется влиянием остальных личных окончаний.

Окончания второго лица множ. ч. в санскрите и греческом расходятся, и архетип не восстанавливается.

Окончание третьего лица множ. ч. — **-ntai*.

«Вторичное» окончание первого лица ед. ч. скр. *-e* есть только у тематических глаголов. Оно состоит из тематического гласного и окончания *-i* (нужно помнить, что в санскрите *e* всегда происходит от дифтонгов). В нетематических глаголах — только *-i*, напр., *advīṣi* 'я ненавидел'. Это окончание не соответствует греческому *-μι*, и архетип не восстанавливается.

«Вторичные» окончания второго лица ед. ч. различны, но оба восходят к праиндоевропейскому. В греческом — *-so*, сохранившееся в нетематических глаголах (напр., ἐτίθεςο 'ты положил'); в тематических *s* между гласными выпало. В санскрите соответствующего окончания нет, но есть в авестийском — *-ha* (*barahya* 'ты принес'). В латинском это окончание имеет гласную *e*: *sequere* (более позднее и обычное — *sequeris*) 'следующь' (из **seque-se*). Следовательно, архетип — **-se/so*. Санскритское *-thās* имеет соответствие в хетт. *-ta*, тох. *-ta-r*, др.-ирл. *the-r* и в греч. окончании пассива аориста *-θης*. В последнем элемент *-θη-* иногда рассматривается как суффикс, поскольку он есть и в других личных формах этого аориста, но как суффикс он не объясняется на индоевропейской почве; по-видимому, он распространился на другие формы из окончания второго лица ед. ч. *-θης*. Эти окончания восходят к **-thas* или **-tha*. Долгое *e* в окончаниях греческого пассивного аориста *-θην*, *-θης* и т.д. могло возникнуть под влиянием параллельного аориста на *-ην*, *-ης* и т.д.

Окончания третьего лица ед. ч. греч. *-το*, скр. *-ta* свидетельствуют об индоевр. **-to*. Но в Ведах есть еще третье лицо ед. ч. медиального аориста с окончанием *-a* (*a-duha* 'он доил', *a-īca* 'он управлял, владел'), которое имеет себе соответствие только в хеттском меди (*śsa* 'сидит') и древне-ирландском пассиве (*bera-r* 'несется', *cana-r* 'поется').

Окончание первого лица множ. ч. то же, что и «первичное». Конечное *-i* в скр. *-mahī* не ясно.

Во втором лице множ. ч. окончания расходятся.

Окончание третьего лица множ. ч. — **-nto*. В индо-иранских языках есть также загадочные окончания с характерным

элементом *-r*: скр. *çere* 'лежат', *duhre* 'доют' (в перфекте *-re* стало всеобщим: *çakrire* 'сделали', *bibhyire* 'испугались' и т.д.), в вед. также *-ra*, *-ran*, *-rate*; авест. *soire* 'лежат'.

Соответствия между окончаниями двойственного числа не ясны.

В латинском пассиве — только один ряд окончаний. В первом и третьем лицах обоих чисел к окончаниям присоединяется еще особый показатель пассива *-r*.

В первом лице ед. ч. (напр., *amor* 'я любим') окончание то же, что и в активе, а показателем пассива является только *-r*.

Окончания второго лица ед. ч. — *-re* и *-ris* (*amāre*, *amāris*). У древнейших авторов преобладает первое, у более поздних — второе; очевидно, второе — латинское новообразование. *-re* восходит к «вторичному» окончанию **-se*. Окончания третьего лица ед.ч. и множ. ч. *-tu-r*, *-ntu-r* восходят к **-to*, **-nto*. Окончание первого лица множ. ч. *-mu-r* того же происхождения, что и соответствующее окончание актива *-mus*, т. е. восходит к **-mos* (*s* выпало перед *r*). Форма второго лица множ. ч. (*amāmini*) не имеет никакой связи с аналогичной формой других индоевропейских языков. Наиболее правдоподобно, что она образовалась из страдательного причастия (срв. греч. *λεγόμενοι*). Таким образом, латинские окончания пассива второго лица ед. ч. и третьего обоих чисел восходят к «вторичным» медиальным **-se/so*, **-to*, **-nto*. В первом лице обоих чисел используются окончания актива.

Подобное положение и в кельтских языках. Там также пассивные формы оканчиваются особым показателем *-r*.

В готском языке пассив имеет только три личных окончания. Форма первого лица ед. ч. имеет то же окончание *-da*, что и третье лицо ед. ч. Второе лицо ед. ч. обозначается окончанием *-za*. Все три лица множественного числа имеют окончание *-nda*. Происхождение этих окончаний не ясно, и существуют различные мнения по этому вопросу. Издавна существует мнение, что окончания *-za*, *-da*, *-nda* происходят от «первичных» медиальных **-sai*, **-tai*, **-ntai*¹. Оно осно-

вано на предположении, что в готском краткие дифтонги на конце слова утрачивали *i* (то, что долгие дифтонги сохраняли оба компонента, доказывается формой датива ед. ч. основ на **-ā*, напр., *gibai*). Но это предположение опровергается формой номинатива множ. ч. прилагательных (*blindai*, *mikilai*), в которой дифтонг *ai* на конце сохраняется. Сторонники этой точки зрения все же настаивают на своем, указывая на окончание датива ед. ч. *-a* основ на **-o* (*daga*), которое, по их мнению, восходит к **-oi* и, следовательно, утратило *i*. Но греч. окончание *-φ*, др.-лат. *-ōi* и скр. *-āy-a* свидетельствуют о том, что в индоевропейском датив ед. ч. основ на **-o* оканчивался на **-ōi*, которое в готском отразилось бы как *-ai*. Поскольку исследование В. П. Мажюлиса показало, что в той группе индоевропейских диалектов, в которую входил протогерманский, существовала форма датива ед. ч. в виде чистой основы с удлинением конечного гласного, очевидно, что готское окончание датива ед. ч. *-a* восходит к **-ō*, а не к дифтонгу *-oi*. Возведению *-za*, *-da*, *-nda* к «вторичным» окончаниям **-so*, **-to*, **-nto* препятствует то, что в германских языках краткий гласный на конце слова утрачивался. К. Бругман полагал, что формы готского пассива имели первоначально конъюнктивно-императивное значение и окончания их образовались из окончаний третьего лица ед. и множ. ч. императива меди, сохранившихся в этом значении в санскрите в виде *-tām*, *-ntām*¹. Однако нет никаких оснований ни предполагать у готского пассива первоначально конъюнктивно-императивное значение, ни возводить к праиндоевропейскому окончанию *-tām*, *-ntām*, представленные только в санскрите. Единственно правдоподобным является предположение А. Мейе², поддержанное впоследствии У. Петерсеном³, что готские *-za*, *-da*, *-nda* отражают индоевропейские **-sō*, **-tō*, **-ntō* (с удлинением гласной).

Ввиду сложности вопроса об окончаниях меди нужно учесть и факты тохарских языков. Здесь меди имеет два ряда окончаний; поэтому нужно рассмотреть формы презента и претерита. Для примера берем глаголы: из зап. — *yamas-*

‘делать’, *paikā-* ‘писать’, *kaṁā-* ‘брать’, *pāssa-* ‘охранять’ из вост.-тох. — *ura-*, *ya-* ‘делать’, *ser-* ‘плакать’, *kālpā-* ‘достигать’.

	Западнотохарский		Восточнотохарский	
	Презент	Претерит	Презент	Претерит
Ед. ч.	<i>yamaskemar</i>	<i>paikāmai</i>	<i>yamār</i>	<i>kālpe</i>
	<i>yamastar</i>	<i>kaṁātai</i>	<i>yatār</i>	<i>kālpāte</i>
	<i>yamastār</i>	<i>kaṁāte</i>	<i>yatār</i>	<i>kālpāt</i>
Мн. ч.	<i>yamasmtār</i>		<i>yramtār</i>	<i>kālpāmāt</i>
	<i>yamascār</i>	<i>pāssat</i>	<i>sercer</i>	<i>kālpāc</i>
	<i>yamaskentrā</i>	<i>kaṁānte</i>	<i>yramtār</i>	<i>kālpānt</i>

Все формы презента оканчиваются на *-r*. Это тот же показатель медиа, что и в латинском и кельтских языках. Личные окончания нужно выделять за вычетом его.

Окончание первого лица ед. ч. презента *-ma* (вост. *mā*) не находит себе соответствия в рассмотренных до сих пор языках. Окончание второго лица ед. ч. *-ta* (вост. — *tā*) отражает индоевропейское «вторичное» *-tha* (или *-thā*), а третьего лица ед. ч. *-tā* — «вторичное» **-to*. Показатель первого лица множ. ч. *-mtā* происходит, видимо, от *-māt*, сохранившегося в претерите (аналогичная перестановка наблюдается нередко и в третьем лице множ. ч. — *-ntrā* наряду с *-ntār*), а последний соответствует греч. *-μεσθ*, скр. *-mahe* и восходит к **-mes-dha*. Второе лицо множ. ч. оканчивается на *-ce*, имеющее связь с окончанием актива *-te*. Окончание третьего лица множ. ч. *-ntā* восходит к «вторичному» **-nto*.

В претерите западнотохарское окончание первого лица ед. ч. *-mai* совпадает с греческим и, видимо, восходит к **-ai*. Вост. *-e* В. Краузе также возводит к **-ai*, хотя по этому вопросу нет определенных фонетических данных¹. Остальные окончания отражают индоевропейские «вторичные», как и окончания презента: второго лица ед. ч. зап. *-tai*, вост. *-te* есть **-tha*, видоизмененное под влиянием окончаний первого лица *-mai*, *-e*; третьего лица *-te*, *-t* отражает **-to*; окончания первых двух лиц множ. ч. — те же по происхождению, что и в презенте; в третьем лице множ. ч. *-nte*, *-nt* — от **-nto*.

Таким образом, только окончание первого лица ед. ч. претерита восходит к индоевропейскому «первичному». Остальные окончания презента и претерита представляют собой не два различных ряда, а варианты одних и тех же «вторичных» окончаний.

Показательны медиальные формы хеттского языка. Примеры возьмем из глаголов *es-* ‘сидеть’, *ar-* ‘стоять’, *pahs-* ‘защищать, охранять’, *kis-* ‘становиться’.

	Презент		Претерит	
	Ед. ч.	Множ. ч.	Ед. ч.	Множ. ч.
<i>eshahari</i>		<i>eswastati</i>	<i>eshahat</i>	<i>arwastat</i>
<i>artati</i>		<i>pahhastuma</i>	<i>estat</i>	<i>kistumat</i>
<i>esari, artari</i>		<i>esantari</i>	<i>esat</i>	<i>esantat</i>

Как видно из этих примеров, окончания презента и претерита одни и те же. Различие между этими категориями состоит только в том, что в презенте к окончаниям присоединяется элемент *-ri* (во втором лице ед. ч. и первом множ. ч. — обычно *-ti*, хотя во втором встречается и *-ri*), а в претерите — *-t*. В презенте элемент *-ri* или *-ti* не обязателен; в текстах встречаются формы презента и без него (но в первом лице ед. ч. он обычно бывает). Во втором лице множ. ч. его вообще нет. Поскольку только элемент, прибавляемый к окончаниям презента, имеет гласную *i*, а аналогичный элемент в претерите состоит из одной согласной, можно думать, что это *i* есть по происхождению тот же показатель настоящего времени, что и в «первичных» окончаниях актива. Тогда в формах презента оказывается тот же дополнительный показатель медиа *-r*, что и в итальянских, кельтских и тохарских языках. Хеттский язык показывает, что этот показатель первоначально был факультативным. Этим можно объяснить отсутствие его в индо-иранских, греческом и готском языках.

Окончание первого лица ед. ч. *-ha* в глаголах с основами на гласные удваивается, но в основах на согласные обычно без удвоения (напр., *nejahhari* ‘поворачиваюсь’). В других индоевропейских языках, утративших ларингальную,

этому окончанию должно соответствовать *-a*. В чистом виде оно не встречается, но есть с разными добавлениями. В тохарских это *-ma*, *-mā*; *m* здесь, видимо, как и в греческом *-μхи*, перенесено из окончания актива. В греческо-индо-иранском «первичном» **-ai* это *-a* снабжено показателем презента *-i*.

Окончание второго лица ед. ч. *-ta* соответствует тох. *-ta*, скр. *-thāh*, греч. *-θης*, ирл. *-the*.

Форма третьего лица ед. ч. бывает с окончаниями *-ta* (*arta*) и *-a* (*esa*). Первое соответствует скр. *-ta*, греч. *-το*, лат. *-tu* и т.д. и восходит к **-to*. Второе находит себе соответствие только в вед. *-a* (*aduha*) и др. ирл. *-a* (*bera-r*). Возможно, что было соответствующее окончание и в венетском языке. В одной венетской надписи есть глагол *tolar*, обозначающий, по-видимому, 'получил'¹; это форма третьего лица ед. ч. меди с дополнительным показателем *-r* и окончанием *-a*. Хеттское и санскритское *-a* могут восходить и к *a*, и к *o*, но ирландское и венетское окончания указывают на архетип **-a*.

Окончание первого лица множ. числа *-wasta* имеет такой же состав, как и греч. *-μεσθι*, скр. *-mahe*, тох. *-māt*. Оно состоит из окончания актива **-ues/uos* (в активе в нем, как и в греч. *-μεν*, конечное *s* заменилось на *n* и получилось окончание *-wen*) и частицы **-dha*.

Показатель второго лица множ. ч. *-tuma* сравним только с скр. *-dhvam*. Сравнение это показывает, что конечное *-a* есть какой-то присоединенный элемент, а окончание *-tum* восходит к **-dhum*.

Окончание третьего лица множ. ч. *-nta* отражает **-nto*.

Возникает вопрос о происхождении дополнительного факультативного показателя меди *-r*. Наиболее вероятно, что он был сначала окончанием какой-то часто употреблявшейся личной формы меди и потом распространился на другие формы. Такая личная форма с окончанием *-r* есть в санскрите; это единичные случаи третьего лица множ. ч. на *-re* (*çere* 'лежат', *duhre* 'доют'). Окончание *-r* имеет также итальянская и кельтская безличные формы (умбр. *ier* 'идут',

ferar 'понесут', сск. *sakrafir* 'пусть принесут в жертву', брет. *nem gueler* 'меня не увидят', *ez consacrer* 'тебя посвящают'). Эта форма могла первоначально иметь значение третьего лица множ. ч. Эти факты дают основание реконструировать форму третьего лица множ.ч. с окончанием **-r*.

Хеттские окончания единственного числа интересны в том отношении, что они соответствуют в других языках особым окончаниям, существующим только в отдельных языках или даже в отдельных глаголах и выпадающим из общей системы: первого лица тох. *-ma* при общем **-ai*, второго лица скр. *-thāh* при авест. *-so*, греч. пасс. аорист *-θης* при закономерном «вторичном» *-so*, третьего лица вед. *-a* при закономерном «вторичном» **-to*. Санскритские и итало-кельтские факты указывают на существование аналогичного особого, выпадающего из системы окончания третьего лица множ. ч. **-r*. Таким образом обнаруживается, помимо «первичных» и «вторичных» окончаний, еще третий ряд окончаний меди: единственного числа **-ha*, **-tha*, **-a* и третьего лица множественного числа **-r*.

Эти три ряда не могли составлять единую систему, потому что в презенте, аористе и наклонениях индоевропейского языка противопоставлялись только «первичные» и «вторичные» окончания. А в меди система этих двух рядов есть только в индо-иранских и греческом языках, в остальных же (хеттском, итальянских, кельтских, готском, тохарских) меди имеет только один ряд окончаний. По-видимому, перед нами — различные системы, сложившиеся на различных этапах развития праиндоевропейского языка.

Окончания первого и второго лиц множественного числа во всех трех рядах одни и те же. Следовательно, нужно подвергнуть анализу с точки зрения относительной хронологии окончания трех лиц единственного числа и третьего лица множественного числа.

«Первичные» окончания **-ai*, **-sai*, **-tai*, **-ntai* не могут быть признаны древнейшими. Они составляют систему только в индо-иранских и греческом языках и легко могут быть объяснены как результат видоизменения других окончаний:

*-ai образовалось из более древнего *-ha в сочетании с показателем презента -i, а *-sai, *-tai, *-ntai — из окончаний актива *-s, *-t, *-nt под влиянием *-ai. Остатки их есть и в балто-славянских языках. Окончание первого лица ед. ч. в виде *-mai (образованное, по-видимому, так же, как и греч. и тохар. -mai), отражено в прус. *asmai* 'есмы', ст.-лит. *duomie-si* (возвр. форма) 'даюсь' *duomie-t* 'даю тебе' и в виде *-ai — в др.-рус. вѣдѣ 'знаю'. Окончание второго лица ед. ч. *-sai представлено в прус. *assai, assei* 'еси', *eiskisai* 'поднимаешься', *waissei* 'знаешь', *ēisei* 'идешь', и в славянских нетематических глаголах *юси, даси, вѣси, яси*. Поскольку эти окончания сохранились в нетематических глаголах и стали признаком их, они распространились и на нетематический глагол *es- 'быть', в котором первоначально отсутствовали. В др.-рус. форме вѣдѣ *-ai вторично, потому что эта форма восходит к перфекту, который первоначально не имел залогов, но если есть *-sai в презенте и *-ai в перфекте, то можно думать что было *-ai и в презенте.

К *-ai возводится и латинское окончание первого лица ед. ч. перфекта -ī (напр., *vīdī*), но здесь оно не могло быть результатом органического развития, не только потому, что перфект в праиндоевропейском не имел залогов, но и потому, что латинский медиопассив не имеет «первичных» окончаний *-ai, *-sai и т.д. К тому же парадигма латинского перфекта в целом восходит к активу: окончание второго л. ед. ч. -tī — это видоизмененное под влиянием первого л. ед. ч. окончание перфекта *-tha, окончание третьего лица ед. ч. др.-лат. -ed — это сочетание перфектного *-e и аористного *-t. Рассматриваемое окончание могло быть заимствовано протоиталийским из какого-то другого индоевропейского диалекта.

Из этих фактов следует вывод, что окончания *-ai, *-sai, *-tai, *-ntai образовались в праиндоевропейском только в восточной группе диалектов; возможно даже, что не во всех в равной степени, в частности — в протославянском и протобалтийском они могли не получить полного развития. Здесь они получили значение настоящего времени, а окончания

*-so, *-to, *-nto, существовавшие еще до этого, стали обозначать прошедшее.

Окончания *-so, *-to, *-nto есть не только в восточных индоевропейских языках, но и в западных. Они были общиндоевропейскими. Это говорит о большей древности их. Итальянские, кельтские, тохарские и хеттский языки показывают, что они не имели значения времени. Но окончания *-so, *-to, *-nto в некоторых языках имеют не только медиальное значение. В хеттском -ta служит показателем третьего лица ед. ч. не только в меди, но и в претерите актива, напр., *esta* 'был', *kwentā* 'убил'. В вепетском форма третьего лица ед. ч. с окончанием -to имеет активное значение: *zonasto* 'подарил', *zoto* 'дал', *vhaχsθo* 'сделал'. В старославянском, где меди как категория исчез, окончание -тъ, восходящее, по-видимому, к *-to, бывает в аористе актива (дастъ, приведетъ). В греческом, в поэмах Гомера, эти окончания у некоторых глаголов имеют активное значение. Употребляются они и у некоторых *activa tantum*, которые в настоящем времени вообще не имеют медиальных окончаний. Напр., глагол φημί 'говорить', который в презенте имеет только окончания актива, в аористе употребляется у Гомера обычно в форме φάτο. Глагол τίχτω 'рождать, производить' также в настоящем времени является только активным, но в прошедшем употребляется преимущественно в форме τέχeto. Активные глаголы ἐρύω 'рвать, вырывать, хватать', κομίζω 'радушно принимать, ухаживать', δάμνυμι 'покорять, одолевать', διώκω 'преследовать' в аористе имеют обычно медиальные окончания, а αἰρέω 'брать', φιλέω 'любить', ἔχω 'держатъ' — то активные, то медиальные с активным значением. Эти факты говорят о том, что окончания *-so, *-to, *-nto первоначально не были показателями меди. По всему видно, что они были фонетическими вариантами окончаний актива *-s, *-t, *-nt.

Все факты ведут к заключению, что древнейшими показателями меди были окончания *-ha, *-tha, *-a, *-r. Они не могут быть объяснены как результат позднейших видоизменений каких-нибудь других окончаний. Только в хеттском языке, представителе наиболее рано обособившегося диалекта,

окончания **-ha*, **-tha*, **-a* составляют систему, а в других индоевропейских языках они, так же как и окончание **-r*, существуют как уцелевшие обломки какой-то иной системы. Почему они были вытеснены во многих языках окончаниями **-so*, **-to*, **-nto*, мы сможем выяснить при анализе всей системы глагольных форм праиндоевропейского языка.

Значение медиа

Сложен и вопрос о значении медиа. Поэтому нужно рассмотреть его особо.

В индо-иранских языках меди́й обозначал преимущественно действие, производимое предметом для себя, в свою пользу. Такое значение меди́й нередко имеет и в греческом языке. Поэтому некоторые языковеды, в том числе и такой авторитетный индоевропеист, как А. Мейе¹, считали это значение основным значением индоевропейского медиа. Однако факты хеттского языка и более внимательный разбор фактов греческого принуждают отказаться от этого вывода.

В гомеровских поэмах полностью преобладает непереходное значение медиа. Так, меди́й от глагола *ἔχω* 'держатъ' означает не 'держатъ для себя', а 'держатъся, удерживатъся'; *ἵστημι* 'ставитъ' в меди́и значитъ 'статъ, стоятъ' (а не 'ставить для себя'), *νέω* 'разделятъ, пасти' — в меди́и 'пасти́сь, кормитъся, пользоваться, обитатъ' (но не 'пасти для себя'), *στρέφω* и *τρέπω* 'поворачиватъ' — мед. 'поворачиватъся, обращаться', *κυλίνδω* 'катитъ, вертеть' — мед. 'катитъся', *κινέω* 'двигатъ' — мед. 'двигатъся', *ὀρνομι* 'подниматъ' — мед. 'подниматъся', *ὀρρίζω* 'возбуждатъ, подниматъ' — мед. 'подниматъся, возбуждатъся, стремитъся', *ἵημι* 'пускатъ, бросатъ' — мед. 'бросатъся, устремлятъся', *σέβω* 'двигатъ, гнатъ' — мед. 'гнатъся, устремлятъся', *πύμπλημι* 'наполнятъ' — мед. 'наполнятъся', *ἄλλομι* 'терятъ, губитъ' — мед. 'гибнутъ', *ἐλπώ* 'обнадеживатъ' — мед. 'надеятъся', *κρίδω* 'огорчатъ' — мед. 'печалитъся', *χολόω* 'сердитъ' — мед. 'гневатъся', *πειράζω* 'пробоватъ, испытыватъ' — мед. 'пытатъся', *λέγω* 'уложитъ' — мед. 'лечъ, лежатъ', *σχεδάζω* 'рассеиватъ, распространятъ' — мед. 'рассеиватъся, простиратъся', *τενέω* 'растягиватъ, про-

стиратъ' — мед. 'растягиватъся, простиратъся' и т.д. Значение совершения действия субъектом в свою пользу имеют в меди́и обычно те глаголы, у которых оно непосредственно вытекает из лексических значений (*καλέω* 'призывать', *ἐννύμι* 'надеватъ', *τίνω* 'мститъ', *λέγω* 'собиратъ', *κρίνω* 'выбиратъ, отбиратъ', *εὐρίσκω* 'находитъ', *ἔλκω* 'тащитъ' и др.). Некоторые глаголы (*φέρω* 'нести', *ἄγω* 'вести', *λύω* 'развязывать, освобождать', *χέω* 'лить, сыпать', *ἀμύνω* 'защищать' и некоторые другие могут иметь в меди́и и одно, и другое значение. Иногда меди́альные формы имеют страдательное значение. Есть также отдельные случаи возвратного (*λοῦσάντο* 'помылись') и взаимного значений. Наконец, у некоторых глаголов, переходных и непереходных, меди́альные и активные формы имеют одно и то же значение¹.

В хеттском языке основным значением медиа является непереходное. Так, непереходные глаголы *ar-* 'стоятъ', *iya-* 'идти' имеют только меди́альные окончания. Глагол *nai-* 'направлятъ, обращатъ' в меди́и имеет значение 'направлятъся, обращатъся', *harp-* 'отделятъ, разделятъ' — мед. 'отделятъся, разделятъся, ссоритъся', *nin(i)k-* 'подниматъ' — мед. 'подниматъся, выступатъ в поход', *handai-* 'устраиватъ, приготовлятъ' — мед. 'выявлятъся, оказыватъся, определятъся', *zinna-* 'кончатъ' — мед. 'кончатъся', *karp-* 'подниматъ, совершатъ, заканчиватъ' — мед. 'совершатъся, заканчиватъся', *kars-* 'отрезатъ, отделятъ, изгонятъ' — мед. 'переставатъ, прекращатъ, отказыватъся', *muḥpa-* 'покрыватъ, скрываютъ' — мед. 'скрываютъся', *sallanu-* 'увеличиватъ, расширятъ, выравниватъ' — мед. 'расширятъся, выравниватъся', *lazziya-* 'приводитъ в порядок' — мед. 'приходитъ в порядок, выздоравливатъ', *aus-* 'видетъ' — мед. 'являтъся, показыватъся', *lag-* 'наклонятъ, сгибаютъ' — мед. 'наклонятъся, шататъся', *supriyahh-* 'очищатъ, освячатъ' — мед. 'очищатъся (ритуально)', *uniwai-* 'устраиватъ, украшатъ' — мед. 'украшатъся', *luk-* 'зажигатъ' — мед. 'светитъся, рассветатъ' и т.д. Некоторые непереходные глаголы (*weh-* 'поворачиватъся, обращаться', *haliya-* 'стоятъ на коленях', *karussiya-* 'молчатъ, быть безразличным') бывают и с активными, и с меди́альными

окончаниями в одном и том же значении. Глаголы, выражающие состояния (*ki-* 'лежать', *ishahruwa-* 'плакать', *anda impai-* 'печалиться', *kis-* 'становиться', *duska-* 'радоваться', *nahsariya-* 'бояться', *dahusiya-* 'терпеть зависимость, подчинение', *irmaliya-* 'болеть', *ze-* 'кипеть, вариться'), за единичными исключениями, имеют медиальные окончания. Несколько глаголов имеют в медиі взаимное значение и несколько — страдательное. Значение совершения действия субъектом в свою пользу можно предполагать только у медиальных глаголов *usnesk-* 'покупать, нанимать', *halzai-* 'звать' и у глагола *es-*, который, кроме непереходного значения 'сесть', имеет также значение 'занять, захватить, заселить'¹.

Таким образом, факты хеттского и греческого языков указывают на непереходность как основное значение медиі. Однако в праиндоевропейском это значение могло быть свойственно медиі в какой-то степени только на последнем этапе. Признать его исконным значением этой категории препятствует то обстоятельство, что, как показывают факты, в праиндоевропейском переходность и непереходность слабо различались в глаголах. Так, в гомеровских поэмах *ἔχω* значит не только 'держать', но и 'держаться, находиться', *κλίνω* — 'наклонять' и 'наклоняться', *στρέφω* — 'вращать' и 'поворачиваться', *τείνω* — 'тянуть' и 'тянуться', *ὀρμάω* — 'двигать' и 'двигаться' и т.п.². Причастие на **-nt*, которое в большинстве индоевропейских языков имеет активное значение, в хеттском сохраняет его только у непереходных глаголов, а у переходных является пассивным. Для выяснения первоначального значения медиі следует обратить внимание на *media tantum*, т.е. глаголы, имеющие только медиальные окончания.

В гомеровских поэмах к таким глаголам относятся многие непереходные, напр., *οἴχομαι* 'уходить, удаляться', *νέομαι*, *νεῦμαι* 'приходить, уходить', *πέτομαι* 'лететь, нестись', *ἡγέομαι* 'идти впереди, предводительствовать', *νίσσομαι* 'идти, ходить', *ῥέωμαι* 'двигаться', *φέβομαι* 'убегать', *χᾶζομαι* 'отступать', *ἔπομαι* 'следовать', *ἄλλομαι* 'прыгать', *πένομαι*,

πονέομαι 'трудиться, заниматься', *τίτῃσκομαι* 'прицеливаться', *μυθέομαι* 'говорить', *λαβρεύομαι* 'болтать', *μυντεύομαι* 'предсказывать, прорицать' и др. Но наибольшую группу *media tantum* составляют глаголы, обозначающие различные состояния, напр., *δύναμαι* 'мочь', *γίγνομαι* 'рождаться, появляться, быть', *κεῖμαι* 'лежать', *ἵμμαι* 'сидеть', особенно — состояния чувства и ума (независимо от переходности или непереходности), напр., *βούλομαι*, *ἐέλδομαι*, *ἡλχίομαι* 'хотеть', *εὖχομαι* 'желать, молиться, давать обет', *ἠράομαι* 'хотеть, умолять, молиться', *ἡγνύομαι* 'радоваться', *ἄχνομαι* 'печалиться, горевать', *ὀδύρομαι*, *ὀλοφύρομαι*, *μύρομαι* 'плакать, горевать', *σχιζομαι*, *ὀδύσσομαι*, *χώομαι*, *ἐπιμέμφομαι* 'гневаться', *ἄζομαι* 'бояться', *ἔρχομαι* 'любить', *θηέομαι* 'удивляться', *μέδομαι* 'думать, обдумывать', *ἐπίσταμαι* 'уметь' и др. Как уже отмечено, эти глаголы бывают и переходными. Так, *ἄράομαι* имеет непереходное значение 'хотеть, стремиться' и переходное 'молить'; *ὀδύρομαι* и *ὀλοφύρομαι* имеют непереходное значение 'плакать, горевать' и переходное 'оплакивать', *αἰδέομαι* значит 'стыдиться' и 'почитать', *ἄζομαι* 'отступать, бояться' также может иметь при себе прямое дополнение и быть переходным. В гомеровских поэмах лишь пять глаголов *media tantum* обозначают действия, совершаемые субъектом в свою пользу: *δέχομαι* 'получать, принимать', *αἰνέομαι* 'брат', *ἔρυνται* 'приобретать', *λάζομαι* 'хватать, брать', *οἰνίζομαι* 'приносить, наливать вино'.

В санскрите большинство *media tantum* также выражают состояния: *āste* 'сидится, сидит', *çete* 'лежит', *kakate*, *vyathate* 'колеблется', *vepate* 'дрожит', *ihate* 'желает', *kṛpate* 'страстно желает, тоскует, печалится', *modate* 'радуется', *bhāmate* 'гневаётся', *çakame* 'любит', *bhandate* 'светит, сияет', *çacate* 'находится вместе с... , близок, принадлежит, следует', *sphayate* 'полнеет, увеличивается', *pyāyate* 'полон, пухнет, изобилует' и др. Среди них есть и переходные: *arthate*, *arthayate* 'желает, стремится, просит', *lokate*, *bhalate* 'видит'. Некоторые *media tantum* обозначают непереходные действия: *navate*, *tekate* 'идет', *dhavate* 'течет', *padyate* 'падает, погибает', *vartate* 'поворачивается, вертится', *jarate* 'шумит, кричит, поёт' и др.¹.

В хеттском трудно выделить *media tantum*, потому что в имеющихся текстах многие глаголы представлены не во всех своих формах, но из тех глаголов, которые встречаются в текстах только с медиальными окончаниями, два обозначают непереходные действия — *iya-* 'идти' и *ar-* 'стоять', остальные — состояния: *kis-* 'становиться', *ki-* 'лежать', *duska-* 'радоваться' и др.

Таким образом, характерным для *media tantum* является значение состояния.

Показательно также развитие в медиин пассивного значения. Это значение нередко принимают медиальные формы в греческом языке. Есть оно и в хеттском. Оно возобладало в медиин в латинском, кельтских и готском языках. То, что латинский пассив происходит от индоевропейского медиин, не только свидетельствуется его окончаниями, но и подтверждается анализом значений депонентных глаголов. Анализ латинских депонентных глаголов показал, что они имеют в общем такие значения, как греческие и санскритские *media tantum*¹. Исследование готского медиопассива, произведенное М. М. Гухман², обнаружило, что он выражает не только страдательность, но и состояние, и непереходное действие.

Пассивное значение не имеет связи со значением совершения действия в свою пользу и не могло развиваться из него. Оно имеет связь со значением состояния. Об этом свидетельствует тот факт, что в древнейших письменных памятниках греческого, латинского и германских языков при пассивной форме глагола очень редко бывает субъект действия, выраженный именем в косвенном падеже³, но с течением времени этот субъект все больше становится обычным и наконец входит в норму. Очевидно, первоначально пассив сочетался с именем только в именительном падеже, и последнее выражало не объект, а пассивный субъект, т.е. субъект состояния, а пассив выражал состояние. С этим согласуется и то, что в санскрите пассив обозначается не только медиальными окончаниями, но и суффиксом *-ya-*, происходящим от индоевропейского суффикса глаголов состояния **-iō-*.

Эти факты ведут к заключению, что значение состояния первоначально было если не единственным, то, во всяком случае, характерным значением медиин.

9. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛА В ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

Санскрит и греческий

Как мы уже отмечали, в грамматических системах глагола санскрита (также авестийского) и греческого языков есть особенно много общего. Поэтому, чтобы избежать повторений, лучше рассмотреть их системы совместно.

Как видно из предыдущего, в санскрите и греческом лучше, чем во всех остальных языках, сохранились характерные черты поздней индоевропейской глагольной системы, т.е. той системы, которая является объектом ближней реконструкции. В них четко противопоставляются «первичные» и «вторичные» окончания, по их фактам восстанавливаются окончания перфекта. В них наиболее полно отражены основы презент, аориста, перфекта и наклонений, особенности тематических и нетематических глаголов. Правда, в санскрите «первичное» окончание первого лица ед. ч. нетематических глаголов *-mi* распространилось и на тематические глаголы. В греческом сохранилась форма третьего лица ед. ч. без окончания. В греческом сохранились архаические черты значений перфекта и медиин.

Особенно важные данные о глаголе содержит ведийский санскрит. В нем есть некоторые архаические окончания медиин, есть конъюнктив, исчезнувший в классическом санскрите; он является единственным хранителем инъюнктива.

В санскрите и греческом есть и существенные общие новообразования: имперфект, образуемый от основы презент с «вторичными» окончаниями и аугментом; обязательное удвоение корня в перфекте; разветвленная система форм медиин, параллельная во всех временах и наклонениях системе актива, со своими «первичными» и «вторичными» окончаниями. В обоих языках медиин у ряда глаголов имеет пассивное

значение. При этом в санскрите есть особая форма пассива в презенте. Она также имеет медиальные окончания, но характеризуется ударяемым суффиксом *-ya* и (за некоторыми исключениями) редуцированной огласовкой корня.

Латинский

Грамматическая система глагола латинского языка сильно отличается от санскритской и греческой, потому что в нем в значительно большей степени проявились общие тенденции развития глагола в индоевропейских языках. Эти тенденции заключаются в выработке более общей и последовательной закономерности употребления разных глагольных основ, в вытеснении нетематических основ тематическими, в развитии категории времени, в развитии аналитических форм для выражения времени и некоторых других категорий, в постепенном переходе меди в пассив, в развитии префиксации глаголов.

Хотя упорядочение разнообразных глагольных основ в латинском языке было еще далеким от завершения, в результате объединения перфекта и аориста в одной категории спряжение стало базироваться на двух основах: презенте и перфекте. В продуктивных типах установилось закономерное соотношение между основами презенте и перфекта, и глаголы разделились, в основном, на четыре спряжения. При этом единственным представителем нетематического спряжения остался глагол *sint* 'есмы'.

Развитие категории времени проявилось в том, что аорист и перфект стали осознаваться как формы прошедшего времени. Видовые значения их также унифицировались, они стали выражать завершенность действия. Это привело к объединению их в одной категории, которая в латинской грамматике именуется перфектом. Основы перфекта у некоторых глаголов восходят к индоевропейскому перфекту, у некоторых — к аористу. Так, корневая основа с удвоением (напр., *cecidi* 'упал', *tetigi* 'касаясь') происходит, в основном, от перфекта, но в отношении корневых основ без удвоения, с удлинением

гласной (*ēdi* 'ел', *fēci* 'сделал') или без удлинения (*scidi* 'разорвал', *fidi* 'расколол') скорее можно предполагать аористное происхождение. Перфект с суффиксом *-s-* (*dixi* 'сказал', *scripsi* 'написал') восходит к сигматическому аористу. Происхождение основы на *-v-* (*laudavi* 'похвалил', *audivi* 'услышал') не ясно; возможно, она связана с санскритским перфектом на *-u* (*dadāu* 'дал'). Окончания латинского перфекта рассмотрены выше; большинство из них восходят к окончаниям индоевропейского перфекта, но подверглись большим изменениям.

Образовано также прошедшее время со значением незавершенности действия, получившее название имперфекта (*laudābam*). Оно образовано аналитическим способом. Суффикс *-ba/bā* этих форм происходит от прошедшего времени на *-ā* глагола **bhū* 'быть' (как видно из того, что латинскому *b* этого суффикса соответствует оскское *f*), хотя не установлено еще, к какой глагольной форме присоединялся этот вспомогательный глагол.

С помощью конъюнктива глагола **bhū-* образовано будущее время с суффиксом *-b-* (*laudābō*), но оно ограничилось глаголами первого и второго спряжений. В третьем и четвертом спряжениях футур образовался из индоевропейского конъюнктива (*agam*, *agēs*).

От основ перфекта в латинском образована особая парадигма прошедшего времени — прошедшее по отношению к перфекту (плюсквамперфект) и особое будущее время (второе). Сложилась, таким образом, оригинальная система перфектных времен.

Противопоставление «первичных» и «вторичных» окончаний устранено вследствие отпадения конечного *i* в «первичных» окончаниях.

Конъюнктив и опатив объединились в одном наклонении со значением нереальности действия. Возобладали в нем формальные признаки конъюнктива.

Формы, восходящие к индоевропейскому медию, получили преимущественно пассивное значение. Старые медиальные значения сохранились у ряда глаголов, имеющих только

меднальные окончания (по терминологии римских грамматиков — депоментных); пассив глаголов, обозначающих уход за телом, сохранил возвратное значение.

Германские

В древних германских языках названные выше общие тенденции развития глагола привели к значительному упрощению грамматической системы глагола. Но позже эта система усложнилась вследствие образования новых, аналитических парадигм.

Аорист и перфект объединились еще в общегерманском, но только по значению времени, без сохранения видовых значений. Вследствие этого не было надобности в образовании какой-либо другой парадигмы прошедшего времени, противопоставляемой по видовому значению. В парадигме прошедшего времени (претерита) преобладают формальные признаки перфекта. В окончаниях это трудно заметить вследствие редукции их, но все же в готском и скандинавском окончании второго лица ед. ч. *-t* ведет к характерному перфектному **-tha*. Характерной чертой перфекта, сохранившейся в германском претерите, является огласовка корня в формах единственного числа. В перфекте это была гласная *o*, соответственно *e*, презент-аориста. В германских она отражается как *a*, а *e* — как *i*, в результате чего временные формы характеризуются чередованием *i||a* (гот. *binda* — *band*). Иные чередования образовались в тех случаях, когда эти гласные входили в состав дифтонгов (гот. *steiga* — *staig*, *biuga* — *baug*). Огласовка форм множественного числа претерита (*bundum*, *stigum*) может восходить и к перфекту, и к аористу. В готском некоторые глаголы сохранили удвоение корня, какое бывало в перфекте (*haita* — *haihait*).

Однако не во всех случаях перфект получил значение прошедшего времени. Некоторые глаголы сохранили в перфекте значение настоящего времени (гот. *wait* 'знаю', *kann* 'знаю', *þarf* 'нуждаюсь', *tan* 'думаю', *skal* 'я должен', *tag* 'могу' и др.). Они имеют огласовку перфекта и соответствующие окончания (причем окончание второго лица ед. ч. *-t* представ-

лено во всех германских языках, не только в готском и скандинавском), но вошли в систему презент-аориста, а не претерита. Претерит же к ним образован новым способом, посредством дентального суффикса. Эти глаголы именуются претерито-презентными.

Новый германский претерит с суффиксом *-d-* (нем. *-t-*) распространился и на многие другие глаголы, вытеснив претерит, происходящий от перфекта и аориста. Эти глаголы названы слабыми. Происхождение этого претерита еще не установлено.

Таким образом, в германских языках сложилась система двух времен — настоящего и прошедшего. Будущее время в древний период отсутствовало.

Конъюнктив и оптатив объединились в одном наклонении, выражающем нереальность. Формы его восходят большей частью к оптативу. Таким образом, установилась система трех наклонений — индикатив, императив, оптатив.

Тематическое спряжение, как и в других индоевропейских языках, широко распространилось за счет нетематического, но сохранились и некоторые нетематические глаголы (др.-в.-нем. *stān* 'стою', *gān* 'иду', *tuom* 'делаю', *him* 'есмы').

Парадигма, восходящая к индоевропейскому медию, сохранилась только в готском. Она получила, в основном, пассивное значение, хотя есть в ней и некоторые следы меднальных.

Такова в общих чертах грамматическая система глагола германских языков эпохи древнейших письменных памятников. В дальнейшем эта система стала усложняться путем образования аналитических форм из причастий и инфинитивов. Образовались различные сложные формы прошедшего времени, будущее время и парадигмы пассива.

Славянский

В славянском отражены индоевропейские парадигмы презент-аориста с некоторыми характерными основами их и противопоставлением «первичных» и «вторичных»

окончаний. Перфект полностью утрачен (сохранилась лишь медальная форма *въѣдѣ* 'знаю').

Тематические основы преобладали, но в древних памятниках есть и отдельные нетематические глаголы: *юсмь, дамь, вѣмь, ѣмь*.

В презенте нетематических глаголов довольно хорошо сохранились «первичные» окончания. В тематических произошли изменения в первом и втором лицах ед.ч. К окончанию первого лица ед. ч. **-ō* присоединена носовая согласная (вероятно, «вторичное» окончание **-m*), в результате чего получилось *-ж*. Во втором лице, наряду с закономерным (др.-рус.) *-шь* из **-si*, образовалось (ст.-слав.) *-ши*, не нашедшее себе бесспорного объяснения.

В аористе распространились сигматические формы и вытеснили простые. Только в старославянском некоторые глаголы сохраняли еще простой аорист.

Сходно с сигматическим аористом был образован славянский имперфект, но полностью способ образования его не поддается разъяснению.

Судя по сохранившемуся причастию будущего времени *бышащее*, в славянском существовал и футур с суффиксом **-sje-*.

Индоевропейские формы императива в славянском исчезли, но оптатив получил значение императива. Конъюнктив не сохранился.

Медий полностью исчез.

Таким образом, древнейшая славянская система глагола состояла из четырех времен — презента, аориста, имперфекта, футура, и двух наклонений — индикатива и императива. Но еще задолго до появления письменности эта система стала пополняться путем образования аналитических форм. Так возникли новый славянский перфект, плюсквамперфект, футур, условное наклонение. Путем присоединения к глагольным формам возвратного местоимения в аккумулятиве (*са*) или дативе (*си*) были образованы аналитические формы медиа (преимущественно с возвратным значением) и пассива.

Вместе с тем все более широкое распространение получали суффиксы, выражающие видовые значения (длительность, повторность, недлительность, мгновенность и т.п.). Развивающаяся префиксация также стала выполнять видовую функцию — выражать законченность действия. В результате взаимодействия этих процессов в глаголе развилось противопоставление совершенного и несовершенного видов, хотя значения каждого вида остались довольно разнообразными.

Развитие категории вида отразилось на категории времени. Презент совершенного вида получил значение футура. Так возникла новая, простая форма футура, ограниченная совершенным видом. В связи с развитием категории вида отпала надобность в видовых значениях временных форм. В восточных и западных славянских языках это привело к утрате аориста и имперфекта и установлению единой категории прошедшего времени.

Балтийский

Система глагола в балтийском подверглась глубоким изменениям. Из индоевропейских глагольных парадигм в нем сохранилась, с соответствующими видоизменениями, только парадигма презента индикатива актива, причем во втором и третьем лицах ед.ч. она отражает интересные диалектные явления индоевропейского языка: форму второго лица на **-ei* и третьего лица — чистую основу. В этой парадигме путем использования разных основ, при одних и тех же окончаниях, выработалось противопоставление настоящего и прошедшего времени. С индоевропейским отчасти связано и образование будущего времени: от индоевропейского унаследован суффикс футура **-sje* → *-si-* (срв. скр. *-sua-*), но присоединяется этот суффикс к чисто балтийским основам инфинитива. Аорист и перфект в балтийском утрачены.

Утрачены также индоевропейские парадигмы наклонений и медиа. Для выражения этих категорий в балтийском выработаны новые формы, преимущественно аналитические. Различно образованы формы императива в разных языках:

в литовском это основа инфинитива с частицей *-ki* (*skaity-k(i)* 'читай', *skaity-ki-t(e)* 'читайте'), в латышском они образованы от презента индикатива, в прусском — от оптатива. Условное наклонение было образовано в литовском аналитически из супина и не совсем ясной формы вспомогательного глагола *būti* (возможно — оптатива), напр., старолит. *sùktum-biau* 'я поворачивался бы', *sùktum-bei* 'ты поворачивался бы'; но потом оно упростилось, напр., совр. лит. *sùkčiau, sùktum*.

Новые формы меди образовались путем прибавления к личным формам глагола частицы *si*, происходящей от возвратного местоимения (аналогично славянскому). В префиксальных глаголах частица *si* помещается между префиксом и корнем (в латышском языке эта особенность почти исчезла).

Особенности системы глагола хеттского языка достаточно освещены в предыдущих разделах и в последующем.

10. НЕКОТОРЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Восстановленные факты оказались разнообразными и подчас противоречивыми. Для того, чтобы воссоздать грамматическую систему глагола праиндоевропейского языка позднейшего периода, нужно сделать еще некоторые сопоставления и обобщения.

Разные индоевропейские языки отражают праиндоевропейскую систему глагола в различной степени и с различных сторон. Наибольшие расхождения в этом отношении существуют между индо-иранскими и греческим языками с одной стороны и хеттским — с другой.

Индо-иранские языки, греческий и, в меньшей степени, славянские, германские, итальянские, кельтские отражают такую систему глагола, в которой прежде всего презент противопоставляется аористу. Основы презента выражают длительность, основы аориста — недлительность; презент обозначается «первичными» окончаниями, аорист — «вторичными». Презенту и аористу вместе противопоставит перфект, выражающий состояние, возникшее в ре-

зультате действия. Он имеет особые окончания и нетематическую основу с корневой огласовкой **o*. Футура как особой категории не было; в смысле будущего употреблялись модальные формы с суффиксом **-sje/sjo*, но это было диалектным явлением. Существовали наклонения: императив, конъюнктив, оптатив. Императив выражался чистой основой и не изменялся по лицам. Частицы и другие элементы, присоединившиеся к нему, были особенностями диалектов. Конъюнктив и оптатив отличались особыми суффиксами. Оптатив имел «вторичные» окончания, конъюнктив — «вторичные» и «первичные». Особые окончания обозначали залоговую категорию — меди. На последнем этапе существования праиндоевропейского он, вероятно, имел значение непереходности и состояния. В диалектах могло возникнуть уже значение направленности действия в пользу субъекта. В меди также различались основы презента и аориста, возможно, были и наклонения, но перфекта не было.

В некоторых языках, как напр., в балтийских, армянском, тохарских, этой системы глагола в целом нет, но есть некоторые элементы ее, свидетельствующие о существовании ее в прошлом. Так, в древнеармянском есть противопоставление презента и аориста. Следы аориста есть и в балтийских языках¹. В тохарских не только окончания презента соответствуют индоевропейским, но есть и окончания прошедшего времени, отражающие индоевропейские окончания перфекта: ед. ч. 1 л. *-ā, -wa* (срв. **-ha*), 2 л. *-s-t, -s-t-a* (срв. **-tha*), 3 л. — нулевое окончание, множ. ч. 3 л. — *-r, -re*. Что касается третьего лица ед. числа, то возможно, что и в праиндоевропейском эта форма была без окончания: хеттская форма 3 л. ед. ч. на *-i* (*saki*), восходящая к перфектной, представляет собой, возможно, основу с позднейшим показателем настоящего времени *-i*, а не с окончанием перфекта, а греческая и индоиранская форма на **-e* (*oīde*) — это тематическая основа, проникшая в нетематическое спряжение перфекта. В тохарских есть и такие модальные категории, как императив, конъюнктив, оптатив, хотя отношение их формальных признаков к праиндоевропейским оста-

ется еще неясным. Есть, наконец, и медий с окончаниями, соответствующими индоевропейским.

Но в хеттском языке грамматическая система глагола иная. Здесь нет ни аориста, ни перфекта. Презенту индоевропейского происхождения здесь противостоит прошедшее время, не имеющее себе прямых соответствий в других индоевропейских языках. Из маркированных наклонений есть только императив. Есть медий, но с иными окончаниями, чем греческий и индо-иранский, причем с одним рядом окончаний; настоящее и прошедшее время различаются не окончаниями, а особыми элементами, присоединяемыми к окончаниям. Только презент актива спряжения на *-mi* имеет формы явно индоевропейского характера, а в других парадигмах только кропотливый анализ обнаруживает элементы общиндоевропейского происхождения.

Противопоставление презента и аориста могло быть утрачено в хеттском. Однако тот факт, что во втором тысячелетии до нашей эры аорист уже полностью утрачен, заставляет думать, что хеттский и не унаследовал от праиндоевропейского вполне сложившейся категории аориста. Весьма вероятно, что малоазийский язык, отделившись от индоевропейского, имел различие глагольных основ, выражавших длительность и недлительность действия (известных в других языках как основы презента и аориста), но из этих основ не образовались еще четко противопоставленные друг другу парадигмы. А в дальнейшем различие этих основ стерлось.

Можно думать, что и перфект был унаследован малоазийским от праиндоевропейского не полностью сложившимся, но в ином смысле, чем аорист. Парадигма перфекта уже существовала, но, вероятно, она не получила еще того значения, какое характеризует греческий и индо-иранский перфект. Следы окончаний перфекта обнаруживаются в хеттском при сравнении окончаний презента спряжения на *-hi* с окончаниями претерита обоих спряжений. Формы единственного числа презента имеют окончания *-hi*, *-ti*, *-i*. Окончанию 2 л. *-ti* в претерите соответствует *-ta*. Окончание 1 л. *-hi* находит себе соответствие в претеритном окончании

дувийского и иероглифическо-хеттского. языков малоазийской группы *-ha*. Параллелизм между окончаниями претерита *-ha*, *-ta* и презента *-hi*, *-ti* показывает, что между ними есть связь. *-ha*, *-ta* восходят к окончаниям перфекта **-ha*, **-tha*. Видимо, из них же образовались окончания *-hi*, *-ti* путем замены конечного *-a* показателем настоящего времени *-i*. Третье лицо множ. числа в претерите имеет перфектное окончание *-er*. Что касается формы третьего лица ед. ч. презента на *-i*, то это также перфектная форма: либо с окончанием **-e*, либо, скорее всего, чистая основа с показателем настоящего времени *-i*. Но то, что эта парадигма в хеттском стала одним из спряжений настоящего времени без каких-либо следов значения перфекта, наводит на мысль, что в эпоху формирования малоазийского перфектное значение в ней еще не закрепилось. Каким могло быть тогда ее значение, будет видно из фактов, которые рассмотрим ниже.

Следует отметить, что в хеттском претерите есть и некоторые окончания, восходящие к индоевропейским «вторичным». Так, окончание первого лица ед. ч. *-un* отражает индоевр. **-m* с предшествующим элементом *-u-* неясного происхождения (он мог, например, распространиться из основ на *-u*, напр., *arnu-* 'приносить'). Окончание третьего лица ед. ч. *-ta* (*epa* 'взял') восходит не к перфектному, как однозвучное с ним окончание второго лица ед. ч., а к **-to*. У некоторых глаголов вторсе и третье лица ед. ч. оканчиваются не на *-ta*, как обычно, а на *-s*, *-t* (напр., *hatraes* 'ты писал', *hatrait* 'он писал') — индоевропейские «вторичные» окончания.

Показательно, что из наклонений в хеттском имеется только самое древнее — императив. Древность его явствует, во-первых, из его формального признака — чистой основы, во-вторых, из того, что эта основа, судя по некоторым данным, не имела в праиндоевропейском определенного личного значения. Заслуживает внимания и типологическая закономерность: чистая основа имеет повелительное значение во многих неродственных языках, или весьма отдаленно родственных (тюркских, монгольских, некоторых финно-

угорских, некоторых кавказских и др.). Если в языках этих групп есть форма второго лица императива с аффиксом, то аффикс не имеет черт архаичности; обычно такая форма оказывается вторичной. Эту типологическую закономерность можно объяснить тем, что простейшая глагольная форма — чистая основа — в разных языках с древнейших времен использовалась для выражения повеления. Видимо, малоазийский не унаследовал от праиндоевропейского языка конъюнктива, оптатива и сигматического наклонения (перешедшего в футур).

Хеттский медий не имеет окончаний, соответствующих индо-иранским и греческим «первичным». Среди его окончаний, как видно из фактов, изложенных в разделе о меди, есть «вторичные» **-to*, **-nto* и более древние окончания, которые в других языках существуют лишь как отдельные пережитки.

Из этих фактов можно заключить, что отличие хеттской глагольной системы определяется тем, что она отражает индоевропейскую систему более раннего периода. Эта более ранняя система отражается и в некоторых особенностях глагола других индоевропейских языков. Между реконструированными парадигмами индоевропейского глагола позднейшего периода есть противоречия, которые можно понять только как противоречия между наслоениями различных эпох. И если мы хотим объяснить внутренние отношения в праязыковой системе глагольных форм по данным различных индоевропейских языков, то мы не можем ограничиться реконструкцией синхронической системы, а должны обратиться и к диахронии.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что хотя в праиндоевропейском глаголе позднейшего периода были категории настоящего и прошедшего времени, они не имели чисто временных формальных признаков. Особенности основ выражали не время, а длительность и недлительность действия, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что эти особенности были свойственны и инфинитиву, который не спрягается. «Вторичные» окончания были признаком не толь-

ко прошедшего времени, но и оптатива, и инфинитива. «Первичные» выражали не только настоящее время, но и сигматическое наклонение (позже — будущее время). Это говорит о том, что категория времени сложилась в праиндоевропейском только на самом последнем этапе его существования, а до того презент и аорист различались только видовой значениями.

При этом нужно иметь в виду, что аорист состоит из образований различных эпох. Еще К. Бругман и А. Мейе высказали предположение, что сигматический аорист образовался позже, чем простой¹. При этом К. Бругман указал в разных индоевропейских языках (главным образом, в индо-иранских и греческом) целый ряд образований презента с сигматическим суффиксом, от которых мог произойти сигматический аорист. Эта точка зрения нашла новое подкрепление в хеттском и тохарских языках; в них, при отсутствии аориста, обнаружился ряд глаголов с сигматическими суффиксами, которые либо являются словообразовательными, либо находятся на пути к грамматикализации. В одном случае довольно ясна связь с аористом: хетт. *tekussai* — «указать, показать, проявить» при скр. *ádikṣi* «я указал», греч. *ἔδειξα*, лат. *dixi* «я сказал». Широко распространилось мнение, что сигматический аорист образовался значительно позже простого, на основе сигматических основ презента². Некоторые ученые обращают внимание на различия в образовании сигматического аориста в разных языках и полагают, что он образовался в отдельных языках независимо друг от друга, а в праиндоевропейском отсутствовал³.

Простой же аорист имеет черты архаические. Основы его отличаются от основ презента, которому он противопоставляется, главным образом, отсутствием суффиксов, характеризующих презент. «Вторичные» окончания его отличаются от «первичных» отсутствием элемента *i*. Значение его отличается отсутствием значения длительности, присущего основам презента. По всему видно, что он был первоначально немаркированной категорией, противостоявшей маркированной — презенту.

Можно предположить, что «первичные» окончания были сначала показателями настоящего времени и лишь потом распространились на футур и частично — на конъюнктив. Но «вторичные» окончания не выражали времени, и это со всей очевидностью обнаруживается в индо-иранском инъюнктиве. Инъюнктив, имеющий «вторичные» окончания, выражает то прошедшее время, то настоящее, то пожелание, то побуждение. Видно, что «вторичные» окончания не имели значения ни времени, ни наклонения, а выражали каждое в отдельности лицо, а вся система в целом — только действие. Это значение архаично и свидетельствует о том, что «вторичные» окончания древнее «первичных». «Первичные» *-mi, *-si, *-ti, *-nti отличаются от «вторичных» только наличием элемента -i. Есть полное основание думать, что они и образовались из «вторичных» путем прибавления этого элемента.

«Вторичные» окончания медиа *-so, *-to, *-nto, как мы уже видели, также не выражали первоначально ни времени, ни залога. По-видимому, они были фонетическими вариантами окончаний *-s, *-t, *-nt, причем древнейшими.

Все же на последнем этапе развития праиндоевропейского сочетание основ, выражающих длительность, с «первичными» окончаниями получило значение настоящего времени, а сочетание недлительных основ со «вторичными» окончаниями — прошедшего. Перфект же не выражал ни времени, ни вида и не имел залоговых различий, вступая таким образом в противоречие с системой презента-аориста. Для объяснения этого противоречия нужно обратиться к истории перфекта.

В истории перфекта изменялось главным образом его значение. Это обнаружено, в основном, на материале греческого языка. Я. Вакернагель в работе 1904 года «*Studien zum griechischen Perfektum*» впервые показал, что в гомеровских поэмах и у древнейших греческих авторов есть факты, свидетельствующие о том, что перфект раньше не имел результативного оттенка значения и обозначал только состояние. Более широко исследовал это явление П. Шантрэн

в работе 1927 года «*Histoire du parfait grec*». Оказалось, что в гомеровских поэмах многие глаголы, обозначающие движение или состояние ума (οἶδх 'знаю', πέπυσμι 'знаю', μέμολх 'думаю, намереваюсь', πεπειρήμхи 'я опытен' и др.), выражающие чувство (γέγηθх 'радуюсь', μέμηλέ μοι 'я забочусь, у меня лежит на сердце', δειδих 'боюсь' и др.), обозначающие 'становиться', 'ложиться' и т. п. (ἔστηхх 'стою', хέκλμхи 'лежу', τέτхμхи 'простираюсь', πέπηγхх 'я воткнул, вбит' и др.) и некоторые другие в перфекте имеют значение состояния. Интересен факт, подмеченный Я. Вакернагелем, в отношении глаголов, обозначающих рождение. Я. Вакернагель обратил внимание на то, что если бы перфект этих глаголов имел значение результативное, то названием родителей служило бы причастие перфекта. Между тем в древних греческих текстах для обозначения родителей применяется причастие только настоящего времени οἱ τεχόντες и аориста οἱ φύσαντες, οἱ φτεύσαντες, но не перфекта. Перфект же τέτοιхх относится только к женщине и обозначает 'быть в послеродовом состоянии, быть матерью'. Показательно также то, что в гомеровских поэмах перфект имеет преимущественно значение настоящего времени, а не результативного прошедшего (γέγoue 'кричит', хέκραγε 'кричит', δέδορхх 'смотрю', εἶοихх 'я подобен', ὀδωδε 'пахнет', δειдих 'боюсь', γέγηθх 'радуюсь', μέμолх 'думаю' и т. п.); это значит, что в нем преобладает значение состояния, а не предшествующего действия. А главное — то, что и у Гомера, и у греческих авторов в ряде глаголов активные формы перфекта соответствуют по значению медиальным формам презента, которые, как показано выше, в разделе о меди, имели, в основном, непереходное значение, восходящее, по-видимому, к значению состояния. Аналогичные особенности перфекта проявляются частично и в некоторых других индоевропейских языках. Так, в санскрите активный перфект у некоторых глаголов соответствует медиальному презенту. В германских языках претерито-презентные формы глаголов, восходящие к перфекту, имеют значение настоящего времени, а не результативного прошедшего. Видимо, значение состоя-

ния было древнейшим значением перфекта в праиндоевропейском.

И. А. Перельмутер обследовал т.н. аномальные перфекты, обозначающие настоящее время (т.е. перфект глаголов, у которых нет презента или презент которых по значению не отличается от перфекта и, по-видимому, образован позже) в гомеровских поэмах и обнаружил, что они обозначают психические состояния (радоваться, огорчаться, бояться, желать и т.д.) и близкие к ним явления (чувственные восприятия и воздействия на органы чувств)¹. Это, конечно, не означает, что перфект первоначально выражал только психическое состояние, но найденные И. А. Перельмутером факты показывают, что в глаголах психического состояния перфект, так же, как и медий, лучше, чем в других, сохранил первоначальное значение состояния.

Весьма вероятно, что это значение перфект имел еще в эпоху обособления малоазийского диалекта. Потом, когда в других диалектах перфект стал приобретать новый семантический оттенок — состояния как результата предшествующего действия, в малоазийском он совсем утратил значение состояния и стал особым спряжением настоящего времени.

Это значение не соотносится ни с презентом, ни с аористом. Оно противопоставлялось более древней категории, которая отразилась в инфинитиве и выражалась «вторичными» окончаниями, когда «первичных» еще не было. Это была категория действия. Нужно обратить внимание на то, что и окончания перфекта не имеют связи ни с «первичными», ни с «вторичными», а искони противостояли последним как особый ряд окончаний. Эти факты говорят о том, что на какой-то ранней стадии развития праиндоевропейского глагол имел грамматические категории действия и состояния, выражавшиеся разными личными окончаниями. По-видимому, многие процессы могли мыслиться и выражаться и как действия, и как состояния.

Медий, как установлено выше, первоначально имел один ряд окончаний: **-ha*, **-tha*, **-a*, **-mes-dha*, **-dhum*, **-r*.

Окончания первого и второго лиц единственного числа и третьего лица множественного те же, что и в перфекте. Окончание первого лица множественного числа то же, но с прибавлением частицы **-dha*. Значения медия, как показано выше, могут восходить к значению состояния. Из этого следует вывод, что медий имеет общее происхождение с перфектом. Оба происходят от более древней категории состояния. Этим объясняется то, что в праиндоевропейском перфекте не было противопоставления актива и медия.

Исследование сравнительно-историческим методом синтаксиса наиболее затруднительно и до сих пор дало наименьшие результаты, потому что синтаксические явления — это явления чисто структурного характера, а восстановление языка-основы производится на основании общности не только структурной, но и материальной.

Общие черты в различных языках бывают структурного и материального характера. Черты структурной общности бывают и в неродственных языках; это общность типологическая. Напр., в славянских языках и картвельских глаголы имеют формы совершенного вида и несовершенного, причем главным средством образования форм совершенного вида служат префиксы; форма настоящего времени несовершенного вида при присоединении префикса и переходе тем самым в совершенный вид получает значение будущего времени. В славянских и тюркских языках существительные имеют формы номинатива, аккузатива, генитива, датива и локатива (остальные падежи — различны). Однако это ни в какой степени не говорит о родстве данных языков. Родство языков и, следовательно, возможность восстановления общего предка их открывается только тогда, когда в этих языках грамматические формы соответствуют одни другим не только по значениям, но и по звуковым показателям, когда фонемы, морфемы и известный слой лексики этих языков восходят к общим источникам. Путем реконструкции этих источников и восстанавливается язык-основа.

Общие черты структуры в родственных языках не всегда восходят к единым источникам. Нередко они возникают в процессе самостоятельного развития этих языков, независимо друг от друга. Напр., в славянских, германских и некоторых романских языках есть аналитические формы прошедшего времени глагола, состоящие из причастия прошедшего времени и презента глагола «быть» (болг. *дошел съм*, др.-русс. *юсмь пришьль*, нем. *ich bin gekommen*, франц. *je suis venu*). Структура этих форм одинакова, но ни в праиндоевропейском, ни в латинском, ни в древнейших германских языках их не было; они возникли в каждом из языков в его индивидуальной истории.

Поэтому простое сравнение синтаксических конструкций родственных языков далеко не всегда дает возможность восстанавливать синтаксические конструкции языка-основы.

Главной опорой сравнительно-исторического синтаксиса является сравнительно-историческая морфология, поскольку грамматические формы языка-основы реконструируются вместе с их значениями и их функциями в предложении. Ведь значащие элементы общего происхождения (слова, морфемы) в родственных языках сравниваются между собой не только по звуковым соответствиям, но и по смысловым, и архетипы восстанавливаются не только по звукам, но и по значениям. Значениями грамматических форм в большинстве являются различные синтаксические отношения. По ним-то и можно определять характер синтаксических конструкций. В отдельных случаях можно воспользоваться и сравнением целых синтаксических конструкций родственных языков, когда есть основание возводить их к языку-основе.

Не все, однако, синтаксические явления восстанавливаются этими способами. В частности, характер словосочетаний праиндоевропейского языка и их роль в предложении остаются во многом еще неясными. Поэтому в данной главе мы ограничиваемся вопросами структуры предложения.

Основным признаком предложения является предикативность, т.е., в плане логическом — определенное отнесение мысли к действительности, в плане грамматическом — особые грамматические категории, которыми это отнесение осуществляется. В индоевропейских языках, начиная с эпохи праязыкового единства, предикативными грамматическими категориями являются модальность, время, лицо. Они заключены в сказуемом. Следовательно, сказуемое является носителем грамматической предикативности, самым главным элементом в предложении, свойственным только ему. Сказуемое находится в предикативном отношении к подлежащему. Сочетание этих членов составляет центр и минимум предложения, хотя для полноты выражения мысли нередко требуются еще второстепенные члены. Как увидим ниже, в праиндоевропейском существовали и предложения без подлежащего (безличные), но они были строго ограничены определенными условиями и сложились на базе личных.

Предикативное отношение сказуемого к подлежащему есть отношение утверждения или отрицания. С этим и связано отнесение мысли к действительности. Если в сказуемом выражается побуждение или вопрос, то эти значения не ликвидируют отношения утверждения или отрицания, а сливаются с ним в качестве его модальности. То, что побуждение с синтаксической точки зрения есть не что иное как один из видов модальности, не подлежит сомнению, поскольку оно в некоторых случаях выражается теми же формами, что и другие модальности (напр., формами конъюктива и оптатива). Вопрос также бывает связан с другими модальными значениями (предположением, сомнением) и в некоторых неиндоевропейских языках, напр., в адыгских, выражается особыми наклонениями глагола. В индоевропейских языках он выражается чаще всего не сказуемым, а другими словами и тогда не имеет модального характера; если же выражается самым сказуемым, то, главным образом, по-

средством интонации и придает особый модальный характер утверждению или отрицанию, содержащемуся в последнем.

В индоевропейских языках исконно предикативными грамматическими категориями обладает только глагол. Глагол выражает не только действие или состояние, но и предикативное отношение его к субъекту, и, естественно, он был основной формой сказуемого. Нужно при этом иметь в виду, что под индоевропейским глаголом понимаются только спрягаемые формы (или аналогичные им безличные), но не *verbum infinitum*. Инфинитивов в праиндоевропейском, по видимому, не было, а причастия не были глагольными формами. Причастия актива на *-ent и медия на *-meno имели две общие с глаголами черты: различие основ презента и аориста и залоговые значения, но эти черты не придавали им предикативности. Основы презента и аориста в причастиях не сочетались с соответствующими личными окончаниями — «первичными» и «вторичными» — и поэтому не имели значения времени (значение настоящего времени у причастия на *-ent появилось в истории отдельных языков), а выражали только длительность или недлительность действия. Залоги же не являются предикативными категориями; к тому же в эпоху отделения малоазийского диалекта они еще не были присущи причастиям, как видно при сравнении причастия на *-ent (хетт. -anza) в хеттском и других индоевропейских языках. Общие черты причастий с глаголами обусловлены тем, что они также выражают действие или состояние, но в отличие от глаголов они выражают его не в предикативном отношении к субъекту, а как атрибутивный признак.

Но глагол не только выражает предикативное отношение, но имеет лексическое значение действия или состояния. Между тем в предложении содержанием предиката бывает не только действие или состояние, но и качественные, количественные и другие признаки, приписываемые субъекту. Поэтому в индоевропейском неизбежным оказывается и именное сказуемое. Поскольку, однако, имя в индоевропейском не обладает предикативными свойствами, оно в роли сказуе-

мого нуждается в сочетании с глаголом для выражения предикативных категорий. В этой функции стал употребляться глагол, обозначающий «быть»; он стал связкой. Связка не управляет предикативным именем, и последнее всегда бывает в именительном падеже.

В ряде древних индоевропейских языков, в том числе и в хеттском, в именном сказуемом в значении третьего лица настоящего времени связка нередко отсутствует, напр., хетт. *kasma Mursilis DUMU.ia* 'этот Мурсили — мой сын' (Хетто-аккад. билингва, II, 37), *zikmawaza DUMU-as nuwa UL kwitki sakti* 'ты еще дитя и ничего не понимаешь' (Анн. Мурс. простр., *Rs* IV, 16), *tukkas mahhan LU KUR-as A-NA PU¹UTU¹-ya-as KA.TAM.MA-pit LU KUR-as* 'как он тебе враг, так он и Солнцу (т.е. царю) враг' (Дог. Муватали с Алаксанду, В 8); греч. *κρείσσων γὰρ βασιλεύς* 'потому что царь сильнее' (Гом., А 80), *οὐ γὰρ ἔτι Τρώων καὶ Ἀχαιῶν φύλοπις αἰνὴ* 'это не только троянцев и ахейн страшная битва' (Гом., Е 379), лат. *omnia praeclara rara* 'все прекрасное редко' (Циц.); др.-рус. *лѣность бо всему мати* (Поучение Влад. Мон.), *язь вамъ не князь* (I Новг. лет.). К. Бругман полагал, что в этих случаях сохранилось древнейшее свойство именного сказуемого, а сказуемое со связкой рассматривал как более позднее образование, результат взаимовлияния именного и глагольного сказуемого¹. Это маловероятно. Была ли обязательна связка в праиндоевропейском, не ясно, но нужно, однако, учесть, что связка **es-* существует в праиндоевропейском издавна. Она есть во всех индоевропейских языках, включая хеттский, и существовала, по-видимому, еще до отделения малоазийского диалекта. Против этого могут возразить, что глагол с абстрактным значением «быть» не мог возникнуть так давно. Но дело в том, что глагол **es-* тогда, а может быть, и в более поздний период праиндоевропейского, видимо, не имел такого абстрактного значения. В нем не различались основы презента и аориста, и это можно объяснить тем, что он не выражал процесса существования. Нет явных свидетельств того, что он имел перфект (санскритский перфект *īsa* скорее всего новообразова-

ние). В славянском и балтийском прошедшее время к нему, а в латинском — перфект, образованы от корня **bhū-* с более конкретным значением 'расти, жить'. Формы от корня **bhū-* входили некогда в систему глагола **es-* и в германских языках, как видно по древисверхненемецкому, в котором оба корня соединились в формах презента *b-im*, *b-ist*. Видимо, и корень **es-* не имел сначала столь абстрактного значения. Наиболее вероятно, что в праиндоевропейском этот глагол был только связкой и выражал только предикативное отношение именного сказуемого к подлежащему, а самостоятельное значение «быть» он приобрел впоследствии. Корень его мог образоваться от какого-нибудь местоименного корня (срв. скр. *asāu*, лат. *is-te*, умбр. *es-to*, нем. *er*) или частицы.

Подлежащее выражалось именем или местоимением в номинативе как независимой форме. Оно не обязательно было существительным. В современных индоевропейских языках, если прилагательное употребляется как подлежащее, то оно субстантивизируется, но в праиндоевропейском, весьма возможно, в этом не было необходимости, потому что различие по смыслу между существительным и прилагательным было меньшим, чем в настоящее время. Можно вполне согласиться с А. А. Потебней, что существительное в древности по значению было ближе к прилагательному, чем теперь¹, и что употребление прилагательного в роли подлежащего в современных славянских языках (особенно в фольклоре) не всегда связано с субстантивацией и сохранилось от глубокой древности².

Сказуемое согласовалось с подлежащим в числе.

В современных индоевропейских языках есть различные случаи, когда предложение бывает без подлежащего и предикативный центр его состоит из одного сказуемого. Из них к языку-основе могут быть возведены только безличные предложения, выражающие явления природы и физические или психические состояния человека, потому что эти конструкции совпадают почти во всех языках данной семьи и имеют архаичный характер. Наиболее ясно это в отношении предложений, выражающих явления природы.

Одни и те же явления природы в различных языках выражаются безличными глаголами, напр., «дождь»: скр. *várṣati*, греч. ὕει, лат. *pluit*, гот. *rigneiß*, лит. *lįja*; «гремит»: скр. *stanáyati*, лат. *tonat*, нем. *es donnert*, греч. βροντᾷ, слав. **грѣмитъ**, лит. *grumėna*; «сверкает (молния)»: скр. *dyótate*, греч. ἰσχυράπτει, лат. *fulget*, нем. *es blitzt*, лит. *tviska*.

Некоторые из этих глаголов в разных языках имеют общее происхождение:

**sneigh-* — греч. νίφει 'снег идет', лат. *ninguit* (др.-лат. *nivit*), др.-в.-нем. *snīwit*, лит. *sniūga*;

uē-* — скр. *vāti* 'веет', нем. *es weht*, слав. **вѣѣтъ;

grem-* — слав. **грѣмитъ, лит. *grumėna*, греч. βροντᾷ (срв. βρέω);

хетт. *lukkari* 'светает, светит', лат. *lucet* 'светит, рассветло', скр. *rocate* 'светит'.

Безличные глаголы, обозначающие состояния человека, не обнаруживают такой общности происхождения, но они есть почти во всех индоевропейских языках (напр., скр. *na mā śramat* 'я не устаю', греч. χρῆ με 'я должен', лат. *puget* 'стыдно', рус. **знобитъ**, нем. *hungert mich* и т.д.) и, судя по значениям, должны быть весьма древними.

Отсутствие подлежащего в этих предложениях может быть объяснено двумя причинами. Либо субъектом действия в этих случаях мыслилась сверхъестественная сила, которая не обозначалась в речи; тогда подлежащее здесь было опущенным. Либо эти конструкции чисто формально были образованы по модели личных, напр., **грѣмитъ** по модели **грѣмѣтъ**, но с устранением подлежащего за непадобностью его; тогда последнее нужно признать здесь нулевым. В обоих случаях оказывается, что нормой в праиндоевропейском был предикативный центр предложения, состоящий из подлежащего и сказуемого.

2. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сочетание подлежащего и сказуемого является уже предложением. Но во многих случаях одного этого предикативного сочетания оказывается недостаточно для выражения

мысли. Сказуемое выражает предикативное отношение, но само по себе оно нередко не выражает полностью содержания предиката и нуждается в сочетании с второстепенными членами. Также и подлежащее для раскрытия содержания грамматического субъекта нуждается во многих случаях в распространении второстепенными членами. Поэтому в предложении бывают еще слова, грамматически подчиненные сказуемому или подлежащему, а при них иногда — еще слова, подчиненные им. В индоевропейских языках эти слова связываются между собой и с главными членами по способу управления, согласования и примыкания. Значения и свойства грамматических форм показывают, что таково было положение и в языке-основе.

А. Мейе обратил внимание на то, что в древних индоевропейских языках управление падежных форм имени глаголом определяется не формальными синтаксическими свойствами глагола, а выражаемым смыслом. Напр., в греческом глагол κλύω 'слышать' может управлять и accusativом (ἔκλυον αὐδὴν 'услышали голос', Гом.), и genitivом (ἔκλυον αὐτοῦ 'услышали его'), dativом (εὐχομένῳ μοι ἔκλυον 'молящемуся мне внимали', Феогнид), и употребляться без управляемого имени (в значении 'слыть': κλύειν ἀναγκῆς μᾶλλον ἢ μακρόνος 'слыть скорее слабой, чем преступной', Эсхил). Здесь глагол сам по себе не требует определенного падежа, и падеж определяется только смысловым отношением имени к глаголу: если имя обозначает слышимый звук, то должно быть в accusativе, если источник звука, то в genitivе, если того, к кому прислушиваются, то в dativе¹. Между тем в современных языках употребление того или иного падежа при глаголе определяется нередко чисто формальными правилами. Напр., в русском языке глагол **касаться** требует genitivа, в то время как по смыслу он мог бы сочетаться и с accusativом, как видно хотя бы из немецкого, в котором соответствующие по смыслу глаголы *berühren*, *betreffen* управляют accusativом. Глагол **следить** сочетается с предложом **за** и инструменталем, хотя по смыслу он мог бы управлять accusativом, как литовский глагол *sėkti*

и близкий по значению русский **выслеживать**. В немецком языке глагол *neiden*, как и соответствующий русский **завидовать**, требует датива, но *beneiden* с тем же значением — аккумулятива. Очевидно, древние языки отражают характер управления праиндоевропейского языка. А. Мейе полагает, что в последнем управлении по существу не было, а было только примыкание.

По мнению А. Мейе, согласование в праиндоевропейском также было по существу примыканием. Он подтверждает эту мысль тем, что в древних языках согласуемое прилагательное может быть отделено от определяемого слова другими словами, как у Платона: *πᾶν ἔν παντί τις ὅνῳ πρᾶγμα προσκρίβεται* 'можно всякое ко всякой прилагать название (к) вещи'.

Однако из замеченных им очень интересных фактов А. Мейе сделал неправомерно категоричные выводы.

Управление всегда отражает в той или иной степени смысловые отношения между глаголом и именем. К нашему времени эти отношения значительно осложнились тем, что, во-первых, стала более сложной семантика глаголов и появилось много глаголов, обозначающих действия, которые могут мыслиться в различных отношениях с объектами. Из этих отношений какое-то одно закрепляется в синтаксисе и приобретает формальный характер. Во-вторых, управление стало более разнообразным и формальным, чем в древности, также в результате развития предложного управления, которого в праиндоевропейском не было. В эпоху же индоевропейской языковой общности, когда этих явлений еще не было, естественно, что грамматическая связь между глаголом и именем более непосредственно отражала смысловые отношения между ними, но от этого она не переставала быть управлением.

Что касается согласования, то удаленность согласуемого слова от господствующего над ним, на что ссылается А. Мейе, не разрушает согласования. И А. Мейе сознает это в какой-то степени, потому что через три страницы после этого своего заявления (во «Введении в сравнительное изучение индосв-

ропейских языков») он посвящает целый раздел согласованию и отмсает между прочим, что прилагательное в роли определения непременно согласуется в числе, падеже и роде с определяемым существительным.

Управление в праиндоевропейском было во всех случаях непосредственным, беспредложным.

Слова, обозначающие пространственные и временные отношения, в праиндоевропейском не были служебными, имели самостоятельные значения и, следовательно, были не предложениями и не послелогам, а наречиями. Предлогов не было. Не было и префиксов, поскольку в индоевропейских языках они образовались из предлогов. В гомеровских поэмах есть еще случаи, когда префикс отделяется от глагола другими словами и, следовательно, является не префиксом, а наречием, напр.: *ἔκ δὲ πόλιν πέρσεν* 'город разрушил' Z 415, *ἀλλὰ μὲ τεινέσθῃα ὑπὲρ κητὰ γαῖα κηλύπτει* 'но пусть меня умершего покроет насыпанная земля' Z 464, *οἱ κητὰ βοῶς Ὑπερίονος Ἡελίοιο ἤσθιον* 'которые быков Гипериона Гелия поели' α 8—9, *ἐνθα μνηστῆρεςσιν ἐπὶ γλυκὺν ὕπνον ἔχουσιν* 'и женихам сладкий сон навесяла' β 395, *ὕπνον δὲ θεὸς κητ' ἀπείρονα χεῖεν* 'сон бесконечный бог пролил (на меня)' η 286. Такие случаи есть и в санскрите, напр., *pra viṣṇave cūṣam etu man-ta* 'к Вишну пусть дойдет мощная олитва' RV 1, 154, 3, *pra tvā dūtam vṛnīmahe* 'тебя лестнико избираем' RV 1, 36, 3, и в древних германских языках, напр., гот. *diz-uh-pan-sat ijos reiro* 'и их охватил тогда трепет' Мрк. XVI, 8, *frāh ina ga-u-hwa-sehwi* 'спросил его, видит ли что' Мрк. VIII, 23. В хеттском вообще нет префиксов; им соответствуют наречия, которые иногда ставятся непосредственно перед глаголом, а иногда отделяются от него другими словами, как напр., *nussan A.NA NINDA KUR.RA ser kēz kēzziya zikkiz-zi* 'и она их раскладывает по обычным хлебам с этого и того (стола)' (Ритуал Анивиани, § 10), *numu huwappi DINGIR-LIM-ni huwappi hannesni para UL kuwapikki tarnas* 'и враждебному божеству (или) на вражеский суд не выдала меня (богиня)' (Хаттусили, § 4), *ANA LU KUR-tu piran katta UL kuwapikki tarnas* 'и врагу меня не выдала' (там же). Постановка наречия перед глаголом и дальше от него

встречается рядом, в одном предложении: *GIM-anmakan ŠEŠ-YA NIR.GAL-is ultar katta austa numukan HUL-lu ultar katta UL kwiiki austa ...* 'когда же мой брат Мувагали услышал (выяснил) это дело и ничего плохого обо мне не услышал...' (Хатусили, § 5).

Из служебных слов в праиндоевропейском существовали только частицы. Они выполняли различные функции: придавали словам те или иные оттенки значений, как вторая часть в скр. *kaç-ca* 'кто бы ни', лат. *quis-que* 'каждый', арм. *o-kh* 'кто-нибудь', греч. *τε*, частое у Гомера; выражали отрицание, как *ne* (скр. *na*, слав. *не*, лат. *ne-*, гот. *nī-h* 'и не', хетт. *natta*), служили также союзами, напр., **k^{ue}* 'и' (скр. *ca*, греч. *τε*, лат. *que*), **ue* 'или' (скр. *vā*, греч. (гом.) *ἢ(F)ε*, лат. *ue*, зап.-тох. *wa-t*).

Восстанавливаемые наречия представляют собой обычно застывшие падежные формы имен. Напр., **hanti* (хетт. *hanti* 'вперед', скр. *anti* 'перед, против', греч. *ἀντί*, лат. *ante*), как указал А. Мейе, есть локатив от той же основы, что и аккузатив хетт. *hanta* 'вперед', греч. *ἄντα* 'перед'. А. Мейе произвел интересные сопоставления глагольных префиксов и обнаружил явные признаки прежних падежных форм. Так, скр. *pari* 'вокруг', греч. *πῆρι*, лат. *per*, гот. *fair*, лит. *per*, ст.-слав. *прѣ* представляет собой, по-видимому, бывший локатив. От этого же имени генитив отражается в скр. *purah*, греч. *πῆρος* и инструменталь — в скр. *pra*, греч. *πρό*, лат. *pro*, лит. *pra*, слав. *про*. Скр. *api*, греч. *ἐπι*, арм. *ew* — локатив, а скр. *paç-cā*, лит. *pas-kuī*, лат. *pos-t* — генитив от этого же имени, слав. *по*, лит. *ра*, лат. *po* (с протетич. *a* — скр. *apa*, греч. *ἔπο*) — инструменталь от него¹. Но возможно, что в праиндоевропейском были и наречия, не образованные из падежных форм.

Таким образом, в праиндоевропейском все слова, за исключением частиц, имели самостоятельные значения. От этих значений и значений грамматических форм, а не от формальных синтаксических свойств, зависели сочетания слов в предложении. А. Мейе совершенно прав в том, что «самостоятельность слова есть основной принцип, определяющий структуру индоевропейского предложения»².

Слова, распространяющие предложение, можно группировать по их грамматическим формам и по смысловым отношениям в предложении. Поскольку грамматические формы создаются для выражения смысловых отношений, в синтаксисе, в отличие от морфологии, нужно группировать слова как компоненты предложения по их смысловым отношениям. Общепринятой схемой последних является традиционная схема второстепенных членов: дополнение, определение, обстоятельство. Я и следую этой классификации, но подчеркиваю, что рассматриваю дополнение, определение и обстоятельство не как грамматические категории, а только как типы смысловых отношений.

Предикативное определение

В разных индоевропейских языках, и древних и новых, бывает в предложении прилагательное или причастие, которое определяет подлежащее и согласуется с ним, но вместе с тем по смыслу тесно связано со сказуемым и выражает какую-то часть его содержания. Такое слово находится в двойственном отношении к подлежащему: с одной стороны, определительном, с другой — предикативном. Называют его по-разному; мы воспользуемся термином «предикативное определение». Примеры из древних языков есть у К. Бругмана: греч. *στῆ δ' ὀρθός* 'встал прямой', скр. *savitā sthād ūrdhvaḥ* 'Савитар встал прямой', лит. *stādas stóviu* 'стою прямой', ст.-сл. *падѣници* и др.¹. Наиболее свойственна эта функция причастиям: гом. *ἤτοι δ' ὡς ἐπὶ ὄν κατ' ἄρ ἔζετο ...* 'когда он так говорящий сел...' A.101, *ὡς ἔφατ' εὐχόμενος* 'так он говорил просящий' E121, *ὡς ἔρα φωνήσας ἐπέβη κορυθαίολος* 'Ехтор так сказавший ушел шлемоблещущий Гектор' Z 116; скр. *ririkvānsas tanvaḥ kṛnvata svāḥ* 'изнуренными тела их сделались' (букв. 'изнуренные тела их были сделаны') PB 1, 22, 5; др.-рус. *поиде Олегъ поимъ воя многи* (Пов. врем. лет., 6390 г.), *се же рече грозя имъ* (там же, 6476 г.), *се же рѣша грьци льстяче под русью* (там же, 6479 г.); гот. *jah þai faúragaggandans hropidedun qifan-*

dans 'и те, что ушли вперед, вскричали говорящие' (Мрк. XI, 9), *þiunagus meins ligiþ in garda usliþa harduba balwiþs* 'слуга мой лежит дома большой, тяжело мучимый' (М. VIII, 6) и т.д. Этим синтаксическим свойством прилагательные и причастия вполне могли обладать и в праиндоевропейском языке.

Дополнение

Дополнение, будучи выражением объекта действия, прямого или косвенного, в древности грамматически подчинялось глаголу и причастию.

Функцию прямого дополнения в индоевропейских языках искони выполняет аккузатив, напр., греч. *ἄνδρα ζητέω* 'человека ищу', скр. *agnim ile purohitam* 'Агни воспеваю, главного жреца' (РВ, начало), лат. *gutta lapidem cavat* 'капля камень долбит', др.-рус. **омочю бeбрянъ рукавъ в Каялъ рѣцѣ** (Сл. о п. Иг.), хетт. *takku antuhsan kwiski kussaniz zi...* 'если человека кто-нибудь нанимает...' (Кодекс, § 42). Это и есть основная функция аккузатива. Однако, если объектом является вещество, причем действию подвергается лишь часть его, то оно обозначается в древних индоевропейских языках генитивом, напр., греч. *πάσσε δ' ἄλλος θαῖοιο* 'посыпал соли божественной' I. 214, скр. *arām aṣṇāti* 'вкушает воды', гот. *þis hlaibis matjai* 'пусть поест хлеба', ст.-сл. **приде жена от самария почрътъ воды** (Остр. ев., 29 об.). В некоторых из них генитив широко употребляется в этой функции и в настоящее время, напр., русск. **попить воды**, лит. *dūonos vālgyti* 'есть хлеба'. Очевидно, такое дополнение было и в языке-основе.

Косвенное дополнение выражалось дативом и инструментом.

Датив обозначал предмет, к которому направлено действие, либо непосредственно касаясь его, как напр., при глаголах, обозначающих «давать», «гелеть», «говорить» и т.д., а также «помогать», «служить» и т.п. (напр., хетт. *kwit hwelpi sumas* ^{LU.MES} APIN.LAL DINGIR.MES-as pe harteni... 'если молодое животное вы, земледельцы, приносите богам...' —

Инстр. храм. службы, § 15, *numu huwappi DINGIR.LIM-ni huwappi hannesni para UL kuwapikki tarnas* 'и враждебному божеству (или) вражескому суду не выдала меня (богиня)' — Хаттусили, § 4, греч. *θεός σου σοὶ τὸ ὑἔδωκεν* 'бог тебе это дал' — A 178, *αἰψά δὲ φαίχεςσι φίλρétμοισι μετῆρδα* 'тогда феакам веселюбным сказал' — 9 96, лат. *his Caesar ita respondit* 'им Цезарь так ответил' — Цезарь, Ком. о гал. в. 1, *suis auxilium ferre non possent* 'своим не могли подать помощь' — там же, лит. *tau duosiu ractus ing karalistę dangaus* 'тебе дам ключи в царство небесное' — Постилла Даукши, 246, *tare tad' jiemus vel Jesus* 'сказал тогда им опять Иисус' — там же, 245, *tasai kažnam žmogui vienas gal padėti* 'он каждому человеку один может помочь' — Катех. Мажвида, 10, *su gera valia služidami ponui ir ne žmonemus* 'с доброй волей служба господу, а не людям' — там же, 36, др.-рус. **и помагати нача поваром, варя на братью** — Пов. врем. лет. под 6582 г.), либо более отдаленным образом, как при глаголах, обозначающих движение, стремление, обращение к чему-нибудь, напр., хетт. *nu HUR.SAG-i dammeli pidi paiweni* 'и мы идем в горы, в другое место' — Рит. Анивияни, § 6, EGIR-pa-ya le wahnusi nu abedani antuhsi anda le weriyatati 'ты туда не поворачивай и с тем человеком не сговаривайся' — Дог. Мурсили с *Kupanta-KAL*, § 18, скр. *pra viṣnave cūsam etu manṁa* 'к Вишну пусть дойдет мощная молитва' — РВ 1, 154, 3, греч. *πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν ἡρώων* 'многие сильные души героев отправили в Аид' — A 3—4, *θεοῖς ἰδὲ χεῖρας ἀνέσχεον* 'к богам руки простирали' — Г 318, *οἱ δ' εὐχόντο Διὶ Κρονίωνι ἄνακτι* 'они молились Зевсу Крониду владыке' — Н 200, лат. *romanis de muro manus tendebant* 'к римлянам со стены протягивали руки' — Цезарь, *ex perfidia et malitia di immortales hominibus irasci et suscensere consueverunt* 'за вероломство и испорченность боги бессмертные сердятся и гnevаются на людей' — Цицерон, *Com.*, лит. *ir dągaus karalistaisp prisiartysyt* 'и к небесному царству приблизитесь' — Катех. Мажвида 8, гот. *þanei ik insandju izwis* 'которого я пошлю Вам', др.-русск. **иде Ярославъ Новугороду** — Пов. врем. лет., под 6544 г.,

и сему чюду дивуемся — Поуч. Влад. Мон., не завиди
творящимъ безаконье — там же. Дативом обозначался
также предмет, для которого, в пользу которого произво-
дится действие, напр.: *devān devayate yaja* ‘приноси жертву
богам для благочестивого’ — РВ 1, 15, 12, *ācāryāya karma
karoti* ‘он делает дело для учителя’ — ШБ 11, 3, 3, 6, хетт.
nasta DINGIR.MES-as-be ZI-ni iyattin ‘и делайте для удоволь-
ствия богов’ — Инстр. храм. службы, § 9, греч. ὁδοῦτον
‘Одиссею мужественному’ — 99, лат. *Sextus Roscius praedia
coluit aliis, non sibi* ‘Секст Росций обрабатывал свои поместья
для других, а не для себя’ — Цицерон, Амер., *Non scholae,
sed vitae discimus* ‘мы учимся не для школы, а для жизни’ —
Сенека, Эп., лит. *idant ateitu musump ir givenima musump
padarytu* ‘чтобы он пришел к нам и жизнь нам устроил’ —
Постилла Даукши, 245, др.-рус. дѣть бо мужеви своему
благо все житѣе — Пов. врем. лет, под 6488 г., се же паки
творяше людемъ своимъ — там же, под 6504 г. Датив бы-
вал и при именах, выражая отношение: хетт. *tukkas mahhan
LUKUR-as...* ‘как он тебе враг...’ — Дог. Муватали с
Алаксанду, греч. ἔχθιστος δ’ Ἀχιλλῆϊ μάλιστ’ ἦν ἡδ’ ‘Одиссею
‘ненавистен был больше всего Ахиллу и Одиссею’ — В 220,
лат. *Helvetiis erat amicus* ‘гельветам он был другом’ — Це-
зарь, Ком. о гал. в., I, др.-рус. буди ми другъ — Пов. вр.
лет, под 6476 г., и бѣ Добрыня уй Володимеру — там же,
под 6478 г.

Инструменталь обозначал, главным образом, предмет,
посредством которого производится действие, напр., хетт.
ni SU-it issanas MUŠEN harzi ‘и рукой держит птицу из
теста’ — Рит. Анивияни, § 5, *kuwattas lahha-ma paizzi ni
LUKUR-an utne kuttanit tarahhan harta* ‘и куда бы он ни шел
войной, вражескую страну он силой покорял’ — Телипину,
§ 2, скр. *adhi sânaui nijignate vajrena* ‘в шею ударяет перуном
(Индра Вритру)’ — РВ 1, 80, 6, греч. μηδέ ξίφος ἔλκεο χειρί
‘не обнажай меч рукой’ — А 210, δαίτί τε τέρπητι ‘усла-
дится едой’ — 9 429, лат. *ut igni cremaretur* ‘чтобы он огнем
был сожжен’ — Цезарь, Ком. о гал. в., I, *ea legione, quam*

secum habebat, militibusque, qui ex provincia convenerant...
murum... fossamque perducit ‘при помощи того легиона, ко-
торый он с собой имел, и воинов, которые пришли из провин-
ции, он проводит стену и ров’ — там же, лит. *tasai dievas
dagu, žeme žodžiui vienu sutvere* ‘этот бог небо, землю одним
словом создал’ — Катех. Мажвида, 9, др.-рус. гремлеши
о шеломи мечи харалужными — Сл. о п. Иг., дьяволь
прельсти Евгою Адама — Пов. вр. лет, под 6494 г. Он обо-
значал также предмет (или лицо), вместе с которым субъект
производит действие: скр. *devo devebhir āgamat* ‘бог с бога-
ми пришел’ — РВ 1, 1, 5, *yo mā sunvantam upa gobhir āyat*
‘который ко мне, творящему возлияние, с коровами прихо-
дит’ — РВ 2, 30, 7. В памятниках других языков примеры
такого беспредложного инструментал единичны, потому
что в этом значении распространилось сочетание инструмен-
таль с предлогом (лат. *cum*, лит. *su*, слав. *съ* и т.п.); все же
беспредложная конструкция засвидетельствована: греч. αὐτὰρ
ὁ βῆ καλέων Ἀγχιμέμνονα πομπένῃ λαῶν ὑπποσίῃσι καὶ ὄχεσφιν
‘а он пошел с конями и колесницами призвать Агамемнона,
предводителя народов’ — 8 532–3, лат. *omnibus copiis ad
Ilerdam proficiscitur* ‘со всем войском он идет к Илерде’ —
Цезарь, Ком. о гр. в., I, лит. *karalius Eglone visu sava kariu*
‘царь Эглона со всем своим войском’ — Библия Бретк.,
др.-рус. бѣ же Мьстиславъ... великыма очима — Пов.
вр. лет, под 6544 г.

В некоторых особых случаях косвенное дополнение вы-
ражалось также генитивом. Генитив обозначал объект вос-
приятия или мысли (при глаголах «слышать», «внимать»,
«думать», «заботиться», «помнить», «забывать» и т.п.): греч.
κήδετο γὰρ δαυιδῶν ‘потому что она заботилась о данаях’ —
А 56, καὶ ἐμῶν ἐμπέζεο μύθων ‘и внемли моим словам’ —
α 271, 305, οὐ γὰρ κίχλωπε Ζεὺς αἰγίοχου ἀλέγουσιν οὐδὲ θεῶν μακάρων
‘киклопы не думают о Зевсе эгидоносном и о богах блажен-
ных’ — ι 275, μνήσαστο γὰρ κατὰ θυμὸν ἀμύμονος Αἰγίοχοιο
‘вспомнил в душе известного Эгиста’ — α 29, πῶς ἂν ἔπειτ’
‘Одиссею? — α 65, πρὶν γέ τι σῆς τε βοῆς σοῦ θ’ ἐλκηθ-

μοῦ πρῶτον 'прежде чем узнать твой крик и что ты уведена в плен' — Z 465, скр. *yathā tama smarād asau* 'чтобы он меня вспомнил' — АВ 6, 130, 3, гот. *gamuneīþ qenais Lodis* 'вспомните о жене Лота', лит. *atsimink savo galo* 'вспомни о своей кончине' — Донел. 6, 25. Относительно глагола «слышать» неоднократно отмечалось в литературе, что в санскрите и греческом при этом глаголе название звука ставится в аккумулятиве, а название лица или предмета, издающего звук, — в генитиве.

Он выражал также предмет желания, стремления (греч. ψυχρος ἱμεῖρων 'желая прохлады' — ж 555, гот. *jabai hwas aipiskaupeins gairneīþ godis waurstwis...* 'если какой епископ стремится к добрым делам...' Tim. 3, 1, лит. *kad jie savo dalyko nor* 'что они хотят своего' — Донел. 8, 826) и имел специализированные значения: объекта управления (греч. καὶ Ἰλίου ἱφι ἀνάσσειν 'и мощно царить над Илионом' — Z 478, скр. *tvam iṣiṣe vasūnām* 'ты господствуешь над богатствами' РВ)¹ и части предмета, за которую берут этот предмет (греч. τὸν δὲ πρὸντα ποδῶν ἔλκευε κρείων 'Елефенор 'его упавшего схватил за ноги мощный Элефенор' — Δ 463, χειρὸς ἐλὼν 'Оδυσῆα δὴ φρονά... 'за руку взяв Одиссея мужественного...' — η 168, скр. *crotrasya grhe* 'страдает ухом' (букв. 'он схвачен за ухо'), лит. *plauku nutveręs išmete laukan* 'схватив за волосы, выбросил всн' — Донел. 7. 94).

Обстоятельство

Обстоятельство выражает, вообще говоря, признак признака, т.е. характер проявления признака, степень его, место и время его проявления, причину. В древнейших письменных памятниках индоевропейских языков обстоятельства характеризуют главным образом действия и поэтому грамматически связываются с глаголами. Поскольку, однако, действия выражались и причастиями (как атрибутивные признаки), обстоятельства относятся и к причастиям. Некоторые обстоятельства грамматически связываются и с прилагательными. Так было, по-видимому, и в языке-основе.

Способ совершения действия, характеристика признака, степень его выражались прежде всего наречиями, напр.: греч. καὶ Ἰλίου ἱφι ἀνάσσειν 'и мощно царить над Илионом' — Z 478, ἐχθιστος δ' Ἀχιλλῆι μάλιστα ἦν 'ненавистен был особенно Ахиллу' — В 220, скр. *sañ nu vocāvahai punar* 'будем говорить опять...' — РВ 1, 25, 17, *bādhasva dure nṛtim* 'прогони далеко Смерть' — РВ 1, 24, 9, хетт. *ziggawaran Madduwattas* ZAB-MES-KA-ya KA-TAM-MA *karsi zahhi-yaten* 'чтобы и ты, Мадувата, и твои полки также безусловно сражались с ним' — Мадувата, лат. *bis dat, qui cito dat*.

Но в некоторых случаях значение способа действия сближается со значением средства, при помощи которого совершается действие; напр., если человек кричит громким голосом, то этот голос его может рассматриваться и как способ действия, и как орудие крика. Поэтому обстоятельство образа действия с глубокой древности выражалось и существительными в инструментале, иногда в сочетании с прилагательными, как можно судить по нередким примерам такого рода: скр. *ut sūryo jyotisā deva eti* 'бог солнца восходит с сиянием' — РВ 4, 13, 1, *saramo āpo javasā* 'вода текла с быстротой' — РВ 4, 17, 3, лат. *his quum sua sponte persuadere non possent...* 'поскольку они своими силами не могли убедить их...' — Цезарь, Ком. о гал. в., 1, *fuga se ad Caesarem recipiunt* 'спасались бегством к Цезарю' — там же, лит. *ale to negalejo nevienu būdu gauti* 'но они не могли никаким способом приобрести его' — Катех. Мажвида, 8, *smertis man miegu saldu stoiha* 'смерть мне является сладким сном' — Песнопения Мажвида, 226, ст.-сл. **припаде къ нему и гласомъ велиюмъ рече** — Савв. кн., 54, др.-рус. **ляжемъ костьми** — Пов. вр. лет, 6476 г.

Обстоятельства места бывали различными в зависимости от того, обозначали ли они место, на котором происходит действие, или место, к которому оно направляется, или от которого исходит, иными словами, отвечают ли они на вопрос «где?», или «куда?», или «откуда?». При этом обстоятельства, отвечающие на вопрос «где?», имели еще особую форму в том случае, когда обозначали место, по которому происходит движение к другому месту.

В первом случае обстоятельство имело обычно форму локатива: хетт. *nat harvasi pidi le ussanıyazi* 'пусть не продает его в тайном месте' — Инстр. храм. сл., § 8, *nu URU Hattusi gimmandariyanun* и я перезимовал в Хаттусе' — Анн. Мурс. простр. Rs IV, 41, скр. *divi çravānsyuttamāni dhisva* 'на небе славу высшую получай' — PB 1, 91, 18, *vasuni yāni çrvire deveşu* 'богатства, которые слышны (известны) среди богов' — PB 1, 15, 8, лат. *ut Romae consules, sic Carthagine quotannis annui bini reges creabantur* 'как в Риме консулы, так в Карфагене ежегодно избирались два царя на год' — Непот, 23, 7, 4, лит. *ir jusu pačiu ponas esti dangusu* 'и ваш господин есть на небесах' — Катех. Мажвида, 36, др.-рус. **Ярославъ же сѣде Кыевъ**. — Пов. вр. лет, 6527 г. Это и есть основная функция локатива. Эту функцию выполняли и некоторые наречия: скр. *antar vāvatkṣayam dadhe* 'внутри богатый дом имеет' — PB 1, 15, 7, греч. ἀμφὶ δὲ τὰς ῥοὰς ἤλασαν 'вокруг же ров провели' — Н 449, лат. *quum procul abessemus...* 'когда мы были далеко...' — Ливий, 44, 39, 7. Есть отдельные случаи выражения этого значения генитивом: греч. Ἰθυσσε μάχη πεδίοιο 'шла битва на равнине' — Z 2, гот. *gaggida landis* 'прошел по стране' и др.

Обстоятельства, отвечавшие на вопрос «куда?», по согласному свидетельству древних языков, выражались аккузативом: хетт. *lahhan kuwatta ERIN. MES-us paizzi ne appa UL SIG-in wiskanta* 'войска пошли всюду в бой, но не имели успеха' — Телипину, § 21, греч. ἥλιος... οὐρανὸν εἰσπνίων 'солнце ... на небо восходя' — Н 421–423, κί μευ κλέος οὐρανὸν ἔχει 'и моя слава до неба доходит' — ι 20, οἱ δὲ Πύλον, Νηλεὺς εὐκτίμενον πτολίεθρον, ἔξον 'они же в Пилос, благоустроенный город Нелея, пришли' — γ 4 (отсюда и такая наречная форма как οἰκόνδε 'домой', κλισίῃνδε 'в палатку'), скр. *edu nimnam na riyate...* 'как в долину не приходит...' — PB 1, 30, 2, лат. *Hannibal in hiberna Capuat concessit* 'Ганнибал ушел на зимние квартиры в Капую' — Ливий, 23, 18, *Aeschines se Rhodum contulit* 'Эсхин удалился на Родос' — Цицер., De or. 3, 213. Примеры беспредложного аккузатива с этим значением единичны, потому что в этой функции широ-

ко распространились и закрепились при аккузативе предлогн.

Место, от которого происходит движение, обозначалось аблативом: хетт. *manas lahḫaz-ma EGIR-pa wizzi* 'когда он с войны возвращался...' — Телипину, § 3, скр. *īyur gāvo na yavasād agopāh* 'они шли, как коровы без пастуха, с пастбища' — PB. 7, 18, 10, *etasmād vā āyatanād devā asurān ajayan* 'с этого места боги асуров прогнали с победой' — TC. 2, 2, 6, 1, лат. *suis finibus eos prohibent* 'от своих границ отражали их' — Цезарь, Ком. о гал. в., 1, *Vestorius me per litteras fecit certio rem te Romā profectum esse* 'Весторий уведомил меня письмом, что ты уехал из Рима' — Цицер., Att. 4. 14, 1. В других языках аблатив заменился генитивом: греч.: Ἀργεῖοι δὲ... νεῶν ἡμῶνοντο 'аргеяне же ... отражали от судов' — М 178–179, ὁ δ' ἐμεγάρτοι διέσσυτο 'он же поспешил из комнаты' — δ 37, др.-рус. **и Якунъ ту отбѣже луды златоѡ** — Пов. вр. лет, 6532 г., **се отхожю свѣта сего** — там же, 6582 г.

Место, по которому происходит движение, обозначалось инструменталем: лат. *ipse in Italiam magnis itineribus contendit* 'сам поспешил в Италию большими дорогами' — Цезарь, Ком. о гал. в., 1, *Xerxes et mari et terrā bellum universae inferebat Europae* 'Ксеркс и по морю, и по суше нес войну всей Европе' — Непот, 2, 2, 4, греч. ἐπορεύετο δὲ δι' αὐτοῦ τῇ ὁδῷ 'он прошел через него тем путем...' Фукидид, 2, 98, лит. *tiegi tiesiogui durimis per Christu įeit* 'те прямо дверями к Христу входят' — Постилла Даукши, 246, ст.-сл. **идѣше пѣтьмъ тѣмъ** — Савв. кн., 56.

Такие же формы, как обстоятельства места, имели и обстоятельства времени. Они также выражались локативом: хетт. *numu DINGIR-LUM GASAN-YA kuwayami mehuni UL kuwapikki ser tiyat* 'и богиня госпожа во время опасности не проходила мимо меня' — Хаттусили, § 4, *nuzā PIŠTAR GASAN-YA para handandatar apedani-ya mehuni tikkusanut* 'и Иштарь госпожа в это время свою власть проявила' — там же, § 10, *nu human man apedani UD-ti adanna akuwannā tarahteni nat ezzatin ekuttin* 'и если вы можете в тот день все

есть и пить, ешьте и пейте' — Инстр. храм. сл., § 6, скр. *taṃ purve-dyuh pitaro vindann* 'его в предыдущий день нашли родители'¹, греч. δεκάτῃ δὲ με νυκτὶ νῆσον ἐς Ὀγυγίην πέλασθαι θεοί 'на десятую ночь на остров Огигию привели меня боги' — д. 447—448, ст.-сл. **полунощи же въплъ бысть** — Савв. кн. 90. Но время выражалось и инструментом: скр. *yo martyaḥ ciṣṭe aty aktubhir* ... 'кто смертный точит (оружие) по ночам ...' — РВ. 1, 36, 16, *sa naḥ kṣapābhir ahabhis ca jinvatu* 'пусть он улаждает нас по ночам и дням' — РВ. 4, 53, 7, лат. *qui eo tempore principatum in civitate obtinebat* 'который в то время имел власть в общине' — Цезарь, Ком. о гал. в., 1, *in fines vocentiorum ulterioris provinciae die septimo pervenit* 'в область воконтиев, что в дальней провинции, он пришел на седьмой день' — Цезарь, там же, лит. *kukalus tuo metu daugiausiai seja* 'в это время он больше всего сеет сорняки' — Ширвидас, *Punkty kaz.*, 286, ст.-сл. **ученици его нощиꝯ пришѣдше украдоша** — Савв. кн., 122. Оно выражалось и генитивом (греч. χειμῶνος 'зимой', νυκτός 'ночью', скр. *aktos* 'ночью', гот. *nahts* 'ночью', лит. *šios dienos* 'в этот день', др.-рус. **другаго дни вельми рано**), и аккузативом: скр. *taṃ purve-dyuh* (лок.) *pitaro vindann utaram ahar* (акк.) *devāḥ* 'его в предыдущий день нашли родители, на следующий — боги', греч. ἐνταῦθα Κύρος ἔμεινεν ἡμέρας ἑπτὰ 'там Кир пробыл семь дней' — Ксеноф., 'Ανξβ., 1, 2, 6, лат. *cujus pater regnum in Sequanis multos annos obtinuerat* 'отец которого много лет у секванов имел царскую власть' — Цезарь, Ком. о гал. в., 1, лит. *dievo žodžio karščiai dieną ir naktį ieškokiet* 'божьего слова день и ночь горячо ищите' — Катех. Мажвида, 12, др.-рус. **бишася день, бишася другыи** — Сл. о п. Иг.

Для выражения причины служили аблатив (хетт. *takku ERUM-an nasma GIM-an sullanz kwiski kwenzi* 'если раба или рабыню кто-нибудь из-за гнева убивает...' — Кодекс, § 2, скр. *adha svanān marutam viçvam ā sadma pārthivam arejanta pra mānuṣaḥ* 'тотчас от голоса Марутов весь земной дом (и) люди задрожали' — РВ. 1, 38, 10) и инструменталь: скр. *asyedu bhīyā girayaç ca dṛlḥā dyāvā ca bhūmā januṣas*

tujete 'от страха перед ним горы твердые, небо, земля, люди колеблются' — РВ. 1, 61, 14, *vepete bhīyasā* 'дрожит от страха' — РВ. 1, 80, 11, греч. οἱ αἰχμαλῶται ἀπολοῦνται τῷ λιμῷ 'пленные погибнут от голода' — Ксен., 'Ανξβ. 7, 4, 5, лат. *ita sive casu sive consilio deorum immortalium, quae pars civitatis helvetiae insignem calamitatem populo romano intulerat, ea princeps pœnas persolvit* 'так или чю случаю, или по воле богов бессмертных та часть общины гельветов, которая нанесла неслыханное поражение римлянам, первая понесла наказание' — Цезарь, Ком. о гал. в. 1, др.-рус. **изнемогаху же людѣ голодомъ и водою**. — Пов. вр. лет, 6476 г., **а древо не бологомъ листвие срони** — Слово о п. Иг.

Цель выражалась дативом: хетт. *numi A-BU-YA DUMU-an sara das numi A-NA DINGIR-LIM ERUM-anni pesta* 'и отец взял меня, дитя, и отдал богине на службу' — Хаттусили, § 3, скр. *tvam sutasya pītaye sadyo vṛddho ajayathāḥ indra* 'ты для питья сомы тотчас же взрослый родился, Индра' — РВ. 1, 5, 6, лат. *Caesar quinque cohortes castris praesidio reliquit* 'Цезарь оставил пять когорт для охраны лагеря' — Цезарь, Ком. о гал. в., 1.

Определение

В отличие от дополнения и обстоятельства, определение всегда подчинено грамматически существительному и выражает признак того предмета или предметно мыслимого понятия, которое обозначено этим существительным. Существительное же, которому подчинено определение, может быть любым членом предложения, и следовательно, быть в любом падеже.

Во всех индоевропейских языках во все времена определениями служат прилагательные, которые согласуются полностью с существительными. Это и есть основная синтаксическая функция прилагательных. Кроме того, в роли определения употребляется генитив существительных, который соперничает в этой функции с относительными прилагательными. Обе формы определения настолько обычны и общезвестны в индоевропейских языках, что примеры

приводить излишне. В хеттском языке, с одной стороны, и в балтийских, с другой, широкое распространение в функции определения получил генитив. Напр., в хеттской фразе *kwił DUMU-SU esta manza UL zikqa wasdulas esta* 'хотя ты был его сын, ты не был грешен' (дог. Мурсили с *Kupanta-KAL*, § 7) даже сказуемое «грешен» выражено не прилагательным, а генитивом существительного *wasdulas* (букв. «греха»); так часто выражалось и определение. В литовском языке соответственно русским относительным прилагательным также часто употребляется генитив существительного. Напр., свой язык литовцы называют *lietuvių kalbà* (букв. «язык литовцев»), северный ветер — *šiaurės vėjas* (букв. «ветер севера»). В других индоевропейских языках более обычной формой определения является прилагательное.

3. ВОПРОС О СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

О структуре сложного предложения праиндоевропейского языка можно высказать только некоторые предположения, потому что достоверных данных по этому вопросу очень мало. Есть все основания думать, что в нем существовала сочинительная связь предложений, потому что она широко распространена в языках мира, и невероятно, чтобы она отсутствовала в таком языке с развитым грамматическим строем, каков был индоевропейский. Но в отношении подчинительной связи предложений данные неопределенны. Г. Хирт в своей «Индогерманской грамматике» постулирует в праиндоевропейском сложноподчиненные предложения с различными видами придаточных¹, но это достигается тем, что не только материально, но и структурно сходные синтаксические явления отдельных языков он возводит к языку-основе. Как мы уже отмечали, структурно сходные и даже тождественные явления могут развиваться в разных языках без какой-либо связи между собой. Материальные же показатели подчинительной связи предложений — союзы — имеют мало общего между собой в различных индоевропейских языках. Если сравнить, напр., подчинительные союзы хеттского языка,

санскритского, латинского и старославянского, то они окажутся совершенно различными. Поэтому вероятно, что многие конструкции сложноподчиненных предложений развились в отдельных языках самостоятельно, после обособления этих языков.

Нужно учесть, что на формирование структур сложноподчиненных предложений большое влияние оказывает литературная обработка языка. Этим в значительной степени объясняется разнообразие этих структур в Ведах, индийском эпосе и классической индийской литературе, в Илиаде, Одиссее и у греческих авторов, у римских авторов, в Библии Вульфила и в памятниках других индоевропейских языков. Чтобы представить себе типы сложноподчиненных предложений, существовавшие до литературной обработки, нужно обратиться к тем очень редким памятникам, которые отражают в какой-то степени народную разговорную речь и при этом содержат сложноподчиненные предложения. Этим условиям удовлетворяют древнерусские грамоты, особенно берестяные. Как показали исследования В. И. Борковского, в новгородских берестяных грамотах предложения, находящиеся в различных подчинительных по смыслу отношениях, нередко сочетаются без союзов¹. Есть такие случаи и в других грамотах. Напр., в сложном предложении **да пришли сороцию, сороциць забыле** (Берест. грам. XIV в. № 43) второе простое находится в причинном отношении к первому ('пришли сорочку, потому что сорочки забыл'); в бессоюзном сложном предложении **холопъ или роба почнетъ вадити на государя, тому ти вѣры не яти** (Новг. грам. 1325—27 г.) — условное отношение. Не являются редкостью случаи, когда подчинительная по смыслу связь выражается сочинительными союзами, как напр.: **а не присълеши ми полупяты гривны, а хоцу ти вырути въ ты луцшаго новъгорожанина** — условное отношение (Новг. берест. грам. XI в. № 246); **а взялъ его немчина Кашпир Буденбругъ, а живеть на торговой улицы у водяныхъ воротъ** — определительное отношение (Моск. грам. 1578 г.). Можно думать, что такие конструкции сложноподчиненных предложений являются древнейшими,

что с них и начиналось развитие подчинительной связи и что, следовательно, они были распространены в праиндоевропейском. Можно думать, что в последнем подчинительные смысловые отношения между предложениями выражались также формами глагольных сказуемых, как напр., в этом месте Слова о п. Иг.: **възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано** (целевое отношение выражено наклонением глагола **быхъ не слала**). Связь глагольных форм главного и придаточного предложений со смысловыми отношениями между ними широко известна в греческом, латинском, санскрите и других древних индоевропейских языках.

Нужно также принять во внимание, что в праиндоевропейском сравнительно редко возникала потребность в придаточных предложениях, потому что функции их обычно выполняли причастные обороты. Причастия широко употреблялись во всех древних индоевропейских языках, часто с предикативным оттенком значения, и можно думать, что так же они употреблялись и в языке-основе. Хотя причастия были именами, они управляли именами подобно глаголам, поскольку обозначали действие как признак предмета, а в праиндоевропейском грамматические связи слов целиком определялись их смыслом. Это давало возможность образовывать на их основе конструкции, близкие по смыслу к придаточным предложениям. Полупредикативные отношения причастий к подлежащим, сказуемым и другим членам предложения различны по смыслу. Это можно видеть на примерах гомеровских поэм. Так, в предложении *γινώσκω γάρ Ἄρηα μάχην ἀνὰ κοῖρανέοντα* 'узнаю Арея, господствующего в битве' — E 824 — причастный оборот соответствует придаточному определительному ('который господствует в битве'); в предложении *πρὸ γάρ ἦκε θεά, λευκώλενος Ἥρη, ἄμφω ὅμως θυμῷ φιλεῖσά τε κηδομένη τε* 'ее послала богиня белорукая Гера, обоим равно в душе любившая и заботившаяся о них' — A 195—196 — причастный оборот имеет причинный оттенок значения ('потому что она обоим равно любила и заботилась о них'); в предложении *οἱ δ' ἐχάρησαν Ἀχαιοὶ τὰ Τρῶές τε*

ἐλπόμενοι παύσασθαι δῖζυροῦ πολέμοιο 'обрадовались ахейцы и троянцы, надеющиеся прекратить губительную войну' — Γ 111—112 он имеет вполне определенное причинное значение ('потому что они надеялись прекратить губительную войну'); в *ἦλθον ἐγὼ παύουσα τὸ σὸν μένος* 'я пришла, прекращающая твой гнев' — A 207 — целевое значение ('чтобы прекратить твой гнев'); так же — в *Ἄρτεμις εἴσι κατ' οὖρεα ἰοχέαιρα... τερπομένη κάπροισι καὶ ὠκείῃς εἰλάφοισιν* 'Артемида, мечущая стрелы, идет с гор ... развлекающаяся кабанями и быстрыми оленями' — ζ 102—104 ('чтобы развлечься кабанями и оленями'); в предложении *εὐχετο δ' Ἀπόλλωνι... ἀρνῶν πρωτογόνων ῥέζειν κλειτὴν ἑκατόμβην οἴκαδε νοστήσας* 'обещал Аполлону совершить славную гекатомбу из первородных баранов, домой возвратившийся' — Δ 119—121 — причастный оборот соответствует придаточному предложению времени ('когда он возвратится домой'), в *ταῦτά κ' οἱ τελέσσαμι μεταλλήξαντι χόλοιο* 'я совершил бы ему это, сменившему свой гнев' — Π 57 — придаточному условному ('если бы он сменил свой гнев'), в *Ἀργεῖοι δέ, καὶ ἀχνύμενοί περ, ἀνάγκῃ νηῶν ἡμύοντο* 'аргяне же, (хотя и) упавшие духом, по необходимости защищали суда' — Μ 178—179 — придаточному уступительному. Подобные функции выполняют причастия и во всех других древних индоевропейских языках. Можно думать, что явление это более архаично, чем придаточные предложения, и более, чем последние, было распространено в языке-основе. Об этом свидетельствует также распространение в различных древних индоевропейских языках независимых причастных оборотов, выполняющих функции разных придаточных предложений, главным образом, временных. Трудно решить, существовали ли эти обороты в языке-основе, потому что падежи их в разных языках расходятся: в санскрите это *locativus absolutus*, в греческом — *genetivus absolutus*, в латинском — *ablativus absolutus*, в славянском — дательный самостоятельный. Но тот факт, что они развились в разных индоевропейских языках, говорит о том, что в этих языках продолжала действовать глубоко укоренившаяся с отдаленной древности тенденция обходиться без придаточных предложений, пользуясь причастиями.

Герман Якоби полагал, что из причастных оборотов с определительной функцией образовались сложные слова типа скр. *kumbha-kāra* 'горшочник', греч. λογο-ποιός 'сочинитель', лат. *arti-fex* 'мастер, художник'¹. Во второй части этих сложений он усматривал древнейшее индоевропейское причастие, представляющее собой чистую глагольную основу. А сложные слова типа φερέ-καρπος 'приносящий плоды', ἐλκε-χίτων 'одетый в длинный хитон' (букв. 'влекущий хитон'), по его мнению, образовались из определительных придаточных предложений. Первую часть этих сложений он считал по происхождению глагольной формой, существовавшей еще до образования личных окончаний. Позже, когда возникли личные окончания, образовались, по мнению Г. Якоби, такие сложные слова, как ἐλκεσί-πεπλος 'одетая в длинное платье' (букв. 'влекущая платье'), ὀλεσί-θηρ 'убивающий зверей', ἐνέσι-χθων 'колеблющий землю', в которых первая часть образовалась из глагольной формы с окончанием третьего лица ед. ч. *-ti². Однако предположение, что основа типа φερε-, ἐλκε- есть глагольная форма, существовавшая до возникновения личных окончаний, неправдоподобно. В словосложениях типа *kumbha-kāra*, λογο-ποιός такая же основа является уже именем и трактуется Г. Якоби как древнее причастие. Характерно, что это имя может обозначать не только субъект действия, как в данных примерах, но и объект: скр. *su-kara* 'легко делаемый', греч. εὖ-φορος 'легко носимый', δύσ-φορος 'обременительный, невыносимый'. Очевидно, это было имя с нерасчлененным значением действия, субъекта и объекта действия. А первый компонент таких сложений, как ἐλκεσί-πεπλος, Г. Остгоф и К. Бругман более правдоподобно, чем Г. Якоби, объяснили как имя действия с суффиксом *-ti. Следовательно, нельзя возводить сложные слова, рассматриваемые Г. Якоби, к придаточным предложениям или причастным оборотам. Они восходят к конструкциям более архаичным, чем причастные обороты, и свидетельствуют о том, что и до образования системы причастий праиндоевропейский язык мог обходиться без придаточных предложений.

Учитывая эти явления, можно думать, что потребность в сложноподчиненных предложениях в праиндоевропейском была сравнительно невелика. К тому же эта потребность в значительной степени могла удовлетворяться бессоюзными предложениями или путем использования средств сочинительной связи для выражения подчинительных отношений.

Единственное, что дает возможность предположить наличие в праиндоевропейском союзных сложноподчиненных предложений, — это индоевропейское местоимение **ios*, **iā*, **iod*, отразившееся в скр. *yaḥ*, *yā*, *yad*, греч. ὅς, ἡ, ὅ, фриг. *ios*, слав. и, я, ю, лит. *jis*, *ji*. Оно имело относительное значение, т.е. служило для связи придаточного предложения с главным. Это свидетельство, правда, может подвергаться сомнению, потому что местоимение **ios*, **iā*, **iod* в некоторых случаях имеет и указательное значение. Так, в славянских письменных памятниках и, я, ю имеет относительное значение только в сочетании с частицей же, а без нее — указательное и потом — значение третьего лица. В литовском *jis*, *ji* стало местоимением третьего лица, а прежнее относительное значение свидетельствуется только образованным от него союзом *jėi*, *jėi-gu* 'если'. Указательное употребление местоимения ὅς, ἡ, ὅ встречается и в греческом¹. Можно думать, что относительное значение **ios*, **iā*, **iod* развилось из указательного. Однако тот факт, что именно это, а не какое-то другое указательное местоимение получило относительное значение в ряде индоевропейских языков, причем не только восточных, но и западных (в готском от него образован союз *jabai* 'если'), склоняет к мысли, что употребление этого местоимения в качестве средства подчинительной связи предложений восходит еще к эпохе индоевропейского языкового единства. Конечно, оно могло возникнуть лишь на самом последнем этапе существования этого единства.

чуждо и эргативной конструкции. А. Sommerfelt обнаружил в языке аранта, что эргатив на *-la* выражает субъект не только при переходных глаголах, но и при непереходных глаголах движения; он нашел и многие другие факты, свидетельствующие о том, что эта форма выражает активно действующий предмет и не связана с переходностью глагола¹. Х. Уленбек отметил, что в североамериканском языке дакота применение глагольных префиксов, обозначающих субъект действия, зависит не от переходности и непереходности глагола, а от глагола действия или состояния². Очевидные пережитки такой эргативной конструкции обнаружил Ю. Д. Дешериев в бацбийском языке, родственном чеченскому и ингушскому³. Анализ эргативной конструкции показывает, что именно такая разновидность ее является самой архаичной.

Эти факты дают основание предположить, что в истории праиндоевропейского языка была эпоха эргативной конструкции предложения. Это был один из ранних этапов развития грамматического строя этого языка.

Было высказано мнение, что в последующую эпоху, эпоху разложения эргативной конструкции предложения, происходило в глаголе прежде всего преобразование категорий действия и состояния в новые категории — презент-аориста и перфекта-медий⁴. В категории действия стали формироваться основы, выражающие длительность и недлительность, что дало начало противопоставлению презент-аориста. К какому-то периоду этой эпохи с наибольшей вероятностью можно отнести и противопоставление «первичных» и «вторичных» окончаний. Это предположение подкрепляется тем, что в последующую эпоху, какую мы можем выделить, — эпоху обособления малоазийского диалекта, «первичные» окончания уже существовали и отразились в хеттском, как и в других индоевропейских языках.

Этот факт заставляет признать, что противопоставление «первичных» и «вторичных» окончаний появилось раньше, чем значения времени в глаголе. Такое мнение подтвержда-

ется и тем, что оба эти ряда окончаний выражали не только время. Следовательно, элемент *-i*, отличающий «первичные» окончания от «вторичных», не был показателем настоящего времени, как думали некоторые¹, в том числе и автор этих строк. Происхождение «первичных» окончаний более правдоподобно можно объяснить на основе гипотезы об именном происхождении глагольных форм третьего лица. Можно предположить, что из основ имени действия на **-to* и на **-ti* (также на **-nto* и **-nti*) образовались две равнозначные формы третьего лица, из которых форма на **-ti* постепенно закрепились за глагольными основами, выражавшими длительность. Под влиянием третьего лица аналогичные варианты образовались и в других личных формах: **-m* и **-mi*, **-so* и **-si*.

Разделение категории состояния на перфект и медий появилось не только в окончаниях, но и в основах. Медий имеет те же основы презент-аориста, что и актив, а перфект — свою особую основу. Поскольку в хеттском отражается еще общность окончаний перфекта и медия и следы этой общности имеются и в некоторых других языках, можно думать, что разделение этих категорий началось с основ. По-видимому, начало это состояло в том, что основы, выражавшие длительность и недлительность, выработавшиеся в категории действия, стали распространяться на категорию состояния, но не охватили ее целиком. Формы категории состояния со старой основой сохранили значение состояния; от них происходит перфект. Формы с основами длительности и недлительности стали изменять свое значение и переходить в медий.

Очевидно, именно в эту эпоху прежний эргативный падеж стал выразителем субъекта у имен активного класса при любой форме сказуемого, превратившись тем самым в номинатив. Эргатив в других значениях отделился от номинатива, стал отличаться сначала местом ударения, потом — огласовкой окончания; так образовался генитив. Образовалась в активном классе и особая падежная форма, имевшая преимущественно значение прямого объекта. Она возникла в

результате разделения формы без окончания на аккузатив, вокатив и локатив. Для дифференциации в аккузативе активного класса появилось окончание **-m*.

К этой эпохе можно отнести и начало дифференциации числа в именах. Она произошла в номинативе; вероятно, несколько позже — в аккузативе.

К рассматриваемой эпохе с наибольшей вероятностью можно отнести и образование форм множественного и двойственного числа личных местоимений. Местоимение **уе*, имевшее, по-видимому, собирательное значение и не разделявшееся по лицам, разделилось посредством чередования гласных: в виде **уе* оно стало обозначать первое лицо, в виде **уо* — второе. Для дифференциации множественного и двойственного числа к этому корню был присоединен элемент **-s*, который стал обозначать множество; без него корень **уе/уо* стал обозначать двойственное число. Кроме того, форма множественного числа первого лица была образована и другим способом: от корня единственного числа **те* путем присоединения показателя множественности **s*. Получилась основа **mes*, которая распространилась в восточных диалектах индоевропейского. Эта основа как раз и дает возможность установить, что образование числовых форм личных местоимений происходило в эпоху разложения эргативной конструкции. То, что основа **mes* с самого начала имела значение именно первого лица, ясно из того, что она образовалась от местоимения первого лица **те*. Отнести этот процесс к предшествующему этапу нельзя, потому что у личных местоимений вряд ли могла развиваться дифференциация чисел тогда, когда ее не было у имен. Приурочить к более поздней эпохе также нельзя, потому что местоимение **mes* могло появиться только тогда, когда основа **те* была единственной формой местоимения первого лица ед.ч. Позже, когда наряду с ней появилась основа **egho*, получившая значение номинатива, **mes* уже не могло быть образовано от **те*, так как **те* уже выражало косвенные падежи, а **mes* — номинатив.

2. ЭПОХА ОБОСОБЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО ДИАЛЕКТА

Сопоставление грамматических форм малоазийских и других индоевропейских языков дает возможность предположить, что в эпоху обособления малоазийского диалекта происходили следующие процессы.

В глаголе исчезли остатки категории состояния. Формы, сохранявшие еще значение состояния, в малоазийском диалекте утратили это значение и стали особым спряжением (хеттское спряжение на *-hi*); в остальных диалектах они не полностью утратили это значение, но поскольку действие уже не могло осознаваться как состояние, значение состояния в этих формах стало мыслиться как результат предшествующего действия, и формы стали перфектом. Перфект не вошел еще в противопоставление актива и меди.

В меди начали распространяться окончания, принадлежавшие раньше категории действия, — **-so*, **-to*, **-nto*. В малоазийском диалекте это мало проявилось: только в третьем лице (да и то в единственном числе сохранилось старое окончание *-a* наряду с новым **-to*). В остальных диалектах этот процесс пошел дальше, захватив и второе лицо. Противопоставления «первичных» и «вторичных» окончаний в меди еще не было.

В активе и меди продолжалось формирование особенностей основы, выражавших длительность и недлительность действия. Первые сочетались с «первичными» окончаниями, вторые — с «вторичными», и образовались категории презент и аориста. Возможно, в них уже начинало возникать значение времени. Поскольку аорист был немаркированной категорией, которой противопоставлялся презент, нужно думать, что процесс образования его распространялся и на малоазийский диалект. Однако здесь противопоставление презент и аориста не получило полного развития и стало исчезать. Можно думать, что в начале этой эпохи уже образовались глагольные личные формы множественного числа. Развились новые наклонения — конъюнктив и оптатив, не распространившиеся, однако, на малоазийский диалект.

К началу этой эпохи (когда малоазийский еще мало обособился), или к концу предыдущей, с наибольшей вероятностью можно отнести образование датива, который получил одно окончание во всех индоевропейских диалектах, локатива с окончанием *-i*, а также формы множественного числа аккузатива. Возникла форма генитива с окончанием **-om*, т.е. формы на **-es* и **-om* объединились в одном падеже. Вторая из них в основном диалектном массиве стала получать значение множественного числа, но этот процесс не распространился на малоазийский диалект. К последней части этой эпохи можно отнести возникновение инструментала, поскольку он и в восточных, и в западных диалектах получил один и тот же показатель (скр. *-ā*, лит. *-и*, лат. *-ō*, *-ē*, др.-в.-нем. *-u*), но в малоазийском образован по-иному.

В эту эпоху происходило формирование женского рода. Этот процесс мог начаться до полного отделения малоазийского, но не получить в последнем развития.

У личных местоимений возникли два падежа — номинатив и косвенный, функции которых стали выполнять разные основы. Отнесение этого процесса к данной эпохе оправдывается тем, что в области первого лица он протекал еще одинаково по всем диалектам, а в области второго — в малоазийском — иначе, чем в остальных. Основа первого лица единственного числа **me* во всех диалектах стала косвенным падежом, а в функции номинатива стала употребляться новая основа **egho*; в малоазийском, вероятно, — **ogho* (хетт. *uk*). В первом лице множественного числа основы **ues* и **mes* (по диалектам) получили значение номинатива, а **nes/nos/ns* — косвенного. В отношении второго лица результаты получились различные. Основа единственного числа **te* в малоазийском стала номинативом, в остальных диалектах — косвенным падежом, а основа **tu* — наоборот. Основа множественного числа **ues/uos* в таком виде сохранились в функции косвенного падежа; в номинативе стала употребляться эта же основа, но в редуцированном виде — **us*, причем в малоазийском она сочеталась с **ues* (**us-ues* → *suwes* → *sumes*), а в остальных диалектах — с местоимени-

ем **io* (**io-us* → *jūs*). В малоазийском образовавшаяся таким образом сложная основа распространилась на косвенный падеж.

В области фонетики можно отнести к этой эпохе начало падения «ларингальной» согласной. Поскольку в хеттском «ларингальная» в некоторых положениях исчезла, как и в остальных индоевропейских языках, можно думать, что малоазийский диалект в начале своего обособления был затронут процессом падения «ларингальной», начавшимся в других диалектах, но при дальнейшем обособлении этот процесс не получил в нем развития и прекратился; в других же диалектах он привел к полному исчезновению «ларингальной».

Таким образом, есть основания предполагать, что в эпоху отделения малоазийского диалекта в праиндоевропейском глаголе уже сформировалась система презент-аориста-перфекта, в ней, возможно, уже зарождались значения времени, но эта система не распространилась на малоазийский, и в последнем категория времени сформировалась по-иному; образовались личные формы множественного (возможно — и двойственного) числа; сложилась система наклонений (императив — конъюнктив-оптатив). В системе имени происходило формирование женского рода, дальнейшее развитие системы падежей (датива, локатива, инструментала), развивалась дальнейшая дифференциация форм числа: возникли формы аккузатива и генитива множественного числа (возможно, и двойственного). Возникло двухпадежное супплетивное склонение личных местоимений. В фонетической системе началось падение «ларингальной».

3. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ДИАЛЕКТНОЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

После отделения малоазийского диалекта в индоевропейском продолжалась диалектная дифференциация и складывались новые ареалы. При попытках выделения периода ближайшей реконструкции обнаруживаются не только общиндоевропейские явления, но и явления, связанные с теми или иными ареалами. Поэтому для характеристики последней эпохи

индоевропейской языковой общности нужно прежде всего рассмотреть вопрос о диалектном членении индоевропейского языка на этом этапе. По этому вопросу имеется уже значительная литература, но он до сих пор остается спорным.

А. Мейе, впервые серьезно исследовавший изоглоссы в праиндоевропейском, пришел к выводу, что его диалекты объединялись в две основных группы — восточную и западную¹. Эту точку зрения поддержали некоторые другие индоевропейцы²; наиболее полно развил и обосновал ее В. Порциг, исследовавший, кроме известных уже фонетических и морфологических явлений, многочисленные лексические изоглоссы³. Некоторые языковеды, как напр., А. В. Десницкая, подвергают сомнению эту классификацию индоевропейских диалектов⁴, другие даже полностью отрицают ее, как Э. А. Макаев⁵, но никто еще не опроверг ее с фактами в руках. В. И. Георгиев выделяет в праиндоевропейском четыре диалектных группы: западную (италийский, кельтский, венетский и др.), центральную (греческий, индоиранские, армянский и др.), северную (германский, балтийский, славянский) и южную (хетто-лувийскую), и с этой классификацией, с некоторыми оговорками, также можно согласиться. Выше уже показано, что выделение хетто-лувийских (малоазийских) говоров в особую группу вполне обоснованно. Центральная группа В. И. Георгиева — это и есть та, которую другие называют восточной. Что же касается северной группы, то и ее можно выделить, но с учетом относительной хронологии диалектных процессов. Выделение В. И. Георгиевым германского, балтийского и славянского в особую группу — северную — связано с тем, что он считает связи славянского и балтийского с германским более значительными, чем отмечавшиеся раньше в научной литературе связи славянского и балтийского с индоиранскими языками⁶. В моих статьях было выражено мнение, что общие изоглоссы славянского и балтийского с германским указаны В. И. Георгиевым правильно, но они относятся к более позднему периоду, чем связи славянского и балтийского

с индоиранскими и другими индоевропейскими языками восточной группы, и не опровергают выделения в индоевропейском языке восточного ареала и включения в него на определенном этапе славянского и балтийского¹. К восточной группе можно отнести диалекты, давшие начало индоиранским языкам, греческому, армянскому, фригийскому, фракийскому, славянскому и балтийскому; к западной — предки италийских, кельтских, германских, венетского и, согласно исследованию А. В. Десницкой², — албанского языка.

Э. А. Макаев отвергает разделение индоевропейских диалектов на восточную и западную группы, исходя из того, что «общие восточному и западному ареалу конститутивные признаки при ближайшем рассмотрении оказываются или принадлежностью лишь части соответствующего ареала, или оказывается возможным доказать их более позднее возникновение»³. Он полагает, что общие черты, обнаруженные в каждой из этих групп языков, являются результатом позднейшего взаимодействия между ними, когда они были уже отдельными языками, и образования из них языковых союзов. К сожалению, Э. А. Макаев не привел доказательств того, что общие черты языков восточной или западной группы возникли более поздно, или являются принадлежностью лишь части соответствующего ареала. Что же касается позднейшего взаимодействия между индоевропейскими языками и образования языковых союзов, то возможность этих процессов, безусловно, должна учитываться, но утверждать их и объяснять ими те или иные индоевропейские изоглоссы можно лишь в том случае, когда это вытекает из фактов. Такие факты еще не обнаружены. Что же касается восточных индоевропейских диалектов, то некоторые общие черты их и нельзя объяснить позднейшими контактами и образованием языкового союза. Возьмем для примера окончание локатива множ. ч. **-su*. Оно отражено в индоиранских языках, греческом, славянском и балтийском. В греческом оно, правда, выступает в виде *-si*, но последнее не может иметь иного происхождения, как только из **-su*. Можно ли отвергать его как изоглоссу восточного ареала

не том основании, что оно отсутствует в армянском? Даже если допустить, что в армянском оно никогда не существовало, что в высшей степени неправдоподобно, то и в этом случае оно могло быть отличительной чертой восточной группы диалектов, но охватывающей не полностью весь ареал. Относить его за счет позднейших контактов между отдельными индоевропейскими языками нет оснований, потому что возникновение его было естественным продолжением и завершением процесса дифференциации по значению числа системы падежных форм, происходившего в течение весьма длительного времени в праиндоевропейском языке. Наиболее подходящими фактами для интерпретации как результата языкового союза могли бы быть скорее всего общие черты в глагольных системах греческого и индо-иранских языков, но и они не поддаются такой интерпретации. Индо-иранские языки и греческий разделены территориально огромным расстоянием, что является результатом расселения народов, говоривших на этих языках, и постоянного удаления их друг от друга в течение длительной эпохи. О процессе этого удаления говорят следы контактов индо-иранских языков с финно-угорскими и более поздних контактов их с языками Передней Азии. Но нет никаких фактов, которые указывали бы на то, что индо-иранские и греческий, разошедшись территориально и ставши отдельными языками, потом снова сблизились и находились в тесных контактах в течение столь длительной эпохи, что в них могли выработаться почти тождественные системы глагола. С гораздо большим основанием можно полагать, что эти процессы происходили до того, как индо-иранские и греческий стали отдельными языками, т.е. когда они были еще диалектами в составе индоевропейского единства.

Другое дело — отношения славянского и балтийского. Между собой они имеют гораздо больше общего, чем с другими языками, но эта общность такого характера, что допускает различное толкование, и мнения по этому вопросу разошлись. Одни полагают, что они происходят от единого балто-славянского праязыка¹. Другие придерживаются мне-

ния, что общность балтийских и славянских языков обусловлена не происхождением от единого языка, а интенсивным взаимодействием двух диалектов, выделившихся независимо друг от друга из праиндоевропейского, т.е. балто-славянским языковым союзом¹. Мне лично представляется более правдоподобным второе. К этому мнению склоняет, помимо анализа общих черт и различий между балтийским и славянским, также характер лексических связей между балтийским, славянским и германскими языками, показанный в «Сравнительной грамматике германских языков» Института языкознания Академии наук СССР². Авторы «Грамматики» установили, что балтийские языки имеют в лексике значительно больше общего с германскими, чем славянские. Различны и словообразовательные связи балтийских и славянских языков с германскими. Так, числительные, аналогичные готским *ainlif* — 'одинадцать', *twalif* — 'двенадцать', есть только в литовском: *vieniolika*, *dvylika*; а готские непереходные глаголы на *-nan* при переходных на *-jan* (напр., *fullnan* 'наполняться' — *fulljan* 'наполнять') находят себе полное соответствие только в славянских глагольных основах на *-нж-*, соотносящихся с основами на *-н-* (*схнѣти* — *соушити*). Из этого можно сделать вывод, что в эпоху взаимодействия протобалтийского и протославянского с протогерманским первые два были отдельными диалектами в составе праиндоевропейского, а не единым диалектом. С другой стороны, важнейшие общие фонетические процессы в славянских и балтийских языках (одинаковые изменения слогообразующих *r*, *l*, унаследованных от индоевропейского, общий процесс изменения согласных в сочетании с *j*, некоторые общие явления в изменении акцента³ происходили, очевидно, значительно позже разрыва контактов между этими диалектами и протогерманским и свидетельствуют о том, что в эту эпоху славянский и балтийский диалекты были близки между собой, потому что только в диалектах, имеющих единую (хотя бы в основных чертах) фонетическую систему, возможны единые фонетические процессы. А если бы эти диалекты и раньше, при выделении из праиндоевропейского,

составляли один язык, то вряд ли в них возникли бы те расхождения в области лексики и синтаксиса, на которые указал Э. Френкель¹.

Однако нет никаких оснований отрицать тесную связь между протославянским и протобалтийским диалектами в составе праиндоевропейского языка в эпоху обособления от других индоевропейских диалектов. В недавнее время Б. В. Горнунг выдвинул тезис, что в индоевропейском языке протославянский и протобалтийский диалекты входили в разные диалектные зоны. От балтийских диалектов он отделяет протопрусский и считает, что последний вместе с протославянским входил в состав древнейшей юго-восточной зоны индоевропейских диалектов, а протолеттолитовский относился к древнейшей северо-западной зоне². Но морфологические явления славянских и балтийских языков, которые можно отнести к эпохе индоевропейской общности, объединяют их и показывают совершенно недвусмысленно, что в ту эпоху протославянский и протобалтийский входили в одну диалектную зону. Древнейшие из этих явлений говорят о том, что эта зона была восточной (или, по Б. В. Горнунгу, — юго-восточной).

Связи же славянских и балтийских языков с германскими целиком нужно отнести на счет позднейшего взаимодействия, поскольку более древние черты связывают славянские и балтийские с языками восточной зоны, а германские — с западной зоной. К тому же и территориально эти языки связаны вплоть до современности, и контакты между ними свидетельствуются как фактами доисторической древности, так и данными исторических периодов. В этом случае теория языкового союза вполне оправдывает себя.

Переходя к фактам, главное внимание обратим на морфологические черты как наиболее устойчивые и легче, чем фонетические и лексические, относимые к той или иной эпохе.

Начнем с особенности, уже упомянутой выше, — окончания локатива множ. ч. **-su*. Эта черта связывает славянский и балтийский с восточными индоевропейскими языками и, как уже упоминалось, должна быть отнесена к праиндоев-

ропейской эпохе. В западных индоевропейских языках и в хеттском этого окончания нет. Считать, что оно было здесь утрачено, нет достаточных оснований. В греческом падежная система сократилась, как и в западных языках, и локатив объединился с дативом в одной форме, но окончание *-si*, восходящее к **-su*, все же сохранилось. А в латинском, в котором индоевропейская форма локатива ед. ч. у многих имен сохранилась, окончания **-su* нет. По-видимому, оно было чертой только восточной группы индоевропейских диалектов.

Славянский и балтийский отличаются от западных языков также образованием косвенных падежей местоимения «ты». В западных языках эти формы образованы от основы **te*: др.-в.- нем. акк. *dih* из **te-k*, дат. *dir* из **te-s*, лат. акк. *te*, дат. *tibi* из **te-bhi*, др.-лат. ген. *tis*. В славянском и балтийском они имеют сложную основу, состоящую из элементов **te* и **ue*: лит. ген. *tavęs*, дат. *távei* и т. д., слав. ген. тебе из **teve* и т. д. Эта основа также объединяет славянский и балтийский с восточными языками: скр. ген. *tava*, акк. *tvām* и т. д., авест. ген. *tava*, акк. *tvam* и т. д., греч. акк. *σε* из **tve*, арм. *khe-x* из **tve*, *kho* из **tvo*.

Общим новообразованием восточных диалектов, включая славянский и балтийский, является также основа местоимения первого лица множ. ч. **me-* при древнейшей **ue-*. В славянском и балтийском сохранилась и основа **ue*, но она получила здесь значение двойственного числа: слав. **вѣ**, лит. (в некоторых диалектах) *ve-dū*, *ve-dvi*. В индо-иранских также представлены обе основы, но здесь они получили разные падежные значения: основа **ue* стала номинативом (скр. *vay-am*), а **me* соединилась с основой косвенных падежей **nes/nos/ñs* и вошла в состав тонических форм косвенных падежей (скр. акк. *asmān* из **ñsmēn*, дат. *asmabhyam* из **ñsmebhi-am* и т. д.); сама же основа **nes/nos* стала атонической формой. В армянском — только основа **me-*: *mekh*. В греческом — также, но здесь она сочеталась с основой **ñs*: *ἡμεῖς* из **ñsmes*.

В области глагола отличительной чертой восточной диалектной группы являются «первичные» окончания медиа ед. ч.

*-ai, *-sai, *-tai и третьего лица множ. ч. *-ntai. Они полностью представлены в индо-иранских языках и греческом, но следы есть и в балтийском, и в славянском: прус. -mai (-asmai), лит. -mie-si из *-ai, слав. 2 л. ед. ч. -си (даси, вѣси) из *-sai, 1 л. ед. ч. -ѣ (вѣдѣ) из *-ai. Окончание -mai, восходящее к *-ai, есть и в западнотохарском (претерит медиа), а тохарские языки имеют наиболее тесные связи со славянскими и балтийскими¹. Западным языкам эти окончания не свойственны. Правда, в латинском есть окончание первого лица ед. ч. перфекта -ī, восходящее к *-ai, но, как уже отмечено в главе VI, 8, латинский перфект, унаследованный от индоевропейского, не имеет связи с медиопассивом, и единственное окончание его не может служить доказательством существования в латинском ряде «первичных» окончаний медиа; оно могло проникнуть из другого диалекта.

Некоторые языковеды возводят готские окончания медиопассива -za, -da, -nda к «первичным» *-sai, *-tai, *-ntai. Как изложено в главе VI, 8, это мнение не подтверждается, поскольку готская форма номинатива множ. ч. прилагательных муж. р. (mikilai) свидетельствует о том, что дифтонг ai на конце слова сохранялся. Ссылка же на окончание датива ед. ч. -a, которое возводили к *-oi, утратила свое значение потому, что обнаружены факты, указывающие на иное происхождение этого окончания. Общие же закономерности развития медиа в индоевропейском таковы, что окончания -za, -da, -nda могли образоваться только из *-sō, *-tō, *-ntō (с удлинением гласного). Проследим эти закономерности.

Прежде всего нужно обратить внимание на то, что окончания *-so, *-to, *-nto пришли на смену более древним окончаниям медиа, которые наиболее полно отражены в хеттском, но есть и в некоторых других индоевропейских языках и, следовательно, не являются хеттским новообразованием. Этот процесс постепенной смены одного ряда окончаний другим наглядно прослеживается по пережиткам, сохранившимся в некоторых языках. Так, в ведийском есть «вторичное» окончание третьего лица ед. ч. -a, общее с хеттским, но обычным окончанием этой формы в Ведах и единственным

в классическом санскрите является *-to, общее с другими языками. В качестве «вторичного» окончания второго лица ед. ч. медиа в индийском сохранилось *-tha (→ thāh), общее с хеттским, но в иранском — уже *-so (авест. -ha), общее с другими языками. В греческом *-tha сохранилось в форме второго лица ед. ч. пассивного аориста (-θη), но единственным «вторичным» окончанием второго лица ед. ч. медиа является -so. В самом хеттском уже появились окончания третьего лица медиа *-to, *-nto, причем первое из них соперничает с архаичным -a. Окончания медиа в хеттском образуют один ряд и не делятся на «первичные» и «вторичные». То же — в италийских и кельтских языках, с той только разницей, что в них утвердились новые окончания *-so, *-to, *-nto (за исключением кельтской формы второго лица ед. ч. -the-r из *-tha). Нет никаких оснований считать, что в этих языках утрачены «первичные» окончания и сохранились только «вторичные». Несравненно более вероятным является предположение, что в этих языках сохранилась старая система медиа с одним рядом окончаний. В этом ряду новые окончания утвердились во втором и третьем лицах единственного числа (*-so, *-to) и в третьем лице множественного (*-nto). В остальных лицах множественного числа подобной замены не было. В первом лице единственного числа также нет окончания, аналогичного *-so или *-to. В разных языках соответствующие окончания образованы различно. Вероятно, в праиндоевропейском сохранялось старое окончание *-ha → -a. Окончания же *-ai, *-sai, *-tai, *-ntai являются еще более поздними; возникновение их связано с выработкой в медиа двух рядов окончаний аналогично системе актива.

Тот факт, что готский I медиопассив имеет один ряд окончаний и нет никаких следов другого ряда, говорит в пользу предположения, что германская система медиа, как и итало-кельтская, характеризуется рядом окончаний (*-a), *-so, *-to, *-nto. В пользу этого предположения говорит и странный факт замены в готском окончания первого лица ед. ч. окончанием третьего лица ед. ч. -da. Старое окончание, которое сохранялось в первом лице ед. ч., в истории отдельных

языков, по-видимому, вступало в противоречие с новой системой окончаний, вследствие чего заменялось другими (греч. *-ου*, скр. *-i*, лат. *-o*). В германском эта потребность замены привела к употреблению окончания третьего лица в значении первого.

Праславянский и прабалтийский расходятся с западными индоевропейскими языками также в отношении будущего времени. В германских языках его не было. В итальянских и кельтских есть футур на *-se/so-*, но, как отмечено в главе VI, 5, здесь он образовался неодинаково и, по-видимому, в истории каждого языка в отдельности. В балтийских же языках есть футур с суффиксом *-si-*, восходящим к **-sje-*, он существовал и в праславянском, о чем свидетельствует причастие *бышашею*, и этот футур прямо связан с санскритским на *-sya-*, а также с греческим на *-se/so-*. Формы эти раньше, по всем данным, имели модальное значение, но тот факт, что в восточных диалектах футур образовался только с суффиксом **-sje/sjo*, хотя конъюнктив по своему значению также вполне подходил для образования будущего времени (и в западных был использован в этом значении), говорит о том, что это был общий процесс в восточных диалектах и происходил он до превращения их в отдельные языки.

То, что некоторые из рассмотренных особенностей имеются не во всех языках восточной зоны (в частности, отсутствуют в армянском), не опровергает их значения как изоглосс восточного ареала, вопреки мнению Э. А. Макаева, потому что, с одной стороны, факты исчезновения тех или иных форм и даже целых грамматических категорий нередки в индоевропейских языках, особенно в армянском, и, с другой стороны, характерной особенностью изоглосс является то, что они не совпадают между собой и совокупность их никогда не дает четкой границы ареала: некоторые из них то заходят в «чужой» ареал, то не полностью охватывают «свой» ареал.

В рассматриваемую эпоху происходили и общеиндоевропейские процессы. Так, приобретение наречной формой на **-bh-* падежных значений и включение ее в парадигму

склонения произошло как в восточных диалектах, так и в западных, совершенно не затронув только малоазийского. Однако возникло различие в огласовке окончания на **-bh-*: в восточных диалектах это окончание закрепилось в виде **-bhi* (греч. *-φι*, скр. *-bhi-s*, *-bhi-as*, *bhi-am*), а в западных — как **-bho* (лат. *-bu-s*, галл. *-bo*, вен. *-fo-s*, мессап. *-bo*, *-ba-s*).

Можно думать, что окончание на **-bh-* существовало и в протославянском, и в протобалтийском. В именах оно было вытеснено потом окончаниями на **-m-*, но сохранилось в двух местоимениях: датив слав. *тебѣ*, *себѣ*, прус. *tebbeī*, *sebbei*.

Что касается соответствующих окончаний на **-m-*, ограниченных славяно-балто-германским ареалом (напр., датив множ. ч. слав. *вѣькомъ*, лит. *vilkāms*, гот. *wulfam*), то наиболее вероятно, что они возникли позже и вытеснили существовавшие ранее окончания на **-bh-*.

Другие черты, связывающие славянский и балтийский с германским, еще более явно относятся к позднему периоду. В. И. Георгиев вслед за Э. Френкелем указывает на то, что во всех трех языковых группах в области неличных местоимений одни и те же формы косвенных падежей имеются во всех трех родах (напр., датив множ. ч. слав. *тѣмъ*, лит. *tiems*, гот. *paim*). Но формы косвенных падежей множественного числа неличных местоимений в разных языках сложились по-разному и, очевидно, возникли в эпоху обособления индоевропейских диалектов, а распространение основы этих форм мужского и среднего рода на женский род, отмеченное в упомянутых языках, относится к еще более позднему периоду. В. И. Георгиев отметил также полное сходство славянского и балтийского с германским в склонении причастий женского рода, но особые падежные формы женского рода, особенно в области причастий — явно позднее явление в индоевропейских языках. Другие общие черты славянского, балтийского и германского, указанные В. И. Георгиевым, — сложные названия десятков (слав. *три десяти*, лит. *trisdešimt*, гот. *preis tigjus*) и словообразовательные осо-

бенности, объединяющие германский только со славянским или только с балтийским, о которых речь была выше, — также нельзя относить к эпохе существования праиндоевропейского языка.

В. Порциг выявил многочисленные лексические изоглоссы, характерные, с одной стороны, для восточного ареала, включая славянский и балтийский, и, с другой стороны, для западного¹. Есть также много слов, общих для германского, славянского и балтийского, как показали различные исследования². Но лексические данные, так же как и фонетические, я сейчас оставляю в стороне, потому что трудно отнести их к той или иной эпохе.

Рассмотренные морфологические данные, которым не противоречат и лексические, приводят к выводу, что в течение длительной эпохи в индоевропейском углублялись расхождения между восточной группой диалектов и западной. Позже, когда диалектные различия в индоевропейском достигли значительной степени, протославянский и протобалтийский сблизились с протогерманским и образовали северную диалектную группу.

В восточной группе после обособления от нее протославянского и протобалтийского продолжали возникать еще общие новообразования, которые лучше всего сохранились в индо-иранских языках и греческом. К ним можно отнести возникновение аугмента в аористе, образование имперфекта с «вторичными» окончаниями и аугментом, распространение удвоения в перфекте. Весьма возможно, что в этот период завершилось образование системы форм медиа, полностью параллельной системе актива, а в славянском и балтийском эта система не достигла полного развития.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышеизложенного вытекает, что объектом ближайшей реконструкции является система праиндоевропейского языка, сложившаяся после отделения малоазийского диалекта. Но этот язык разделялся на диалектные зоны, наибо-

лее вероятно — восточную и западную, если не считать значительно обособившегося уже малоазийского диалекта. Возникает вопрос, была ли это единая языковая система, или две, или три разные системы. Рассмотрим прежде всего различия между восточным и западным ареалами.

Самым значительным различием, какое можно постулировать на основании изложенных выше фактов, является расхождение в системах медиа: в западных диалектах — один ряд окончаний медиа; в восточных — два ряда и в связи с этим — формирование системы медиа, параллельной системе актива. Если эта гипотеза подтвердится в дальнейшем развитии индоевропейской сравнительной грамматики, то это будет означать, что восточная группа говоров отличалась от западной не только средствами выражения грамматических категорий, но и самими грамматическими категориями глагола; а это означало бы, что грамматическая система глагола стояла на грани двух разных систем. Несколько позже, по-видимому, различия в глагольной системе были усилены образованием в восточной зоне футура, в результате чего изменились соотношения между временами.

Грамматическая система имени была еще единой в обеих группах диалектов, но и в ней было существенное различие: в восточной группе была особая форма множественного числа локатива, в то время как в западной одна форма этого падежа употреблялась в обоих числах.

В области местоимений важной чертой восточной группы было местоимение первого лица множ. ч. **mes*. Образованное от основы единственного числа **me* с показателем множественности **-s*, оно четко противостояло местоимению **te* как форма множественного числа, в то время как соответствующее местоимение **ues* в западном диалекте сохраняло еще черты особого местоимения, независимого от **te*.

Эти данные дают основания предполагать, что в восточном и западном ареалах грамматические системы имени и местоимения были еще едины, хотя и с существенными особенностями, а в глаголе происходили процессы, ведущие к разделению на две разные системы. В целом эти данные, а

также собранные рядом исследователей данные о лексических изоглоссах, говорят о том, что различия между восточными и западными диалектами индоевропейского были значительными и, но эти зоны не стали еще разными языками.

Существует точка зрения, не проводящая принципиального различия между языком и диалектом. В настоящее время наиболее настойчиво проводят эту точку зрения итальянская школа неолингвистики, рассматривающая и диалект, и язык как совокупность изоглосс. Однако факты не подтверждают эту теорию.

Диалекты, действительно, суть совокупности изоглосс, вследствие чего между ними не бывает четких границ, а бывают только постепенные переходы в виде ряда изоглосс. Это происходит оттого, что диалекты являются разновидностями единой языковой системы. Между языками же в принципе не бывает постепенных переходов, а есть вполне определенные границы, потому что языки — это разные системы. Напр., нет никаких пучков изоглосс и никаких переходных диалектов между русским языком и языками Северного Кавказа, несмотря на сильное влияние на последние со стороны русского. В одних населенных пунктах говорят, напр., по-кабардински, в других — по-русски, а каких-либо промежуточных русско-кабардинских диалектов не существует. Это не исключает, конечно, заимствования слов, также словообразовательных элементов, иногда — в большом количестве. Пучки изоглосс бывают между языками только в том случае, если они близкородственны друг другу, как напр., славянские языки. Это — пережиток прежних отношений, когда они были диалектами одного языка и имели одну систему.

Языковые структуры, будучи разными системами, не могут проникать друг в друга, и языки заимствуют друг у друга, за редкими исключениями, только слова и словообразовательные морфемы. (Нельзя смешивать это со скрещиванием.) Взаимодействие же диалектов распространяется и на фонетику, и на грамматику.

Между восточными и западными индоевропейскими диалектами происходило взаимодействие в сфере грамматики.

И в тех, и в других создавались падежные формы, преимущественно множественного числа, с окончаниями **-bhi*, **-bho*. И в тех, и в других эти формы получили значение инструментальной множ. ч. у основ на согласные и сонанты, но не у основ на **-o*, у которых образовалась форма инструментальной множ. ч. на **-ōis*. В протоиталийский проникло из восточных диалектов окончание первого лица ед. ч. меди **-ai*, закрепившись в перфекте. В германский проникли формы генитива и датива ед. ч. женского рода неличных местоимений (гот. *þizos*, *þizai*), сложившиеся на востоке (скр. *tasyāḥi*, *tasyāi*, слав. *тоѧ*, *тои*, прус. *steises*, *steisiej*). Это говорит о том, что восточные и западные диалекты были еще диалектами одного языка.

Малоазийский же диалект в эту эпоху, очевидно, не переживал уже процессов, общих с другими индоевропейскими. Грамматическая система его имела глубокие отличия. Имена в нем по-прежнему разделялись на два класса. Особые именные формы множественного числа были только в номинативе и аккузативе; остальные падежные значения выражались во множественном числе либо теми же окончаниями, что в единственном, либо за счет сохранения генитивом во множественном числе своих прежних более широких значений (откуда в хеттском функционирование формы генитива во множественном числе в значениях датива и локатива). В системе глагола отсутствовал перфект, исчезал аорист, из наклонений существовал только императив. Это была уже иная грамматическая система, и малоазийский был уже отдельным языком.

В эпоху существования таких более поздних диалектных группировок, как славяно-балто-германская, индо-иранско-греческо-армянская, различия между индоевропейскими диалектными зонами углубились. Можно полагать, что эти группировки уже выходят за пределы индоевропейского единства, которое должно быть объектом реконструкции индоевропейской сравнительной грамматики.

В качестве итога характеризуем вкратце индоевропейскую языковую систему, получаемую в результате ближайшей реконструкции.

Самой трудной частью этой задачи является характеристика фонетической системы, потому что неизвестно время исчезновения «ларингальной», а от этого зависит и многое другое. Если падение «ларингальной» еще не происходило, то в системе согласных было две щелевые фонемы — переднеязычная *z* и заднеязычная *h*, в области гласных не было еще противопоставления по долготе, отсутствовала *a*. Если же «ларингальная» уже исчезла, то фонетическая система была уже такой, какой она представлена в существующих курсах сравнительной грамматики.

Как выше уже сказано, я придерживаюсь точки зрения, выдвинутой раньше Н. Д. Андреевым, что падение «ларингальной» происходило длительное время, по этапам. Вероятным представляется, что древнейшим этапом этого процесса было исчезновение «ларингальной» после слоговых фонем (гласных и сонорных согласных) и удлинение этих слоговых. Одно обстоятельство указывает на то, что после того заднеязычная щелевая существовала еще в положении после согласных. Если глухие придыхательные образовались из сочетаний глухих смычных с заднеязычной щелевой, а это произошло в четко очерченной диалектной группе — индо-иранские, греческий, армянский, — то этот процесс относится к эпохе, когда уже сложилась эта группа. Следовательно, можно думать, что в предшествующую эпоху, т.е. в эпоху разделения индоевропейских диалектов на восточную и западную группы, заднеязычная щелевая еще существовала, по крайней мере — в восточном ареале, после глухих согласных. Исходя из этого, принимаем в качестве рабочей гипотезы следующее положение.

Система согласных праиндоевропейского языка характеризуется преобладанием смычных. Последовательной корреляции между смычными и щелевыми не было, поскольку при значительном количестве смычных щелевых было только две, и оппозиции между ними были иные, чем между смычными. В области смычных противопоставлялись по месту артикуляции губные, переднеязычные и заднеязычные. В каждой из этих групп придыхательные противопоставля-

лись непридыхательным. Оппозиция по глухости-звонкости была только в области непридыхательных. Заднеязычные, кроме того, характеризуются оппозицией по лабиализованности.

Щелевые противопоставлялись только по месту артикуляции. Это были переднеязычная *z* и заднеязычная *h*. Оппозиции по глухости-звонкости у них не было. Звук *z*, который с полным основанием предполагается некоторыми индоевропейцами, был позиционным вариантом *s*. Если заднеязычных («ларингальных») было несколько, то вряд ли они различались по глухости-звонкости. Более правдоподобно мнение Н. Д. Андреева, что они различались по лабиализованности-нелабиализованности. Заднеязычная бывала только после согласных.

Смычные и щелевые противопоставлялись сонорным. Последние составляли особую группу. Они противопоставлялись между собой по способу артикуляции (дрожащая, латеральная, носовые), только носовые — также по месту (язычная и губная). По роли в слогеобразовании они были сонантами.

В системе гласных главную роль играла гласная переднего ряда *e*. Она противопоставлялась прежде всего гласной заднего ряда *o*, поскольку оппозиция эта играла важную роль в грамматике. До возникновения апофонии *e||o* оппозиция *e—o* была столь же мало существенной, как и *e—a*, но когда возникло из *e* новое, апофоническое *o*, эта оппозиция стала основной. *e* и *o*, как гласные широкие, противопоставлялись узким *i*, *u*. Последние отличались от *e*, *o* своей слоговой функцией, поскольку они были сонантами, но это не мешало им в слоговом положении соотноситься с *e*, *o* как обычным гласным. *o*, *e* противостояли также фонеме *a* как гласной среднего ряда; *i*, *u* противостояли ей, кроме того, как широкой гласной. Но эти оппозиции не играли существенной роли ввиду малой употребительности фонемы *a*. Все эти гласные противопоставлялись также соответствующим долгим. Всем этим гласным противостояла редуцированная *a*, которая была строго ограничена по употреблению: она бывала только между согласными, без ударения.

Более надежно реконструируется грамматическая система индоевропейского языка этой эпохи. Она характеризуется разделением имен на три рода, склонением имен по восьми падежам и трем числам, хотя формы множественного числа у имен среднего рода имели еще явные признаки прежнего собирательного значения. Дифференциация датива-аблатива и инструментalia во множественном числе была неполной. У личных местоимений склонение было еще двухпадежным, но у неличных развивалась, вероятно, уже система косвенных падежей. В глаголе существовали уже все девять личных форм. Презент противостоял аористу своими основами, выражавшими длительность действия, и «первичными» окончаниями. Презент и аорист вместе противопоставлялись перфекту. Противопоставление презента и аориста существовало также в меди, который в западном ареале имел один ряд окончаний, в восточном — два, но перфекта в меди не было. Были наклонения: императив, оптатив, конъюнктив.

Существенные отклонения хеттского и других малоазийских языков от этой системы полностью объясняются только в дальней реконструкции. Это означает, что на современном этапе дальняя реконструкция является неотъемлемой составной частью индоевропейской сравнительной грамматики.

стр. 13

1. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 73—74. 2-е изд. М.: УРСС, 2002.

стр. 18

1. А. Мейе. Там же, стр. 81.

стр. 21

1. И. М. Тронский. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967, стр. 22.

стр. 24

1. W. Merlingen. Zum Ausgangsgebiet der indogermanischen Sprachen. «Archaeologia Austriaca», Heft 18, 1955.
2. Б. В. Горнунг. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (доклад на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964, стр. 20—21.
3. O. Paret. Das neue Bild der Vorgeschichte. Stuttgart, 1948.
4. T. Burrow. The Sanskrit language. London, 1955, p. 11 ff.
5. В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 276.
6. N. Anderson. Studien zur Vergleichung der ugrofinnischen und indogermanischen Sprachen. Dorpat, 1879.
7. Ф. Келпс. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. Пет., 1886.
8. Wiklund. Finnisch-ugrisch und Indogermanisch. «Le monde oriental», 1906.
9. B. Collinder. Indo-uralisches Sprachgut. Uppsala, 1934.
10. H. Möller. Semitisch und Indogermanisch. Kopenhagen, 1907; Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911.
11. A. Cuny. Études prégrammaticales sur le domaine des langues indoeuropéennes et chamito-sémitiques. Paris, 1924; Recherches sur le vocalisme, le consonantisme et la formation des racines en «nostratique». Paris, 1943; Invitation à l'étude comparative des langues indoeuropéennes et des langues chamito-sémitiques. Bordeaux, 1946.

стр. 25

1. H. Pedersen. Türkische Lautgesetze. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», LXXV, 1903, S. 560—561; «Atti del III Congresso internazionale dei linguisti». Firenze, 1935, p. 328—333.

в германском — 113; в славянском — 119, 120; в балтийском — 126.	Указательные местоимения — 247—251; история склонения — 255, 256.
Сonorные согласные — 76; сло-гообразующие — 77; долгие сло-гообразующие — 78, 79; в хеттском — 93.	Умбрский язык — 43.
Способы установления относи-тельной хронологии — 16, 17.	Управление — 335—337.
Сравнительно-исторический ме-тод — 5—8.	Фалискский язык — 42.
Средний род — 169; склонение имен среднего рода — 198, 199, 205, 206, 209; происхож-дение — 228.	Фонетические соответствия — 9.
Старославянский язык — 52.	Фракийский язык — 55.
Степень редукции — 146, 148, 150.	Фригийский язык — 55.
Степень удлинения — 146, 151.	Футур — 285—288.
Супплетивность — 240, 253, 255.	Хаттский язык — 30.
Суффиксы — 138; структура — 142, 143; именные — 178—185; глагольные — 266—269.	Хеттская клинопись — 29.
Существительное — 169.	Хеттский язык — 29—31; осо-бенности фонетики — 91—93; особенности именного скло-нения — 226, 227; особенно-сти местоименного скло-нения — 250; особенности гла-гола — 320—322; место сре-ди индоевропейских язы-ков — 357, 358.
Тематические глаголы — 271—273.	Хеттский иероглифический язык — 31.
Тематические именные основы — 174, 175.	Церебральные согласные — 95.
Теория индоевропейского корня Бенвениста — 163—166.	Частицы — 169, 338.
Теория индоевропейского корня Куриловича — 166, 167.	Чередование гласных — 144, 145, 149; в хеттском — 93; в санскрите — 94.
Теория ларингальных согласных — 129—137.	Шва секундум — 147.
Территория праиндоевропейско-го языка — 23, 24.	Щелевая согласная <i>s</i> — 71; в санскрите — 95; в греческом — 101, 102; в латинском — 105; в славянском — 116; в балтийском — 126; <i>s mobile</i> — 72.
Типологические сравнения — 7, 8, 20.	Эргативная конструкция пред-ложения — 363—368.
Тохарские языки — 48, 49; гла-гольная система — 319.	Этрусский язык — 56, 57.
Тяжелые корни — 167.	Языки кентум и сатем — 61, 64.
Ударение — 153; фонетическая природа — 154, 155; в име-ни — 156—160; в глаголе — 160—162; древнейшее — 360.	
Удвоение — 263.	

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1. Сравнительно-исторический метод	5
2. Некоторые вопросы о праиндоевропейском языке	22
I. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ	
1. Хеттский язык	29
2. Санскрит и другие индийские языки	32
3. Авестийский и другие иранские языки	36
4. Греческий язык	37
5. Латинский и другие итальянские языки	41
6. Кельтские языки	44
7. Германские языки	45
8. Тохарские языки	48
9. Армянский язык	49
10. Славянские языки	50
11. Балтийские языки	53
12. Албанский язык	54
13. Отдельные малозвестные индоевропейские языки	55
II. ФОНЕТИКА	
1. Шумные смычные согласные фонемы	58
2. Шумные щелевые согласные фонемы	71
3. Sonорные согласные	76
4. Состав гласных фонем	81
5. Дифтонги	87
6. Особенности строения слога	89
7. Особенности отражения праиндоевропейских фонем в от-дельных языках	91
8. Теория ларингальных согласных	128
III. МОРФОЛОГИЯ	
1. Фонетическая структура корней	139
2. Структура суффиксов и окончаний	142
3. Чередования гласных	144
4. Ударение	153
5. Проблема развития структуры корня	162

IV. ИМЯ

1. Общие сведения	168
2. Словообразование	173
3. Склонение	190
4. Особенности отражения индоевропейского именного склонения в отдельных языках	214
5. Некоторые наблюдения и выводы	227

V. МЕСТОИМЕНИЕ

1. Личные местоимения	237
2. Неличные местоимения	247
3. Некоторые наблюдения и выводы	252

VI. ГЛАГОЛ

1. Общие сведения	257
2. Презент	262
3. Аорист	273
4. Перфект	280
5. Футур	285
6. Наклонения	288
7. Инъюнктив	293
8. Модий	294
9. Особенности отражения индоевропейской системы глагола в отдельных языках	311
10. Некоторые сопоставления и выводы	318

VII. СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Предикативный центр	330
2. Распространение предложения	334
3. Вопрос о сложном предложении	350

VIII. ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ И ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Гипотезы о древнейших этапах развития праиндоевропейского языка	358
2. Эпоха обособления древнейшего диалекта	371
3. Дальнейшее диалектное расчленение праиндоевропейского языка	373
4. Заключение	384

ПРИМЕЧАНИЯ	391
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	405

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- Кузнецов П. С. О принципах изучения грамматики.
 Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность.
 Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности.
 Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи.
 Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев.
 Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика.
 Потапова Р. К. Тайны современного Кентавра.
 Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика.
 Хомский Н., Мидлер Дж. Введение в формальный анализ естественных языков.
 Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории.
 Серия «Новый лингвистический учебник»
 Кобозева И. М. Лингвистическая семантика.
 Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику.
 Плюгач В. А. Общая морфология: Введение в проблематику.
 Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику.
 Серия «История языков народов Европы»
 Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков.
 Бруннер К. История английского языка. Т. 1, 2.
 Доли А. История французского языка.
 Бах А. История немецкого языка.
 Мейе А. Основные особенности германской группы языков.
 Вальф Е. М. История португальского языка.
 Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии.
 Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка.
 Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей.
 Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландский язык.
 Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка.
 Григорьев В. П. История испанского языка.
 Штаммаре В. Ф. Очерки по истории языков Испании.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (095) 135-44-23, 135-42-46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в Интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Издательство УРСС

Научная и учебная
литература